

ТЫСЯЧА ОГНЕЙ

Фолько Куриличчи

Annotation

Куиличи хорошо известен советскому читателю по книге и фильму «Голубой континент». Уже в первой книге он показал себя тонким наблюдателем природы и талантливым писателем. В течение десяти лет Куиличи побывал во многих африканских странах. При этом он старался избирать пути, по которым до него не проходили европейцы. Результатом этих странствий явилась книга «Тысяча огней».

Книга делится на три части: «Огни пустыни», «Огни саванны», «Огни леса». В каждой автор воспекает африканскую природу, ее своеобразие. С большой симпатией он пишет о местных жителях, с которыми его сводила судьба, насыщает книгу интереснейшими этнографическими сведениями.

-
- ○ [ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА](#)
 -
 -
 - [Между Средиземноморьем и Конго](#)
- [ОГНИ ПУСТЫНИ](#)
 -
 - [Кочевники и нефть](#)
 - [Первая встреча с бедуинами](#)
 - [Суд над козой](#)
 - [Ужасная западня](#)
 - [Колизей из красного камня](#)
 - [Берберская «феерия»](#)
 - [Волшебная земля пятого времени года](#)
 - [Мусульманское золото для синагоги](#)
 - [Мираж](#)
 - [Соляное озеро](#)
 - [Улед с кожей белой, как молоко](#)

- [Хлеб и оливковое масло «троглодитов»](#)
- [Скрипач-романтик](#)
- [Тобол — музыка дюн](#)
- [Семафор Сахары](#)
- [Внутри спрятано сокровище](#)
- [Лагерь «Коронада»,](#)
- [Шотт Мемориал](#)
- [Конец «синих людей»](#)
- [Договор о воде](#)
- [Король, жены, наложницы](#)
- [Ветровая ванна](#)
- [Охота сетями на антилоп](#)
- [Песни любви и рассказы](#)
- [Борьба с духами зла](#)
- [Рабы туарегов](#)
- [Просо под охраной бога](#)
- [ОГНИ САВАННЫ](#)
 -
 -
 - [Пастбище на озере](#)
 - [Персонажи Форт-Лами](#)
 - [Путешествие по озеру](#)
 - [Цвет кожи](#)
 - [Почти секретная миссия](#)
 - [Добровольцы одиночества](#)
 - [Гигантский муфлон](#)
 - [Рабы](#)
 - [Небоскребы и сваи](#)
 - [Рабы и туризм](#)
 - [Король в серебряном наноснике](#)
 - [Самопожертвование сорока](#)
 - [Цена человеческих жертв](#)
 - [Ма-кум-ба](#)
 - [«Голубые христиане»](#)
 - [Рабы из-за голода](#)
 - [Великолепные фульбе](#)
 - [В гареме султана Зиндера](#)

- [Фаворитка](#)
- [Ужин с пятью фаворитками](#)
- [Своеобразное право первой ночи](#)
- [Женщины в обмен на бутылки](#)
- [Мекка в рассрочку](#)
- [«Совершенное» преступление](#)
- [Освободитель колодцев](#)
- [Налоги фифти-фифти](#)
- [Нгаундере — «каменный пуп земли»](#)
- [Рей-Буба до и после](#)
- [Сюрприз на десерт](#)
- [ОГНИ ЛЕСА](#)
 -
 -
 - [Атака буйволов](#)
 - [Лагерь Большого Патрона](#)
 - [Упорная осада](#)
 - [В стране бапуну](#)
 - [Караван «типой»](#)
 - [Через земли, где нет покойников](#)
 - [Охотничьи приключения в саванне](#)
 - [Буйволенок](#)
 - [Охотники за пантерами](#)
 - [Киногород в лесу](#)
 - [Слон поднялся](#)
 - [Лагерь в Ниамбули](#)
 - [Слоны, как бабочки](#)
 - [Поцелуй слонов](#)
 - [Мир речных жителей](#)
 - [Танец посвящения в мужчины](#)
 - [Бог водопада](#)
 - [Бог откладывает яйца](#)
 - [Секта «людей-крокодилов»](#)
 - [Кочевники побережья](#)
 - [Железная дорога Конго — Океан](#)
 - [Больна ли Черная Африка?](#)
 - [Драма в Пото-Пото](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
-

Путешествия. Приключения. Фантастика

Фолько Куиличи

ТЫСЯЧА ОГНЕЙ

*Издательство
«Мысль»
Москва
1969*

*

Главная редакция географической литературы

FOLCO QUILICI
I MILLE FUOCHI
LEONARDO DA VINCI, BARI, 1965

*Перевод с итальянского,
с некоторыми сокращениями, Вершинина Л. А.*

Послесловие и примечания Куббеля Л. Е.

М., «Мысль», 1969.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Ветер гонит тучи красного песка, и они мчатся по морю, где-то под нами. Мы летим на высоте одиннадцати тысяч метров. Берег Африки еще не виден, и эти тучи пыли — ее единственный живой привет. День чудесный, в небе ни облачка. Кажется, будто мы повисли над неподвижным необъятным миром. Хотя с такой высоты это невозможно себе представить, Африка бежит нам навстречу со скоростью почти тысяча километров в час И вот показался берег, зеленая приморская полоса.

А дальше как-то вдруг возникает пустыня — красная, как песок, который неся над Средиземным морем. Сто, двести километров красной песчаной равнины, а затем цвет пустыни меняется. Сначала он становится фиолетовым с черными прожилками скал, без тени и полутонов; но спускается вечер, и постепенно небо над нами и пустыня внизу сливаются в непроницаемую черную тьму.

Время от времени черноту ночи разрывает мерцание звезд или дрожащий зеленый огонек. Что это, огни оазиса или бивака? Позже, когда полет уже подходил к концу, на горизонте показались гигантские огни.

— Это горят газовые факелы, — объяснил пассажирам командир воздушного лайнера. — Они видны издалика.

Пилот слегка накренил самолет, чтобы мы могли лучше разглядеть оранжевые огни, но секунда-другая — и они остаются позади, а лайнер снова плавно скользит вперед.

Прежде, когда в Сахаре безраздельно господствовали кочевники, сила каравана измерялась числом горящих в ночи огней: это лагерь в тридцать огней, а это лагерь туарегов в сто огней. Едва эти сведения достигали оазисов, начинались приготовления к приему путешественников из дальних краев; первым делом проверяли, хватит ли воды в колодцах, а любители легкой наживы прикидывали, стоит ли напасть на караван, расположившийся на отдых.

Тридцать огней, шестьдесят, сто. Сила врагов или друзей подсчитывалась легко и безошибочно.

«А теперь, — спрашиваю я себя, — какое значение придают кочевники огням нефтяных скважин? Впрочем, сохранились ли вообще кочевники, еще ведущие подобный подсчет?»

Но наш полет подходит к концу. Самолет снижается и идет на посадку.

Между Средиземноморьем и Конго

Эта книга — подробный рассказ о моих путешествиях по тропическому лесу, пустыне, саванне, рассказ о тысячах и тысячах километров, которые я одолел пешком, на самолете, джипе, в пироге и типое. Но ведь в Африке важны не столько километры, сколько время. Я путешествовал меж Средиземноморьем и Конго с 1952 по 1964 год, а двенадцать лет — это очень много для сегодняшней Африки.

В 1963 году перелет через Сахару на реактивном лайнере занял всего несколько часов, а в 1959 и 1960 годах мы одолели это же расстояние на автомобиле лишь за две зимы. Это было трудное путешествие, но я хотел бы сразу предупредить, что мне ни разу не пришло в голову считать себя первооткрывателем. Путешествие вокруг света превратилось в довольно легкую прогулку, и отныне только космонавты могут по праву называть себя разведчиками неведомого.

Поэтому мой рассказ не претендует на сенсационность и таинственность. Я хотел лишь запечатлеть живописный мир, навсегда расставшийся с первобытной жизнью.

Все, о чем рассказано в этой книге, я видел и наблюдал своими глазами, и думаю, в последний раз.

* * *

В течение этих двенадцати лет не раз случалось, что, вернувшись на старое место, я не мог сразу его узнать.

Племена бывшего Среднего Конго прежде имели удивительные тамтамы, и нередко самые важные известия за несколько часов передавались за сотни километров.

В 1954 году я участвовал в охоте на буйволов. Однажды утром в пяти днях ходьбы от нашей базы я почувствовал себя очень скверно. К одиннадцати утра температура подскочила до тридцати девяти градусов. Очевидно, я чем-то отравился. Вскоре я потерял сознание, и двое моих друзей-охотников поняли, что мне угрожает смерть. Они обратились за помощью к старосте ближайшего селения; еще до наступления вечера известие о моей болезни достигло базы, и ко мне

немедля выехал врач. Телефона и телеграфа здесь, конечно, не было, и спасли меня понятные всем тревожные звуки тамтама. А сейчас никто не хочет, да и не умеет передавать сообщения с помощью тамтама.

— Как же так? — спросил я у некоего Броха, местного торговца, армянина по национальности.

— А ты знаешь, сколько я продаю за день транзисторов? Теперь в лесу даже самые бедные африканцы узнают о всех новостях по радио, да и музыку им радио прямо в дом приносит. Зачем же им тратить зря силы и бить в тяжелые тамтамы?!

В Африке я впервые убедился, с какой быстротой распространяется в этих недавно диких местах нивелирующая все и вся современная цивилизация. И я понял, что мы — последнее поколение людей, которым дано своими глазами увидеть племена, еще живущие как паши далекие предки.

Расстояние и климат не являются больше непреодолимым препятствием, и стена между миром «цивилизованным» и «примитивным» рушится с головокружительной быстротой.

Благодаря совершенной технике разведчики нефти проникают в самые недоступные места. Новые дороги и плантации постепенно приводят к уничтожению тропических лесов. Главное оружие этой цивилизации — радио, питьевая вода, мясные консервы и стандартные разборные дома. Современный человек повсюду разрушает и созидает, изменяя буквально все подчас в лучшую, а подчас и в худшую сторону.

Кока-кола приходит на смену фруктовому соку, пластинки и радио — главная причина упадка традиционной музыки и танцев. Пенициллин одолевает колдунов, а знания, полученные в начальных школах, вступают в противоречие с уроками старейшин общины.

Подобное явление со всеми его положительными и отрицательными сторонами характерно почти для всего нашего мира. Но только здесь, в Африке, с ее тремястами миллионами жителей, ясно представляешь себе, какой гигантский размах приобрели эти перемены и сколь сильно они повлияют на судьбы человечества, хотя пока далеко не все, притом не только африканцы, но и белые, это понимают.

Гигантское значение этих перемен почувствует лишь следующее поколение. Наша же задача — как можно больше наблюдать и неустанно запечатлевать все увиденное. Выводы будут сделаны позже.

Обычно я отправляюсь в Африку, чтобы снять документальный фильм. Но такого рода «кинематографическое» путешествие представляет определенные трудности, да к тому же ограничивает наше видение, что вообще присуще кинематографу. Однако верно и обратное утверждение: нередко особые требования работы позволяют лучше увидеть и узнать места, по которым путешествуешь с кинокамерой.

К примеру, предварительная разведка заключается обычно в поисках мест, наиболее удобных и интересных для съемок. Поэтому вы садитесь в свой джип и стараетесь отыскать такие уголки, где еще не побывали торговцы и туристы. Порой вас поджидают горькие разочарования. Однажды я искал эффектное место для съемок и вместе с двумя проводниками поднялся на гору, которая господствует над заливом Губбет Мус Нефит. Отсюда открывался чудесный вид, но я никогда не полез бы на эту отвесную скалу, если бы мне не надо было снять весь залив.

— Здесь до меня никто не был, — с гордостью говорю я, чуть отдышавшись после труднейшего восхождения.

Проводники, старый шкипер и его юный сын, хохочут.

— Ты угадал. Из европейцев сюда никто не взбирался даже во время войны. Вот, только, — шепчет мне на ухо старик, — еще один человек-кино залез.

— И он тоже снимал отсюда?

— Да, поставил свою машину на камни и крутил ручку.

Кто был мой предшественник, я так и не узнал, да меня это и не особенно интересовало. Но этот случай лишь подтвердил мою мысль о том, что киносъемки и путешествия подчас взаимно дополняют друг друга. Нередко, чтобы снять определенную сцену, вам приходится искать самые недоступные и неисследованные места, а кинокамера дает возможность придать вашему путешествию полноту и заманчивость. В другой раз, чтобы интересно «подать» какое-то селение или местных жителей, нужно искать какие-то новые приемы и сценические решения, и тогда уже само путешествие помогает вам найти иной, необычный кинематографический язык.

В город Бонгор меня привело желание заснять женщин племени сара с большущими, плоскими, как деревянное блюдо, губами. Но женщин в селении не оказалось: они работали в ста километрах отсюда — собирали плоды маниоки. Уже начался период дождей и проехать

туда на джипе было невозможно; нам не оставалось другого выбора, кроме как одолеть эти сто километров пешком, на что потребовалось бы не менее недели.

Ни любопытство туриста, ни дела, ни даже заманчивая охота не заставили бы меня и моих помощников отправиться в путь. Но я дал слово снять для документального фильма женщин племени сара и не мог не сдержать свое обещание.

Целую неделю, утопая в песках, мы шли по предательской саванне, громко разговаривали сами с собой, мысленно проклиная себя за глупость. Угораздило же нас добровольно пуститься в столь авантюрное и мучительное путешествие.

Но в конце концов мы добрались до полей маниоки и сняли нужные нам кадры.

Когда вы ищете «актеров из народа», это позволяет вам в каждом селении или кочевье познакомиться с тысячами самых различных людей. Прежде чем поставить фильм о кочевниках пустыни, я три года ездил и бродил по Сахаре в поисках интересных типажей. Передо мной прошла целая галерея лиц и характеров, и никакое другое путешествие не принесло мне столько запоминающихся встреч.

Двенадцать лет путешествий. В 1952–1953 годах я впервые побывал в Африке на арабском побережье Красного моря, снимая фильм «Шестой континент». С тех пор мне не раз доводилось встречаться с арабами, когда я собирался сделать фильм о жизни, легендах и борьбе кочевников Сахары. В 1961 году я путешествовал по Тунису и в 1964 году — по Ливии, твердо решив снять фильм о новых кочевниках Сахары — искателях нефти. Мне довелось прошагать тысячи километров, увидеть и даже пожить некоторое время в нелепых алюминиевых селениях этих разведчиков пустыни.

В 1963 году я объездил девять стран Экваториальной Африки и открыл в глубине этих стран, совсем недавно добившихся независимости, мир примитивных социальных и политических связей. Со своей кинокамерой я проник в те районы, где все еще властвуют султаны, ламидо и бесконечное множество других «начальников» рангом пониже. В поисках мест, где еще сохранилось рабство, я забирался в самые недоступные области Черной Африки.

За эти двенадцать лет я совершил не одно путешествие по Экваториальной Африке, снимал в Среднем Конго и в Габоне

приключенческий фильм. В тропическом лесу Дивиние был сооружен гигантский лагерь-база, оборудованный по последнему слову техники, с электрическим освещением, душами и походной кухней. Он весьма напоминал киногород в Риме, и, хотя мы находились в двухстах километрах от ближайшего населенного пункта, подлинной Африкой здесь и не пахло.

К счастью, мне поручили снять видовые сцены и охоту, а это означало длиннейшие пешие переходы. Вместе с двумя местными охотниками и моим помощником-оператором мы одолевали по тридцать километров в сутки. Это были трудные и опасные дни, но одновременно совершенно неповторимые.

Мы встретились с неподдельной Черной Африкой в ее первозданной красоте, а такое можно увидеть лишь вдали от дорог и селений.

Прошло каких-нибудь три-четыре года, но и за столь короткий отрезок времени там многое изменилось. В безлюдной долине Ниари, по которой мы с великим трудом проходили в день с десятков километров, сейчас собираются построить самую крупную в Экваториальной Африке плотину, ищут нефть и уран.

Взлетные дорожки, краны, экскаваторы, многочисленные палаточные лагеря — таков теперь пейзаж этих мест.

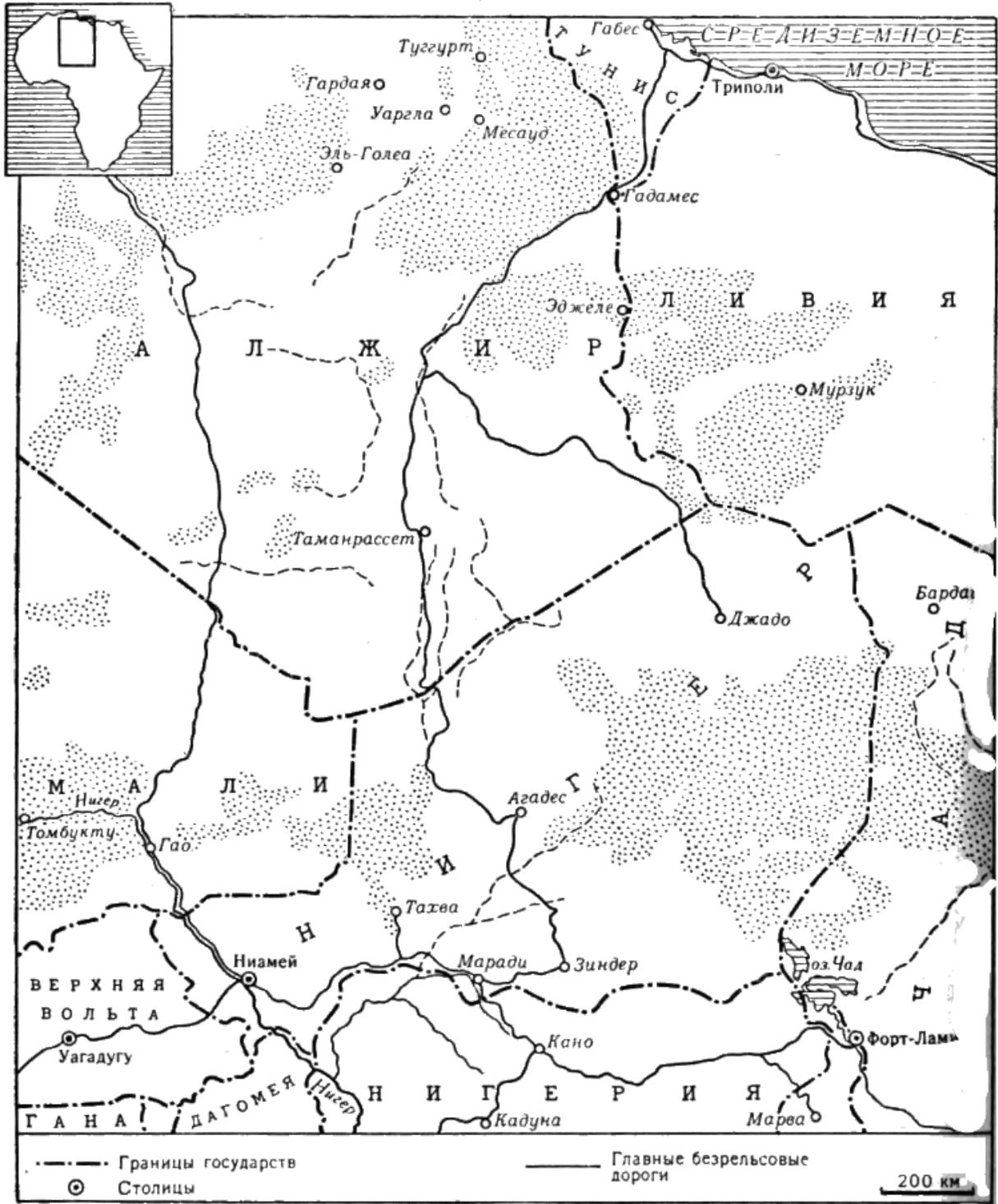
Совсем недавно топографический атлас предупреждал: «Местность не разведана из-за ос». И верно, мы шли вперед, гордясь тем, что ступаем по земле, которая до нас не была нанесена ни на одну географическую карту. Эта земля принадлежала нам, мы были ее первооткрывателями. Тысячи людей в разных странах впервые увидят ее на заснятых нами кинокадрах. Где-то вдали виднелся холм, и проводники говорили: «Туда целых три дня пути»; на горизонте возникало голубое пятно — верный признак, что поблизости лес, и охотник объяснял: «До него всего сорок — пятьдесят километров. Завтра вечером будем там».

Сегодня же до этого леса можно добраться на джипе за два-три часа, а патентованные средства от насекомых, наверно, позволили уничтожить ос. А тогда мы с величайшей осторожностью шли по траве, боясь наступить на осиное гнездо, что означало бы для нас верную гибель. Ведь укусы всего десяти этих весьма ядовитых ос смертельны.

В моих странствиях по Сахаре и Экваториальной Африке фотокамера была для меня тем же, чем для журналиста самопишущая ручка. Путешествуя, мы снимали совершенно особый фильм с натуры, и каждый кадр был словно страница, написанная тут же, по горячим следам событий. И теперь о всех этих месяцах трудной работы у меня остались воспоминания, в которых радость и удовлетворение безраздельно слиты с грустью расставания.

ОГНИ ПУСТЫНИ

Кочевники и нефть

Отчетливо помню огни большого лагеря кочевников, который я увидел однажды ночью. Освещенные языками пламени огромные металлические конструкции до сих пор стоят у меня перед глазами.

Лагерь кочевников находился в Сехире, одном из многочисленных уголков пустыни, где Сахара встречается со Средиземным морем, и это натолкнуло меня на мысль начать именно отсюда рассказ о моих первых африканских путешествиях. Впрочем, как вы сами впоследствии убедитесь, в моем решении была своя логика.

Маршрут с юга на север считался в те времена классическим для путешествия из Центральной Африки через Сахару до Средиземного моря. Еще сто лет назад по этому фактически неведомому для белых пути переправляли к Средиземному морю рабов, специи и драгоценности, а отсюда в Африку шли соль, оливковое масло, ткани и оружие.

Когда уже в наше время характер товаров изменился и предпочтение стали отдавать пароходу и самолету, Сахара оказалась в стороне от великой дороги, связывающей Черную Африку с Европой. Старинные караванные пути были забыты, пришли в полный упадок. Но в самые последние годы открытие нефти заставило снова вспомнить о прежних караванных тропах. Чтобы пере-гонять нефть к морю, в песках пустыни строго по вертикали север — юг проложен длинейший нефтепровод, и теперь здесь вновь оживленно и людно.

По этим же местам пролегал и наш путь в 1961 году.

В прибрежный городок Сехиру, где нефтепровод, на сотни километров протянувшийся вдоль пустыни, наконец доползает до моря, мы приехали из Туниса, миновав Хаммамет и Кайруан. К вечеру мы свернули с прибрежной дороги, идущей к Габесу, и после многих проверок добрались до последнего контрольного поста в этом «оазисе» нефти.

Шел 1961 год, и война алжирцев за свою независимость была в самом разгаре. Вполне понятно, что местные власти отнюдь не были склонны принимать гостей. К счастью, из столицы позвонили в Сехиру, и нас уже ждали.

Спустилась ночь, но мы все еще прогуливались возле строящегося нефтеперегонного завода. Сюда уже доносится с моря запах свежести. Казалось, не убаюкай сонное и ленивое Средиземное море разлитую вокруг тишину, и мы бы услышали шум прибоя. Нефтепровод начинается в Эдийе, в алжирской Сахаре, и кончается на побережье, где строится порт для перевозки морем тридцати миллионов тонн нефти, найденных до сих пор в песках этой пустыни.

Я подумал о том, что между французами и алжирцами идет ожесточенная война, а нефть все же почти бесперебойно поступает по нефтепроводу из Алжира. Мне это показалось весьма странным. Ведь атаковать нефтепровод в пустыне не так уж трудно. Отряд партизан мог без труда взорвать динамитом или тротилом какой-то участок нефтепровода, и поток нефти сразу бы иссяк. Но этого не произошло. Почему?

Ответ на этот вопрос дал мне лагерь кочевников, разбивших свои палатки в каких-нибудь трехстах метрах от строящегося нефтепровода.

Силуэты кочевников, сидящих на земле, сливаются с развороченными каменными глыбами — следами работы бульдозеров.

Прежде чем открыть нам свои врата, пустыня как бы задумала предупредить нас, что отныне у нее будет два облика: традиционный, освещенный древними огнями кочевий и новый, озаренный вспышками пламени. И, только поняв это, мы смогли найти ответ на многие наши недоуменные вопросы.

Кочевники, встреченные нами в Сехире, долгими неделями добирались туда из внутренних районов Сахары, чтобы получить работу. Это трудное путешествие до самого побережья они проделали в надежде, что здесь их бедная, убогая жизнь изменится к лучшему.

Совсем иначе реагировал на все изменения и новшества араб-горожанин. Те, кто до сих пор свято чтит традиционные обычаи таклида, отчаянно противятся нововведениям. Я был в Тунисе, когда президент Бургиба сухим, лаконичным указом объявил об отмене поста в дни религиозного праздника рамадан. Реакция на этот указ была поистине яростной. В «святом городе» Кайруане один из преподавателей университета, публично выступивший против распоряжения Бургибы, был лишен должности. В городе немедленно вспыхнули кровавые схватки между полицией и религиозными фанатиками. Совсем по-иному встретили этот же указ кочевники

пустыни. Они приехали на побережье, чтобы получить постоянную работу, выбраться из нищеты. А так как отмена сорокадневного поста позволяла им заработать побольше, они легко приспособились к новым условиям. Впрочем, столь же охотно они подчинились и новым, не менее революционным законам, по которым было запрещено многоженство, а женщинам разрешалось снять чадру.

Кочевники пустыни искренне радуются волне новшеств, призванных изменить традиционный облик страны. Они заинтересованы в том, чтобы по нефтепроводу бесперебойно текла нефть, дающая им работу. Может, поэтому трубы нефтепровода так ни разу и не взлетели в воздух от партизанских взрывов. Алжир и Тунис, эти две бурно развивающиеся страны, поняли, что нефть Сахары позволит им изменить социальный облик своих стран, поднять уровень жизни народа. А что рано или поздно эта нефть и этот нефтепровод в пустыне будут принадлежать им одним, они знают точно и непреложно.

Таков был ответ, который дал нам лагерь бедуинов в Сехире.

Первая встреча с бедуинами

В том далеком 1961 году наша съемочная группа из десяти человек искала «подлинных актеров» для фильма о кочевниках Сахары. Нам предстояло заснять целый ряд наиболее интересных и живописных районов пустыни и их обитателей. Кроме операторов и технического администратора Элио Скардамальи в группу входили моя жена Лаура, получившая ответственную должность» фотографа, и двое тунисских арабов, проводников и одновременно переводчиков. Об этом нашем путешествии по Тунису, пожалуй, лучше всего расскажут мои дневниковые записи.

Первые страницы дневника ясно говорят, что вначале пас занимала одна-единственная проблема — проблема транспорта.

Чтобы проникнуть в глубь пустыни, нужно иметь мощные, надежные машины, способные одолеть песчаные дюны и гористую местность. Лучше всего для этого приспособлены джипы. Но достать их не удалось, и теперь мы направлялись к югу на трех роскошных лимузинах. Пассажиров этих сверкающих черных мастодонтов скорее можно было бы себе представить в элегантных костюмах или смокингах, а не в грубых башмаках и рабочих комбинезонах.

Неплохо было бы заснять пас в тот момент. Больше всего это напоминало, пожалуй, брачный кортеж.

На второй день путешествия, когда мы еще ехали по прибрежной дороге, произошла наша первая встреча с бедуинами. Это был небольшой караван: человек тридцать женщин и мужчин ехали на верблюдах у самой обочины дороги. Мы на высокой скорости промчались мимо, и шум наших моторов заставил бедуинов обернуться. Бросив на нас беглый взгляд, бедуины продолжали свой путь.

Из моих спутников многие видели бедуинов впервые. Я подумал, что не мешает остановить караван и поговорить с кочевниками. Мы повернули назад и помчались им навстречу. Вначале бедуины удивились и даже испугались. Но затем, поняв по нашим фотокамерам, каковы наши намерения, они широко заулыбались и охотно позволили себя заснять, не забыв, конечно, попросить бакшиш.

Полуденное солнце расцветивало сотнями ярких тонов платья женщин, шерстяные мешки, фуते детей, которые с криками носились за нами. Ярко сверкали и переливались десятки металлических кухонных принадлежностей, подвешенных к бокам «транспортных» верблюдов. Кастрюли, керосиновые лампы, ножи были выставлены на всеобщее обозрение в этом своеобразном буфете без дверец.

Хозяйки купили всю эту кухонную утварь несколько дней назад на базаре, и она была их главной гордостью. Поэтому каждая хозяйка просила сиять ее рядом со своим новым богатством, ослепительно блестящим в лучах солнца.

Удовлетворив их просьбу, мы начали снимать лица кочевников, решив отобрать затем наиболее любопытные типажи.

Жена «взяла на мушку» женщин, все еще гордо восседавших на верблюдах, а я занялся мужчинами, которые слезли со своих «кораблей пустыни» и окружили пас, радуясь неожиданному приключению. Но когда мы начали снимать их группами и поодиночке, коротко бросая по-французски или по-арабски: чуть подвиньтесь вправо, улыбнитесь, примите серьезный вид, сядьте на верблюда, так, хорошо, а теперь слезайте, они решили, что игра затянулась. Глава каравана дал нам ясно понять, что им пора в дорогу.

Особенно не нравилось мужчинам и женщинам, что мы подносили наши фотоаппараты к самому лицу. Это было весьма важным открытием для тех моих спутников, которым прежде не доводилось снимать арабов. Кочевники внутренних областей пустыни лишь недавно освободились от строжайшего для правоверных мусульман запрета воспроизводить облик людей и животных, и они до сих пор не любят и в глубине души боятся фотографироваться.

Едва мы подносили близко киноаппарат, на их лицах появлялось замкнутое, настороженное выражение. В какой-то момент наши новые друзья, как и все бедуины и арабы в глубинных селениях пустыни, стали подозрительными и даже враждебными нам. Но так или иначе, свою задачу мы уже выполнили. Я переглянулся с Лаурой и понял, что и ей удалось сделать множество драгоценных снимков. Тогда я немедленно спрятал свой фотоаппарат в футляр и вынул из кармана горсть мелких монет. Потом стал угощать ребятешек леденцами.

Арабы поняли, что могут продолжать свой путь. До этого мы объяснялись через переводчиков, знавших несколько фраз по-

французски, и с помощью немногих заученных мной арабских слов. В трудных случаях нас выручали весьма красноречивые жесты и мимика. Беллины тоже отвечали нам жестами, каждый раз посоветовавшись о чем-то между собой. Когда настала минута любезного прощания, глава каравана улыбнулся мне и с невыносимым акцентом сказал по-итальянски:

— Спасибо, очень хорошо, что все кончилось. Наши *dames* (дамы) сильно *fatiguees* (устали), а до Триполитании мы еще не скоро доберемся.

Караван шел из Ливии, а самые старые из ливийцев еще помнили кое-что по-итальянски, хотя и перемежали свою речь французскими и арабскими словами.

После стольких усилий мы только теперь поняли, как легко могли бы объясниться. Нам оставалось лишь посмеяться над собственной незадачливостью.

Прежде чем отправиться в глубинные районы пустыни, я решил побывать в тех местах Северной Африки, где сплав различных цивилизаций оставил заметные следы в ее сложнейшей истории.

И вот в четырехстах километрах от Туниса мы свернули с прибрежной дороги и направились к разрушенным городам, построенным много веков назад римлянами. Величественные руины этих городов — красноречивое свидетельство тех времен, когда эта предпустынная область была необозримой зеленой равниной, дававшей богатый урожай зерна и оливок.

Суд над козой

Мы поднялись на высокий каменистый холм, поросший чахлым кустарником. Прямо над нами лежали руины города Сбейтлы, знаменитого своими храмами. Мы бродили под арками и колоннами города, который во времена Римской империи был столицей богатейшей африканской провинции, а теперь превратился в «каменного летописца» смертельного поражения и гибели римлян. Но горделивые победители Римской империи — вандалы не знали, что другой беспощадный враг — пустыня сотрет следы их торжества и военной славы. Знойные ветры, засуха, неумолимые пески Сахары очень скоро одолели и бесстрашных вандалов.

Вандалы разгромили римлян, захватили города и селения, но пустыня победила и их, оставшись безраздельным хозяином этих районов. И вот теперь на всей некогда плодородной равнине за Сбейтлой не найдешь ни единого селения, ни даже одинокого домика. Мертвые пески и камни глушат все живое.

Мы направились к северным отрогам гор в ста километрах от Сбейтлы, где некогда были богатейшие источники воды.

Насколько хватал глаз, всюду был песок, розоватый песок, и я вспомнил прочитанную в одном журнале статью. В Северной Африке пески Сахары за день отвоевывают гектар плодородной земли. Неумолимый ветер разносит все дальше и дальше желтую песчаную чуму. Наконец мы добрались до источников, вернее, тех мест, где прежде были источники. И сразу же увидели полуразрушенный римский акведук. А немым доказательством того, что тут была вода, остались падако отполированные скалы.

Здесь жаркое сухое лето длится уже целых восемнадцать веков. Высокие аркады акведука теперь, увы, имеют такую же ценность, как белые верблюжьи кости на желтом песке.

Пьеро Ладзари, один из техников нашей группы, — исконный римлянин. Он хороший товарищ, жизнерадостный, никогда не унывающий человек.

— Какая еще Африка! Это же наша Аппиа Романа!^[1] — воскликнул он, показав на остатки могучих арок акведука. Но потом глянул на обступившую нас пустыню и умолк.

Мы сами перестали шутить и улыбаться, едва наш автокараван углубился в Сахару. Вначале нашим взорам предстал мир полнейшего безлюдья и тишины. Он покори́л и порази́л нас своей молчаливой красотой. Но теперь мы увидели, как пустыня, словно злобное чудовище, молча и неотвратимо наступает на острова зелени, убивая все живое.

С самого начала нашего путешествия по Африке Пьеро неустанно повторял:

— Ну когда же начнется эта самая пустыня?

Мы ехали все дальше и дальше, но и первые песчаные дюны не произвели на Пьеро никакого впечатления.

— Э, Фолько, да вы просто обманщик. Это же не Африка, а дюны нашей Остии.

Мы проезжали через арабские селения, но они напоминали Пьеро селения Романьи, встречали бедуинов, но, по мнению нашего оператора, они ничем не отличались от сицилийцев.

Он беспрестанно повторял:

— Когда начнется эта самая пустыня?

Он то шептал, то напевал вполголоса, а подчас и выкрикивал во всю глотку свою неизменную присказку.

Останавливались ли мы сменить камеру на нашем «Пежо», попить воды из термоса, Пьеро тут как тут со своим ехидным вопросом.

— Э, когда же начнется обещанная пустыня?

Пьеро очень веселила эта игра, и он, верно, продолжал бы ее и при виде высоких, как горы, песчаных эргов.

Но здесь, в долине к северу от Сбейтлы, перед развалинами древнего римского города, а затем акведука — немых свидетелей полного поражения человека и свирепого драматического торжества природы — у моего друга пропала всякая охота шутить над пустыней.

В тот же день после долгого путешествия по молчаливым пескам мы прибыли в Мидун, первый населенный пункт, и увидели у дороги шумную толпу людей.

Мы остановили машины, вышли, захватив фотоаппараты, и протиснулись вперед. В центре стояла коза, и низенький человечек держал горячую, гневную речь. На шее у козы висела табличка с арабской надписью.

Послушав, что же кричит «оратор», один из наших проводников сказал:

— Это суд над козой. На табличке написано: «Вот ваш злейший враг». А этот человек объясняет, почему ее нужно убить.

Закончив свою обвинительную речь, человек привязал козу за ноги к шесту и убил ее ударом ножа под аккомпанемент громких криков толпы.

Козы здесь единственное богатство крестьян, и я никак не мог понять, за какие провинности их убивают. Во время нашего путешествия по Тунису мы сами видели, что у каждого крестьянина и кочевника есть козы, правда очень худые, даже тощие. Когда они уже не могут давать молока, им уготована судьба украсить обеденный стол хозяев. Ведь знаменитый кус-кус готовят обычно из козьего мяса и отрубей. Еду козы добывают себе сами, и практически их содержание не стоит крестьянину ни единого гроша. Козы пасутся вблизи селения в поисках какой-нибудь травинки или кустика растущего под защитой камня. Ловкие животные взбираются даже на ветки низеньких колючих акаций и грызут кору.

Вот поэтому-то коз и объявили опасным врагом каждого жителя пустыни и правительство призывает их убивать. Пользы от них не так уж много, объясняют власти, а вред они приносят огромный, поедая и без этого чахлые и редкие здесь растения.

Правительство Туниса разработало план озеленения предпустынных земель Сахары, а козы мешают его успешному осуществлению.

Местные власти пригласили нас в небольшое здание муниципального совета и угостили пивом. Оно, правда, оказалось теплым, но при такой жаре и это спасло нас от жажды. Речь, понятно, зашла о борьбе с пустыней. Ее стараются одолеть не только с помощью артезианских колодцев, но и путем широких посадок засухоустойчивых растений. Тунис пытается создать мощнейший фронт зелени, противопоставить огромному ковру розоватого песка гигантский зеленый ковер.

Зелень способствует образованию зон влажности, выпаданию дождей, а значит, и появлению новых зеленых полос — оазисов жизни. Но на пути этого смелого проекта стоит множество препятствий и трудностей. И вот приходится уничтожать даже такое, казалось бы,

безобидное животное, как коза, только за то, что она поедает растения и кору недавно посаженных деревьев.

Наши хозяева приводят в беседе такие цифры: только в южных провинциях, где начинается пустыня, за два года высажено семь миллионов деревьев, в своем большинстве это эвкалипты и оливы. А это лишь первый начальный этап гигантской битвы человека с пустыней за землю.

Тут мне вспомнилось, что, согласно официальной статистике, ветер и песок всего за один день захватывают гектар плодородной земли, безжалостно убивая зелень. До сих пор перевес в жестокой борьбе Сахары с человеком на стороне пустыни. И кто знает, когда человеку удастся остановить желтые пески и застелить их зеленым покрывалом новых растений.

Попрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы снова помчались к югу. Время от времени удручающее однообразие пейзажа нарушают кусты акации или колючего кустарника.

Мы все время говорили о пустыне, а ведь и это еще не пустыня. Пока мы едем по предпустынной зоне, которую еще можно спасти с помощью беспрестанных лесопосадок. Конечно, и обильный дождь тоже не помешал бы.

Нужно насадить миллионы деревьев, только так можно вернуть жизнь задыхающимся от засухи и жары землям, остановить медленное, но неумолимое продвижение пустыни, этого извечного врага зелени.

Наступление пустыни вызывает цепную реакцию. Если долго не идут дожди, зелень постепенно исчезает, а там, где исчезает зелень, дожди прекращаются навсегда, земля высыхает, ветер становится безраздельным властелином. Земля понемногу крошится, превращаясь в песок. Рисунки и наскальная живопись, открытые недавно в самом сердце Сахары, рассказали нам о далеких временах, когда тут был живой мир растений и диких животных.

Но это было восемь-девять тысяч лет назад, а вот у границ Сахары еще совсем недавно, во времена римского владычества, пустынные земли, по которым мы едем, были плодородными, зелеными и в степи еще паслись стада типично африканских животных, которые теперь полностью исчезли. Районы эти были богатейшей житницей, поставщиком зерна и оливок. Здесь всего двадцать веков назад Ганнибал ловил слонов для своей армии. Еще тогда в районах

Средиземноморья была представлена вся африканская фауна, а это неопровержимо доказывает, что тысячи и тысячи лет назад северные районы Сахары сообщались с районами Центральной Африки и животные, растения, люди легко перебирались с севера на юг и наоборот. Лишь позже, когда пустыня перешла в решающее наступление и погребла все живое под бесконечным слоем песка, животные, скажем те же слоны, оказались отрезанными от родных мест, от саванны и уцелели лишь на небольшой прибрежной полосе Северной Африки. Но только до тех пор, пока новая атака песков не обрекла и их на гибель.

Ужасная западня

Наши машины часами несутся по дороге, которую время от времени пересекают вади — высохшие русла древних рек, еще одно свидетельство той эпохи, когда земли пустыни были цветущими и плодородными. Теперь вади лишь мрачное напоминание об исчезнувшем драгоценном сокровище — свежей и чистой воде некогда бурных и неукротимых рек. Ночью в этих вади останавливаются на ночлег кочевники, укрываясь здесь от буйства холодных ветров.

Из Мидуна мы выехали в четыре часа ночи и добрались до вади уже на рассвете, когда лагерь кочевников только что проснулся. Мы увидели, как они свертывают палатки и грузят их на верблюдов, женщины и дети вылезают из своего укрытия и караван трогается в путь на поиски нового пастбища.

«Конечно, — подумалось мне тогда, — вади весьма надежное убежище, но одновременно и коварная западня».

Иной раз над одним из районов пустыни ночью за какие-нибудь несколько часов собираются грозовые облака и обрушиваются на землю ливневым дождем. Такие дожди случаются крайне редко, но все же случаются. Земля за долгие месяцы засухи становится почти водонепроницаемой, и потому вся влага стекает в глубокие вади, которые на короткие часы вновь превращаются в русла бушующих рек.

В такие минуты большая мутная волна несется вниз по глубокому ложу, прорытому когда-то в песках. Остановить ее могут лишь палящие лучи солнца, но прежде, чем оно взойдет, мутный поток успевает пробежать десятки километров от того места, где выпал дождь. Если такой поток внезапно обрушивается на уснувший лагерь кочевников, он сносит палатки и затопляет все вокруг, не оставляя мирно спящим людям ни малейшего шанса на спасение.

Может показаться странным, но в Сахаре и предпустынных районах куда больше людей погибает от таких наводнений, чем от жажды. За период с 1951 по 1961 год только в алжирской и тунисской Сахаре погибло от наводнений три тысячи человек.

Позже французский офицер Милле рассказал мне об одном не очень веселом приключении в сахарском вади. Возвращаясь домой из Конго, он ехал на машине по Сахаре. Добравшись до Эль-Голеа, он

обнаружил, что запас воды иссяк. На беду, в селение, где они ночевали, так и не прибыла рейсовая автоцистерна. На небе ни облачка, полуденное солнце нестерпимо печет, а тут еще и машину не удалось заправить водой. Милле тронулся в дальнейший путь, полный самых мрачных предчувствий. Вскоре дорога стала взбираться на крутой песчаный холмик у самого «берега» высохшего вади. Но вдруг Милле увидел, что этот вади отнюдь нельзя назвать высохшим. Это была бушующая грозная река. Дождь, выпавший где-то в горах, нес теперь по вади грязные потоки воды. А на самой середине вади застряла автоцистерна. Шофер явно пытался одолеть поток вброд и не смог. Каким-то чудом он и механик сумели забраться на верх кабины и теперь ждали, когда вода спадет.

Пришлось и Милле набраться терпения и подождать, пока кончится «наводнение». Желая убить время, он принялся фотографировать полузатопленную автоцистерну, на которой гигантскими буквами было выведено: «Сахарское общество по водоснабжению».

У меня с вади также связано не слишком приятное воспоминание. В 1956 году мы с моим другом Бруно, итальянским консулом в Тунисе, путешествовали по югу Сахары.

Подъезжая к вади, мы увидели, что вдалеке на горизонте разразилась буря и вода с бешеной скоростью несется вниз. Все же я решил, что мы успеем пересечь вади. Но как раз в самый разгар переправы я обнаружил, что вода заливают не только колеса, но и капот. Еще немного — и поток добрался до мотора, тот чихнул раз-другой и заглох. Мой приятель, как и подобает истинному дипломату, сохранял полнейшую невозмутимость.

— Придется нам подождать, пока вода спадет, — буркнул он. — В Сахаре это дело нескольких минут.

С этими словами он вытащил газету и погрузился в чтение. Вода уже начала проникать в кабину.

Пришлось мне потревожить моего друга, углубившегося в чтение.

— Конечно, мы в Сахаре, — сказал я ему, — но этот дождь, похоже, зарядил надолго и пора искать спасения, не то бурный поток опрокинет машину. Счастье еще, что берег был недалеко. Мы открыли дверцу и вылезли. Вода доходила нам до колен. Ценой огромных усилий удалось выкатить машину на сухое место. В этот раз уровень

воды в вади меньше чем за час вырос на метр, и нас вместе с машиной наверняка бы затопило. Наконец натиск воды ослабел, и солнце постепенно осушило вади. А длился этот «всемирный потоп» всего несколько утренних часов.

Товарищи по путешествию, наслушавшись моих рассказов, стали глядеть на вади, по которому мы двигались, как на возможную, весьма опасную западню. Они с тревогой смотрели в небо, ища признаков надвигающейся бури. Лишь когда мы добрались до перекрестка двух дорог и помчались по асфальтовой автостраде, страх перед вади у них мало-помалу прошел.

Каждый думал о своем снова набежала полуденная жара, и мы, чтобы уменьшить нагрузку на мотор и шины, сбавили скорость. В этой тишине наши взоры часами были прикованы к унылому пейзажу. История гибели жизни и рождения пустыни, знакомая прежде лишь по книгам, теперь предстала перед нами во всей своей трагической реальности.

Путешествуя в машине по Сахаре, вы словно несетесь куда-то в пустоте, и вас уже не покидает чувство отчаянного одиночества. Но вот вы останавливаетесь на минуту, видите куст колючего кустарника или розоватый камень и сразу понимаете, что мир вокруг вас живет и, несмотря на кажущуюся неподвижность и мертвенность, борется за то, чтобы не исчезнуть навсегда, уцелеть. Деревья защищаются как только могут, приспособляются к жаркому климату, и природа помогает им в этой неравной схватке.

Листья у них тонкие, маленькие, а тысячи острых колючек отпугивают голодных коз, способных поесть все зеленые побеги. Но не только растения научились бороться с пустыней. В гористых районах Сахары, к примеру в Фаде, я сам видел, как обороняются скалы.

Днем эти скалы беспощадно атакует палящее солнце, а ночью они сжимаются от наступившей прохлады. Скалы трескаются и постепенно разрушаются. Они давно бы превратились в пыль, если бы тоже не нашли своеобразное оружие защиты: почти все скалы покрылись красноватым налетом. Этот красноватый налет прикрыл скалы крепким жароустойчивым слоем, что позволяет удерживать колебания дневной и ночной температур в переносимых пределах.

Здесь, в пустыне, начинаешь понимать всю ценность стакана воды или крохотной полоски тени. От этих ничтожных, казалось бы, вещей

зависит само ваше существование.

Колизей из красного камня

После долгого путешествия к югу мы на какое-то время свернули на север и сотни две километров мчались по асфальтированной дороге между Сусом и Сфаксом. Мы одолели уже половину пути, когда с вершины невысокого холма увидели на горизонте белые домики арабского селения и прямо в центре поселка небольшую каменную гору. Я сверился с картой. Ага, селение называется Эль-Джем. Еще полчаса пути — и вот уже наши машины подъехали к окраине селения. Тут мы обнаружили, что небольшая гора в центре поселка на самом деле огромный хорошо сохранившийся амфитеатр. Римский амфитеатр, построенный примерно две тысячи лет назад, Колизей в пустыне, весьма похожий на наш римский и на Колизей в Ниме, Вероне и Пуле. Единственная разница — в строительном материале. В Европе римские амфитеатры сооружались из мрамора или из белого камня, а этот построен из красно-бурого камня, добытого в Джебеле.

Мы вылезли из машины, подошли к величественному сооружению и стали искать, нет ли кого-нибудь поблизости.

Но мы приехали в полдень, в арабский полдень, и улицы были совершенно пустынно, если не считать осла, уснувшего прямо под палящим солнцем. Мы побродили вдоль высокой стены амфитеатра, обошли его кругом. Пьеро, шагая за мной следом, громко читал на ходу туристский путеводитель.

— В Эль-Джеме советуем вам осмотреть рынок и музей прикладного искусства, который открыт по понедельникам и пятницам.

— А сегодня четверг, — бормочу я, но Пьеро не сдаётся. Он принимается уже не читать, а торжественно декламировать, словно это хвалебная ода. «Город невелик, в нем пять тысяч жителей. В этих местах разводят виноград и выращивают пшеницу.

Прежде, во времена кайдов,^[2] Эль-Джем был столицей независимого княжества (в абсолютной тишине голос Пьеро врывается в зияющие глазницы полуразрушенного амфитеатра и отдается гулким эхом).

Если ехать с севера, то вначале вы попадаете на железнодорожную станцию. По правую руку находится небольшая площадь и здание пристанционной гостиницы «Отель де ла Гар»».

Нас томят жажда и голод, и последние слова Пьеро заглушают наши проклятия.

Лаура тихо шепчет: «Значит, мы проехали мимо отеля!»

Но даже наши гневные возгласы не в силах остановить Пьеро.

«Эль-Джем, который римляне называли Тисдра, во времена Цезаря был весьма крупным городом. Впоследствии, в годы империи, он разросся до целой колонии. В третьем веке нашей эры это был один из самых богатых городов Северной Африки, и, так же как Сус, он был обязан своим процветанием разведению оливковых деревьев. В 238 году нашей эры императором колонии был провозглашен Гордиан III, который, вероятно, и построил этот амфитеатр». Наконец-то мы узнали, кто автор этого каменного безумия в пустыне: римский император. В этой долине зеленели оливы, да и населена она была весьма плотно. Ведь амфитеатр на семьдесят тысяч мест не пустовал без зрителей: их «поставляли» город, превратившийся теперь в обыкновенное селение, и цветущая долина, ставшая обычной пыльной пустыней с редкими, чахлыми кустиками.

Эль-Джем! Перед нами был не столько еще один грандиозный памятник владычества римлян в Северной Африке, сколько еще одно зримое свидетельство победоносного наступления пустыни. После Сбейтлы нам предстояло прочесть новую страницу в грустной книге истории Сахары.

Мы сели в тени на гладкие камни, валявшиеся вокруг.

Пьеро взобрался на самый высокий камень, своего рода естественную трибуну, и оттуда громовым голосом продолжал чтение путеводителя. По-видимому, его ритмичные завывания и привлекли наконец внимание арабов. Из домов на противоположной стороне площади вышли несколько человек в белых халатах и приблизились к нам.

«По имеющимся сведениям, после гибели Римской империи амфитеатр служил крепостью и в конце VII века в ней укрывалась знаменитая берберская воительница Кахина^[3], которая вела ожесточенную борьбу с арабами».

Не успел он закончить, как три потомка врагов берберской героини, иными словами трое арабов из Эль-Джема, подошли к нам.

— Единственно законные гиды, — представились они.

Пошептавшись о чем-то, они показали нам ключи от массивной двери и сказали, что проведут нас на самый верх. Трое из нас поддались соблазну и двинулись вслед за «полномочными» гидами.

Размахивая голубым путеводителем, Пьеро крикнул:

— Будьте поосторожнее. Тут дальше сказано: «Вход в амфитеатр платный. Рекомендуется заранее договориться с гидами о сумме чаевых». Других благоразумных советов путеводителя мы уже не услышали. В узком длинном коридоре, прорытом под землей, нас со всех сторон обступил запах сырости. Покорно следуя за гидами, мы по каменной лестнице вышли сначала на центральную площадку, а затем по каменным же ступеням поднялись на императорский подиум, откуда был виден весь гигантский амфитеатр, окруженный повсюду, насколько хватал глаз, бесконечной пустыней. Абсолютная тишина позволяла еще полнее ощутить все величие и нелепость этих развалин, словно растворяющихся в желтом мареве.

Трое гидов принялись что-то объяснять нам на прескверном французском языке, но мы их не слушали. Потом мы спустились во внутренний двор, чтобы посмотреть совсем недавно обнаруженные там огромные мозаичные полотна. На них запечатлен животный и растительный мир этих мест таким, каким он был две тысячи лет назад; оливки, виноградные гроздья, зерно и давно исчезнувшие животные — слоны, леопарды, львы.

Лаура, стоя на коленях, снимает прежних обитателей Сахары, стараясь запечатлеть в оскале пасти, злобном сверкании глаз красноречивые свидетельства упрямой и, увы, бессильной ярости.

В этих злобных взглядах и точно разинутых в бешенстве на амфитеатр клыкастых пастьях мне чудится вызов безжалостной природе и готовность до последнего бороться за жизнь.

— Они все ушли в гостиницу на станции! — крикнул нам из-за палисадника мальчишка-араб, прервав плавное течение наших мыслей.

Убедившись, что новость произвела впечатление, он попросил тут же двадцать франков бакшиша за то, чтобы отвести нас в гостиницу.

В пристанционной гостинице (но откуда здесь взялась железная дорога) мы почерпнули целый ряд скорее гастрономических, чем исторических сведений.

— О конечно, сию минуту подадим вам бифштексы! А не желаете ли вы отведать жареного картофеля и замороженную дыню? — мило

улыбаясь, спрашивает официант, он же хозяин гостиницы и ресторана. Шум и гам стоят такие, что я забыл спросить, верно ли, что сюда прибывают поезда, и если это так, то зачем.

Лишь позже, два года спустя, снова побывав в этих местах, я сумел удовлетворить свое любопытство. Да, пристанционной гостиница называется потому, что она находится рядом с железнодорожной станцией. Один раз в неделю сюда, в Эль-Джем, приходит поезд из Туниса и вскоре отправляется назад в столицу. Все это мне рассказал любезный официант — хозяин гостиницы, предлагая моему вниманию неизменные бифштексы, замороженную дыню и жареный картофель.

А тогда полузанесенные песком рельсы и здание станции показались мне в этой пустыне не меньшим абсурдом, чем развалины древнего амфитеатра.

И после Эль-Джема нас ждало немало открытий, но это были уже не старинные руины, следы исчезнувших поселений, а находки весьма примечательные и совершенно особого рода — если так можно выразиться, открытия в области археологии человека. В районе Гафсы нам посчастливилось встретить единственную, наверно, уцелевшую в этом районе этническую группу чистых берберов. А между тем еще сравнительно недавно берберов в Северной Африке было куда больше, чем арабов.

Берберская «феерия» и «Велогонка по Тунису»

В Гафсе мы пробыли два дня, выясняя, какие берберские селения было бы наиболее интересно посетить. Наконец все нужные сведения собраны, и мы отправляемся в горы. Нам предстояло проехать больше пятидесяти километров по очень трудной дороге, тянувшейся по руслу высохшего вади.

После двух часов езды мы увидели вдали на вершине скалы вооруженных всадников, будто вырезанных из белого картона.

Мы поняли, что цель близка.

Из прилепившихся к скалам домиков выходят берберы. Туристы заглядывают сюда крайне редко, и лица обитателей селения полны любопытства. Впрочем, это любопытство носит оттенок сдержанной вежливости и какой-то настороженности.

Как велит старинный обычай пастухов-берберов, все они — на конях, верблюдов используют лишь как перевозчиков всевозможной клади. Конь для берберов — свидетельство силы и богатства. Теперь кое у кого появились и велосипеды, но в глазах берберов их обладатели — люди несерьезные, кривляки. Настоящий мужчина, если он хочет сохранить независимость и уважение соплеменников, должен быть отличным наездником. А главное, он обязан доказать свою храбрость и ловкость в конных состязаниях.

Эти поистине фантастические вооруженные «схватки» своими истоками восходят к временам борьбы за колодцы, когда поединки между самыми сильными воинами от каждого кочевого племени решали, кому пить драгоценную влагу. На одном из таких испытаний мужества и ловкости молодых пастухов-берберов нам удалось побывать через несколько дней после приезда.

В узком вади, зажатом между скалами, воткнуты в песок копыя участников состязания. Чтобы их можно было различить, каждое копые повязано ленточкой другого цвета.

Нам, как почетным гостям, объяснения дает сам мудир— старейшина племени. Он великолепно владеет французским языком, и мы просим его рассказать, как выглядела раньше эта вооруженная

«феерия». Старик обещает ответить на все вопросы, но пока кивком головы приглашает последовать за ним через шумную толпу мужчин и женщин, которые приехали из окрестных горных селений посмотреть на поединок.

Обычно состязания начинаются уже под вечер, когда тень от берега вади начинает скрадывать очертания людей и животных. Это лучшие часы: жара уже спала и нет ни ветра, ни пыли.

Мудир что-то говорит участникам твердым и отчетливым голосом. Мы догадываемся, что он приказывает соперникам соблюдать правила «феерии», и по его тону нетрудно понять, что это обращение само по себе своеобразный ритуал.

Закончив свой «наказ», мудир возвращается к нам.

— Прежде, — говорит он, — каждый всадник и каждый «погребенный» рисковали в этом поединке жизнью.

Мы не поняли, что это за «погребенные», но решили пока его не прерывать.

— Теперь рискуют только всадники, но они умеют избежать опасности.

Мудир на минуту умолкает и повелительным жестом велит зрителям очистить русло вади. На песчаной дорожке остаются только две «команды» вооруженных всадников по десять человек в каждой. Соперники располагаются по обоим краям почти километрового коридора, образованного толпой любопытных. Пока самые предусмотрительные из всадников еще раз проверяют оружие, мудир продолжает свой рассказ.

— Так вот, раньше этот праздник был поединком не на жизнь, а на смерть. Каждый всадник стремительно мчался к цепочке закопанных по горло в земле людей, настоящим живым мишеням.

На всем скаку он подлетал к заживо «погребенным» и метал копьё. Самым ловким считался тот, кому удавалось всадить копьё в песок совсем рядом с «погребенным».

— По-моему, бедняга «погребенный» проявлял куда больше храбрости, чем всадник, — заметил я.

— Это верно, но соревнующиеся тут же менялись ролями — «погребенный» садился на коня, а недавнего всадника по горло зарывали в песок.

У меня возникло много других вопросов, но всадники уже приготовились, каждый пригнулся к гриве коня. Самые опытные и ловкие в правой руке сжимали копьё, а в левой — заряженное ружье; скакали они, вообще не держась за уздечку.

Игра заключается в том, что обе группы всадников галопом мчатся навстречу друг другу, на какой-то миг скрещивают копыта, а затем дружно палят в воздух.

Мудир с холма в последний раз проверяет, соблюдены ли все правила игры. Но вот он взмахивает рукой, и стоящий рядом воин-бербер стреляет вверх. Это сигнал к началу игры-поединка.

Толпа замирает.

Всадники пускают коней в галоп. Облако пыли, поднятое копытами, солнце молниеносно окрашивает в золотистый цвет. Напряжение возрастает с каждой секундой: ведь всадник не только рискует получить увечье сам, но и покалечить своего противника. И все это делается ради игры, чтобы напомнить людям о тех временах, когда каждый настоящий бербер готов был пожертвовать в интересах племени своей жизнью. И хотя сейчас я наблюдаю всего-навсего за игрой, в моем воображении это конное ристалище представляется смертельным поединком всадников и «погребенных». Мне ясно видится, как всадники галопом мчатся к живым мишеням, как вонзаются брошенные меткой рукой копыта у самой головы «погребенных».

Но тут рев толпы заглушает грохот выстрелов — это уже не видение, а реальность. Яростно сверкнули скрещенные копыта, прогремели выстрелы, и вот уже всадники на полном скаку осадили коней. Стоящий возле меня мудир довольно улыбается: праздник удался на славу.

В былые времена старейшина племени бежал к живым мишеням и затем радостно воздевал руку к небу, если никто из них не был убит или ранен. Потом начинался обход «погребенных», а толпа и всадники, затаив дыхание, ждали решения мудира. Наконец он вскидывал одно из копий, вонзившееся ближе всего от головы живой мишени, и все по цвету ленточки сразу узнавали имя победителя. Наградой ему были восторженные крики толпы. «Погребенному» помогали выбраться из песка; он, как и всадник, имел право на дань восхищения. И если все признавали ловкость и меткость всадника, то не меньшее одобрение

вызывало мужество «погребенного», у которого не дрогнул ни единый мускул, когда совсем рядом вонзилось в песок копье.

А теперь? Теперь толпа воздает должное мужеству и ловкости сразу всех всадников. Здесь нет победителей и побежденных, но ловкость всегда возбуждает искреннее восхищение зрителей.

Испуганные грохотом выстрелов, некоторые кони вздымаются на дыбы, а самые бесстрашные из наездников скачут к нам, по-прежнему не держась за уздечку и стоя в седле.

В наши дни поединок стал всеобщим праздником, в нем каждый юноша-бербер может показать свое мужество и высший класс верховой езды.

Мы сидим на деревянной приступке у дверей отведенного нам дома и неторопливо беседуем с мудиром. Гем временем двое наших переводчиков вручают награду (мешочек соли) каждому из участников состязания. Мы специально купили соль в Гафсе: здесь, в глубинных районах Туниса, она считается ценным подарком.

Мудир снова вернулся к рассказу о тех временах, когда состязание велось за право пользования источником или колодцем.

— Каждая пара соперников представляла племя, претендовавшее на владение колодцем. Вы и сами знаете, что такое борьба за воду в пустыне, — это вечный прах мести, глухая вражда, кровавые схватки. И вот, чтобы избежать всего этого, каждое племя отбирало двух храбрецов, готовых в конных состязаниях рисковать жизнью во имя победы. Ведь на карту ставилось благополучие целого племени, а ради такой цели никакая опасность не казалась слишком страшной. Племя, которое представляли двое победителей, немедля получало право самым первым напоить людей и животных у источника. Другими словами, племени не грозила опасность найти источник уже сухим или грязным.

Когда мудир закончил свой рассказ, уже наступила ночь. Гостеприимный хозяин села самолично отвел нас на ночлег в дом, похожий на большой куб, обмазанный белой известью, и сам зажег керосиновую лампу. Внутри, кроме пола, двери, потолка и четырех стен, ровным счетом ничего. Пришлось нам постелить на пол одеяла и, поеживаясь от холода, ждать, пока наступит утро.

На рассвете, когда мы проснулись, снова пришел мудир и угостил нас кофе. Он что-то говорил на берберском диалекте, не сообразив,

видно, спросонок, что мы его не понимаем. А может, эти слова на чужом, непонятном языке звучали как магическая формула, как волшебное заклинание и пожелание счастливого путешествия?

Солнце уже стояло высоко в небе, когда, раздав все подарки и попрощавшись, мы наконец тронулись в путь. В последний раз мы взглянули на вади, где только вчера происходило конное состязание.

В этот момент внезапные гудки клаксонов, громкие звуки песни нарушили заколдованную тишину. Из домов выбежали старики, женщины, дети, пастухи, воины и помчались к скале на краю вади.

У этой скалы пролегает дорога из Сфакса в Гафсу. Сейчас ее вид был совершенно необычен: по ней несся шумный «караван» велосипедистов. Примерно сто велосипедистов, участвовавших в «велогонке по Тунису», неслись что есть сил, не страшась убийственной жары. Впереди и сзади каравана катили автомобили и мотоциклы. Гонщики в яростной борьбе оспаривали победу на этапе, и толпа берберов-болельщиков отчаянно аплодировала им со скалы. Похоже, они переживали за гонщиков не меньше, чем во время вчерашних конных игр.

Им неважно, что риск здесь не так уж велик, а в конной «феерии» на карту подчас ставится сама жизнь. Для местных жителей граница между жизнью и смертью сейчас так же зыбка и неопределенна, как и много лет назад.

Уже после первых встреч с кочевниками у нефтеперегонного завода, с берберами района Гафсы, после осмотра развалин римского амфитеатра во мне окрепло убеждение, что все совершенные нами открытия объясняются совсем не тем, что мы одолели десятки и сотни километров, кочуя из селения в селение. Просто мы путешествуем по времени, уносясь то назад, то вперед на несколько веков, а подчас и тысячелетий. В этом и заключается особенность экспедиций по Северной Африке, проходящих в медленной, незаметной смене дней, непохожих и, одновременно монотонных. А теперь, приближаясь к Джербе, где сплетение различных цивилизаций, старого и нового, проявляется волнующе зримо, мы сможем еще полнее ощутить неповторимый аромат Африки.

Волшебная земля пятого времени года

Джерба по отношению к окружающему ее Средиземному морю — остров, а по отношению к лежащей прямо напротив Сахаре — цветущий оазис. Чтобы попасть туда, нам пришлось сначала одолеть участок пустыни, а затем морской рукав.

Джерба — тот самый остров мифических лотофагов, о которых Гомер рассказывает в своей Одиссее. А в знаменитом «Перипле», книге псевдо-Скилакса, греческого автора четвертого века, говорится: «На острове собирают богатый урожай зерна и фруктов и производят много оливкового масла. Здесь растет цветок, по прозвищу лотос, из которого островитяне готовят вино».

Этот последний факт послужил моим спутникам неисчерпаемым источником для остроумных шуточек, так что мы незаметно и весело добрались до берега. В трех милях отсюда виднеется Джерба, на которую нас доставит паром. Мы с трудом погрузили наши машины на два арабских рыболовецких суденышка, переделанных в паром, и медленно поплыли к острову.

Желтизна вонзающегося в море песчаного пляжа придает еще большую голубизну воде Средиземного моря, береговая линия очерчена предельно четко, словно на географической карте. Едва мы причалили к острову, состоялась наша первая встреча с историей: навстречу нам попала группа еврейских женщин, которые шли за водой к колодцу. Одеты они в бурнус с тонкими желтыми и красными полосами, а на голове у них высокие соломенные шляпы, точь-в-точь такие же, как во времена ветхозаветной Палестины. Неподалеку от них группа женщин-арабок уже достает воду из колодца. Они в темных одеждах, а лицо закрыто шерстяными полосатыми шалями — футе.

* * *

Чтобы оценить не только красоту, но и все значение острова в нынешней Северной Африке, необходимо углубиться в историю. Благодаря отличным естественным гаваням и выгодному положению на полпути между западным и восточным Средиземноморьем Джерба

является как бы предмостным африканским укреплением в непосредственной близости от Европы. Здесь, как нигде, ярко дало себя знать скрещение и одновременно противоборство различных цивилизаций. Тремя основными этническими группами на острове являются арабы, негры, потомки рабов, осевших в Средиземном море, и евреи. И если в других местах между этими народами нередко существует вражда, то на этом острове они живут вполне мирно. Из трех колоний наиболее сильной и многочисленной является арабская, хотя мусульмане утвердились на Джербе самыми последними, лишь после победы Ибн Саада^[4] над византийцами. В древности по земле Джербы ступали также греки, ионийцы, карфагеняне и, наконец, римляне.

А затем мусульманам и другим национальным группам острова пришлось целых четыре века вести ожесточенную борьбу с христианами. Своим богатством и выгодным стратегическим положением остров привлек сначала арагонцев, а позже генуэзцев и венецианцев, которые пытались отвоевать его у арабов. На самой Джербе три этнические группы жили мирно и отлично ладили между собой, но им беспрестанно приходилось в кровопролитных сражениях защищать остров от внешних врагов. В начале XVI века на острове нашли прибежище и нередко использовали его как базу для своих набегов такие знаменитые пираты, как Барбаросса, Симон Рейс и другие. Испанцы пытались уничтожить это опасное пиратское гнездо, но 15 июля 1560 года морская армада Филиппа II была наголову разбита пиратами. На берегу Джербы, там, где волны выбросили тысячи трупов, в память о битве была сооружена высокая башня, которую до сих пор называют башней черепов, о чем и гласит соответствующая табличка. Черепа убитых испанцев образовали холм высотой двадцать метров.

Несмотря на столь воинственную историю, островитяне всегда жили в полной гармонии и не разбились на враждующие группировки. Ни одна из трех колоний не пыталась силой установить свое господство над островом.

* * *

Я почти каждый вечер беседовал с друзьями об истории Джербы. Так, значит, идея «мирного сосуществования» жила издревле, и дружба трех различных этнических групп устояла под натиском времени. Пока мы коротали время за беседой, незаметно подкралась ночь, и прямо над нами повисла луна, до того низко, что даже астронавты могли нам позавидовать.

Очертания домов и пальм слегка колыхались в зыбком свете. В ночной тишине остров был особенно, по-волшебному красив. Но это была и божественная и туристская красота. Каждый день с неба, словно подгоняемый ветром, на острове приземлялся четырехмоторный самолет с десятками туристов, в большинстве западных немцев.

В эти апрельские дни Европа еще ежилась от холода, а тут, на Джербе, все было как в красочных туристских путеводителях. Остров честно выполнял все свои заманчивые обещания. Вы могли сразу же искупаться в море и погреться на солнце.

«Кто в январе уезжает из Европы, тот оставляет за плечами зиму. Приезжайте в Тунис. В том же январе вы найдете в Габесе — весну, в Тозире — лето, а на Джербе — пятое время года». Так говорят арабы, и немцы могли лично убедиться в правдивости этих слов, взятых мной из рекламной туристской брошюры. И когда немцы поняли, что хоть однажды реклама не солгала, они поистине оккупировали остров. Все они одеты в «колониальную униформу», у каждого болтается на поясе шлем и фляжка, и каждая группа дружно распевает воинственные песни. Здесь, на Джербе, эти немецкие туристы кажутся живым воплощением воскресшего из пепла Африканского корпуса Роммеля.

Ежедневно я уже на рассвете покидаю гостиницу и до самого вечера брожу по безлюдным тропинкам Джербы.

Ноги погружаются в песок, который весьма отличается от песка в других местах: прикоснувшись к нему, вы сразу чувствуете, что он лишь теплый, а не раскаленный.

Влажный сирокко, дующий с берега, воздвиг невидимую стену, отделяющую этот благодатный остров от жаркой пустыни. Мои блуждания заводят меня в укромные уголки Джербы, где желтый песок побежден зеленью насаждений и садов, плотным кольцом окруживших белые домики селений с их неизменным рынком. Такие селения называются «мензель». Жители Джербы издавна борются с нехваткой воды, и сейчас на острове насчитывается тысяча восьмьсот старинных

и новых колодцев и две тысячи цистерн, в которых воду хранят с величайшей бережливостью. Местные арабы зовут чиновника, ведающего распределением драгоценной влаги, «владыка воды». В мензеле Хумт-Сус нам повстречался старый «владыка воды» со своей белой патриархальной бородой. Его глаза глядят на вас пронзительно и чуть насмешливо — видно, что он привык к беспрекословному уважению и подчинению. Он наклоняется над канальцем, прорытым в песке, смотрит, как течет вода, вынимает деревянную затычку и переносит ее немного дальше. Сотня привычных размеренных движений в день — и вся вода, которую извлекают на поверхность с помощью верблюдов и архаичного ворота, равномерно распределена по отдельным полям. Этих рабочих верблюдов здесь называют «далон», и все они слепые. Долгими часами они без отдыха ходят и ходят по кругу. Так на этом клочке земли посреди моря создан богатейший оазис. Тысячи и тысячи верблюдов-далонов веками крутят ворота, и поток воды никогда не иссякает. Теперь на острове растут сотни тысяч пальм, и для местных жителей они — единственный источник существования, как для полинезийцев — кокосовые орехи и для эскимосов — тюлени.

После первых коротких прогулок мы решили съездить в глубь Джербы. Свой осмотр мы начали с самого крупного арабского селения — Хумт-Суса.

Здесь, в Хумт-Сусе, арабы сами выполняют все работы. В порту я видел лодки искателей губок, и это были арабы; внутри больших коллективных жилищ-фундуков мне довелось наблюдать, как ткут пряжу из овечьей шерсти, и этим тоже занимались арабы.

В руках арабов находятся и островная торговля, и большие гостиницы на берегу. Они же осуществляют и административную власть. Директор местного туристского бюро тоже араб, он-то и водит нас по лагунам. Мы возвращаемся в нашу гостиницу ослепленные солнцем. Дно лагуны здесь даже на расстоянии двух-трех километров от берега очень неглубокое и занятые своим делом рыбаки кажутся повисшими в воздухе. Они бегут по воде с заранее развернутой сетью, размахивая длиннющим стволом пальмы. Тень от ствола пугает рыб, и они в панике плывут туда, где их легко поймать ячеистой сетью.

На северном берегу нам встретились женщины-еврейки в соломенных остроконечных головных уборах, склонившись над водой, они стирают белье. Их присутствие говорит нам, что мы подошли к

еврейскому селению. По узкой дороге, ведущей в глубь острова, мы добираемая до двух еврейских поселений — Хара-Кбири и Хара-Сгиры, отстоящих друг от друга всего на расстоянии трех километров. Мы словно воочию узрели перед собой библейский пейзаж, и мне кажется, что вот-вот я увижу кинокамеру голливудского техникора, и вездесущий де Миль подаст сигнал к выходу статистов, занятых в массовых сценах.

— Тут каждый старик сможет сыграть Моисея, а нобля девушка — Далилу, — шутит Лаура.

Шутки шутками, но цвета техникора видны в красочной одежде этих людей, а белые, чистые домики кажутся декорациями. Мы словно открыли страницу древней истории и увидели наглядные иллюстрации к Ветхому завету.

В Хара-Кбире мы отправились посмотреть Грибу — самую знаменитую и древнюю синагогу острова. Гриба означает «великолепная», и само название говорит о красоте и величии этой синагоги. Каждый год на тридцать третий день после пасхи все евреи западной части Средиземноморья совершают паломничество в Грибу. Во время этих празднеств верующие носят по всему острову живописный балдахин, в котором бережно хранятся свитки Торы. Остальные дни года в синагоге с рассвета до заката старые раввины долгими часами громко читают молитвы, предписанные Талмудом. Через раскрытые окна в Грибу залетают ласточки, воробьи и кружатся над погруженными в молитвы раввинами.

Привыкнув к полутьме, мы долго сидим молча, наслаждаясь покоем, разлитым вокруг. Потом нас отводят в комнату рядом с молельней, и добродушные раввины показывают нам драгоценные свитки Ветхого завета и Тору.

— Это подлинные свитки и самые точные книги законов, — говорит нам главный раввин через переводчика.

Он рассказывает о времени, когда их община бежала из Иерусалима незадолго до прихода туда римлян, грабивших и опустошавших Палестину. Спасаясь бегством, раввины унесли с собой и свитки Торы. После долгих скитаний по Средиземноморью они нашли прибежище на острове Джерба. С тех пор бесценные свитки и священные книги хранятся в «великолепной» синагоге острова.

Евреи Палестины после разрушения Иерусалимского храма рассеялись по всему свету, и священные писания передавались из поколения в поколение лишь устно; только еврейская община Джербы сумела, по утверждению здешних раввинов, сохранить древние свитки и книги, точный свод религиозных традиций и законов. Поэтому жители Хара-Кбиры и Хара-Сгиры считают себя общиной «ортодоксальных» евреев.

Мусульманское золото для синагоги

Когда мы вышли из Грибы под свежую тень пальм, рассказы возобновились. Но теперь мы беседуем с юношами селения, речь идет уже не о древних, утопающих во тьме веков временах, а о наших днях. Многие молодые евреи верят, что тут, на Джербе, евреи и арабы и дальше смогут жить в полном согласии.

Некоторые же побаиваются преследований со стороны центральных тунисских властей. Впрочем, этот страх своими корнями уходит в опыт недавнего прошлого, когда Джерба была захвачена нацистами, высадившимися в Северной Африке. Самый молодой из евреев сидит на песке рядом с нами и на французском языке спокойно рассказывает о событиях тех дней.

— Немцы, — говорит он, — поставили тут противоздушную батарею, а потом разместили целую бригаду. Они опасались высадки союзников. Наши отцы знали, что произошло в Европе, и боялись депортаций. Между тем ничего страшного не произошло. Здесь, на Джербе, немцы — солдаты и офицеры — долгое время вообще не знали о существовании еврейской колонии.

— Они путали нас с арабами и даже не подозревали, что мы евреи, — с легкой улыбкой объяснил один из пожилых раввинов. — Однажды офицер-немец зашел посмотреть синагогу и потом долго восхищался красотой... этой мечети.

Я тоже улыбнулся: ярые арийцы из-за сходства одежды не смогли отличить евреев от арабов. Так благодаря тевтонскому тупоумию и помощи арабов и негров Гриба уцелела и вся еврейская колония была спасена.

Второй раввин рассказал нам о последних днях немецкой оккупации, когда на долю колонии выпали тяжкие испытания. Кто-то донес немцам, и командование СС приказало старшему офицеру на острове погрузить всех евреев на корабль и отправить в лагеря. Но тут вмешался итальянец, командир корвета, стоявшего в порту. Он уговорил немцев отказаться от этого плана. «Лучше использовать корабль для перевозки войск в случае отступления», — убеждал он немцев. Страх оказался сильнее ненависти к евреям и даже сильнее полученного приказа. Немец — начальник гарнизона — предпочел

приберечь корабль на случай бегства, чем везти на нем евреев. Но чтобы убогатить свое начальство, он потребовал от еврейской общины выкуп — центнер золота и два центнера серебра.

Требование это было изложено старику раввину, который рассказывал нам об этих событиях.

— Чтобы к утру все было собрано, — сказал мне немец. — Мы понимали, что в случае невыполнения приказа нас ждут репрессии, но в Хара-Кбире и Хара-Сгире у евреев не было столько золота и серебра. И тут с особой силой проявился дух солидарности трех общин Джербы. Негры, но прежде всего арабы помогли нам собрать центнер золота, и выкуп был внесен в срок. Так мы остались в живых, — с улыбкой заключил раввин.

Несколько минут мы сидели молча, потом раввин встал, попрощался с нами и пошел в Грибу, где его уже ждали другие старики раввины, ласточки и воробьи.

А мы перебрались на другой берег к искателям губки, которые обещали показать нам свое мастерство. Мы провели с ними целый день, наблюдая за их нелегкой работой, и постепенно Гриба с ее тишиной и полумраком почти совсем забылась.

* * *

Новый прыжок во времени — и мы очутились в Гуэллале. Здесь, в южной части острова, — богатые залежи глины, и жители этих мест еще в эпоху ионической цивилизации занимались выделкой кувшинов, ваз, амфор и особенно джар^[5] для оливкового масла, этого главного богатства острова.

Мастерство потомственных гончаров передается от отца к сыну, и способы обжига и лепки ничуть не изменились за два долгих тысячелетия.

В Гуэллале вы шагаете по сплошным обломкам терракоты, а окраины селения словно упираются в невысокие холмы, за которыми виднеется полоска горизонта. Вблизи эти «холмы» оказались печами для обжига, где гончары век за веком «пекут» чудесные вазы.

Рядом с каждой печью — мастерская, где глину пропускают через примитивные деревянные круги и она наконец принимает задуманную

гончаром форму. Медленное вращение гончарных кругов и беспрестанное шипение огня в печах напоминают о времени, которое медленно перемалывается день за днем, а каждый шаг по осколкам и черепкам глины вызывает мысли о математических соотношениях в истории. Ведь каждый такой шаг равен тысяче, десяти тысячам шагов множества поколений и цивилизаций, нашедших дорогу на этот остров.

Под ногами осколки джар и амфор для оливкового масла. Чтобы определить возраст этих выцветших на солнце черепков, нет нужды перелистывать страницы истории. Достаточно подойти поближе к одному из самых старых оливковых деревьев и взглядеться в вековые морщины его коры. Ствол самого древнего из всех деревьев на острове имеет в обхвате больше трех метров. Оно до сих пор плодоносит, и местные жители утверждают, что ему четыре тысячи лет. Островитяне называют этого почтенного старца оливковым деревом Улисса.

Тишина гончарных печей в Гуэллале и величественной синагоги неразрывно связываются у меня в памяти с оглушающим шумом, царящим в негритянской колонии. Все эти наши звуковые впечатления записаны на магнитофонной ленте.

Я вновь включаю магнитофон, и сразу оживают воспоминания о тех днях: на одной и той же ленте записаны молитва в синагоге Гриба (слышны лишь приглушенное бормотание верующих да чириканье воробьев) и негритянский танец в Мидуне. Мгновенно, без всякого перехода тихие звуки молитвы сменяются громким ритмичным боем тамтамов. Это танцуют негры Джербы, лишь век назад переставшие быть рабами арабов.

Музыка и пение звучат то печально, то яростно. В них боль и тоска по далекой земле предков.

— Уцелело ли ты, мое селение в саванне? — говорится в одном из припевов.

В Мидуне и Махабудине, двух главных негритянских поселениях Джербы, легенды, поверья и традиции далекой родины Передаются из поколения в поколение, и поэтому здесь легко услышать песни и ритмы Северной Африки, исполняемые под аккомпанемент тамтамов. Один из таких танцев нам удалось записать в Мидуне на пленку.

Отдав дань местному фольклору, мы осмотрели дома и красильни Мидуна.

Негры Джербы занимаются преимущественно продажей шерсти. Они покупают шерсть у пастухов-евреев и затем перепродают арабам, покрасив предварительно в яркие цвета, которые так любят жители Северной Африки. За этой спокойной работой время для негров Джербы пролетает незаметно, не принося больших перемен и невзгод.

И даже мы, обычные туристы, были вскоре захвачены этой атмосферой всеобщего спокойствия. Чуть удивленный свет полудня, растроганный свет заката и белый свет ночи мало-помалу оказывают на вас свое магическое действие, и вы уже не в силах покинуть этот остров. Наверно, поэтому Улисс так долго пробыл здесь, среди пожирателей лотоса.

Каждый вечер я гляжу, как заходит солнце — огромный оранжевый плод, тонущий в неподвижных водах. Эти неповторимые цвета заката и сладкое умирание дня я уже видел в Полинезии. Но сходство Джербы с островами южных морей поразило не одного меня. На берегу моря возле самой крупной и благоустроенной гостиницы закат «вмонтирован» между двумя высокими пальмами. Сидя на скамейке, вы можете одним глазом любоваться солнцем, а другим читать табличку на французском, английском и немецком языках, прикрепленную находчивым директором местного туристского агентства: «Это место напоминает Полинезию».

Официанты гостиницы называют его «маленькая Полинезия». Они рассказывают, что туристы, любящие экзотику, обожают проводить здесь вечера.

Я подумал, что если закаты в Джербе так похожи на закаты в Полинезии, то я сам без помощи соответствующих табличек смогу воссоздать поэтическую атмосферу. И с того дня тщательно избегал знаменитую скамью.

После заката ветер совсем стихает и спокойная морская гладь сине-стального цвета без всякого перехода сливается с далеким небом.

Белые паруса лодок словно застыли в небе, и сами фигурки рыбаков, бредущих к берегу с тяжелой сетью за плечами, точно вознеслись над землей. И рыбаки и паруса движутся как бы в пустоте и кажутся миражем. Таким же удивительным, как тот мираж, который нам довелось увидеть позже в пустыне близ Кебили.

Мираж

И вот мы уже далеко от Джербы. В пустыне района Кебили мы едем по песчаной низменности. Нестерпимо душно, машины двигаются медленно, словно нехотя.

Внезапно слева от дороги мы увидели тихое озеро, окруженное с берегов желтыми дюнами, которые удваивались рефракцией.

По берегу у самой кромки воды шли человек и два верблюда, отражаясь в озерной глади.

Дрожащие и словно преломленные в старинном сосуде, воды озера слегка рябились от ветра. Но откуда здесь, посреди пустыни, могло взяться озеро с такой зеркальной поверхностью. Я вынул карту района, сверился— никаких признаков озера, ни даже высохшего озерца. Мы остановили машину и впились глазами вдаль — на горизонте мирно поблескивала вода. Мы с Лаурой попытались заснять это странное видение, поспешно зарядили фотокамеры, сменили диафрагму и, скрывая волнение, молча приступили к съемке.

Несколько минут спустя озеро начало таять, изображение из совершенно отчетливого стало туманным, похожим на пар, а затем и вовсе исчезло.

Мы снова тронулись в путь.

Проехав километров тридцать, мы встретили человека с двумя верблюдами. Впереди у самой обочины шагал верблюд, а за ним, ведя другого верблюда, шел человек. Точь-в-точь как тогда в мираже. Мы присмотрелись повнимательнее— сомнений больше не было: именно они предстали нам совсем недавно в удивительном видении. Игра света перенесла изображение на далекое расстояние, а слои теплого и холодного воздуха сыграли роль зеркала, в котором с редким сходством отразились и человек, и два верблюда.

Мы вновь остановили машину и с еще большим волнением принялись разглядывать это живое, материализованное воплощение миража. И хотя мы понимали, что это всего лишь оптический эффект, три фигурки воплощали для нас все могущество таинственной магии, торжество природы, этого величайшего иллюзиониста.

Соляное озеро

Пустынный горизонт, именуемый Джерид, — первая полоса сахарской пустыни между Ливией и Алжиром. Желтый песок, по краям бурые камни, а в центре соляная равнина — высохшее дно древнего моря. Арабы называют эту равнину шоттом.

В Сахаре есть множество безымянных шоттов, но наш по имени всего этого района называется Шотт Эль-Джерид. Как и другие, он покрыт белесой коркой, сверкающей на солнце, точно заснеженная долина. Время от времени, в сырые зимы, небо здесь заволакивают тучи, и робкий дождичек кропит шотт. Достаточно одного такого дождя, чтобы пейзаж совершенно изменился.

Соляная, водонепроницаемая корка собирает и хранит теплую небесную влагу, и шотт временно становится ложем огромного озера глубиной в несколько сантиметров.

Но едва солнцу удастся пробиться сквозь тучи, как почти мгновенно исчезает иллюзия озера, по которому бегут легкие беззаботные волны. Вода тут же испаряется, и шотт вновь превращается в безбрежную и сверкающую соляную долину. Однако даже в период сильной засухи на дне у самой поверхности сохраняется слой грязи. В этих районах нельзя передвигаться на машинах, да и пешком ходить весьма опасно. Корка соли может треснуть, и вы окажетесь пленниками скопившейся грязи. В шоттах Сахары целые караваны были проглочены этим коварным врагом путешественников. Поэтому дорога, пересекающая Шотт Эль-Джерид, на протяжении ста двадцати километров сильно приподнята и проходит как бы по высокой насыпи из соли.

Мы движемся к северу, чтобы сначала заехать в Тозир, а затем направиться к востоку.

Джебель-Матмата — горный район на границе между южным Тунисом и сахарским эргом. Спидометр показывает, что мы едем с большой скоростью, но кажется, будто мы застыли на месте — до того неизменен горизонт шотта. И все же эта монотонность и однообразие не утомляют. Наоборот, они лишь подстегивают вас мчаться дальше, вперед. Вот так же веселый ветер гонит парусник по уснувшему океану, и у путешественников никогда не гаснет надежда внезапно увидеть на

горизонте еще не открытый остров или землю. Наш «остров», наша цель — это зеленая полоска, которая виднеется на слепящем соляном горизонте, — оазис Тозир, в самом центре шотта.

Мы добрались в Тозир только к вечеру, не раз еще полюбовавшись тем, как отражаются в зеркале соляной пустыни цвета дня, от бледно-серого на рассвете до фиолетового на закате.

Улед с кожей белой, как молоко

В оазисе мы пробыли всего один день, но и за эти короткие часы я увидел, как много изменилось здесь со времени моего последнего путешествия по Тунису в 1953 году.

Гостиницу расширили, перестроили, соорудили большой бассейн. Здесь тоже ждут массового наплыва туристов. Их будут доставлять самолетом из столицы, и всего за три дня они смогут увидеть «ворота» пустыни и ощутить живое дыхание Сахары.

В 1953 году, когда Тунис еще был оккупирован французами, в Тозире было полно французских солдат и офицеров. Возле каждой казармы стояли маленькие ресторанчики, где очень неплохо готовили французские блюда.

Кроме французов и ресторанчиков в Тозире имелся дом терпимости. После того как Тунис завоевал независимость, дома были запрещены в Тунисе и других странах Северной Африки. Но тогда, в 1953 году, обитательницами домов терпимости были знаменитые улед-наил, улед с молочно-белой кожей, а сам дом был главной достопримечательностью оазиса.

— Хочешь посмотреть один такой дом?

Мы находились в Нефте, неподалеку от Тозира, а спрашивал меня тунисец, имевший удостоверение «гида туристов». Он был в габардиновом плаще и красной феске. Мне его порекомендовали французы.

— Там есть улед-наил, — решил подзадорить мое любопытство гид.

Была зима, из пустыни тянуло холодным ветром, в гостинице не топили, и я проспал ночь под тонким одеялом не раздеваясь. Утром, когда я проснулся, вода в колодце была затянута ледяной пленкой, сверкавшей, как соляная корка шотта.

— Ладно, пойдем поглядим, что это за штука, — сказал я.

Мы направились к двухэтажному земляному домику без окон, стоявшему на окраине селения. Мне очень хотелось посмотреть на улед-наил, о которых я столько читал и слышал.

Наконец мы подъехали. Фотоаппарат я оставил в машине. «А то девочки обидятся», — объяснил мне гид. Войдя во внутренний дворик,

я был поражен. Сооружение, такое невзрачное и даже жалкое снаружи, имело внутри куда более привлекательный вид. Мы очутились в цветущем саду с фонтаном, где плавали в воде голубые цветы. Вдали звучала негромкая музыка.

Подбежал мальчишка лет десяти и принес нам подушечки и зеленый ароматный чай.

— Сейчас вы увидите девушек-наил, — прошептал мне гид.

«Улед» на арабском языке означает «юноша» или «девушка», а «улед-наил» — «девушка из племени наил^[6]». Обычно женщин-арабок из внутренних районов «продают» мужу в обмен за «приданое», которое он дает отцу невесты. В отличие от них женщины-наил продаются родителями в публичные дома, чтобы они могли собрать деньги на «выкуп». Тогда недавние проститутки получают право свободно выбрать себе мужа. Они продаются с ранних лет, и за короткий срок им удается «заработать» нужную сумму. После этого они возвращаются в родное селение, платят выкуп родным и могут сами, по своей воле соединить жизнь с избранником сердца.

— Послушай, — спрашиваю я гида, — как же улед-наил находят себе потом мужей в селении? Ведь там все знают, что эти улед работали в домах. А мужчины-арабы тоже, надо думать, ревнивы.

— Еще как, — соглашается гид. — Не меньше чем ваши сицилийцы.

— Ну и кто же тогда берет этих улед-наил в жены?

— Желających предостаточно. Они очень опытные в любви, а это нравится мужчинам.

Тем временем в патио^[7] вошли две женщины. Меня поразило, что они беспрестанно «жевали» красные деревянные палочки.

Гид заметил мое изумление и прошептал мне по-французски:

— Это для красоты. Так же, как яркая помада на губах привлекает наше внимание, эти улед прельщают нас красными деревянными палочками во рту.

После секундного колебания обе женщины сели рядом с нами. На них было множество юбок, а на расстегнутую блузку ниспадал бурнус. На шее висели серебряные ожерелья, просверленные монеты и дешевые стеклянные безделушки/ Девушки были отнюдь не так красивы, как знаменитые гетеры, о которых писали в прошлом веке многочисленные путешественники.

Стройные и мускулистые, они походили на молодых и сильных крестьянских девушек. В первый момент они несмело улыбнулись нам, но уже минуту спустя смеялись громко и заразительно. В них есть своя привлекательность, но красивыми их не назовешь. «Почему же они столь знамениты?» — недоумевал я.

Наконец из слов гида я понял, в чем тут загадка: у этих улед очень белая кожа. «Как молоко их матерей», — с гордостью сказал мне гид-тунисец. А это имеет огромную ценность в глазах арабов.

Улед-наил знали, как сохранить этот свой природный дар. Они не работали в поле, не ходили на рынок, их не посылали к колодцу за водой. Их родители отлично понимали, что белая кожа дочерей принесет им богатство, и поэтому не заставляли девушек работать под палящим солнцем. И улед-наил оставались белыми, даже еще более белоснежными, чем европейские женщины. Во всех домах терпимости Северной Африки арабы и европейцы платили бешеные деньги за обладание улед-наил. А через несколько лет эти женщины, скопив изрядную сумму денег, возвращались в родное селение, увешанные золотыми и серебряными ожерельями. Так было до 1954 года. Революция положила конец иностранной оккупации, таклиду ^[8] и домам терпимости. Теперь женщины-улед, как и все остальные, работают, ходят за водой и чернеют от загара.

Хлеб и оливковое масло «троглодитов»

На рассвете, по мере того как солнце растет на горизонте, все четче обозначается извилистая красноватая линия горного массива Джебель-Матмата — новая цель нашего путешествия.

Ближе к полудню мы подъехали к каменным домам городка Кебили, где должны были встретиться с местным военным комендантом. И вот мы сидим в его доме без окон с массивными, как у крепости, стенами. Да, ему звонили из Туниса, и он предоставит нам джип для поездки в горы. Нет, разрешения снимать он не дает: президент не любит, чтобы выставлялись на всеобщее обозрение отсталые нравы в некоторых районах страны. Правительство и без того ведет упорную борьбу, чтобы ликвидировать постыдное колониальное наследие — поселения «троглодитов» и кочевников в предпустынных зонах. Президент Бургиба лично издал приказ о разрушении большей части горфа — зернохранилищ Меденина.

— Зернохранилищ Меденина? — воскликнули мы. — Но разве они не стали теперь лишь памятником старины?

— Да, это так. Но если их не разрушить, кочевники снова начнут пользоваться ими.

У нашего бравого офицера идей немного, но они четкие и непреложные. Бесполезно и настаивать, пришлось сдать фотоаппараты. Мне удалось спрятать свой фотоаппарат, и, как я узнал потом, такую же ловкость проявила и Лаура. Кто знает, может быть, нам удастся тайком сделать несколько фотографий. Мы поблагодарили коменданта за большой, вместительный джип и под вечер отправились в путь.

На следующий день, прежде чем углубиться в горный массив Джебель, мы осмотрели зернохранилища Меденина — знаменитые горфа, очень похожие на каменные пчелиные соты. Мы сразу же убедились, что комендант Кебили говорил правду: бульдозеры уже разрушили самые красивые и большие — в шесть этажей — зернохранилища.

Пока уцелели лишь трехэтажные горфа. Мы с Лаурой тайком сделали шесть снимков. Несколько кочевников удивленно стоят у деревянных дверей зернохранилищ, не понимая, зачем власти с такой поспешностью их разрушают. По привычке кочевники пересчитывают

мешки с зерном и шкуры, которые они оставили здесь на время своих кочевий. Потом они обменяют эти товары или продадут на рынке. Вернувшись в Меденин, владельцы открывают свои зернохранилища, забирают товары, продают их и снова на долгие месяцы отправляются в дальнюю дорогу. Все хозяева зернохранилищ строго соблюдают неприкосновенность чужого добра. Еще ни разу в зернохранилищах даже мешка зерна не пропало. После Меденина мы выехали на главную дорогу к Джебель-Матмата. Долины и горы становятся все ближе и кажутся теперь горбами огромного каменного чудовища. Дорога змеится по горным тропкам, крутым поворотам и остроконечным скалам, лишь изредка нам попадаются навстречу крохотные пальмовые рощицы да одинокие оливковые деревья. Самое крупное селение в Джебеле — Туджан. Оно расположено в глубине долины, вплотную подступающей к пустыне. Дома Туджана в отличие от других селений на юге Туниса не белые, а коричневые, как сами камни горного массива. Поэтому в вечерней полутьме Туджан в первый момент показался нам не селением, а продолжением горы. Заночевали мы в здании школы. Не скажу, чтобы там было очень уютно — до самого утра мы изрядно мерзли. Но стоило взойти неяркому солнышку, и оцепенение и вялость как рукой сняло. Мы вышли из школы, когда ученики уже пришли на первый урок, и отправились на площадь, где нас ждало несколько мулов. Началось трудное восхождение.

Уже целых два часа мы поднимались в горы, когда наш проводник сказал: «Ну вот и добрались». Мы прямо-таки остолбенели. А где же дома, люди, животные? Проводник в ответ только молча ухмылялся.

На верный след нас навел собачий лай. Ориентируясь по громкому лаю, мы отыскивали наконец среди скал первую из множества дверей, ведущих в пещеры, приспособленные под жилища.

В дома «троглодитов» можно попасть только через единственную дверь, сделанную в скале. Эту дверь трудно увидеть с дороги, а проникнуть в само жилище, если хозяева этого не хотят, почти невозможно.

На помощь нам пришел военный шофер-тунисец. Начались долгие переговоры с хозяином дома, стоявшим за дверью. Вначале шофер был очень вежлив, но, убедившись, что добром здесь ничего не добьешься, он хрипло и зло крикнул по-арабски и по-французски.

— Да вы знаете, кто их послал?! Сам президент и генерал.

Расчет был верным. Хотя стоявший за дверью араб не знал точно, кто это президент и генерал, угроза возымела свое действие. После новых сложных переговоров, дав женщинам время спрятаться, хозяева разрешили нам войти и осмотреть несколько пещер. Не прошло и часа, как мы стали друзьями. Две-три сигареты всегда самый лучший паспорт, и постепенно перед нами открылись все двери, исключая, понятно, ту, за которой надежно заперты самые молодые девушки. Одна из таких деревянных дверей потрескалась от времени, и в просветах мы сумели заметить черные смеющиеся глаза, с любопытством разглядывавшие нас. Но только глаза, потому что девушек вам не покажут, даже если вы привезете строгий приказ от самого президента. Зато нас окружила целая сотня ребятишек, шумливых и симпатичных. Они неотступно следовали за нами, и их крики, ссоры, просьбы о подарках сопровождали нас на всем пути паломничества.

Все дома Матмата подчиняются единым законам архитектуры. Кроме входной пещеры с неизменной деревянной дверью вы пересекаете естественную пещеру, служащую соединительным коридором, и уже через нее попадаете во двор. Он похож скорее на квадратный колодец, обычно довольно глубокий. Со дна этого двора-колодца высоко и где-то очень далеко виднеется освещенный квадрат неба. Со всех сторон во двор смотрят прорубленные в скалах двери. Сами жилища иногда расположены одно над другим, иногда на одном и том же уровне. Повсюду царит абсолютная чистота, и даже немногочисленные предметы утвари — кастрюли, тарелки, бидоны — расставлены в строжайшем порядке. Отдельно в пещерах-складах сложены съестные припасы: зерно, финики и оливковое масло — основная еда обитателей этих пещер. Давильный пресс, один на несколько семей, находится в самой глубине, в специально вырубленной пещере. Слепой осел тащит по кругу каменный каток, — это и есть механизм здешнего пресса. Под тяжестью отполированного гранитного камня оливки превращаются в зеленоватую массу, из которой хозяйки выжимают чистейшее оливковое масло.

Перед отъездом мы попросили гостеприимных хозяев полить этим пахучим маслом кусок хлеба. Он показался нам необычайно вкусным.

Скрипач-романтик

Мы снова спустились в долину. Прежде чем попасть в Дуз, нам предстоит одолеть немало километров, и у меня вполне достаточно времени, чтобы вспомнить о других «троглодитах», которых я несколько лет назад видел на белых туфовых скалах к северу от Тозира. Это была единственная неровность местности на всей плоской равнине южного Туниса. Туфовые холмы, в которых жили бедуины-«троглодиты», всего на несколько метров возвышались над песчаной равниной, еще более белой, чем туф. Сами жилища, вырытые в круглых пещерах, походили на иглу эскимосов. Из одной такой туфовой иглы вылез бедуин в старой, залатанной шинели, выцветшей и непомерно большой. В руке он держал скрипку, вернее, остатки скрипки.

Он попросил бакшиш и вызвался нам сыграть. Мы ожидали услышать заунывную арабскую мелодию. И вдруг раздались звуки вальса и венгерского чардаша. Мелодия была весьма приблизительной, музыкант безбожно врал, но все же он, бесспорно, исполнял на этих «останках» скрипки классический венский вальс, звучавший особенно странно здесь, в туфовых скалах.

Скрипач-бедуин был в настоящем экстазе, и я не решился его прервать. Между тем мне очень хотелось спросить, как попала к нему скрипка и кто научил его играть эти мелодии. Позже я узнал, что туфовые холмы были крайней линией обороны немцев и итальянцев в прошедшей войне. В 1943 году эту удобную позицию занимала артиллерийская батарея из состава Африканского корпуса Роммеля. Два зенитных орудия уставились своими стволами в небо. Командовал батареей унтер-офицер австриец. Ему-то и принадлежала скрипка. День за днем маленький гарнизон жил среди одиночества пустыни и тишины. Казалось, немцы вообще забыли о войне. Они проводили дни, греясь на солнце, а призванные немцами «на службу» бедуины отправлялись за десятки километров на поиски воды.

Однажды вечером английские «мустанги» совершили внезапный воздушный налет. Вернувшись с водой, бедуины увидели, что все солдаты и сам командир батареи погибли. Прежде чем закопать их, бедуины сняли с каждого шинель, часы, забрали деньги и оружие. Одна

шинель и скрипка достались бедуину, который обслуживал австрийца унтер-офицера. Он-то и научил бедуина исполнять венские вальсы и веселые песенки.

— Сегодня вечером мы вам кое-что покажем, — сказал переводчик-араб, переговорив с обитателями туфовых пещер. Вскоре прибыли кочевники из других мест и разбили свой лагерь неподалеку от пещер «троглодитов». Надежно укрыв верблюдов, женщины разожгли костры и принялись стряпать. Мы поняли, что эти скалы и пещеры были перевалочным пунктом для кочевников, направлявшихся из Нефты и Тозира в Кебили или Дуз. Каждый вечер здесь останавливался большой или маленький караван. Надежно укрытый от ветра, он спокойно ночует среди холмов из туфа. Так было и в этот раз. Когда все мужчины и женщины каравана собрались вокруг костра, из пещеры вышел скрипач и начал играть. Слушатели хранили полнейшее молчание, а их бесстрастные лица не выражали ни волнения, ни интереса, ни скуки — ровным счетом ничего.

Музыкант извлек из своей покалеченной скрипки мелодию «Веселой вдовы», а затем исполнил вальс «Голубой Дунай», исковерканный почти до неузнаваемости и все же полный чувства. Концерт закончился, лишь когда погасли огни костров.

Скрипач, поживаясь в драной шинели от холодного ветра, пронизывавшего насквозь его потное тело, стал обходить бивак. Один дал ему мелкую монету, другой — несколько фиников и немного муки. Так он каждый вечер зарабатывал себе на жизнь с того самого дня, когда в далеком 1943 году «мустанги» уничтожили весь расчет немецкой зенитной батареи.

Теперь у меня зародилось желание снова побывать в том районе и посмотреть, жив ли еще араб-скрипач и выдержал ли он конкуренцию транзисторов.

Но наш путь лежал прямо на юг. Поэтому мы оставили Джебель между побережьем и пустыней, и берега Средиземного моря вместе с морской свежестью забыты ради очарования оазисов Габеса, Джербы и Тозира.

Мы приближаемся к самому центру Сахары и направляемся к Дузу, Рнэльме, Сабрину и Бен-Кенафесу, чтобы затем добраться до лагерей разведчиков нефти. Сейчас наша ближайшая цель — первый сахарский эрг, «большой восточный», по которому гуляют белые песчаные волны.

Тобол — музыка дюн

Сложив в кучу несколько тряпок, пропитанных бензином, и планки от деревянного ящика из-под фруктов, мы разожгли небольшой костер, чтобы хоть как-то согреть руки. Уже ночь, дует ветер, и в джипе руки стынут от одного прикосновения к холодному рулю.

— Самое время слушать тобол, — говорит наш шофер, хорошо знающий эти места. — Тобол — это барабаны эрга, музыка дюн, — объясняет он и тут же добавляет: — Надо только подождать несколько минут, чтобы из ушей улетучился монотонный гул автомобиля.

Да, он прав, нужно немного подождать. Привыкнуть к тишине и ощутить ее физически. Только тогда можно услышать музыку тобола. Это совсем нелегко, иной раз приходится повторить попытку, а иногда вообще от нее отказаться, если в ушах все еще стоит гул автомобильного мотора.

Гаснет огонь, и нам кажется, что теперь в полной тьме и тишине слышны лишь звуки пустыни. Мы сходим с дороги и, осторожно ступая по плотному, крепкому песку, начинаем взбираться на дюну. Ложимся, прижимаемся ухом к песку и ждем, когда до нас доберется эхо тобола.

На вершине песчаной дюны ветер колышет миллиарды песчинок. Они улетают далеко-далеко, осыпаются, ни на миг не прекращая своего «вечного движения». Внутри дюны масса песка тоже все время смещается в поисках наиболее устойчивого положения.

И вот, прильнув к песку, мы отчетливо слышим таинственные шорохи. Дюны, словно огромные фисгармонии, повторяют и множат звуки, производимые движущимся и падающим песком. В полнейшей тишине слышны ритмичные сильные удары. Это гремит тобол — барабан сикоры. Звуки эти можно даже сравнить с песней, во всяком случае они подчиняются строгим законам ритма. Ведь тобол не простой шум песка, а мелодия пустыни.

Семафор Сахары

Когда вы направляетесь в центральную зону Сахары, вам предстоит одолеть три пустыни. Три пустыни: «эрг» — традиционную волнистую пустыню дюн, «хам-маду» — плоскую каменистую пустыню и «шотт» — сверкающую соляную пустыню.

Небольшие самолеты весьма облегчили путешествия по центральной, наиболее труднодоступной зоне Сахары. Поэтому многие «броски» мы совершили на военных самолетах и на самолетах частных авиалиний; такие допотопные самолеты полулегально летают из одного селения в другое и поддерживают связь между оазисами. Но если вы хотите увидеть Сахару вблизи, заснять ее и узнать получше, старый джип, способный на равных соперничать с верблюдом кочевников, остается лучшим средством передвижения.

У порога Сахары три древних «пежо-403» покинули нас. Распрощались с нами и кинооператоры. Они выполнили свою часть работы и теперь возвращались в Италию. Вдвоем с Лаурой мы продолжили свое путешествие на красном джипе нефтяников.

Теперь на разных дорогах пустыни нам придется пересаживаться с одного джипа на другой, а подчас и на обычный грузовик. Должен сказать, что я не смог бы даже приблизительно нанести на географическую карту наш маршрут. Вступая в пустыню эргов, вы расстаётесь с обычными понятиями об обычном путешествии, и начинается трудное плавание по своеобразному океану дюн, где надежным ориентиром служит лишь компас.

В океане вы плывете по волнам от острова к острову, бдительно следя за течением и остерегаясь бурь, а здесь — от оазиса к оазису, следя за грозным гибли^[9] и лентой дороги. Нужно очень большое искусство, чтобы не сбиться с пути, и только опытные водители способны «плыть» по дюнам каменистой равнины или по горным долинам, следуя невидимой нити Ариадны, которая ведет вас от селения к селению.

Нам встречались самые разнообразные дороги — от запутанного колесного следа среди дюн до тропинки, пролегшей на волнистой, чем-то напоминающей упаковочный картон почве сахеля^[10]. Довелось нам путешествовать и по асфальтированной с двусторонним движением

автостраде, и по акба — еле заметной тропке, проложенной между отвесными скалами Хоггара. В хаммаде есть дороги, по которым тысячелетиями шли верблюжьи караваны, тропинки, обозначенные лишь одинокими камнями, и дороги, где ориентиром служит прямая линия телеграфных столбов. Собственно дороги, как таковой, уже нет, ее засыпало песком, и местные жители образно называют ее столбовой. (В Ливии, чтобы добраться до оазиса Куфра, еще недавно нужно было одолеть самую длинную в Сахаре шестисоткилометровую столбовую.) Тысячи километров пути, и среди множества воспоминаний — светофор с зеленым, красным и желтым светом в центральном оазисе Сахары — Ин-Салахе, где новая Африка (джипы и гигантские грузовики разведчиков нефти) рядом с древней Африкой (верблюды туарегов и ослы бедуинов) терпеливо ждала, когда красный свет сменится зеленым. А между одним оазисом и другим царит абсолютное безмолвие и безлюдье.

В предпустынных районах Туниса еще встречались кусты, вдалеке виднелись селения, палатки кочевников, одинокий пастух или хотя бы горы на горизонте.

Здесь же, в эргах, — ничего. Мы движемся в пустоте. Некоторые населенные пункты, обозначенные на картах как города или крупные селения, не имеют ничего общего даже с маленькой деревушкой. Например, населенный пункт Бидон V в южном Алжире оказался всего лишь заправочной колонкой. Другие городки представляют собой беспорядочное нагромождение пустых бидонов и геометрически правильные горы бидонов полных. При этом единственным их жителем обычно бывает араб — сторож бензохранилища. Вооруженный винтовкой и ручным насосом, он продает бензин путешественникам.

Эти встречи позволяют определить истинную ценность цифр. Тут вы со всей наглядностью представляете себе, что такое пять миллионов квадратных километров песка и скал, именуемых Сахарой. Здесь вопреки всем нашим представлениям человек отнюдь не является мерой всего. Мерой служит пустота, которую можно почувствовать и потрогать рукой. В этой безбрежности пустоты каждая встреча с другими людьми остается в памяти точно незабываемый фотоальбом, совершенно непохожий на тот, который можно собрать в любой другой части света.

Внутри спрятано сокровище

В алжирской хаммаде, когда страна еще не завоевала независимости, мы встретили одного француза-геолога. Эта встреча важна тем, что позволяет сопоставить прошлое с настоящим.

Геолог жил один в каменной пустыне, вдвое большей, чем Паданская низменность. Время от времени вертолет доставлял ему продукты. Целый день геолог стучал своим молотком по камням, отыскивая ценные минералы. А потом вечером, перед сном, долго лежал в своей палатке, читая французских классиков.

Мы, понятно, заговорили с ним о Сахаре. В разгар беседы он вынул томик басен Лафонтена и прочел нам несколько строк из басни «Крестьянин и его сыновья»: «Остерегайтесь продать наследие, оставленное вам отцами и дедами, потому что внутри спрятано сокровище. Не знаю точно где, но немного смелости, и вы его отыщете».

«Внутри спрятано сокровище». Наш друг геолог рассуждал так же, как и все европейцы, которые тогда работали в Сахаре. Открытие здесь залежей минералов и нефти обещало этому краю судьбу второго Эльдорадо. Долгие поиски начали давать наконец свои плоды, и поэтому все европейцы с горечью следили за развитием событий в Африке.

«Так мы все потеряем» — эта мысль приводила нашего геолога в ужас, и этот же страх можно было прочесть в глазах европейцев, которые встречались мне в Африке за десять лет беспрестанных путешествий по саванне, пустыне, лесам и плантациям. Колонисты, разведчики нефти, плантаторы боялись потерять все то, что они нажили за долгие годы. А в пустыне всякий страх, всякая мысль вскоре становится просто неотвязной.

Интересно, что в Черной Африке белые воспринимали примерно те же перемены иначе, чем в Сахаре. От последнего путешествия у меня осталось впечатление, что в Черной Африке у европейцев на смену страху «потерять все» пришло сознание необходимости пусть трудного и сложного, но, может быть, плодотворного сотрудничества с африканцами. А в алжирской Сахаре страх продолжает доминировать над всем. Он порождает фатализм, что служит тормозом для развития

этого края. Белые как бы выжидают, к каким конкретным результатам приведет борьба арабов сначала за свободу, а затем и за социальные и экономические реформы.

Во всех арабских странах, которые уже обрели независимость, к огням биваков туарегов прибавились огни нефтяных скважин. Белые сотрудничают с новыми властями, но, так, словно все это носит временный характер и ничто еще не получило окончательного решения. К взрывам мин и размеренной поступи верблюжьих караванов добавились караваны джипов и грузовиков-вездеходов, которые везут новых пионеров в недоступные ранее места. Однако эта технологическая революция не подкреплена общностью исторических и политических целей. Европейцы, ведя трудные изыскания и разведку нефти, упорно стремятся получить свою долю в эксплуатации природных богатств. Новые же власти согласны на продолжение изысканий европейцами, потому что сами эти страны пока их вести не в состоянии. Важные открытия геологов сулят им неслыханное процветание. Поэтому в Алжире и особенно в Ливии, на юге Туниса и в Марокко интересы белых и местных жителей, хотя и не сливаются органически, все же временно совпадают. Ведь и те и другие преследуют одинаковые практические цели и понимают экономическое значение такого сотрудничества. Теперь в Сахаре таинственные знаки кочевых племен соседствуют с не менее таинственными надписями геологоразведочных групп; первые оставляют высеченные в скалах иероглифы, а вторые — белые столбики с устремленными ввысь стрелами-указателями. Загадочные сокращения (СН, РЕПАЛ, КРЕПК, КФПА, БРПМ) означают, что открыты залежи фосфора, железа, марганца, кобальта и, главное, нефти. Я уже упоминал об Эдийе. Там было добыто в 1962 году шесть миллионов тонн нефти, а в Хасси-Мессауде — свыше двенадцати миллионов тонн. А ведь это всего два района из множества, где была обнаружена нефть. Здесь найдены также натуральный газ и сотни других полезных ископаемых. Поистине этот нефтяной край может смело конкурировать со Средним Востоком.

Несколько лет назад любой туристский маршрут по Сахаре непременно включал в себя посещение оазисов, святых мест, лагерей кочевников и неизменные встречи с туарегами, пастухами народа тиббу, миссионерами и суданскими торговцами. Теперь столь же обязательным считается осмотр баз геологов-разведчиков и районов

добычи нефти. И вам все чаще попадаются люди, которые с помощью науки и сложного оборудования вступают в борьбу с неприветливой природой.

Лагерь «Коронада», «Дальний Запад» и туареги

Продолжая свое путешествие, мы отправились в один из лагерей разведчиков нефти. Нам было интересно познакомиться с их работой, и мы выбрали эрг на крайнем юге Туниса. Когда мы заговорили в джипе об этих поисках и полученных результатах с друзьями-тунисцами, они сразу помрачнели и нахмурились, словно наши вопросы были им неприятны.

Все дело в том, что в этом районе нефть до сих пор не найдена. Принадлежащая Тунису часть Сахары простирается на шестьсот километров. Примерно на той же широте в Ливии и западном Алжире под теми же песками были открыты самые богатые в Африке залежи нефти. А вот на территории Туниса ровным счетом ничего.

Но правительство Бургибы не хочет сдаваться. Желая продолжить разведку нефти в пустыне, оно предоставило концессии целому ряду компаний. Несколько стран ведут поиски нефти, и среди них Италия, представленная смешанным тунисско-итальянским обществом СИТЕП.

Мы решили своими глазами увидеть и запечатлеть на пленку жизнь одного из таких поисковых лагерей. Среди множества разведывательных групп наш выбор пал на самую дальнюю, затерянную в пустыне. Это был американский лагерь «Коронада».

Радио «Коронады» передало, что наша просьба удовлетворена, и лагерь изыскателей будет рад принять нас.

Добравшись до крайней южной точки эрга, мы свернули с дороги и направились прямо к лагерю разведчиков нефти, расположенному в самом жарком районе шотта, этой соляной пустыни.

Из лагеря нас попросили сообщить по радио точное время нашего прибытия. В случае задержки лагерные джипы немедленно отправились бы на поиски. Путешествие по шотту всегда таит непредвиденные опасности: машина может расколоть соляную корку и увязнуть в подкорковой грязи.

Был час дня, жара достигала, как мы потом узнали, шестидесяти градусов. Наша поездка длилась уже восемь часов. Наконец на

горизонте — возникли сначала радиоантенна, а затем сверкающий алюминиевый рулонт [\[11\]](#), машина-мастерская.

Наш шофер прибавил скорость, и это возымело роковые последствия. Мотор устало чихнул и остановился. Мы с Лаурой обменялись молчаливым взглядом и, не сговариваясь, подумали одно и то же. Но для жалоб и вздохов времени не было: за несколько минут вынужденной остановки верх джипа до того раскалился, что нам казалось, будто это не машина, а доменная печь. Мы спрыгнули на песок и пешком бесславно добрались до лагеря, от которого нас отделяло всего два километра. Вызвать по радио аварийную машину мы постеснялись. «Да к тому же в эти часы весь лагерь спит, — объяснил нам шофер, — а отдых разведчиков нефти — это святая святых».

Группа лагеря «Коронада» — американская, но в ней работают техники различных стран, в том числе два итальянца. Одного из них, Нобиса, прозвали за его широкополую ковбойскую шляпу Пекос Билл, другого — Шериф. Вся атмосфера лагеря напоминает голливудские картины о временах золотой лихорадки. Американцы — разведчики нефти из лагеря «Коронада» очень похожи на пионеров Дальнего Запада и ковбоев, какими мы привыкли их видеть в фильмах.

Когда я приехал в «Коронаду», Майкл, Бобби, Билл, начальник лагеря Гленн, подрывник Джонни и буровой мастер Пол, рыжий, прыщавый полуамериканец-полуирландец, казались мне персонажами, специально отобранными режиссером для очередного колоритного фильма о Дальнем Западе.

Таков уж «порок» моей профессии — в еврейской колонии Джербы я увидел сцену из библейского фильма, а здесь, в «Коронаде», почувствовал атмосферу бурной ковбойской жизни. Не только окружающие меня люди, но и сам пейзаж, розоватая полоска гор на тающем от жары горизонте, напомнил мне эпизоды из классических голливудских фильмов-вестерн, где герои после невероятных испытаний пересекают пустынные долины и находят прибежище в горах. Правда, здесь нет коней, но будем считать, что их заменяют джипы, ну а алюминиевые рулотты — это современные фургоны ковбоев. Для полноты картины не хватает лишь индейцев, но при известной доле воображения за них можно принять кочевников, которые раскинули свои палатки возле лагеря.

Я сказал Пекосу Биллу и Шерифу Бьянки, что они похожи на ковбоев. Оба моих соотечественника весело засмеялись и потребовали, чтобы их засняли в широкополых шляпах, когда они, горделиво опершись ногой о колесо рулота, стоят, засунув руку за кожаный пояс с серебряной пряжкой. Пришлось дать клятвенное обещание, что я пошлю эти фотографии в Италию многочисленным родственникам двух доблестных разведчиков нефти. Пусть все их сыновья, дочери и племянники полюбуются на двух «героев», точно сошедших со страниц комиксов.

Кроме американцев, итальянцев, поляков и французов в лагере работает несколько высококвалифицированных специалистов-арабов. Тяжелый ручной труд стал уделом кочевников-бедуинов, которые ищут любой постоянной работы.

Возникновение этих лагерей внесло большие перемены в жизнь недавних нищих кочевников. Они веками вынуждены были перебираться с места на место, а теперь в лагерях по разведке нефти, на перерабатывающих заводах, на строительстве ирригационных каналов и для них находится работа, которая дает пусть скудный, но постоянный заработок.

Когда у нас зашел об этом разговор с американцами, Гленн показал на палаточный лагерь среди дюн.

— Только они не приемлют новшеств, — пробормотал он и тут же добавил: — Они — это туареги.

Один из техников-тунисцев сказал нам, что сейчас, в самую засуху, много кочевников пришло сюда из Ливии и Алжира.

— Вот он тарги, — воскликнул Гленн, кивнув на выходящего из палатки кочевника.

— Тарги — это единственное число от туарег, — пояснил Пекос Билл.

Ближе к полудню он вызвался показать нам лагерь туарегов. По дороге он подробно рассказал об отношении туарегов ко всему новому, что пришло в Африку.

До последнего времени гордые и властолюбивые туареги были хозяевами пустыни. И вот теперь они с большим подозрением относятся к возможности разбогатеть, изменив свой образ жизни. Они чувствуют, что кончается их безраздельная власть над другими племенами, но глубоких причин этих перемен понять еще не в

состоянии. Завернувшись в свои одежды и повязав лицо традиционным голубым шарфом лисамом, они не знают, как им поступить. Их аменокалы, вожди каждого племени, никак не решат, бросить ли им кочевую жизнь и тоже наняться на работу или же оставить все как было прежде.

Туареги далеко не богаты, и высокие заработки, которые сулят кочевникам нефтяные компании, манят и их. Но они боятся, что, унижившись до физического труда, окончательно сравняются с бедуинами и остальными кочевниками. А это означало бы, что наступил конец их вековому господству. Поэтому они разбивают свои палатки у самых лагерей разведчиков нефти, беспрестанно совещаются о чем-то и выжидают.

— Вы не боитесь нападения? — с улыбкой спросил я у Гленна, хорошо зная склонность туарегов к грабежам.

— Нет, — ответил Гленн. — Но у первых обитателей «Коронады» эти мрачные воинственные фигуры не вызывали особого восторга.

— Да тут еще эта история с камнями и джинами, — пробормотал Шериф.

— С какими камнями и джинами? — удивился я.

Тут и Гленн, и оба моих соотечественника захохотали. Они рассказали мне о ночных перестрелках, нагонявших страх на новичков.

— Сами увидите вечером, как только похолодает, — сказал Пекос Билл. И в самом деле, вскоре и мы услышали выстрелы. Но это было не сражение и не набег туарегов. Камни пустыни, успевшие за двенадцать часов палящей жары раскалиться, в холодные ночи лопаются с глухим, похожим на выстрел треском. У кочевников бытовало предание, что эти камни были темницей джинов. А лопался камень, когда душе джина удавалось наконец спастись бегством. Потом грохот ночных взрывов слился с грохотом боев в Алжире, и уж тут техникам и рабочим лагеря стало не до сна.

Обычно воспоминания и рассказы начинались после рабочего дня, когда наши новые друзья, приняв душ, собирались в самой большой машине — рулотте, чтобы вдоволь насладиться холодным пивом.

На стене висит огромный календарь — единственное украшение этой «гостиной». В центре календаря нарисован мнимый телевизор, который «передает» мнимое изображение моря и несущейся по нему парусной лодки. Сбоку от мнимого телевизора аккуратно зачеркнуты

дни недели и месяца. Каждый месяц разведчики нефти смотрят на календарь и подсчитывают, хотя заранее прекрасно это знают, сколько времени им еще осталось прожить до конца контракта или до отпуска в невыносимом одиночестве пустыни. Все они отказываются от выходных, чтобы спустя два месяца получить восьмидневный отпуск.

В лагерь регулярно прилетает самолет. Он привозит еду, почту, запасные части к моторам и каждый день увозит нефтяников, получивших отпуск. Свои восьмидневные «каникулы» они проводят на берегу моря в Тунисе или на Джербе, а высокооплачиваемая техническая элита — даже на Лазурном берегу или на Капри. Об этом нам с улыбкой поведал Гленн.

— Здесь мы словно на другой планете. Среди бесконечных дюн эрга мне кажется, что больше никого и ничего не существует. Я забываю, что живу в шестидесятые годы, и чувствую себя пионером прошлого века, совершенно отрезанным от цивилизованного мира. И только в дни отпуска я убеждаюсь в его реальности. На рассвете я еще нахожусь в самой распроклятой из всех пустынь и хожу по дюнам, проверяя, все ли готово к очередному взрыву. Затем слышу шум самолета, иду на взлетную дорожку, прощаюсь со всеми, и через три часа я уже в Тунисе. Там я пересаживаюсь на другой самолет, тоже принадлежащий нефтяной компании, и лечу в Неаполь; в Неаполе меня ждет вертолет на Капри и в четыре часа дня я уже купаюсь в море. После песков эрга окунуться в море — величайшее из наслаждений. Чудесная магия, не правда ли? Но она превращается в дьявольскую, когда через восемь дней, в последний раз искупавшись ранним утром в темно-голубой воде Средиземного моря, я пускаюсь в обратный путь: вертолет, самолет, еще один самолет, и вот под вечер я снова хожу по дюнам, готовясь к последнему взрыву дня в этой самой распроклятой из пустынь. Такой прыжок мне приходилось совершать уже не раз, но я до сих пор к нему не привык.

Вспоминая о пустыне, Гленн употребляет прилагательное *darned* (проклятая), но в его устах оно звучит как ласковое ругательство.

Многие нефтяники работают в пустыне второй или третий срок. Отработав положенные по контракту два года, они клянутся самим себе: «Ну вот теперь я отложил немного денег, поеду куплю домик и непременно женюсь» — и... возвращаются. Они уезжают в Америку, в Италию, во Францию и чувствуют себя там словно потерянные, им

недостает этой проклятущей пустыни, полной свободы, одиночества и еще бог знает чего. Пустыня многим из них вошла в плоть и кровь, и когда они снова попадают в «цивилизованный мир», то начинают вести себя самым нелепым образом. Они путешествуют по Европе, Флориде или Калифорнии на большой открытой машине в компании какой-нибудь веселой беззаботной блондинки. С ее помощью они очень скоро остаются без гроша и прямиком мчатся в управление нефтяной компании, чтобы возобновить контракт. И вот уже они снова проклинаят эту пустыню, от которой не могут отказаться.

Шотт Мемориал

Двое техников-итальянцев попросили однажды разрешения сводить нас к соляному озеру в тридцати километрах от лагеря.

Пред нами открылся совершенно антарктический пейзаж. Соль, которая лежит на поверхности озера «ледяным» сверкающим слоем, здесь сметена ветром в кучки или застряла в расщелинах скал. Ослепительным кольцом окружила она водную гладь, которую даже солнце не сумело испарить. Очевидно, какой-то подземный источник постоянно питает это соляное озеро. Джип останавливается у самой воды, и мы идем вдоль берега. Соль скрипит под ногами, мы беспрестанно скользим — такое впечатление, словно вы на склоне ледника. Пекос Билл говорит, что вода в озере густо пропитана солью и все вокруг считают ее отравленной. Хотя озеро — единственный источник воды в радиусе двухсот километров, мы не увидели ни единого следа животных: никто не приходил сюда на водопой.

В мертвом мире огромного шотта это самое затерянное, безлюдное и страшное для всех живых существ место.

А шотт — поистине мертвый мир. В других районах пустыни, прорыв глубокий слой песка, вы можете добраться до питьевой воды; даже в знойном эрге, пусть на расстоянии сотен километров один от другого, все же встречаются колодцы: Это позволяет кочевникам утолять жажду и перегонять скот с места на место в поисках хороших пастбищ. Но только не здесь: шотт — самый мертвый район в самой мертвой пустыне. Особенно наглядно это можно увидеть после очередного взрыва нефтяников, который выбрасывает из глубины на поверхность слой солоновато-горькой грязи. Таких взрывов разведчики нефти производят до двадцати в день вдоль двухсоткилометровой прямой линии. Когда пройдена одна прямая линия, приступают к взрывам по другой до тех пор, пока вся карта зоны не будет испещрена скрещивающимися прямыми линиями и отмечена красными значками. Каждый значок — это очередной взрыв! Нужны целых пять лет, чтобы выполнить программу разведывательных работ и проверить зону.

— Ленты взрывов, — рассказывает нам рыжеволосый ирландец, — будут отправлены затем в Америку, где их изучением займутся специальные техники.

— На каждой ленте, как на бобине сейсмографа, нанесена серия взрывов и соответствующая подземная взрывная волна, — продолжил объяснения Гленн. — По этой волне можно определить, какие скальные породы находятся под слоями песка и грязи шотта.

— И на основании этих данных затем определяют, имеется ли здесь нефть?

— Не всегда. Нефть не залегает в строго определенном месте скальной породы, она концентрируется в весьма обширной пористой выпуклости...

— Похожей на здоровенный гнойный нарыв, — прерывает его Шериф.

— Значит, если есть нарыв, есть и нефть?

— Не во всех случаях. Нефть перемещается и может со временем исчезнуть. Поэтому бывает, что вы производите взрыв в месте, где, если верить взрывной эховой волне, должна быть нефть, а ее там не оказывается.

Мы сидим и беседуем в тени крохотного рулота на расстоянии ста десяти километров от базового лагеря. Здесь находится fly-camp (летучий лагерь), что позволяет рабочим и техникам вместе со всеми необходимыми приборами и аппаратурой производить взрывы, не возвращаясь каждый раз в главный лагерь. Рядом с нами, словно цветы на грядках, «растут» пустые бутылки кока-колы, впрочем, эти бутылки и есть единственные цветы пустыни. Вокруг валяются ящики, запасные камеры. Мы садимся на что попало, и я тайком от Лауры снимаю ее в тот момент, когда она причесывается, удобно устроившись на ящике с толлом.

Сейчас мы находимся на линии взрывов и следим за работой техников в знойный день, такой же беспощадно жаркий, как и все остальные. От рулота с регистрирующей аппаратурой до места взрыва обычно три или четыре километра. Средством связи между двумя группами служит здесь весьма любопытная машина. Она называется ДДД (Desert Donald Duck) и сейчас быстро приближается к нам. Слой знойного воздуха создает как бы зеркало, и нам кажется, что огромные колеса машины, не касаясь земли, плывут по воздуху. В машине сидит техник-подрывник. Он что-то кричит, размахивает руками, но понять его невозможно. Лишь когда машина подъезжает совсем близко, они с

Гленном, перебросившись отрывистыми быстрыми фразами, что-то решают. Я догадываюсь, что случилась неприятность.

— Всегда так, каждый день, каждый час, — бормочет Пекос Билл. — Проклятая работа, вечно что-нибудь не ладится. Теперь вы, надеюсь, понимаете, что такое пробыть здесь два года.

Выясняется, что испортилась буровая машина, но аварию уже устранили. И тут, на беду, вышло из строя радио («Здесь все непрестанно портится, ломается, — бурчит Пекос Билл. — Еще бы, пустыня, зной, пески»).

Техники приняли решение синхронизировать два хронометра. Через столько-то минут и столько-то секунд будет произведен взрыв. И через столько-то минут и столько-то секунд под нами качнется земля, а затем через строго определенные промежутки новый взрыв и новое «землетрясение». Я физически ощущаю, что шотт весь «сложен» из грязи, эхо взрыва здесь не бывает резким, сухим, земля оседает мягко, плавно, словно под вами слой желатина. Поэтому-то здесь, вне дорог, для связи используют ДДД, «осликов» пустыни — маленькие тракторы с огромными шинами, такими широкими, что колеса не увязают в грязи. Теоретически ДДД не утонет, даже если вдруг очутится в воде. Мы тоже передвигаемся на таком ДДД. Наш путь лежит из «летучего лагеря» к району взрыва. По дороге шофер позволил себе устроить перерыв в работе. Он на полной скорости свернул в сторону и повез нас к Шотту Мемориал. Издали шотт показался мне надгробным памятником или монументом, вблизи — огромной бомбой, но понять толком, что же это такое, я так и не сумел. Американцы с громким смехом ходили вокруг этого гигантского сверкающего яйца, воткнувшегося в грязь. На металлическом яйце черной краской выведены имена, стрелы, цифры: «До Цинциннати 7500 миль», «Отсюда до дома 3800 километров», «В память о сахарском уикэнде три года назад».

— Он упал сюда с неба, врезался в грязь и застыл здесь навсегда. Это запасной бензобак, сорвавшийся из-под крыла самолета, — улыбаясь говорит наш шофер.

— Когда это случилось? — спрашиваю я у него.

— Э, в сорок втором или сорок третьем году. Видишь, это был военный американский самолет. — Он показывает на уцелевшие цифры и буквы.

— Но бензобак кажется совсем новым? — недоверчиво говорю я. — Неужели это произошло двадцать лет назад?! Ведь не видно и следа ржавчины.

— Ржавчины здесь не бывает, так же как и не бывает безветренных дней, — объяснил мне Боб. — Ветер дует беспрестанно днем и ночью, он несет с собой крохотные песчинки в спокойные дни и тонны песка в дни, когда неистовствует гибли. Песок и ветер, как наждачная бумага, протирают любые металлические части. Металл не только не ржавеет, но и полируется на редкость чисто и гладко.

Расставшись с увязшим в грязи гигантским «яйцом», мы снова помчались к месту предстоящего взрыва. Боб рассказывал о других находках из области «военной археологии» — бомбах, осколках снарядов, шлемах. Я сразу вспомнил о скрипаче-бедуине, рассказы о днях немецкой оккупации Джербы и ясно понял, что воспоминания о войне в районах северной Сахары до сих пор не поблекли. Все эти находки — наглядное тому свидетельство.

* * *

Сколько еще взрывов произошло в районе лагеря «Коронада» и сколько новых красных значков появилось на карте за время с 1961 года до наших дней? Этого я не знаю, так же как не знаю, нашли там нефть или нет.

Однажды я непременно встречу в горах либо на берегу моря Шерифа, подрывника Джонни или еще кого-нибудь из техников «Коронады», и мне уже кажется, что я слышу, как они проклинают эту поганую пустыню и жизнь без женщин. Тогда я точно узнаю, что стало с лагерем и его обитателями. Ищут ли они до сих пор нефть в шотте, взрывая слой солоноватой грязи, или же перебрались в Индию, Южную Америку, а может быть, и в другую африканскую пустыню? А пока я хочу рассказать об исконных жителях пустыни, с которыми я познакомился за время жизни в «Коронаде». Я говорю о туарегах. Их сложные перипетии и неожиданная судьба стали мне известны после моего последнего путешествия по Африке в 1963 году.

Сведения, которые я тогда собрал, позволяют ответить на вопрос о том, как же повлияли на жизнь туарегов все новшества и события

последних лет.

Конец «синих людей»

В 1963 году, несколько лет спустя после встречи с туарегами в сахарском шотте, я очутился на другом краю той же пустыни — в нигерийском городе Кано.

Кано — это старинный город, рынок на перепутье между Черной Африкой и пустыней. В южной зоне Сахары Кано традиционно считается местом обязательной остановки караванов туарегов, направляющихся с севера на юг. Поэтому я надеялся увидеть в Кано множество «синих людей» и рассчитывал на интересные встречи с ними. Между тем вопреки моим предположениям в первые дни я не увидел на рынке, улицах и площадях ни «синих людей», ни караванов.

Почти каждый вечер мы выходили из гостиницы и отправлялись на званый ужин к итальянцам, которые живут и работают в Кано постоянно, к английским чиновникам или к представителям нигерийских властей. Такие званые вечера и приемы неизбежны в тех странах, где приезд группы кинематографистов является слишком редким и важным событием, чтобы можно было упустить столь благоприятный случай для знакомства с заманчивым миром кино. Каждый раз, подъезжая к вилле или уходя после ужина, мы видели сторожей, высоких людей в светло-синих одеждах, которые открывали нам ворота и закрывали за нами двери. Однажды вечером я остановил машину у самых ворот и направил фары прямо на сторожа виллы. Прежде сторожа лишь на миг и обычно сбоку попадали в лучи фар. Но в этот раз сторож, ослепленный ярким светом, застыл, словно загипнотизированный. Я вылез из машины, подошел поближе: сомнений больше не оставалось — это был туарег. Об этом говорили и горделивая осанка, и суровый взгляд, и одежда, и закрывавший лицо шарф. В предыдущие вечера я видел их лишь в полутьме, а главное, у них не было ни традиционного широкого плаща, ни кожаных молитвенных ожерелий, ни амулетов, ни та-кубы. Они стояли у ворот виллы, точно воины без оружия, наград и знаков различия, воины, у которых осталась одна лишь форма. Поэтому-то я их не узнал.

О своем открытии я рассказал хозяину дома.

— Да, туареги совсем обеднели, — ответил коммендаторе^[12] — Они продали свое оружие и плащи и стали ночными сторожами.

Хозяин дома — настоящий командор по званию и своему высокому положению. У него даже соответствующая внушительная комплекция, и его тучное тело с трудом умещается в старом, еще колониальных времен кресле. Он говорит четко, уверенно, короткими фразами, как человек, знающий себе цену. Сорок лет подряд он торгует в Африке кожей и убежден, что заслужил свой громкий титул и то большое влияние, которым пользуется в Кано. Коммендаторе его называют только итальянцы, но и для англичан и нигерийцев он важная фигура. Стоит хозяину дома, восседающему за массивным деревянным столом («Он здесь стоит с 1903 года, и, наверно, старше меня», — с гордостью говорит коммендаторе), пошевелить пальцем, и цена кожи в обширном районе падает или возрастает на несколько пенсов. Это символ власти в Кано. Просидев в этом кабинете сорок лет, коммендаторе знает все об Африке, ее городах, пустыне, о черных и белых. Все приходят к нему узнать последние новости или получить совет, и он, не вставая из-за неизменного деревянного стола, судит и рядит как считает нужным. А это в Кано тоже символ власти. В тот вечер мы сидели у него и в ожидании интересных новостей пили виски. Для начала нам пришлось выслушать гневную тираду против теперешних белых, которые даже на экватор отправляются без тропического шлема.

— Не понимаю, это же безумие считать шлем ненужной роскошью! — воскликнул он, повысив голос, чтобы его могли услышать и на рыночной площади. Затем последовала часовая филиппика по адресу нынешних политиков и международного положения в целом. Лишь поздно вечером речь наконец зашла о туарегах.

— Да, это они открывают ворота. Теперь они уже не хозяева пустыни, а ночные сторожа. Кончилась пора верблюжьих караванов, и они быстро обеднели.

Когда он, коммендаторе, сорок лет назад поселился в Кано, в город буквально все привозили верблюжьих караваны; это было золотое время для кочевников. Но затем построили железную дорогу, а вскоре настала пора самолетов и грузовиков. Именно грузовики и нанесли верблюжьим караванам смертельный удар. Ведь грузовики куда быстрее и надежнее, чем верблюды, доставляют грузы в любое место, и теперь ими пользуются даже самые бедные торговцы. Караваны утратили всякое значение, полную победу одержали шоферы, почти все

негры. Так осуществилась своеобразная месть прежних рабов над своими вчерашними хозяевами. Сейчас негры сильно разбогатели, занимаясь торговлей, а туареги обеднели и стали ночными сторожами. Спаслись от разорения — но надолго ли — лишь туареги пастушеских племен. Самые богатые из туарегов — караванщики и торговцы — вконец обнищали.

— Но почему туареги стали именно ночными сторожами?

Коммендаторе смеется и, прежде чем ответить, заставляет нас «принять внутрь» очередную порцию виски с содой. Пьем только мы. Сам коммендаторе играл сегодня в теннис, и поэтому он пьет лишь минеральную воду «Санджемини». Ее доставляют сюда прямо из Италии (понятно, самолетом, а не с верблюжьим караваном).

Мы медленно потягиваем холодное с кусочками льда виски и молча поглядываем на хозяина дома.

Он улыбается и качает головой.

— Да, это занятная история. Гордые туареги — и вдруг стали ночными сторожами. Последние два года я не раз видел, как они уговаривали торговцев отвезти их товары с караваном верблюдов. Но отныне никто больше не нуждается в их услугах. Для всех караванов, разбивших свои палатки возле городского рынка, настали черные дни.

Кано теперь современный город со своим телевидением. А в мире телевидения и современных удобств, когда пришел конец даже колониальным шлемам, не осталось места верблюжьим караванам, преодолевающим в день километров двадцать. К туарегам подкрались отчаяние и голод. Что им оставалось делать? Выполнять тяжелую физическую работу они не могут: тысячелетиями они были хозяевами пустыни и никогда в жизни не работали. Чтобы не умереть с голоду, им пришлось съесть своих верблюдов. А это было последним жестоким ударом по их прежней власти. Без верблюдов они не в состоянии даже покинуть город и вернуться в пустыню, где могли бы хоть заняться пастушеством, как это делают некоторые племена туарегов массива Аир. Трудиться они не умеют, но зато они смелы и привыкли к долгим ночным бдениям на кочевьях, к непроницаемой мгле Сахары и видят даже в темноте. Кто-то сообразил, что туарегов можно использовать как ночных сторожей, и нанял одного из них за мизерную плату; остальные жители Кано вскоре последовали примеру «первооткрывателя».

Теперь у всех ворот дежурят туареги, они довольствуются несколькими шиллингами и скудной едой, поэтому их охотно берут в ночные сторожа.

Когда мы допили холодное виски с содой, а коммендаторе последнюю бутылку минеральной воды, уже настал рассвет и край неба под крышами домов стал постепенно белеть.

На следующий день, иными словами спустя всего четыре часа, коммендаторе принял нас в своем служебном кабинете. Он был бодрый и свежий, точно спал всю ночь; мы же чуть не падали от усталости, глаза непроизвольно слипались, а голова нестерпимо болела.

— Нет, вам надо носить шлем, — покачивая головой, бурчит коммендаторе. И тут же, воспользовавшись нашим сонливым безразличием, дарит нам старые тропические шлемы, провалявшиеся в шкафу бог весть сколько лет. Мы не можем отказаться от подарка и, улыбаясь, обещаем хозяину, что отныне станем классическими путешественниками былых времен. Разговор переходит на другие темы. Мы рассказываем о наших планах, и хозяин дает нам ценные практические советы. О туарегах он больше даже не упоминает: он рассказал о них все, что знал.

И тут я заметил, что передал их историю начиная с конца. Я описал свою встречу с ними в Кано, которая произошла в 1963 году, но лишь упомянул о предыдущих встречах в 1953, 1957 и 1959 годах. С той поры прошло меньше десяти лет, но и этого оказалось достаточно, чтобы опрокинуть прежние иерархические отношения и фактически разрушить структуру целой этнической группы, которая прежде казалась самой прочной в Сахаре.

Поэтому я не могу не вернуться к моим прежним впечатлениям.

За десять лет путешествий и встреч с туарегами я выучил на их языке — тамашек — всего четыре слова. Я каждый раз попадал к туарегам в разное время года, и это позволило мне выучить их названия. Иуильен — это период с мая по август, время самой невыносимой жары. С августа по ноябрь — пора свадеб, которая называется у туарегов «амеуан». Зима — лучшее время года. В эти месяцы часто идут живительные дожди, самые крупные племена пускаются в долгий путь, пастухи перегоняют с пастбища на пастбище тучные стада. Это чудесное время называется «таджерест». После таджереста наступает тафсит. Он длится с февраля по май, и в эту пору

в любой день можно ждать мгновенного перехода от периода обильных дождей к жестокой засухе. За все время моих частых встреч с туарегами я так и не выучил других слов, хотя подолгу жил вместе с ними. Должен честно признаться, что и эти четыре слова мне ни разу не понадобились. Но для меня они очень важны как путевые вехи моих путешествий. Стоит мне повторить иуильен, амеуан, таджерест и тафсит, и словно по мановению волшебной палочки передо мной всплывают воспоминания о давних встречах и любопытных эпизодах.

Договор о воде

Год 1954, время тафсита. Мы находимся в Ливии, неподалеку от Гадамеса, в лагере туарегов, прибывших в оазис с грузом своих обычных товаров. Сам я приехал в Гадамес, потому что с этим городом связана легенда о туарегах, которая показалась мне интересным зачином для будущего фильма об истории «синих людей».

Легенда рассказывает, что мирные и трудолюбивые жители оазиса Гадамес прежде часто становились жертвами разбойников и грабителей, свирепствовавших во всей Северной Африке.

Неспособные самостоятельно дать отпор грабителям, жители Гадамеса, в абсолютном большинстве своем крестьяне и торговцы, отправили в пустыню гонцов, чтобы те прознали, не найдется ли охотников защищать оазис. Само собой разумеется, за хорошее вознаграждение. На просьбу гадамесцев откликнулось несколько племен туарегов кель-аджер. В награду они потребовали, чтобы им разрешили в любое время свободно брать воду из колодцев и каналов оазиса.

Туареги кель-аджер смело и решительно защищали Гадамес от набегов разбойников. Потерпев ряд сокрушительных поражений, те больше не осмеливались напасть на оазис. С той поры и по сегодняшний день (эти исторические события относились ни много ни мало как к XVI веку) жители оазиса соблюдают верность договору, заключенному с воинственными туарегами. И сейчас туареги, единственные из всех кочевников, имеют право брать воду из самых глубинных источников оазиса, не спрашивая заранее разрешения владельца и местных властей Гадамеса. Но и для туарегов сохранил силу запрет, введенный тогда же, в далеком XVI веке.

Нам рассказал об этом аменокал Ибн Саукал, который каждый вечер приходит в нашу палатку. Он читает нам нараспев стихи и легенды туарегов, рассказывает об обычаях и нравах своего народа. У него великолепная память, и его рассказы красочны и живописны, полны любопытных подробностей. Мы воспользовались этим, чтобы записать его слова на магнитофон; переводчиком нам служил старый ливиец, который еще хорошо помнил итальянский язык.

В тот вечер Ибн Саукал поведал нам о том, как туареги согласились защищать Гадамес. Из разных районов пустыни прибыли в оазис группы воинов-туарегов. На границе оазиса их встретил мудир — глава оазиса — и в знак дружбы вручил им чашу с солью. Однако пакт дружбы не помешал мудире обратиться к туарегам с деликатной просьбой: жители Гадамеса боялись за своих жен и хорошо знали, что «синие люди» непобедимы как в кровавых битвах, так и в любовных поединках (я привожу дословно рассказ Ибн Саукала). Поэтому они опасались, что покой и мир в семьях могут быть нарушены с приходом туарегов. Они готовы были с открытой душой принять туарегов, но просили не переступать городской черты и оставаться за стенами Гадамеса. Тогда у них не появится соблазна совратить жен мирных горожан.

В преддверии схватки с грабителями туареги расположились вокруг города, и, строго соблюдая договор, ни один из кочевников ни разу не проник за городские стены. Ибн Саукал посмотрел на нас. В его взгляде, когда он продолжил свой рассказ, светилась ирония, а в голосе звучала гордость. Договор о воде и о неприкосновенности жилищ гадамесцев строго соблюдается до сих пор. Всякие переговоры с арабами и торговые сделки совершаются на площади караван-сарая, в дома мы не заходим. Раз столько веков обе стороны выполняли это молчаливое соглашение, значит, за все это время в пустыне остались неизменными и ценность воды, и красота туарегов.

Мы засмеялись, давая понять, что отлично поняли его слова. Аменокал доволен: как и все туареги, он тщеславен и равнодушен к похвалам. Впрочем, он и сам отлично знает, что мужчины и женщины его народа действительно очень красивы. Сами мы могли судить об их красоте лишь по косвенным доказательствам и чужим рассказам: никому из нас, хотя мы и прожили с ними бок о бок несколько месяцев, не удалось уговорить ни одного туарега снять синее покрывало — лисам. Тут нам не помогла даже дружба с Ибн Саукалом.

Впервые я услышал о туарегах в Бергамо от старого горца. В 1911 году его послали воевать в Ливию. Из всех лет военной службы в Италии и богатого событиями похода в Африку ему запомнилось, как в Неаполе юная парочка целовалась в кино, и «негры» с синим покрывалом на голове, которых он увидел в пустыне. Это были туареги, но тогда ни он, ни мы, конечно, не слыхали даже такого слова. Когда

старый бергамец живописал бои в песках пустыни, мы с замиранием сердца ждали, когда же он перейдет к рассказу о захоронении убитых врагов. Лица «синих людей» и после смерти были скрыты под покрывалом, которое никто из арабов не решился развязать. Наши же солдаты из любопытства искали туарегов среди убитых, чтобы посмотреть, какое же в них все-таки лицо. Мы, понятно, не ждали, что «синие люди» на самом деле окажутся чудовищами с тремя глазами и двумя ртами, и все же рассказ старого альпийца имел весьма неожиданную концовку — скрытые прежде синим покрывалом лица убитых тоже были... синего цвета.

— Почему? — с изумлением спрашивали мы.

— Да потому, что они никогда не снимали покрывала, — отвечал старый бергамец. — Даже за обедом, даже ночью, когда ложились спать, и в минуты любви. Поэтому с годами краска ткани въелась в кожу, проникла во все поры, окрасив в синий цвет сами лица туарегов.

С этим услышанным еще в детстве рассказом о туарегах тесно переплетаются сведения, почерпнутые из множества книг. Исторические, этнографические и научные теории о происхождении туарегов органически сливаются с фантазией романистов. Все, что связано с «синими людьми», столь овеяно легендой, что таинственность и загадочность присущи как серьезным документированным исследованиям, так и полным безудержной выдумки книгам писателей. Таково мое впечатление не ученого, а путешественника, и оно вполне подтверждается моими личными встречами с туарегами. Пришельцы из Атлантиды или потомки дорийцев? Враги или друзья египтян? Победители пустыни или побежденные пустыней? Представители ионическо-микенской цивилизации или родичи ацтеков? Среди множества нерешенных вопросов одно можно сказать твердо: это народ с таким загадочным прошлым, что сама его история кажется не этнографической реальностью, а чудесной поэтической легендой, волшебной сказкой. Глубокие, серьезные исследования имеют в этом случае такую же ценность, как и устные рассказы и воспоминаниям опыт долгого общения с туарегами сплетается с поэтическим вымыслом. Если можно выдвинуть целый ряд гипотез о происхождении туарегов, которых исторические события разбросали по землям девяти разных африканских государств, то хотя белые туареги кель-аджер сильно и

отличаются от черных туарегов кель-азбеп^[13], все же, путешествуя по Сахаре, нельзя не заметить, что «синих кочевников» объединяют общие культурные традиции. У сотен племен туарегов единый язык — тамашек, единая религия и общие мифы и легенды, четко проявляется и общность их обычаев и нравов. Тамашек цементирует эту этническую группу и является единым языком для всех племен туарегов Севера и Юга. Я воспринимал тамашек лишь на слух, но мне кажется, что в нем существует одинаковая музыкальность, своеобразная однотонная кантилена. Это настоящий язык, а не наречие, что имеет свое важное значение на таком континенте, как Африка. Здесь вавилонское смешение языков и наречий бывает причиной острых кризисов и не позволяет установить диалог даже между соседними этническими группами, несмотря на общность политических и социальных проблем.

«Синие кочевники» кроме тамашек владеют и «немым языком»; совершенно очевидно, что язык знаков был изучен ими, чтобы обмениваться советами или мнениями, не давая возможности остальным понять что-либо. Нам об этом впервые рассказал в Гадамесе наш переводчик. Однажды мы попытались договориться с группой туарегов об условиях, на которых они согласились бы сняться в документальном фильме. Они должны были за определенную плату оставаться в нашем распоряжении целый день вместе со всем оружием и верблюдами-мехари. Вести переговоры такого рода с туарегами Сахары очень трудно. Они не очень любят работать и, когда им бывает просто невозможно отказаться от выгодного предложения, норовят всеми способами выторговать вознаграждение побольше. Мы через переводчика делаем свои предложения, получаем вполне определенный ответ, но переговоры не продвигаются ни на йоту.

— Я им говорю, вот наши условия, а они отвечают, что согласны. Остается окончательно договориться, и тут они назначают новую сумму, — возмущается переводчик. — А главное, я ровным счетом ничего не могу понять.

— Как же так?! — удивляемся мы. — Ведь ты знаешь их язык.

— Так они переговариваются тайком, — объясняет бедняга переводчик. — Видишь, они касаются пальцами ладоней соседа, и тот все понимает. Только одни надумают принять ваши условия, как другие уже советуют запросить еще больше.

Мы с любопытством стали следить за этими «кодированными» переговорами и согласны были, чтобы торг продолжался еще очень долго. Правда, наш переводчик совсем растерялся под градом предложений и контрпредложений. Таинственный немой разговор происходит обычно таким образом: туарег берет руку своего соседа и быстро, словно он пишет карандашом, проводит пальцами по ладони собеседника. В короткое мгновение, не обменявшись ни единым словом, туареги согласовывают свои действия. Эта система известна всем племенам туарегов, подчас живущих на огромном расстоянии друг от друга. Я видел немую беседу у туарегов Хоггара и совсем недавно в Нигере, вблизи Зиндера у черных туарегов кель-азбен. Начиная с моего первого путешествия в пустыню Гадамеса, едва мне стало известно о существовании немого языка, я попытался собрать о нем как можно больше сведений. Особенно много подробностей я узнал от молодого туарега-охотника. Между прочим, юный охотник рассказал мне, что разговор «ладонями» весьма удобен не только во время деловых переговоров. Когда мужчина хочет говорить со своей возлюбленной или женой так, чтобы их не услышали в других палатках, он прибегает к немой беседе.

Король, жены, наложницы и «сладкая жизнь»

Аменокал — это король или, точнее, глава определенного племени туарегов. Но как причудливы у этих людей взаимоотношения между королем и его подданными! Да и само понятие подчиненности носит у «синих людей» весьма относительный характер. Туареги района Хоггар, к примеру, весьма мало боятся своего аменокала. Но и среди племени туарегов внутренних районов пустыни, где более строго придерживаются традиций, мы не наблюдали форм рабского подчинения всевозможным султанам, ламидо и принцам, присущих другим местным народностям. Я ни разу не видел, чтобы туареги преклоняли колени перед аменокалом или простирался ниц, прежде чем обратиться к нему^[14]. «Аменокал» на языке туарегов означает «властитель земель»; «ам» — это префикс, выполняющий грамматическую функцию «владения», а «кал» значит «земля». Звание аменокала «присваивается» в Хоггаре верховному главе многих племен, а в Судане и Нигере — главе небольших групп. И хотя он наделен многими внешними атрибутами королевской власти, фактически это политический руководитель, которого вполне могут лишить высокой должности.

Символом власти аменокала является огромный барабан. Повредить его, бросить во время битвы, песчаной бури или пожара — значит нанести серьезный ущерб престижу аменокала. Мы сфотографировали множество барабанов, и все они были из необработанной воловьей кожи и имели полусферическую форму. Казалось, их делал один и тот же мастер.

Я хотел не только сфотографировать, но и привезти домой такой барабан. Но если мне удалось купить у туарегов немало изделий ремесленников, предметов домашнего обихода и даже настоящий меч и серебряные мониста, я так и не смог купить барабан — символ власти, хотя и предлагал за него очень высокую цену. Никто не пожелал продать мне хоть один барабан, даже в тех районах, где крепость старинных традиций начинает слабеть. Пока у туарегов сохранится чувство коллективной солидарности и группового единства, не думаю,

чтобы нашелся среди них человек, который решился бы продать иностранцу этот ритуальный, почти священный предмет.

Среди множества людей, изучавших и любивших пустыню, падре Ле Фуко остается одной из наиболее примечательных личностей. Бывший французский кавалерийский офицер, он приехал в Сахару в конце прошлого века. Там он пережил глубокий духовный кризис, стал священником и основал орден «малых братьев». Он жил в одиночестве. В 1916 году был убит во время волнений. Для арабов и европейцев, христиан и мусульман он до сих пор остается мифологической фигурой. Когда Ле Фуко писал свою книгу о языке туарегов, он обнаружил, что у них вообще не существует слова «невинность». Это лишний раз подтверждает тот общеизвестный факт, что молодые туареги придерживаются удивительно вольных нравов. В чем же заключается эта свобода нравов? Юношам к шестнадцати годам позволяют наравне со взрослыми участвовать в общем празднике ахал, когда каждый выбирает себе сердечного друга или подругу. За ахалом следует праздник асрхал, когда царит полнейшая свобода нравов и свидания юношей с девушками приобретают весьма чувственный характер. Я бы даже выразил это краткой формулой: «Ахал плюс асрхал представляют у туарегов «сладкую жизнь»^[15].

Об этой сладкой жизни нам подробно рассказывали пожилые туареги и аменокал центральной части Хоггара, куда мы добрались после утомительного путешествия на джипах. Мы целых две недели прожили в лагере туарегов и надеялись побывать на ахале. Но страх, извечный страх мусульман перед изображением, оказался сильнее подарков. Молодые туареги так и не пустили нас на свой праздник: они боялись, что мы попытаемся тайком заснять их.

Все этнографы, историки, исследователи Сахары, ученые, сами мужчины-туареги признают, что в мусульманском мире женщины этого племени пользуются наибольшей свободой.

«Мужчины у них закрывают шалью лицо, а женщины обнажаются догола», — говорят о туарегах их извечные враги, люди из народа хауса.

До тридцати лет женщины-туареги отказываются выйти замуж. Они считают признаком плохого тона, почти извращением в молодые годы соблюдать верность мужу и отдаваться ему одному. Этот обычай одобряется и родителями девушки, и всеми мужчинами. Но женщины

могут жить только с мужчинами своего племени и при этом равного с ними социального положения. Те женщины, которые нарушают эти два правила, обрекают себя на позор и бесчестие.

Когда женщина из племени туарегов наконец выходит замуж, супруг обязан считать ее единственной законной женой. В отличие от других мусульманок женщины-туареги не признают многоженства. Муж может иметь наложниц, но вход в семейную палатку для них закрыт. Если мужчина-туарег вынужден довольствоваться одной-единственной женой, утешением ему служит гордое сознание того, что его супруга обычно бывает весьма умной и привлекательной. Все женщины племени туарегов очень красивы или по крайней мере умеют казаться таковыми. Свои природные недостатки они умело маскируют подобранной со вкусом одеждой и весьма искусным применением косметики. Обычно они изящны и стройны.

Ветровая ванна

Туареги познакомили меня и со многими любопытными особенностями пустыни. В Нефте я впервые понял, что ветер, постоянно дующий в Сахаре, опасен и неприятен не только своей силой, но и мириадами песчинок, которые он несет с собой. Но это же обстоятельство играет весьма важную роль в «гигиене» кочевников: очень часто ветер заменяет им воду.

Мы заметили, что туареги, хотя они считают себя правоверными мусульманами, не любят и всячески избегают ритуальных омовений, которые Коран предписывает совершать раз в день.

Возможно, тут сказываются и влияние прежних анимистических верований, и вековая привычка экономить драгоценную влагу. А опыт учил тому, что нельзя нарушать функцию потовых желез частыми омовениями. Это резко изменило бы температуру тела, что могло бы привести к быстрому обезвоживанию организма, весьма опасному в пустыне.

Но не делайте отсюда поспешного вывода, что туареги не заботятся о чистоте своего тела. Наоборот, тело человека, который всю свою жизнь провел в пустыне на ветру, отличается редкой чистотой. Туареги ничего, кроме халатов, не носят: вездесущий ветер обдувает голое тело мельчайшими песчинками, он, словно наждачная бумага, протирает кожу, и она становится даже более чистой, чем после священных омовений. После нескольких недель жизни в пустыне мы заметили, что нуждаемся в душе куда меньше, чем в разгар европейского или тропического лета. Даже устав после долгих переходов или тяжелой езды по пыльной дороге, мы все же чувствовали себя совершенно чистыми. Сухой климат пустыни не вызывает сильного потовыделения, а ветер, как щетка, снимает с нас пыль.

Мне вспоминается фраза одного из моих помощников-кинооператоров. Как-то вечером, высунув руку из палатки, он воскликнул.

— Вылезайте, все вылезайте! Сегодня отменный ветер, можно принять душ и помыться, так что раздевайтесь и не забудьте захватить полотенце и зубную щетку...

Охота сетями на антилоп

Вместе с охотниками Ибн Саукала мы отправились в Хаммада Эль-Хамра, находящемся к югу от Гадамеса. Мы решили поохотиться на джипах на букру — самую большую антилопу ливийской пустыни. За несколько лет до этого я участвовал в такого рода охоте, и она показалась мне на редкость безжалостной и неспортивной. Я дал себе слово больше не участвовать в жестоком избиении мирных животных.

В 1952 году, когда я снимал в Красном море на пустынном острове Большой Дахлак (Grande Dalack) фильм «Шестой континент», у нашей экспедиции иссякли запасы продовольствия. У нас не было необходимого снаряжения для обычной «пешей» охоты, и мы приняли предложение одного итальянца поохотиться на его джипе.

Глубинные районы острова представляют собой совершенно гладкую равнину, на которой лишь кое-где встречаются редкие заросли колючей акации. Наш джип несся по равнине в поисках залегшего в кустах стада газелей. Впереди на капоте, уперевшись ногами в фары, чтобы машина при резком повороте и торможении не сбросила их, стояли наготове двое охотников с заряженными ружьями. После тридцати минут поисков шум мотора испугнул стадо газелей. Джип немедленно помчался в погоню. Спидометр показывал сначала шестьдесят, затем семьдесят и, наконец, восемьдесят километров в час. Объятые страхом животные пытались уйти от преследователей, но это им не удавалось. Через несколько минут их стремительный бег замедлился, и вскоре они окончательно выбились из сил.

Джип тоже сбавил скорость, охотники прицелились и открыли стрельбу. Пули не убили, а лишь ранили животных: трудно хорошо прицелиться с несущейся вперед машины. Три раненые газели упали в песок, четвертая проскакала еще сотню-другую метров и вдруг, подогнув передние ноги, рухнула замертво. Не успели машины остановиться, как двое охотников-арабов уже соскочили на землю, держа в руке длинный нож. Мусульмане не могут есть мясо животного, если в миг смерти его глаза не были обращены на восток, к Мекке. Поэтому оба охотника торопились прикончить газелей своими руками, прежде чем они умрут от пуль в столь неортодоксальной «позиции». Каждый из арабов схватил свою добычу за рога, повернул ее голову к

востоку и молниеносно вонзил нож в горло газели, еще трепетавшей после неистового бега. На мгновение я почувствовал себя негодяем, соучастником подлого убийства беззащитного живого существа. Я невольно поймал испуганный и недоумевающий взгляд умирающего животного.

Поэтому, когда аменокал предложил организовать на джипах охоту на антилоп, я сразу же отказался. Ибн Саукал, хотя он и понял причины моего отказа, все равно обиделся. Они, туареги, охотятся совсем не так, как я рассказал. Никто не будет стрелять по животным с джипа.

— У нас нет столько мехари, как прежде, — неторопливо пояснил Ибн Саукал, — но мы можем с помощью ваших машин показать, как охотились прежде туареги. Это не было предательским избиением животных. А раз не было раньше, то не будет и теперь.

— Как же охотились прежде воины-туареги, — спросил я через переводчика.

Переводчик тут же перевел мой вопрос, и между ним, аменокалом и другими туарегами завязалась оживленная беседа. Видно, при воспоминании о былых славных временах в них пробудилась душа охотников... Их глаза заблестели, сразу исчезло обычное бесстрастное выражение, которое, казалось, никогда не сходило у туарегов с лица. Все принялись жестикулировать, заговорили быстро и громко. Переводчик повернулся к нам и пояснил:

— Раньше они охотились на антилоп сетями. Но для этого нужно много верблюдов, а их теперь не хватает. Сети у охотников сохранились, и если вы согласны использовать ваши джипы вместо верблюдов, то все будет как в старину.

Поздно ночью мы на трех джипах отправились в район пустыни Хаммада Эль-Хамра. На капоте каждого джипа сидел, устремив взор к горизонту, проводник-туарег. Время от времени он легким движением руки показывал, куда ехать дальше. Проехав с десятков километров, мы по знаку гида останавливались, охотники слезали и принимались внимательно изучать экскременты антилоп.

— Они определяют, давно ли здесь прошло стадо животных, — объяснил нам переводчик.

После каждой такой остановки джипы меняли направление, и уже через два часа езды мы потеряли всякую ориентировку в этой голой плоской пустыне. Но по уверенным жестам наших гидов мы

догадывались, что они твердо держат в руках нить Ариадны. Главная наша забота— бензин. Туареги не понимают, что бензина может не хватить, им вообще не очень ясно, зачем он нужен. Тем более им непонятно, что мы должны оставить часть бензина на обратный путь. Прежде чем опасения такого рода заставили нас отказаться от поисков, раздался крик одного из гидов; он взволнованно показал вдаль, туда, где полоса хаммады сливалась с низкой линией горизонта. Меж камней мы с трудом различили на горизонте стадо антилоп. Отсюда они казались совсем маленькими, но это был обычный в пустыне световой обман. Едва джипы помчались в указанном направлении, мы убедились, что это весьма крупные антилопы с великолепными рогами. Это и есть букра. Они неслись с невероятной быстротой и пока не выказывали никаких признаков усталости. Мы, конечно, могли бы увеличить скорость до шестидесяти километров в час, но это была лишь первая проба сил. Туареги знаком велели нам не прибавлять скорости, и не видно было, чтобы они готовились начать охоту. Но едва антилопы замедлили свой бег, гиды подняли руку, приказывая нам сбавить ход.

Стадо антилоп остановилось неподалеку от нас: совершенно плоская равнина не давала им возможности спрятаться, уставшие животные пристально глядели на нас. От наших джипов их отделяло пятьсот-шестьсот метров. И вот настал момент приступить к охоте. Никаких ружей или винтовок. Туареги выбрасывают из мешков длинную крепкую сеть, разворачивают ее и бросают на землю. Затем они расстилают ее и крепко-накрепко привязывают к металлическим рейкам верхних багажников двух джипов. Охотники разрабатывают план облавы: третий джип будет выполнять роль загонщика — его задача загнать животных в сеть-ловушку.

Мы вновь заводим моторы, и, едва их рев нарушает тишину пустыни, в стаде антилоп начинается паника. Как порыв ветра рябью пробегает по спокойной водяной глади, так по стаду прошелестел порыв страха. Антилопы вздрогнули, мгновенно наострили чуткие, доселе неподвижные уши, и вот уже они снова галопом мчатся, а за ними, подпрыгивая на камнях, несутся джипы с раздувающейся на ветру сетью. Несутся антилопы, и несемся мы по их следам, и этот бег кончится либо полной капитуляцией обессилевших животных, либо внезапной аварией одного из джипов.

Меньше всего волнуются туареги, они спокойно показывают, когда нужно изменить направление. Шоферы двух «спаренных» сетью джипов обливаются потом, стараясь удержать ее в натяжении. Они ни разу не участвовали в такой охоте и сейчас очень волнуются: ведь сеть не должна касаться земли или задеть о камень, иначе она мгновенно порвется.

Спидометр застыл на отметке шестьдесят. На какое-то мгновение мы растерялись; стадо антилоп разбилось на две группы; самки с детенышами резко свернули вправо. Чтобы спасти их и отвлечь наше внимание, самцы бросились в противоположную сторону и помчались еще быстрее; повелительный знак старшины охотников развеял все наши сомнения — мы будем преследовать самцов.

Погоня длилась еще минут двадцать, а потом уставшие животные внезапно замедлили бег. Охотники крикнули нашим шоферам, чтобы те прибавили скорость. Третий джип сбоку атаковал стадо, и животные рассыпались в разные стороны. Мы сразу же устремились навстречу трем самым красивым самцам, но, прежде чем я успел их заснять, они очутились у самых машин. Какая-то доля секунды — и вот уже они забились в сети. Мы плавно притормозили машины, иначе можно поранить пленных животных.

Они лежат на земле, и их испуганные глаза в страхе устремлены на торжествующие лица туарегов. Самый крупный из самцов все еще не желает признать себя побежденным. Он рвется из сети, его крепкие мускулы бугрятся под тонкой кожей, он никак не может понять, что же произошло. Я становлюсь на колени и снимаю эту сцену; ноздри угодившего в сеть Животного судорожно дрожат, и в них живет тот же ужас, что и во взгляде. Страх и величайшее изумление: животное чувствует, что оно побеждено, но одновременно чувствует, что его не убили, а сохранили ему жизнь.

Вечером в лагере мои друзья огорчаются: из-за глупого сентиментализма мы велели не убивать антилоп и сами лишились трех великолепных охотничьих трофеев.

Между тем трофеем я все-таки увез — это фотографии трех антилоп-букра, плененных сетью, и сделанные блицем уже на закате снимки получивших свободу животных. Быть может, на мгновенном снимке мне удалось запечатлеть и недоверчивое изумление, которое промелькнуло во взгляде трех пленников, когда их освободили из сетей.

Еще миг — и все трое бешеным галопом уже несутся вдаль, к горизонту.

Когда мы возвращались из Хаммада Эль-Хамра, у нас было достаточно времени, чтобы не раз поразиться удивительной способности туарегов ориентироваться на местности.

Машины неслись по голой пустыне в убывающем свете дня. Но для туарегов даже одинокий кустик был вполне достаточным ориентиром, и они тут же указывали нашим шоферам, куда ехать дальше. На этом каменном «плоскогорье» колеса наших машин не оставляли ни малейших следов. И все же туареги не ошиблись ни на метр; мы напрямик прибыли в лагерь, словно путешествовали по отменной автостраде. Перед скудным ужином, который еле-еле позволил нам утолить жажду и голод, туареги побаловали нас душем, честно, хотя и скупо, разделив на всех драгоценную воду.

Вечером, когда бледный серп луны с трудом прорезал черные тени вокруг, к нам в лагерь пожаловал Ибн Саукал вместе с двумя своими лучшими охотниками. Они уселись в кругу света, отбрасываемого ацетиленовой лампой, и молча уставились на нас, ожидая, пока мы кончим свои разговоры. Затем с помощью переводчика, множества выразительных жестов, долгих пауз и удивленных восклицаний завязалась беседа об охоте на букра. Ибн Саукалу не терпится рассказать нам об охоте в давние времена. Он говорит, что раньше туареги аджер охотились на антилоп, растянув сети между самыми быстрыми верблюдами. Охотники находили следы антилоп, и начиналось упорное преследование. Хотя верблюды и не могли состязаться в скорости с антилопами, они были куда выносливее. Нам охота на джипах показалась очень долгой, а ведь она длилась всего несколько часов. Между тем охота на верблюдах нередко продолжалась четыре и пять дней. В этом и заключалась разница между нашей вылазкой в Хаммада Эль-Хамра и охотой былых времен. После каждого дня охоты туареги и верб-люды-мехари ложились на землю отдыхать. Неподалеку от них на этой же голой, без всякого укрытия земле отдыхали и преследуемые антилопы. Ночь приносила желанную передышку одним и другим. Наутро охота возобновлялась. Но если туареги, имея припасы и воду, могли бороться с усталостью и продолжать преследование, антилопы не успевали ни пощипать ветки кустарника, ни напиться. Они все больше слабели, постепенно их бег

становился все медленнее и медленнее, пока они окончательно не выбивались из сил. Тогда все стадо в изнеможении опускалось на землю, признав свое поражение. Уставшие животные становились легкой добычей преследователей, которые накрывали антилоп сетями.

— Но почему же охотники не метали в них копья? — спросил я у Ибн Саукала.

— Потому что туареги аджер убивали только старых букра, бесполезных для стада. Молодых самцов и самок отпускали на свободу, чтобы стадо могло вновь расплодиться. Пойманных самок, если это удавалось, доили. Так что единственной охотничьей добычей туарегов было мясо старых антилоп да несколько кувшинов молока.

Кончалась охота, и люди и животные уходили каждый своим путем. Пустыня велика, и прежде в ней было место для всех.

Песни любви и рассказы о смелых набегах

А теперь перенесемся на время в Нигер. Мы достигли крайней южной точки Сахары на границе с Экваториальной Африкой.

— Остерегайтесь кель-азбен, черных туарегов! — предупреждали нас европейцы в Зиндере и Агадесе.

— Будьте осторожны! Кель-азбен совсем не похожи на кель-аджер, своих белых соплеменников. Они вспыльчивы, подозрительны, свирепы и воинственны и часто прибегают к насилию.

Нам предстояло углубиться в районы, где живут «синие люди», которых местные европейцы рисовали в столь мрачных красках.

— Вряд ли вам удастся установить с ними дружеские контакты и снять документальный фильм. Эти черные туареги очень недоверчивы, — беспрестанно повторяли они.

Между тем ни одно другое племя не встретило нас более радушно и дружелюбно, чем племя кель-азбен, живущее в Верхнем Нигере. А самые хорошие и приятные воспоминания из всех путешествий по Сахаре сохранились у меня об аменокале черных туарегов — старом Мусе.

Что нужно знатному человеку?
Белый верблюд!
Красное седло!
Красивая девушка
И звучная песня любви.

Этот стих-песню Муса произносит медленно, протяжно: он беспокоится, сможет ли переводчик точно передать значение каждого слова.

Муса тоже принадлежит к знати, и ему очень нравится это стихотворение. Он убежден, что оно поможет чужеземцам лучше понять жизнь и обычаи его племени. Муса — вождь большого племени, которое беспрестанно кочует по крайнему югу Сахары, между Зиндером и Агадесом. Для нас он и черные туареги не просто еще одно

племя, где вождя можно сразу узнать по одежде и гордой осанке, а все остальные кочевники как бы составляют одну безликую массу. Из всех встреч с «синими людьми» самое глубокое впечатление оставили у меня Муса и люди его племени. Это было как бы недостающее звено в цепи не поверхностного, а глубокого ознакомления с жизнью племени туарегов, тем более интересного, что скоро от их самобытности не останется и следа.

Впервые с черными туарегами мы встретились в нигерийском сахеле, этой предпустынной степной зоне.

Племя аменокала Мусы разбило свой лагерь на вершине самого высокого холма в гористом районе Того. В эти труднодоступные места мы приехали, чтобы снять документальный фильм о кочевниках. Состав нашей группы был иным, чем во времена путешествий по северной Сахаре, но в нашей съемочной группе царил тот же дух поиска, стремление запечатлеть новое и неописанное.

Увидев неподалеку палатки, мы не раздумывая стали взбираться по песчаному холму.

Нас встретил юноша с виду наверняка туарег, но его голову и лицо не покрывал традиционный лисам. Впоследствии мы узнали, что лисам он не носит, потому что ему всего десять лет. Между тем по телосложению и росту ему смело можно было бы дать все пятнадцать. Он подошел к нам и вежливо поздоровался. Мы столь же дружелюбно ответили на его приветствия; тогда он поклонился и сел на землю, поджав под себя ноги. Мы тоже уселись на землю и завели неторопливый разговор. Юный туарег тут же с гордостью сообщил нам, что он учил французский язык в школе и даже умеет читать. Он младший брат вождя племени. Сам вождь вместе с двумя помощниками погнал стадо коз на водопой. Каждый туарег племени кель-азбен владеет небольшим стадом, которое пасет слуга-негр.

Мальчуган рассказывал обо всем свободно, безбоязненно, но мы чувствовали, что он опасается, как бы мы не попросили разрешения осмотреть лагерь: ведь в палатках наверняка сидят женщины.

Еще раньше мы заметили, как при нашем приближении чьи-то проворные руки, унизанные браслетами, мгновенно запахнули края палаток, чтобы не осталось ни малейшей щелчки. Хотя мальчуган и не говорил об этом прямо, мы поняли, что лучше нам воздержаться от

распросов, и терпеливо сидели на земле, не делая никаких попыток проникнуть в лагерь.

Минут через двадцать вдали показалось трое туарегов на верблюдах-мехари. Пустив своих мехари в галоп, туареги неожиданно быстро добрались до вершины холма. Их белые одеяния, развеваясь на ветру, казались крыльями огромной летучей мыши.

Хотя наши машины и мы сами не остались незамеченными, туареги притворились, будто не видят нас. Осадив верблюдов, словно коней, на всем скаку, они спешили и скрылись в палатках, надежно защищающих их от солнца и нескромных взглядов чужеземцев.

Младший брат вождя (тем временем мы узнали, что его зовут Амир) оставил нас, чтобы официально сообщить вновь прибывшим о нашем визите.

Он вошел в самую большую палатку и вскоре вышел оттуда с одним из туарегов, должно быть вождем племени. По жестам мальчугана нетрудно было догадаться, что он объяснил брату: чужие люди даже не пытались заглянуть в палатки и сфотографировать их обитательниц без разрешения хозяев.

Очевидно, рассказ Амира произвел на аменокала благоприятное впечатление; он решительно направился к нам и, к нашему изумлению, весьма дружелюбно пожал каждому из нас руки.

В отличие от младшего брата, который, как и все его сверстники, в обязательном порядке изучает в школе французский, аменокал знает лишь свой родной язык. Амир уже в качестве импровизированного переводчика представляет нас друг другу. Теперь мы официально узнаем, что имеем честь беседовать с Ибн Мусой, аменокалом племени.

Затем нас познакомили с женами Мусы и двух других туарегов и угостили зеленым чаем.

Нам позволили сделать фотографии в обмен на разрешение погладить волосы фотографа — моей жены Лауры. Тут мы поняли, что ни один из туарегов, ни мужчина, ни женщина, не видели таких длинных гладких волос.

Мы уселись прямо на землю, а они на красные одеяла, положенные поверх шкур, расстеленных посреди палатки. Муса дал нам понять, что мы не можем сесть на это ложе: для него самого и жены оно своего рода священный амулет. От прикосновения чужеземцев это ложе-амулет может утратить свои чудодейственные свойства.

Завязалась откровенная долгая беседа, и вскоре между нами и туарегами установились самые дружеские отношения.

— Мы объяснили Мусе цель нашего путешествия и попросили разрешения следовать на машинах за племенем во время его переходов с одного пастбища на другое. Понятно, мы пообещали вождю и его людям соответствующее вознаграждение за помощь. Под вечер долгое рукопожатие скрепило достигнутое соглашение.

Ровно пятнадцать дней мы на двух машинах следовали за черными туарегами, которые неторопливо передвигались к северу по долинам Аира.

Борьба с духами зла

Путешествуя по пустыне с караваном туарегов, мы убедились, как действует на кочевников природа. Резкое изменение пейзажа — и бодро напевавший что-то туареги вдруг становится мрачным. Но стоит картине вновь измениться, и к туарегу возвращается прежнее веселое настроение. Нередко знакомые места навевают туарегу грустные воспоминания; тогда душа его исторгает печальную песню о несбывшихся надеждах и трагической любви.

Во время этих бесконечных переходов Муса ехал рядом с нами на своем мехари. Он то часами молчал, то принимался тихо, вполголоса что-то объяснять нам. Мы, разумеется, не поняли бы ни единого слова, если бы не его брат-переводчик. Каким-то шестым чувством Амир всегда угадывал, что нас может заинтересовать больше всего, и мгновенно превращался в превосходного толмача.

— Значит, вы хотите знать, о чем втайне беседуют между собой туареги? И что говорят о вас женщины? Амира очень забавляло, с каким жадным любопытством слушали мы его рассказы и как старательно записывали все на маленьких клочках бумаги.

Однажды он помог нам понять смысл песен, которые поет его брат-амекал, а это во многом позволило нам самим уяснить, какие истоки питают поэтическое вдохновение черных туарегов. В другой раз Амир перевел нам слова песен, которые туареги вечерами распевают на привале. А ведь именно на привале наиболее полно раскрывается любовь туарега к музыке и поэзии.

Песни любви исполняются под аккомпанемент амцада — своеобразной арфы, на которой играют только женщины. Под звуки амцада мы записали также множество легенд и сказаний туарегов. Эти легенды и сказания каждый туареги слышал не раз с самого раннего детства. И все же на очередном привале все племя с неизменным напряженным интересом внимает словам рассказчика.

Поэтические легенды черных туарегов Юга и белых туарегов Севера являют собой наиболее яркие примеры литературы африканских кочевников, литературы устной, состоящей из древних преданий, которые по своей красочности и богатству фантазии не знают себе

равных в Сахаре. Герои многих легенд туарегов кель-азбен — горы Аира и Хоггара, где прежде жило это племя.

* * *

Вечером при свете костра сказитель поет, а Амир вполголоса старательно переводит слова легенд о древних обитателях гор. Герои легенд зовутся Хоггар, Элиас, Аламаллем, и все они прославились своими охотничьими подвигами. Точно такие же названия носят самые высокие горные вершины. Каждая гора наделена своими особенностями, душой и характером. Так же как и люди, горы влюбляются друг в друга. Однажды вечером Муса спел нам о любви горного кряжа Иламан к невысокой горе Тарелрелт. Могучий и гордый Иламан влюбился в нежную и стройную Тарелрелт. И так велика была его любовь, что он вступил в поединок с соседним кряжем Амга и ранил его копьем в бок. Тут Муса умолк, стихли звуки амцадов и детям был объяснен смысл легенды: с тех пор из этой глубокой раны бьет родник, стекающий по склону горы Амга.

В эпических сказаниях и легендах черных туарегов кульминацией всегда бывает сражение, битва; тогда главным действующим лицом становится уже не любовь и женщины, а меч.

Очередное описание беспощадной схватки навело нас на мысль подробнее расспросить о вооружении туарегов, и особенно о мече — такубе. Мы попросили Мусу и других вооруженных туарегов показать, как они владеют мечом. За долгие недели путешествия мы ни разу не видели, чтобы туареги прибегали к его помощи.

— Муса, вы мечом со львами сражаетесь? И антилоп убиваете?

Муса смеется. Чтобы убить льва или антилопу, нужны ружье или в крайнем случае копье. А мечами туареги сражаются лишь между собой.

— Но теперь такие поединки случаются очень редко, — замечаем мы.

— Так ведь мечами еще и духов отгоняют, — отвечает Муса.

— Каких духов?

— Ну, духов зла и мести. Прежде чем снять или поставить палатки в тех местах, где раньше судьба была к нам неблагосклонной, надо сначала прогнать злых духов.

Неподалеку от Того нам посчастливилось убедиться в правдивости слов Мусы.

Мы двигались к северу в поисках хороших пастбищ. После двух дней пути племя сделало привал в долине и стало разбивать лагерь.

— Луга здесь хорошие, да и воды хватает, — сказал нам Муса. — Но мне тут не очень нравится. В этих местах водятся злые духи. Недаром же белые доктора приезжали сюда лечить скот от таинственных болезней.

Впрочем, другого выбора у Мусы не было — пришлось остановиться именно в долине. Да к тому же Муса не особенно боялся злых духов: он умел отогнать их далеко-далеко своей грозной такубой.

Пока женщины ставили палатки, а пастухи-негры^[16] сооружали изгородь для стада, мужчины-туареги отошли в сторону и вынули из ножен мечи. Они по трое встали друг против друга, и начался поединок с невидимым врагом — пустотой. Элегантностью и пластичностью движений поединок напоминает балет. Мечи мгновенно взлетают и словно вонзаются в воображаемого противника. Сражающиеся располагаются в виде звезды, окружают врага, пугают его ложными выпадами и наконец неудержимо вонзают мечи в бесплотного духа зла.

Эта «пантомима» продолжается до тех пор, пока женщины не исчезают в палатках. Они закончили свою работу, походный лагерь готов.

Возбужденные, потные, усталые, туареги вкладывают мечи в ножны и возвращаются к биваку. Духи зла изгнаны и больше не вернуться.

Муса на секунду задерживается подле нас, зовет Амира и через него спрашивает, удалось ли нам заснять поединок.

— Да, фотографии вышли отличные, — отвечаем мы.

— Я очень рад, — говорит аменокал.

Рабы туарегов

Разбойничьи набеги. Это единственная тема, которую туареги упорно избегали. По-видимому, они считали, что рассказывать об этом европейцам не следует. Но теперь, после того как туареги аменокала Мусы продемонстрировали свое искусное владение мечом, я решил еще раз попытаться счастья.

Дождавшись, когда разговор заходит о подвигах туарегов, я снова задаю нескромный вопрос и наконец добиваюсь успеха. Муса и другие туареги принимают соперничать друг с другом в красочности и образности своих рассказов. Все они сравнительно молоды и могут лишь пересказать то, что слышали от отцов и дедов. Их выручает отличная память и воображение.

Внезапное нападение на чужой лагерь с целью грабежа называлось «эдьен», а сражение между двумя племенами в еще более давние времена — «амдьер».

Не без труда установив точное значение этих двух слов, мы с живейшим интересом стали слушать рассказы туарегов, прямо связанные с различными историческими событиями.

Эдьен — разбойничье нападение — можно объяснить воинственным нравом туарегов. Наши друзья туареги при одном упоминании об эдьене начинали оживленно спорить, обменивались многозначительными взглядами. То же самое нам довелось наблюдать у туарегов Гадамеса, когда зашел разговор о временах великой охоты. В глубине души туареги и сейчас остались охотниками и воинами.

Из их рассказов мы поняли, что обычно разбойничий набег предпринимался не только с целью грабежа, захвата продовольствия и колодцев и даже не ради мести или подчинения своей власти других племен. Чаще всего эти набеги объяснялись мужским тщеславием, желанием отличиться перед женщинами, принести им в дар платья или драгоценности, захваченные во вражеском стане^[17].

Стремление туарегов показать во всей красе свое мужество и отвагу встречало у женщин полное одобрение.

— Когда принималось решение совершить набег, — рассказывал Муса, — каждый мужчина сам должен был раздобыть себе оружие. Все

воины давали клятву нар-хай-аллар помогать друг другу в бою и честно делить добычу.

Насколько я понял, такие набеги происходили еще сравнительно недавно, лет сорок назад. В те времена в малонаселенных районах, находившихся лишь под номинальным контролем колониальных властей, туареги беспрепятственно совершали свои набеги. Один из таких набегов возглавлял аменокал Тамдах, отец Мусы. И сейчас Муса рассказывал об этом так живо и подробно, точно сам был участником эдьена.

— Чтобы захватить врагов врасплох прямо в их лагере, — рассказывает Муса, а Амир тут же переводит, — отец приказал пустить верблюдов-мехари в галоп. Воины моего отца с громкими криками мчались на верблюдах мимо палаток, паля из ружей в воздух. Те, у кого не было ружей, отбирали у врагов еду, драгоценности, воду, а юноши воины сражались на ножах и та-кубах с врагами. Если набег совершался на скотоводов или торговцев верблюдами, то нападавшие ограничивались уводом скота. Но если разграблению подвергся лагерь, то туареги брали в плен африканцев и превращали их затем в своих слуг.

Муса показал на группу пастухов, которые расположились неподалеку от палаток туарегов.

— Это сыновья тех суданских негров, которых захватили наши предки, — объяснил Амир, который и без помощи старшего брата сам мог рассказать многое из истории туарегов.

— Их называют «имрад», — продолжал он, — что в переводе означает «слуга», «козопас». Нас же зовут «имошар», что значит «воины». Мы истинные туареги из самого знатного рода.

— Эти имрад до сих пор остаются вашими рабами? — поинтересовался я.

— Нет, теперь они уже не рабы, — улыбаясь ответил Амир. — Собственно, они и прежде не были рабами. Они были и остались слугами. Настоящие рабы назывались «иклан». Они занимались починкой колодцев, добычей соли и выполняли всю ручную работу в лагере.

Слова Амира полностью совпадали с тем, что я вычитал в этнографических книгах о социальном делении у туарегов. Сам корень «кл» слова «иклан» означает «чернокожий». И действительно, все

иклан были негры из различных районов, захваченные туарегами во время набегов. Если у туарега рождался сын от черной служанки или наложницы, его отпускали на свободу, но он не мог стать полноправным туарегом, таким же, как его отец, хотя и имел право получить все отцовское наследство. А вот женщинам из племени туарегов запрещалось вступать в связь с черными рабами, иначе их подвергали публичному осмеянию и с позором изгоняли из племени.

В одной книге я вычитал любопытную подробность о рабах иклан. Согласно неписаному закону, который существовал только у туарегов, рабы могли сколько угодно менять своих хозяев. Для этого иклан прибегали к такой уловке: они шли в ближайший лагерь, отыскивали стадо туарега, к которому они хотели перейти в услужение, и отрезали ухо у одной из коз. Такой поступок давал право потерпевшему безраздельно распоряжаться судьбой раба-преступника. А это означало, что старый хозяин должен был в возмещение убытков уступить потерпевшему своего раба. Очень часто к этой уловке прибегали с согласия обоих хозяев; она становилась как бы формальным актом, закрепляющим сделку.

У туарегов существовала и другая категория рабов, о которых ни Муса, ни Амир, очевидно по забывчивости, даже не упомянули. А между тем еще пятьдесят лет назад энадены, рабы-ремесленники, играли огромную роль в жизни «синих людей». Потомков энаденов можно встретить сейчас во всех городах Сахары. В Кано и Форт-Лами лавки этих ремесленников занимают целые кварталы. Те же самые энадены, которые прежде изготавливали для туарегов оружие, утварь, седла, посуду, наконечники копий, теперь из пустых консервных банок и всякого железного лома выделывают самые различные предметы домашнего обихода. Они умело плавят металл, куют его и обрабатывают в своих мастерских. Туареги и сейчас глубоко презирают своих бывших рабов, но в то же время побаиваются их, твердо веря, что они наделены магической силой.

Их власть над огнем, умение ковать, гнуть и плавить металл породили у туарегов легенду о чудодейственном II мастерстве этих искусных кузнецов и слесарей, которые, несомненно, заключили союз с духами. Поэтому прежде туареги в бою и во время набегов из предосторожности предпочитали иметь рядом с собой черного раба-энадена, особенно же того, который изготовил ему оружие. Тогда туарег

был уверен, что меч не подведет его в битве, а, наоборот, будет разить врагов с еще большей силой. Само присутствие рядом энадена позволит ему избежать ударов вражеского меча^[18].

Просо под охраной бога

Туареги аменокала Мусы продолжают свой медленный поход по сахелю, направляясь к новым пастбищам) в горах и долинах массива Аира. А мы неотступно дви- жаемся за ними на своих машинах.

Туареги снимаются еще засветло, а днем караван поднимает такое густое облако пыли, что на целые часы исчезает из поля зрения. Внезапно мы, к нашему удивлению, замечаем, что мехари больше не везут мешки с просом, закупленным в городе.

Мы спрашиваем у Мусы, куда же делись мешки, и он отвечает, что вчера их спрятали в сухих пещерах на холмах, неподалеку от проезжей дороги. В этих пещерах просо будет храниться до тех пор, пока оно не понадобится племени на обратном пути, когда настанет засуха. Тогда Муса самолично отыщет мешки.

Нас поразило, что аменокал ничуть не беспокоится за сохранность проса, оставленного в пещерах без всякого присмотра: ведь любой проезжий может его обнаружить и забрать.

Муса отрицательно качает головой.

— Никто не украдет просо, оставленное под защитой бога.

Его предки оставляли просо в этих пещерах и так же поступят его сыновья, зная, что никто в пустыне никогда не осмелится украсть просо, не прогневив жестоко этим бога. Никто не похитит чужую еду, даже если будет умирать с голоду.

Я нахожу здесь большое сходство с обычаями кочевников Меденина, которые оставляют в своих горфа — пещерах-хранилищах — зерно и кожи. Здесь, в сахеле, на расстоянии четырех тысяч километров от Меденина, туареги столь же безбоязненно оставляют без всякой охраны драгоценное просо, уверенные, что потом найдут его нетронутым. Меня это очень удивило. Ведь аменокал Муса сам рассказывал, что туареги отнюдь не считают кражу или грабеж аморальным поступком. Больше того, они даже гордятся этим. Между тем они не испытывают ни малейших опасений, что кто-то может украсть их просо. Но позже я понял, что спутал понятие грабежа и кражи. Грабеж означает захват чужого добра в открытой, честной схватке, благодаря личной отваге и находчивости. А эти качества всегда были источником гордости туарега. Иное дело кража, да еще в

отсутствие хозяина. Достоин всяческого презрения туарег, который, пользуясь доверчивостью хозяина, трусливо крадет у него зерно или животных, оставленных без всякой охраны.

Теперь я начал лучше понимать истинный характер туарега, его противоречивость, о которой столько писалось и говорилось.

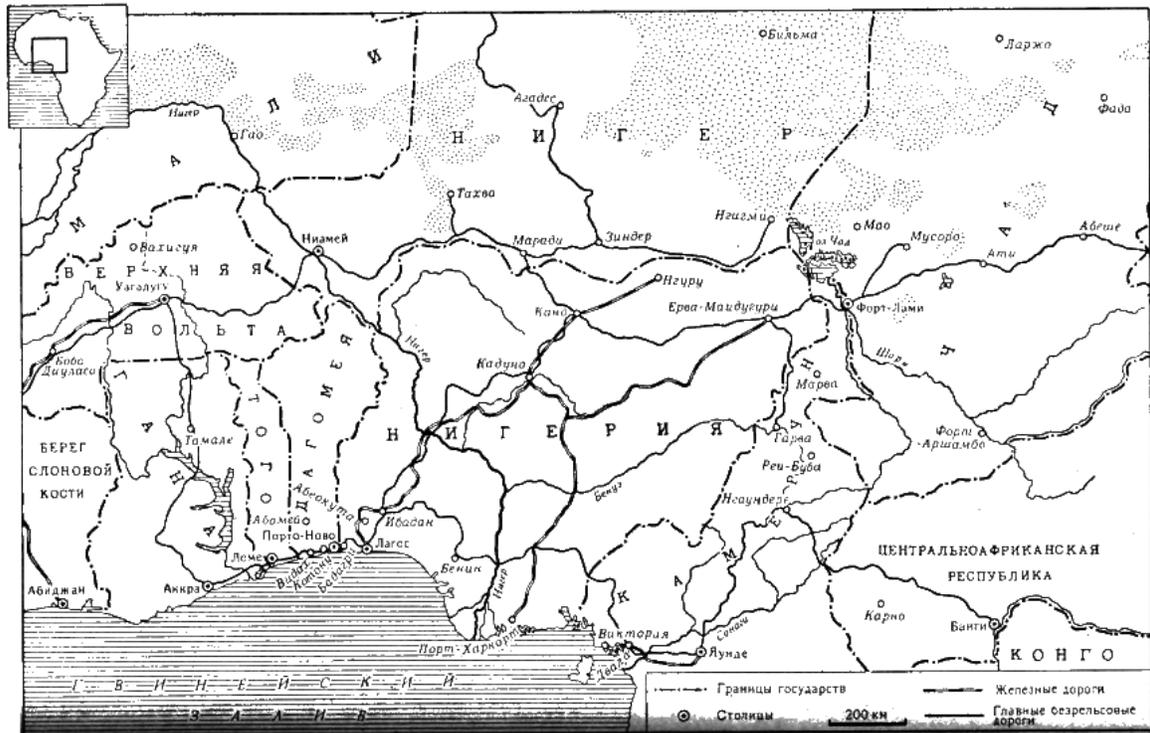
«Знатность» туарега как раз и заключается в его благородной вере в честность других.

— Я бы никогда не украл чужого проса, — сказал Муса, один из последних истинных аменокалов Сахары, гордо посмотрев на меня. И, сказав это, он был убежден, что точно так же поступили бы и все остальные кочевники пустыни.

Когда за Агадесом показались на горизонте вершины гор Аира, мы распрощались с Мусой и его людьми. Начинался таджерест — сезон обильных дождей, горные долины из желтых постепенно становились светло-зелеными. Там, наверху, туареги Мусы найдут тучные пастбища и обильные источники, самые лучшие в Сахаре.

А мы, изменив курс, снова направились в Зиндер. Наше путешествие по сахарской пустыне закончилось.

ОГНИ САВАННЫ

*Мое сердце взывает к тебе, Африка,
Земля моего счастливого детства, Африка,
Земля моего страха и надежд!
Пробудись ото сна, Африка!
Встряхнись, отбрось прочь летаргический сон,
Погрузивший тебя в бездну рабства!
Я знаю, ты победишь, Африка,
В великой борьбе за свободу.*

(Камерон Дуоду. Родная земля)

Огни мы заметили не сразу; сначала увидели, как ветер гонит из-за дюн густой белый дым. По запаху я тут же определил, что это горят травы на берегу озера. И в самом деле, одолев последний песчаный холм, мы сразу увидели, как мужчины-канембу, обливаясь потом, бросали в огонь охапки пахучих трав, а женщины старательно собирали золу.

Самым сильным был запах мха, и еще издали, едва его уловив, я сразу понял, что мы уже возле самого озера Чад. Несколько лет назад на берегу того же Чада я видел, как канембу жгут травы, называемые алофитами, из золы которых потом добывают соль. Тогда я долго прожил среди канембу и узнал, что когда они находят эту ценнейшую траву, то не успокаиваются, пока не соберут ее всю и не сожгут, чтобы потом иметь запас соли. Запах дыма и золы слился у меня в единое целое с представлением об огромном озере. Поэтому теперь я сразу догадался, в каком направлении нужно ехать, чтобы добраться до берега. А мы уже целую неделю мчались в джипе из Агадеса к Чаду.

За линией огней после самой последней цепочки дюн озерная гладь предстает вашим взорам совершенно внезапно, и нужно долгими днями нестись по бесконечным пескам, чтобы вдруг застыть, словно зачарованный. Именно так и случилось с нами, когда в июне 1963 года мы увидели на горизонте Чад. И хотя я уже побывал до этого на озере и знал, что оно возникает совершенно неожиданно и, насколько хватает взгляда, бесчисленными островами исчезает где-то далеко в саванне, я опять был потрясен и застигнут врасплох. Когда мы снова двинулись в

путь по берегу озера, то вскоре убедились, что горизонт здесь похож на горизонт Сахары. В лучах солнца вода казалась такой же желтой, как пески пустыни, на небе ни облачка, а ветер такой же колючий и паляще жаркий. Но все же разница была, и притом огромная — здесь воздух был немного влажным; когда вы касались руками лица, то это; были настоящие руки и лицо, а не одинаково загрубелая, потрескавшаяся кожа.

Как я уже упоминал, первое мое путешествие на озеро Чад относится к июню — июлю 1960 года. Самолет доставил нас за ночь из Рима в Форт-Лами — столицу Республики Чад. Разумеется, во время полета мы ровным счетом ничего не видели, включая и само озеро, над которым в полной темноте пролетали на высоте пять тысяч метров.

— Что стало с озером? — спрашивали мы буквально у всех в первые дни после прибытия в Форт-Лами.

— За последние пять лет уровень воды в озере сильно упал, но теперь снова поднимается, — говорили одни.

— Вот уже пять лет уровень воды в Чаде повышается, — утверждали другие.

Вскоре мы убедились, что, если судить по рассказам местных жителей, не было ничего более изменчивого, нелепого и странного, чем озеро Чад. Берега, уровень воды в нем, сами размеры озера менялись не только в зависимости от района и времени года, но и от погоды. Больше того, если верить рассказам европейцев, то ставилось под сомнение само существование озера как крупного водного бассейна.

Лишь позже мы узнали, что сведения об озере были такими путанными и противоречивыми потому, что большинство европейцев и африканцев Форт-Лами, живущих сравнительно недалеко от Чада, никогда там не бывали. Почти все они туманно говорили о понижении уровня воды, о болотистых местах и впадинах, но никто ничего не мог сказать с полной достоверностью.

Рассказы местных жителей о Чаде повергли нас в отчаяние. Что же это за озеро почти без воды?! Ведь мы специально прилетели из Европы, чтобы заснять это чудо природы. Было отчего прийти в уныние. Мы-то рассчитывали снять интереснейшие, живописные кадры. Мои друзья по экспедиции показывали на висевшую в холле гостиницы карту. На ней озеро было нанесено пунктирными линиями.

— Смотри, — говорили они, — на итальянских картах Чад, как и подобает настоящему озеру, обозначен большим синим пятном. А тут он дан пунктирной сеткой, словно это обыкновенное болото или бочаг. Да, верно, так оно и есть.

В итоге я совершенно запутался в ворохе противоречивых сведений. И вот, решив положить конец всем домыслам и предположениям, я договорился с пилотом-сирийцем местной авиалинии, что тот возьмет меня с собой в полет над озером.

— Конечно, если оно существует, — процедил он сквозь зубы.

Пастбище на озере

Мы вылетели из Форт-Лами рано утром на стареньком, шумном, но вполне надежном «бруссаре». На малой высоте пронеслись над «африканским» городом, глиняные домики которого со всех сторон окружали центральный рынок. И тут меня подстерегала первая неожиданность. Сверху кварталы Форт-Лами казались спланированными очень продуманно и четко, хотя этим не занимался, понятно, ни один архитектор. Толчея на улицах, нагромождение всевозможных предметов были отсюда не видны, и жизнь этого африканского города приобретала свою логику и рациональность.

Но не успел я хорошенько осмыслить свои впечатления, как пейзаж большого-города уже сменился. На нас надвигалось пустое безмерное пространство саванны; на фоне желтой травы крамм-крамм тонкая тень от самолета была единственным движущимся пятном.

После минут тридцати полета на низкой высоте я увидел огромное заболоченное пространство. Если все озеро имеет такой же вид, то его справедливо нанесли на карту пунктиром. Тень от самолета быстро бежала под нами по зеленому ковру. Время от времени сверкающая полоска в траве говорила нам, что внизу вода.

Внезапно, словно по мановению волшебной палочки, с зеленого ковра трав навстречу нам поднялись белые журавли, напуганные ревом мотора.

— Гиппопотам! — крикнул мне пилот.

Огромное животное подскочило от ужаса и, заскользив по грязи, нырнуло в воду.

Я посмотрел вперед. Насколько хватало глаз, кругом простирались болота. А дальше горизонт застилал густой туман. Минуты три я пребывал в неведении, началось ли уже озеро или нет. Вдруг изумрудно-зеленый ковер оборвался, а нашим взорам предстала безбрежная, как море, водная гладь. Нет, Чад не был выдумкой картографов!

Воды блестели в лучах солнца, эту сверкающую равнину прорезали лишь узкие полоски далеких папирусовых островов. Мы переговаривались с пилотом по ларингофону, и, несмотря на шум мотора, довольно хорошо слышали друг друга.

— Это из-за теплых воздушных потоков! — успокоил меня пилот, когда самолет в нескольких метрах от воды начало бросать из стороны в сторону.

— Ничего, немножко попляшем.

— Но потом мы сможем подняться повыше?

— Непременно, я хочу найти хижины негров котоко.

— Хижины?

— Да, рыбаки и пастухи-котоко строят их на плавучих островах.

— Посреди озера?

— Они передвигаются вместе с островами. Ну, а острова плывут, увлекаемые течением. Плывут, куда их несет ветер.

— Как и мы, черт побери, — крикнул я.

Сильнейший порыв бокового ветра швырнул нас в сторону. Я ощутил противную пустоту в желудке. «Бруссар» показался мне взбесившимся скакуном.

— Смотрите в оба. С большой высоты эти хижины если и увидишь, то уж не сфотографируешь.

— Селения эти большие или маленькие?

— Крохотные травяные хижины в густой траве. Неделя-другая— и их уже нет в помине.

Новый порыв ветра. Нас подбросило на несколько метров.

— Смотрите, смотрите! — прозвучало у меня в наушниках.

Справа между двумя плавучими островами мы увидели, как на поверхности воды то появляются, то исчезают черные точки. Что это, рыбы, животные? Попробуй различи с такого расстояния.

Самолет взмыл ввысь, а затем спикировал прямо на черневшие на воде странные зернышки.

— В жизни не видел ничего подобного! — крикнул пилот.

Стадо буйволов переправлялось вброд через озеро. Сзади и сбоку плыли туземцы-котоко. Взмахивая длинными палками, они ударяли ими животных, понукая и подбадривая их. Они явно гнали стадо к одному из островов.

С самолета на фоне огромного озера они казались крохотными точками, и мы могли в полной мере оценить смелость и ловкость этих пастухов. Стоит, казалось, подуть ветру, и волны захлестнут мужественных туземцев. И тогда озеро навсегда поглотит их.

Долгое время наблюдая за «форсированием» озера, я пытался понять, куда же направляются люди и животные. Сверху казалось, будто каждое животное в отдельности и каждый человек из последних сил стараются удержаться на поверхности. Между тем переправа происходила без всяких неприятностей. Пролетев над несколькими маленькими островками, мы наконец поняли, что туземцы хотят добраться до самого большого из островов. Уже ложась на обратный курс, мы увидели, что головная часть группы подплыла к берегу острова.

— Это были котоко! — несколько раз повторил мне пилот.

— Котоко, — снова крикнул он, когда мы летели уже неподалеку от берега.

В этом районе Чада было полно рыбаков. Некоторые из них, погрузившись по горло в воду, ловко орудовали своими острыми прутьями, другие широким фронтом в двести — триста метров шли с сетями в руках. Несколько минут мы кружили над ними и увидели, что рыбаки с сетями замкнули круг, как бы взяв рыбу «в мешок».

Там, где в Чад впадает река Шари, мы опять увидели рыбаков с сетями. Но эти рыбаки плыли на больших пирогах. Сверху пироги с раздувающимися на ветру сетями казались огромными насекомыми, которые неподвижно распластались на воде, раскинув громадные крылья, готовые, однако, мгновенно взмыть ввысь и, словно шмели или осы, беспорядочно помчаться к берегу.

Я сделал несколько отличных фотографий, а потом, так как горючее было на исходе, мы возвратились в город. На аэродроме мы возобновили прерванный разговор. И хотя мотор уже не гудел, мы с пилотом по привычке орали, словно оглашенные.

— Нам повезло, — крикнул пилот.

«Еще бы, — подумал я, — ведь мы просто чудом не врезались в воду».

— Очень повезло!

— Не часто случается увидеть столько пирог сразу. А уж переправу через озеро целого стада буйволов и того реже! — согласился пилот. Он крепко пожал мне руку и попросил прислать ему фотографии, если они удались.

Персонажи Форт-Лами

Несколько дней спустя мы допоздна засиделись в гостинице на берегу Шари, мирно беседуя и попивая виски. Компанию нам составила группа местных жителей, с которыми мы успели завести большую дружбу. На воде между пирогами рыбаков плавали сотни пеликанов, в неподвижном вечернем свете казавшихся густым чернильным пятном.

Рассказывая о своем полете над озером, я то и дело посматривал на причудливых птиц. Мы долго беседовали об обычаях и нравах пастухов и рыбаков котоко. Все же мое любопытство было удовлетворено далеко не полностью. И тогда я спросил у своих новых друзей, не могут ли и они добавить что-либо.

— Начнем с того, — сказал местный археолог, — что Чад — это даже не озеро, а море, а сам город — большой остров.

Мой друг археолог любил парадоксы. Он был человеком незаурядным и среди европейских поселенцев этой части Африки составлял редчайшее исключение. Он глубоко любил свою новую родину, хотя отлично знал все ее недостатки и противоречия. Постепенно он усвоил все вкусы и привычки местных жителей; в его работах ощущалось влияние древней африканской культуры. Он постоянно жил в Форт-Лами, в старинном доме арабского стиля. Четыре года назад он усыновил двух негритянских мальчиков.

В Форт-Лами он знал буквально каждый дом, каждую семью, начиная от бедного рыбака с Шари и кончая Томбалбаем, президентом республики. Уже много лет он искал в районе озера Чад остатки поселений и одежду народности сао, жившей в десятом веке.

— Форт-Лами остров? А где же тут вода? — полюбопытствовал я, сразу же вспомнив о желтой выжженной саванне, окружавшей город.

— Тебе надо прилететь сюда в сезон дождей. Тогда, чтобы добраться до центра города, в аэропорт впору было бы вызывать вертолет, — ответила мне Кристиан.

Кристиан была другим видным персонажем в городе. Монголка по матери и француженка по отцу, она нравилась европейцам и одновременно африканцам. Поэтому она сохраняла самые дружеские отношения с теми и с другими и была как бы связующим звеном между

двумя общинами, весьма дипломатичным переводчиком и посредником в самых сложных делах. Со временем она стала владелицей большого ресторана-магазина, и это было единственное в городе нейтральное место, где все могли спокойно встречаться и говорить откровенно, без стеснения, невзирая на разницу в социальном положении. А Кристиан была молчаливым беспристрастным судьей и свидетелем в весьма деликатных ситуациях.

Кристиан и археолог были ядром группки наших друзей, которая включала также Андрэ, старого французского резидента, знатока негритянских рисунков на калемассах. Калемассами здесь называют полую тыкву, которую туземцы используют как сосуд, выжигая на ней самые разнообразные фигурки. Кроме археолога, Кристиан и Андрэ в нашу группу входил грек Кир, автомеханик, отремонтировавший бесчисленное множество грузовиков и джипов, а также летчик-сириец, с которым я летал над Чадом. Он был единственным пилотом единственного самолета единственной местной авиалинии.

Самыми молчаливыми и замкнутыми в маленькой группе были трое юношей арабов, весьма культурных и современных молодых людей, представителей местной правящей верхушки. Впоследствии все они приняли непосредственное участие в ожесточенной политической борьбе. Но тогда, в 1960 году, страна только-только обрела независимость, и все мы старательно избегали животрепещущих тем.

— Теперь мне понятно, почему ты называешь Форт-Лами озером, — возобновил я прерванный было разговор. — Но почему ты сказал, что Чад — это море? — улыбаясь спросил я, уверенный, что мой друг археолог просто неудачно сострил.

— Да потому, что нынешнее озеро — это остатки гигантского моря площадью триста тысяч квадратных километров, простиравшегося в доисторическую эпоху до самого Египта. В это море впадали высохшие теперь реки с массивов Эннеди и Тибести. Постепенно море уменьшилось почти наполовину и, вероятно, совсем бы высохло, если бы в последующие тысячелетия русло Шари по таинственной причине не устремилось в древнее высохшее ложе погибающего моря.

— Когда в Форт-Лами одни говорят, что уровень воды в озере повышается, а другие — понижается, то не знаешь, кому и верить. В зависимости от того, прошел ли дождь, или с неделю стояла очень

жаркая погода, уровень воды резко меняется, — вступил в беседу молчаливый грек Кир.

Подошел официант с новой батареей бутылок воды и пива. Жара, за день накопившая силы, яростно обрушилась на нас вечером. Мы никак не могли утолить жажду. Каждый глоток воды мгновенно превращался в капли пота, а минуту спустя нам снова нестерпимо хотелось пить.

— Хотя теперь Чад уже не гигантское море, — продолжал археолог, — но оно остается неплохим водным бассейном площадью двадцать пять тысяч квадратных километров.

«Примерно половина Адриатического моря, пять озер Гарда и почти вся Ломбардия», — мысленно прикинул я.

— В сезон дождей, когда вода в реке и в озере буквально вздымается, Форт-Лами бывает отрезан от всего внешнего мира и становится настоящим островом, окруженным со всех сторон каналами и болотами.

— А когда наступает засуха, воды быстро отступают к озеру, — это вступил в разговор пилот-сириец местной авиакомпании. Хотя он и не может подобно археологу привести точные цифровые данные и совершить экскурсию в историю, зато он отлично знает Чад. В конце каждой недели он отправляется туда на рыбную ловлю, если только ему не приходится «катать» над озером туристов вроде меня, ищущих острых ощущений.

— Любопытно, что пресная дождевая и речная вода, попадая в Чад, не смешивается с соленой водой древнего моря, — снова заговорил археолог. — Она, эта пресная вода, несется кипящими клубками, словно множество маленьких озер в одном громадном. Все пресноводные рыбы, попавшие в озеро из реки, никогда не покидают этих бурлящих клубков — омутов и водоворотов. А немногие уцелевшие морские рыбы (в озере водится даже мифический дюгонь) неизменно живут в зонах соленой воды. Ни те ни другие никогда не переступают этих подвижных, но весьма четких границ.

— Значит, — воскликнул я, — рыбы в озере перемещаются в зависимости от атмосферных условий?

— Конечно, поэтому рыбаки-туземцы волей-неволей становятся кочевниками. Котоко, которых ты видел с воздуха, — говорит

Кристиан, — на своих пирогах беспрестанно снуют по реке и озеру в поисках богатых рыбой мест.

— Кочевниками стали не только котоко-рыбакъ, но и котоко-скотоводы, — добавляет археолог. — На берегах Чада растительность весьма чахлая, а вот на воде покачиваются острова из папируса и других тростников и трав. А это отличные естественные пастбища для скота.

Крепкой опорой для плавающих островов служат сплетенные корни папируса и разных трав. Берега озера, повторяю, бедны растительностью, и голодным животным ничего другого не остается, кроме как вплавь добираться до этих пастбищ-островков. А так как островки эти перемещаются по воле ветра и никто не знает, где они остановятся, туземцы-котоко вместе со стадом беспрестанно кочуют по озеру. Мужчины обеспечивают переправу, а женщины, дети и старики вместе со всей домашней утварью, одеждой и оружием «путешествуют» на спинах самых крепких буйволов. Выносливые животные способны проплыть не один десяток километров, неся на спине тяжелый груз. У них очень длинные, загнутые книзу полые рога. Эти своеобразные поплавки позволяют буйволам держать над водой рот и ноздри, что весьма облегчает им длительные, многодневные проплывы. Ведь совсем не так просто отыскать на озере хорошее пастбище. Нередко остров оказывается всего лишь непрочным сплетением трав. Порой эти поиски становятся поистине драматическими: любая переправа может вылиться в трагедию...

Тут в беседу вступили другие члены нашей компании, и так за рассказами и воспоминаниями мы провели вместе весь вечер. Я взглянул на часы — всего десять часов. А я-то думал, что уже ночь! В Форт-Лами распорядок дня остался примерно таким же, как в те времена, когда город был фортом, гарнизон которого вставал с восходом солнца и ложился спать с закатом.

После ужина наши новые друзья покинули нас. А мы еще посидели немного, утрясая дальнейшую программу. Было решено спуститься на пароходике по реке Шари в озеро Чад.

Путешествие по озеру

Днем солнце раскалило металлическую обшивку нашей посуды. Если долго оставаться на палубе, рискуешь сгореть заживо, а в крохотной кабине буквально нечем дышать. Да тут еще запах бензина. Спустившись вниз по реке, мы теперь плывем по озеру. Оно катит свои воды лениво, еле заметно, от этого жара кажется еще нестерпимее.

Нас спасла встреча с плотом туземцев-канембу, нагруженным доверху папирусовыми циновками, которые доставлялись в Форт-Лами на рынок. Мы купили две циновки и укрепили их на корме. Папирусовая «хижина», конечно, не придает особенно воинственный вид катеру военно-морских сил Чада, который предоставили в наше распоряжение власти Форт-Лами. Зато у нас снова появилась совсем было угасшая надежда, что мы выдержим жару. Укрывшись под папирусовым навесом, мы обнаружили, что на озере даже дует легкий прохладный ветерок. Теперь мы целый день проводили на палубе, не рискуя схватить солнечный удар, или, как говорят местные жители, «удар раскаленной палкой по голове».

Нам встретилось множество других пирог канембу. Канембу занимаются преимущественно продажей на-трона — соли, которую они добывают, разламывая минералы, оставшиеся после того, как спадет вода, или сжигая алофитные травы.

Мы спросили у них, где нам искать рыбаков-котоко. Однако было очень трудно следовать их советам, так как горизонт обыкновенно заволакивало густым туманом; а тут еще как раз по курсу выросла длинная цепь островов из папируса.

Эти острова были единственной опасностью при ночном плавании по озеру. Внезапная смена ветра или течения может приковать вашу моторную лодку к острову, сделать ее вечным узником «зеленой тюрьмы». История острова знает множество примеров, когда путешественники становились пленниками папируса. Нередко, чтобы спастись, им приходилось поджигать остров. Только тогда им с великим трудом удавалось проложить себе путь через папирусы.

Наслышались мы немало рассказов и о том, как незадачливые путешественники волокли за собой весь папирусный остров, пока не добирались до места, где лодку можно было вновь спустить на воду.

Каждый вечер три матроса катера, в особенности рулевой, кормили нас этими и подобными же приятными рассказами. Им не очень-то нравилось плыть неизвестно куда, и они надеялись хорошенько запугать нас, заставив поскорее вернуться в Форт-Лами. Только старый повар-араб, обосновавшийся на корме с двумя допотопными печками, ничуть не беспокоился за нашу судьбу.

— Уж от голода мы точно не умрем, — восклицал он каждое утро, показывая нам две плетеные корзины, полные рыбы.

Достаточно вечером поудить с часок, и вы поймаете множество больших и малых рыб. Наиболее вкусная из них (причем водится она только на озере Чад) — это гибрид морского вырезуба и пресноводного карпа. Местные жители и европейцы называют ее «капитан».

Однако, даже если бы нам пришлось ограничиться самым скромным рационом, мы не намерены были возвращаться в Форт-Лами. Рассказы матросов с каждым днем становились все мрачнее и драматичнее, но мы твердо решили запечатлеть на пленку, как живут и ловят рыбу озерные кочевники-котоко. Для этого мы установили на носу треножки, накрепко привинченные к палубе, и с утра тщательно проверяли наши фотокамеры. Наконец на третий день, когда запасы горючего были уже на исходе, мы заметили на горизонте нзечи — пироги котоко. У всех нас вырвался вздох облегчения, рулевой поспешно изменил курс, и через несколько часов мы подплыли к флотилии пирог, беспорядочно вытянувшихся вдоль длинного песчаного острова, еле выступавшего над водой. Было совершенно очевидно, что этот остров служил местом сбора и отплытия для рыбаков-котоко.

Большие нзечи с пятью-шестью туземцами на борту выстроились в линию между песчаным островом и мелководной косой. Каждая пирога вздымает к небу две мачты в виде буквы V, укрепленные на корме. Между мачтами натянута сеть, почти невидимая в белых лучах солнца. Она слегка подрагивает при каждом порыве ветра.

У каждого на нзечи свои обязанности: одни с помощью шестов и весел управляют лодкой, другие, маневрируя тяжелым балансиром, опускают Г-образную сеть в воду и через определенный промежуток времени ее вытаскивают. На каждой пироге свой бригадир, который командует и второй флотилией этого странного флота — примерно

сотней маленьких пирог, расположившихся в линию в километре от больших. Гребцы на маленьких пирогах почти все мальчишки.

Маленькие гребцы громко кричат, ловко работая веслами. Они стараются расположить свои пироги точно напротив больших нземи. Когда им это наконец удастся, бригадир наиболее выдвинутой вперед большой пироги подает условный сигнал. Он взмахивает желто-оранжевым полотнищем, и цепь маленьких пирог начинает приближаться к большим.

На каждой маленькой пироге один мальчишка гребет изо всех сил, другой же на носу колотит палкой по деревянному борту. От грохота ударов сотен палок о сотни бортов рыбы совершенно шалеют и несутся к нземи — большим пирогам. На мгновение они серебристой стрелкой выскакивают из воды и тут же вновь ныряют, оглушенные боем этих озерных «тамтамов». Теперь в дело вступают экипажи нземи. Единым усилием они вздымают контргруз балансира; ячейковые сети цвета ржавчины с плеском падают в воду одна рядом с другой, образуя гигантскую ловушку для рыб. А маленькие пироги несутся все быстрее, гоня перед собой тысячи до смерти напуганных рыб. Мимо нас стаями проносятся рыбы-капитаны. Некоторые даже ударяются о борта нашего катера, стоящего на якоре в самом центре ловушки.

Едва малые пироги подплыли на совсем близкое расстояние от нземи, как по громкой, перекрывающей грохот ударов команде бригадира главной рыболовной флотилии, котоко вскидывают балансиры и выносят из воды сети, в которых бьются и трепещут тысячи и тысячи рыб. Затем, еще не остыв после удачной ловли, экипажи больших и малых пирог направляются к песчаному острову.

Мужчины и мальчишки закончили свою работу, теперь настала очередь женщин. Они выходят из своих соломенных хижин и начинают выбирать рыбу из сетей. Мы покидаем катер и высаживаемся на берег. В руках у нас киноаппараты. Мы снимаем работающих женщин, наблюдаем, как они участвуют в дележе добычи, который не обходится без шумных споров. Затем женщины входят в теплую воду, принимаются резать, потрошить и мыть пойманных рыб и наконец вешают их сушить на солнце.

Позже те же женщины положат в деревянные ступки затвердевшие остовы рыб и будут пестиком бить и толочь их до тех пор, пока не

измельчат в муку, которую продадут кочевникам пустыни и торговцам из Форт-Лами. Здесь эта мука считается вкусной и очень ценится.

Цвет кожи

Через несколько дней после нашего путешествия по озеру мы собрались вечером в ресторанчике Кристиан, чтобы отпраздновать наше возвращение. Желая окончательно смыть воспоминания о невыносимой жаре, мы обильно подкреплялись виски со льдом, этим «лучшим из лекарств», как утверждают жители Форт-Лами.

Было это в субботу, и в ресторане собралось много народу. Друзья спрашивали у нас, как прошла экспедиция, и я, вспоминая о коробках с киноплёнкой, уже отправленных в Рим, с энтузиазмом отвечал: «Блестяще». Но больше всего мне хотелось встретиться с археологом, который знал все и вся об озере Чад и живущих на его берегах жителей.

Наконец мне удалось его найти. Я усадил его за столик в углу и сказал:

— Ты должен мне кое-что объяснить и рассказать.

— Про озеро?

— Нет, про котоко. Я не понимаю, почему они кочуют по озеру с места на место на своих пирогах, когда могли бы, как и другие племена, пасти скот в саванне. Это куда менее рискованно, да и много легче.

Археолог, улыбаясь, кивнул головой. Он наверняка мог дать мне исчерпывающий ответ.

В этот момент кто-то поставил на полную громкость джазовую пластинку, и мне, чтобы быть услышанным, буквально пришлось кричать.

— Я еще понимаю, что котоко-скотоводы предпочитают искать пастбища на плавучих островах. Но объясни мне, почему рыбаки-котоко ловят рыбу не в реке, вблизи города, как это делает народность банана? Ведь в реке, очевидно, водится еще больше рыбы, чем в озере. Не так ли? Зачем же тогда так далеко уплывать от родных мест?

Археолог обвел рукой переполненный зал. В ресторане Кристиан собрался весь цвет местного общества. Среди гостей был даже министр.

— Давай обойдем зал, заодно я убавлю звук. Тут стоит такой шум, что никто даже не заметит. А ты тем временем внимательно погляди на каждого из присутствующих, я имею в виду не европейцев, а только африканцев.

Мы пересекли зал и снова уселись за наш столик.

— Кого же ты увидел?

— Целый ряд местных чиновников и представителей власти.

— Отлично. А теперь скажи, какую ты подметил между ними разницу?

— О какой разнице ты говоришь? Одни одеты очень хорошо, элегантно, другие — полная им противоположность.

— Я не об этом. Посмотри лучше на их лица, на цвет кожи. Тогда ты сразу определишь, какого они вероисповедания и каких придерживаются обычаев. В зале ты можешь увидеть черных негров, по большей части из племени сара, и светлых африканцев. Эти последние — арабы. Сейчас они мирно живут бок о бок и делят между собой власть в стране. Древнейшими обитателями Чада были сара. Однако им пришлось отступить перед силой арабов, которые пришли в эту страну, лежащую на перепутье между Черной Африкой и Сахарой.

Еще когда Форт-Лами вообще не существовал, на этом месте уже в течение двух веков был огромный рынок, на котором продавались оба главных товара Чада: соль и... рабы-негры — сара, будума, банана, котоко, вадаи. Их захватили в плен, а затем продавали в рабство.

— Но это не объясняет, почему теперь котоко живут на озере.

— Предки нынешних котоко, — продолжал свой рассказ археолог, — назывались «сао», и они наиболее стойко сопротивлялись мусульманскому проникновению в страну. Вместе с ними сражались негрские народы вадаи, багирми, будума. Постепенно их всех обратили в рабство и вывезли в страны Востока. Уцелели лишь гордые, свободолюбивые сао. Когда набеги мусульман стали особенно частыми и свирепыми, они сели в свои пироги и укрылись на островах посреди озера. Там сао чувствовали себя в полной безопасности. Со временем они стали называть себя «котоко». С тех пор прошло много лет. Котоко до того привыкли жить на озере, что больше не хотят возвращаться на твердую землю.

— Словом, они сами ушли в изгнание, чтобы избежать рабства.

— Вот именно.

Тут мой друг археолог умолк, потому что Кристиан жестами приглашала нас еще раз подойти к стойке и принять новую дозу виски со льдом.

Почти секретная миссия

Целых три года я стремился привлечь внимание общественности к проблеме рабства в Африке. Я писал статьи, давал интервью по телевидению, снял документальный фильм. И вот в январе 1963 года в моей квартире зазвонил телефон.

— Так это вы интересуетесь проблемой рабства в Африке? — без всяких околичностей спросил незнакомый мужской голос.

Получив утвердительный ответ, незнакомец сообщил, что является продюсером и недавно задумал снять об этом «фильм-расследование». Если меня привлекает подобная идея, то мы можем договориться о съемке такого фильма. Сложное и рискованное путешествие показалось мне весьма заманчивым; мы быстро пришли к соглашению.

Вскоре я и Лаура вместе с группой из четырех техников-операторов вылетели в Африку. Официальной целью нашего путешествия были документальные фильмы о туризме. Ведь если бы правительства стран, в которых мы намеревались побывать, узнали об истинной цели нашей «миссии», они, вероятно, не разрешили бы нам производить съемки.

Итак, мы снова в Африке, на севере Чада, в Файя-Ларжо. Неужели еще и теперь, в 1963 году, в Африке существуют караваны, тайно перевозящие рабов в Саудовскую Аравию.

Я никак не мог в это поверить, но хорошо осведомленные люди утверждали, что наши поиски не будут безрезультатными. По их совету мы сели в небольшой военный самолет, который летел в районы, где можно обнаружить такие караваны. Собственно, самолет и был предназначен специально для поиска и обнаружения таких караванов на границе между Республикой Чад и Суданом. Впрочем, пилоты знали лишь, что мы собираемся снять живописные пейзажи и отдельные караваны.

Во время полета я то и дело задавал себе мучительный вопрос: существует ли в нынешней Африке рабство, или это плод фантазии? Впрочем, в предыдущих путешествиях я сам видел, что рабство сохранилось в самых разнообразных формах. Разве назовешь иначе как рабством положение женщины во многих внутренних районах Африки? Ведь она выполняет самую тяжелую физическую работу и является

собственностью мужа, ее безраздельного владыки. А как назвать феодальные нравы, царящие в мусульманских султанатах, где религиозный владыка или султан самовластно распоряжается жизнью своих подданных?

Обо всем этом я хотел снять фильм, понимая, однако, что встречу немало трудностей. Но я не думал, что в 1963 году увижу караваны, везущие черных рабов.

После нескольких часов полета над плоской безлюдной саванной на горизонте показался горный массив Эннеди, высящийся на границе между Республикой Чад и Суданом. Так же как и в Аире и Хоггаре, разрушительная работа ветра и солнца превратила некогда сплошной массив в отдельные остроконечные пики и гигантские арки, сделала скалы похожими на скрюченные окаменелые мумии. После посадки в долине между двумя горами мы продолжили наш путь уже на джипе к пограничному пункту Фада.

Дорога вьется меж ущелий, и горы над нами высятся на фоне неба, словно покалеченные воины. Пейзаж поистине фантастический по своим очертаниям и цвету. Защищаясь от выветривания, скалы покрылись слоем рыжевато-коричневой окиси железа, очень похожей на ржавчину. Весь район Эннеди безлюден и пустынен. Поэтому, объяснили нам, он обычно служит транзитной зоной для караванов, направляющихся из Черной Африки в Судан.

С севера на юг граница между Чадом и Суданом протянулась на две тысячи километров. Две тысячи километров саванны, гор и пустыни! Мыслимое ли дело держать под постоянным контролем всю эту территорию?

Ущелья Эннеди одно из немногих мест, через которое караваны обязательно должны пройти, чтобы запастись здесь водой. В период засухи в радиусе шестисот километров не найдешь других колодцев. Следовательно, достаточно держать под наблюдением район Эннеди, чтобы перехватить караваны невольников.

Но для пограничных войск это весьма нелегкая задача. Ведь труднопроходимые ущелья, горы и долины Эннеди занимают площадь, примерно равную всей Швейцарии.

Добровольцы одиночества

На посадочной полосе форта Фада в тряском джипе мы познакомились с двумя офицерами, командирами этой военной зоны. Они оба французы, как, впрочем, и весь гарнизон форта.

Мы уже слышали об этих людях. В Форт-Лами и в Файя-Ларжо их называют «добровольцы одиночества». У молодой Республики Чад, в состав которой территориально входит и район Эннеди, не хватает пока своих офицеров и солдат, особенно специальных частей для охраны труднодоступных пустынных и горных районов. Поэтому правительство вынуждено набирать добровольцев из числа французских офицеров, которые прежде служили в местных гарнизонах. Эти люди за долгие годы службы в Африке сумели акклиматизироваться и способны переносить климат даже безжалостного горного массива Эннеди.

Обычно это офицеры корпуса морской пехоты, и довольно смешно видеть в раскаленной пустыне фуражки с якорем и двумя скрещенными веслами. Но так или иначе, а эти люди в течение двух лет подряд несут службу в совершенно адских условиях. За это время им не предоставляют ни одного отпуска, очевидно потому, чтобы не «сломать» привычку к одиночеству пустыни. Двух-трехдневный отпуск в городе, соприкосновение с миром цивилизации может нарушить с трудом достигнутое душевное равновесие.

Когда наш самолет приземлился в долине на импровизированном аэродроме, мы не увидели вокруг ни селения, ни лагеря кочевников.

Каменная, в староколониальном стиле, башня форта была единственным признаком жизни во всем районе между горами и пустыней. Так что слово «одиночество» в этих местах имеет весьма точное значение и не является поэтическим вымыслом.

Здесь, в форте, тоже не знали о целях нашей экспедиции. По официальной версии, мы приехали сюда, чтобы снять фильм о жизни и службе в гарнизоне. А пока нам оставалось только ждать удобного случая.

Первое впечатление таково, что против всяких ожиданий мы очутились отнюдь не в гарнизоне. «иностранный легион». Все

офицеры — старые «африканские волки», решившие любой ценой остаться здесь, даже если приходится служить под другим флагом.

Мысль о возвращении в Европу, об отставке пугает их больше, чем все тяготы, опасности и «унижения» службы. Подумать только, они, французские офицеры, недавние хозяева страны, вынуждены подчиняться черным, получать от них приказы, а то и взыскания! Но «африканская болезнь» заставляет их терпеть и покоряться. Куда более странным кажется присутствие солдат срочной службы, добровольно просивших назначить их в Экваториальную Африку. Чем объяснить, что молодые европейцы предпочли трудную службу в пустыне удобной жизни в цивилизованной стране? Сразу же напрашиваются всякие романтические версии — трагическая любовь, духовный кризис. Но вероятно, мотивы такого решения совершенно иные. Нам так и не удалось получить от молодых французов точного ответа. Они всячески избегали разговоров на эту щекотливую тему.

Мне почему-то вспомнились разведчики нефти из лагеря «Коронада» в столь же пустынном районе Туниса Шотт Эль-Джерид.

Бросается в глаза большая разница между этими двумя группами. В лагере разведчиков нефти царили оживление, шум и даже веселье. Там люди надеялись открыть залежи нефти, у них была своя цель. А здесь, в форте, царит тишина: французы-добровольцы исправно несут свою нелегкую службу по охране границы, но у них нет никаких целей и перспектив. Что же касается распорядка дня, то здесь, в Фаде, он примерно такой же, как в лагере «Коронада». Вот только в свободные часы французы-пограничники и американцы — разведчики нефти ведут себя по-разному.

Молодые солдаты используют два года одиночества для того, чтобы досконально изучить иностранные языки. Я видел среди их личных книг множество всяких учебников и грамматик. В казарме рядом с койкой здесь не висят снимки голых актрис, на тумбочках лежат не детективы или бульварные романы, а книги классических авторов и реже журналы. В маленьком лазарете лежал унтер-офицер, заболевший малярией. Он читал «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Больной попросил меня, когда я вернусь в Европу, подписать его, если это возможно, на какую-нибудь серьезную итальянскую газету: он хочет изучить итальянский.

Гигантский муфлон

— Вы сами услышите его приближение, — говорит нам командир гарнизона.

В тот вечер он пригласил нас на ужин. Мы сидим на веранде домика в глубине форта. За столом одно место пусто: ждут таинственного гостя.

— Приступайте к ужину. Он придет чуть попозже, — еще раз пообещал командир.

Мы сели ужинать; завязалась оживленная беседа, но все мы ждали, когда же появится необычный гость. Когда мы уже выпили кофе, у крепостной стены послышался стук копыт. Еще секунда — и таинственный гость возник на стене, одним прыжком перемахнул во двор и замер в неподвижности. Его стройное тело четко вырисовывалось в лунном свете. Это был гигантский муфлон — одна из самых редких и крупных африканских разновидностей дикого барана.

— В горах Эннеди и Тибести таких муфлонов осталось совсем немного, — сказал нам хозяин дома.

— А я думал, что муфлоны весьма пугливые и осторожные животные.

— Вы не ошиблись. Но этого муфлона поймали совсем малышом и приручили. Со временем он привык днем свободно пастись в горных долинах, а вечером возвращаться в форт.

Муфлон отужинал вместе со своим хозяином. Чтобы добраться до стоявших супа и хлеба, он старательно вытягивал шею. А когда к чаю подали варенье и пирожное, муфлон с такой жадностью набросился на них, что бутылки и чашки на столе угрожающе закачались. Горный красавец муфлон обожает все сладкое.

— У нас каждый завел себе не совсем обычных друзей, — рассказывает командир, — этот пустынный район совершенно безлюден, и тут водится множество диких животных. Я запретил охотиться на них, потому что в свободные часы это стало бы единственным развлечением и очень скоро началось бы поголовное истребление зверей. Тогда каждый постарался поймать и приручить какого-нибудь зверька. Поверите ли, наш форт превратился в

настоящий зоологический сад. Возня с прирученным зверем очень скрашивает одиночество; а ведь по контракту мы обязаны пробыть здесь целых два года.

На следующий день мы сами убедились, что почти у каждого солдата есть свой друг из звериного царства: газели, маленькие гепарды, ласковые, как котята, и рыжие обезьяны.

— А вот львов пришлось прогнать, — сетует офицер, дежурный по столовой. — Они слишком много ели и вдобавок страдали от одиночества, когда их хозяин уезжал в инспекционную поездку. Пока он отсутствовал, они без конца выли и скулили...

Рабы

После целого дня езды мы перебрались из форта в военный лагерь на самой границе. Солдаты и офицеры этого маленького гарнизона, заранее предупрежденные о нашем прибытии, встретили нас очень дружелюбно и радушно. Командир объяснил, что пограничные дозоры действуют в тесном контакте с самолетами-разведчиками. Я сразу же попросил разрешение принять участие в одном из таких еженедельных полетов (чтобы снять интересные пейзажи) и получил согласие от главного командования. Теперь нам оставалось ждать, когда прилетит самолет.

А пока в лагере готовятся к патрулированию наземные разведывательные группы.

В кузов огромного, словно морской корабль, грузовика укладывают бочки с горючим и палатки. На крытом прицепе, который на время поездки будет нашим домом, погрузили и наши киноаппараты.

Здесь на отвратительных горных дорогах так трясет, что наша пленка и сами кинокамеры могут серьезно пострадать. Солдаты и офицеры охотно помогают нам укладывать груз. Они уже привыкли к нашему присутствию в лагере, и их очень развлекает наша растерянность перед лицом полного безмолвия и покоя. По сто раз в день мы пристаем к ним с вопросом: когда же отъезд?

— Наберитесь терпения, друзья, — неизменно повторяет командир.

Тут уж никак не скажешь, что время — деньги.

Чтобы как-то облегчить бесконечное ожидание, он взял меня с собой в короткую поездку по горным ущельям. Там я смог сфотографировать графитные скалы весьма древнего происхождения.

В пути я внезапно увидел далеко на горизонте движущиеся фигурки.

— Это наши мехаристы — солдаты из верблюжьего корпуса, — объяснил мне командир. — В самых труднодоступных местах границы дозорную службу и патрулирование несут кочевники-арабы на верблюдах-мехари. Эти кочевники считаются кадровыми военными, они сведены в небольшие подразделения под командованием наших офицеров.

— Вечером они придут в лагерь? — спрашиваю я.

— Нет, в течение двух месяцев, пока они несут патрульную службу, им запрещается останавливаться на ночлег в гарнизоне или в форте Фада.

— Но ведь сейчас они всего в нескольких километрах от лагеря!

— Верно, однако, согласно уставу, они в период патрулирования не имеют права общаться с кем-либо и заезжать в военные лагеря или форт, как бы близко от них ни находились. Когда поспишь ночь в постели и сытно пообедаешь в армейской столовой, потом очень тяжело снова тащиться на верблюде по безжизненной пустыне. Нам тоже запрещено останавливаться или здороваться с ними, если в ходе патрулирования наши пути случайно скрещиваются. Мы притворяемся, будто не видим их, даже когда пьем воду рядом из одного и того же колодца.

Командир, поймав мой удивленный взгляд, добавил:

— Мехаристы все два месяца полностью изолированы от внешнего мира. В случае крайней необходимости командир отряда может вызвать нас по радио.

Второй раз мне довелось отряд мехаристов увидеть на следующий день. Наконец-то прилетел самолет. Я поудобнее устроился между пилотом и наблюдателем, короткий разбег — и вот уже начался очередной разведывательный полет. Несколько минут спустя мы пролетели над отрядом арабов-кочевников из верблюжьего корпуса, которые направлялись к узкому горному проходу. В красноватом свете на фоне бурых скал их белые мундиры казались крохотными масляными пятнами. Я попытался снять их, но они остались далеко позади и вскоре исчезли за склоном горы. Самолет стремительно понесся вперед в поисках караванов, и теперь все мое внимание было поглощено рекогносцировкой с воздуха.

За несколько последующих дней мне удалось совершить пять-шесть очень опасных вылетов. Наш самолет приземлялся прямо в узком проходе между скал, на весьма малой высоте пролетал над саванной и горами, подчас менее высокими, чем отдельные скалы. Пока пилот воевал с потоками теплого воздуха, мы с наблюдателем внимательно следили, не покажется ли внизу караван или палатка бивака.

За все время нам посчастливилось обнаружить всего три каравана. План действий после этого всегда оставался одним и тем же.

Обнаружив караван, офицер-наблюдатель сообщал его местонахождение, связавшись по радио с лагерем. Если выяснялось, что караван уже был проверен мехаристами или мотопатрулями, полет продолжался. Если же караван еще не подвергался контролю, пилот спускался как можно ниже, выбирал пригодную посадочную площадку и затем приземлялся.

Мотор не выключался, но теперь он работал на самых малых оборотах. Пилот оставался на борту самолета; офицер-наблюдатель в одной рубашке и шортах вылезал из кабины и отправлялся на встречу с главой каравана, всегда довольно опасную и полную неожиданностей. Обычно офицер не брал с собой никакого оружия, в то время как караванчики всегда были хорошо вооружены.

Впрочем, пилот и офицер-наблюдатель, оба французы, также находившиеся на службе у правительства страны, не выказывали ни малейшего беспокойства.

— С караванчиками нужно действовать решительно, так, словно за вами стоит наготове целый отряд, — объяснил нам пилот. Ну, а вид оружия может их только обозлить.

Все три раза встреча заканчивалась дружеским чаепитием. Проверка подозрительного каравана не давала никаких результатов, и мы с полчаса мирно беседовали с караванчиками, попивая арабский чай. Но однажды после трех часов полета бортовое радио прокаркало что-то непонятное: говорил лагерь. Должно быть, это было что-то важное, потому что самолет сделал крутой вираж и помчался к юго-восточной части Эннеди.

Мехаристы обнаружили у колодцев — в районе Айна и Горуан — неизвестный караван, очевидно державший путь в Судан. Мы немедленно изменили курс и полетели на разведку.

— Кроме форта колодцы Айна и Горуана — единственные в радиусе трехсот километров, — заглушая шум мотора, крикнул мне офицер-наблюдатель. — Прежде чем отправиться из Чада в Судан, караваны должны запастись водой. Если они не заходят в Фаду, а предпочитают воспользоваться другими колодцами, значит, им есть что скрывать от нас.

— Вон, вон они! — прервал нас пилот.

Вначале я ничего не увидел, но потом самолет, резко накренившись, сделал еще один крутой вираж. Скалы под нами словно

подверглись разрушительному землетрясению или взрыву — вершины гор рассечены, в долинах полно огромных камней. И весь этот могучий горный массив прорезает узкий извилистый проход. Именно этот проход и интересовал пилота и офицера-наблюдателя.

Я вгляделся, затем начал снимать. Теперь и я увидел в горном ущелье людей и животных. Наблюдатель передал по радио в лагерь и в форт, что караван обнаружен там-то и там-то.

— Не менее трехсот верблюдов и примерно сто человек! — крикнул он в микрофон.

Вскоре мы вернулись в лагерь. На следующий день в три часа утра грузовик-вездеход с отрядом солдат и проводником из числа местных жителей выехал из лагеря для проверки этого большого и весьма подозрительного каравана.

Мы отправились вместе с ними.

— В пути будет нестерпимо жарко, — предупредил нас командир.

Чтобы одолеть восемьдесят шесть километров горной дороги, нам понадобилось десять часов. В пять тридцать утра показалось неумолимое, грозное солнце, словно бы поджидавшее всю ночь удобного случая прыгнуть на небо. В несколько минут темнота рассеялась, а с ней ушла и ночная прохлада.

Грузовик был без брезента, и лучи солнца немилосердно жгли нас. Вскоре беспрестанные рытвины, ухабы, толчки при внезапных остановках окончательно меня добились. Я почувствовал, что не в силах больше сидеть неподвижно, и попытался встать. Меня резко качнуло; чтобы удержать равновесие, я ухватился за металлическую ручку. И тут же из моего горла вырвался крик боли от прикосновения к раскаленному металлу. Кожа на ладони вздулась и побелела.

Солнце — безраздельный хозяин, оно распоряжается вами по своему усмотрению. Чтобы избежать аварии мотора и порчи шин, мы вынуждены были двигаться буквально шагом и часто останавливались под защитой тени от скал.

Часам к одиннадцати грузовик спустился наконец в поросшую акацией долину. Отсюда начинается дорога по длинному извилистому ущелью, ведущему к колодцам Айна и Горуана. Довольно плотный песчаный слой позволил грузовику развить большую скорость. В темном отвесном ущелье, где всегда царит полумрак, после редких дождей собирается вода, и здесь она не испаряется.

Тут мы и настигли караван, обнаруженный самолетом.

Верблюды уже вошли в болото и жадно пили зеленоватую жижу. Рядом на песке был сложен груз.

У воды сидели караванщики. Завидев нас, они не выразили ни малейшего изумления. Несколько караванщиков поили верблюдов, но их нелегко было заметить среди множества животных. Пилот не ошибся: в караване оказалось примерно триста верблюдов. Напуганные шумом мотора, они отчаянно, протестующе ревели, их рев гулким эхом отдавался среди отвесных скал. Но и эта вакханалия звуков никак не отразилась на деланном или истинном безразличии караванщиков. Даже появление солдат, выпрыгнувших из грузовика, не заставило их пошевелиться.

По приказу старшего офицера солдаты начали проверку людей и грузов. Солдаты, как и пилоты самолета, были без всякого оружия, чтобы не вызвать недовольства у гордых и вспыльчивых караванщиков. Но в этот раз солдаты безоружны только на первый взгляд — в кузове грузовика я видел целый ящик винтовок. Караван слишком велик, и любой инцидент может плохо кончиться.

Солдаты внимательно, словно таможенники, рылись в мешках и тюках. Но здесь речь шла не о контрабандных сигаретах, а о контрабанде «живым товаром». Никто не упомянул об этом ни единым словом, но по общему напряженному молчанию было ясно, что ставка в игре велика.

Часа через два, когда осмотр уже кончался и командир группы прекратил допрос двух старших караванщиков, кто-то позвал нас. Это был наш проводник-араб, он махал нам рукой. Очевидно, он что-то нашел. Мы со всех ног кинулись к нему. А караванщики, словно это их ничуть не касалось и не интересовало, возобновили прерванную работу. Проводник указал нам на пещеру в скале. Мы вошли и увидели в полутьме накрытые брезентом мешки. Один из караванщиков сидел на земле с копьём в руках, точно был поставлен тут часовым. Впрочем, и он не обратил на нас ни малейшего внимания.

— Посмотрите как следует на эти мешки под брезентом, — прошептал проводник, комично закатывая глаза, точно увидел страшного дракона, и, несмотря на всю серьезность положения, нам на миг стало смешно. — Поднимите брезент и сами увидите — мешки шевелятся. А раз они шевелятся, то это не мешки...

В ту же секунду один из солдат сорвал брезент и отбросил его к стене. Внизу, распластавшись на песке, лежали мальчишки. От неожиданности они испуганно вскрикнули и бросились врассыпную. Кто-то из них упал, застонав от боли, но тут же вскочил и вместе с остальными убежал в самый темный угол пещеры. Под другими мешками солдаты обнаружили совсем молоденьких девушек и девочек. Они испугались еще сильнее ребят и, не в состоянии ни кричать, ни бежать, лишь мелко дрожали от страха.

Все были поражены, но еще больше мы удивились, когда слышали объяснения старших караванщиков. Оба они отвечали на вопросы командира группы совершенно спокойно. Они сразу забыли, что совсем недавно вполне сносно говорили по-французски, и теперь требовали переводчика. Было совершенно очевидно, что они хотели выиграть время и согласовать линию поведения.

— Почему все дети были спрятаны в пещере?

— Так они испугались шума машины и сами туда удрали. А потом забрались под мешки.

— А почему многие из них связаны?

Командир показал на четырех мальчишек, у которых руки были схвачены металлической цепью. Но и этот вопрос нимало не смутил старших караванщиков. Через переводчика они объяснили, что многие ребята в пути убегают, не желая работать, а потом часто погибают одни в пустыне от жажды. Этих ребят схватили, когда они готовились к побегу, и примерно наказали. А самых строптивых даже связали в назидание остальным.

Допрос мог продолжаться весь день, и ответы были бы такими же уклончивыми и неправдоподобными. Но командир встал и объявил, что оба старших караванщика поедут с нами в лагерь для дальнейшего расследования. Дети тоже будут отправлены в лагерь.

Обратный путь оказался еще более тяжким, чем поездка к ущелью. У нас кончилась питьевая вода, и всех мучила адская жажда. Краешком глаза я поминутно поглядывал на двух старших караванщиков. Они сохраняли полнейшее безразличие.

Оба они были необыкновенно худы; их сморщенная сухая кожа явно не гармонировала с живыми моложавыми глазами, так что было совершенно невозможно определить их возраст. Им с одинаковым успехом можно было дать от двадцати до шестидесяти лет. Также

трудно определить, мучались ли они, как и мы, от жажды, жары и беспрестанных толчков на ухабах. Они словно явились из другого мира.

Обильный душ, который нам разрешили принять по возвращении в лагерь, хотя и позволил смыть пыль и грязь, но не снял усталости. Не в состоянии даже поужинать, мы бессильно лежали в креслах, стремясь не пропустить ни слова из беседы офицеров. А они говорили о проблеме рабства. После того как мы своими глазами видели маленьких невольников, офицерам незачем было что-либо скрывать от нас. Я вспомнил, как в Файя-Ларжо один местный житель нам сказал:

— Вы спрашиваете, существуют ли караваны невольников? Конечно. Если хотите их увидеть, побывайте на границе с Суданом.

Тогда мы отнеслись к его словам с большой дозой скептицизма, но теперь убедились, что он говорил правду. Пожилой офицер, старожил этих мест, сказал, что горы Эннеди с их долинами и ущельями наиболее удобный путь для невольничьих караванов из Черной Африки в Судан, а затем через Красное море в страны Арабского Востока. Наибольшим спросом в этих странах пользуются женщины-негритянки для гаремов нефтяных королей и шейхов. Те девочки, которых сегодня патруль обнаружил еще очень молоды, тоже высоко ценятся на рынке рабынь, где за них можно получить весьма большие деньги.

Перед отъездом в Африку мне довелось увидеть в организации Международного Красного Креста фотографии совсем юных девочек и мальчишек, проданных в рабство. Они смотрят на вас испуганным, тоскливым и покорным взглядом, а на их лице написана безмерная усталость. Раньше я думал, что это снимки прошлых веков, но теперь понял, что кое-где эта, казалось бы, канувшая в Лету эпоха оживает и становится реальностью наших дней.

Англичанин лорд Моэм уже много лет ведет борьбу с пережитками рабства. Он настойчиво и гневно обвиняет ряд правительств и международных организаций в полной бездеятельности. Мне вспомнился официальный отчет Моэма в палате лордов. В нем рассказывается о перевозке рабов в одно арабское государство с тайного аэродрома в Центральной Африке. В самолет погрузили девушек и малышей.

— Неужели ты не понимаешь, что творишь? — спросил он у пилота-американца.

— Знаю и не знаю, — ответил пилот. — Да и какое мне дело, если мне платят десять тысяч долларов в месяц?

В этом и заключалась вся суть проблемы: продажа рабов весьма выгодный бизнес, у каждого, кто им занимается, есть возможность отлично заработать.

Старших караванщиков ввели в палатку командира военного лагеря как раз в тот момент, когда мы направлялись к посадочной площадке: из Файя-Ларжо специально за нами прилетел самолет. На какой-то миг столкнувшись с двумя караванщиками, мы не заметили в их взглядах ни малейшего волнения. То же спокойствие и та же неторопливая походка.

— Такие случаи здесь совсем нередки, — рассказывает нам офицер, везущий нас на джипе к импровизированному аэродрому. — Президент Республики Чад Томбалбай, так же как и другие главы государств Черной Африки, приказал действовать со всей суровостью против современных торговцев рабами. Если из допросов караванщиков выяснится, что речь действительно идет о тайной переброске крупной партии невольников, то после составления протокола и уточнения с помощью переводчика всех фактов виновники и жертвы будут доставлены самолетом в ближайший город, где есть суд, — в Файя-Ларжо или Абеше. Затем состоится процесс. Если будет установлено, что нарушение закона оказалось особенно тяжким, заседание суда перенесут в столицу республики.

Небоскребы и сваи

Немного спустя я побывал на одном из таких процессов в Лагосе. Продолжая путешествие и расследование, мы в начале 1963 года прибыли в столицу Нигерии— большой современный город Лагос. Из окон было видно, как вздымаются к хмурому от дождя небу огромные небоскребы; в комнате мы могли смотреть передачи телевидения по двум каналам. Весь город представлял собой одну громадную стройку. С невероятной быстротой вырастали новые дома, прокладывались новые дороги и сносились целые кварталы хижин и бараков. Торговая, политическая, культурная и научная деятельность была еще в начальной стадии развития, однако налицо симптомы быстрого подъема, особенно в области экономики.

Все, начиная от языка и расписания движения транспорта и кончая политическим устройством, копирует английский образец, установившиеся нормы общественной и политической жизни британцев. Недаром целых сто лет Нигерия была «образцовой колонией» Великобритании.

По английскому образцу организованы и суды. Побывав в Абеокуте на заседании суда, мы вспомнили об эпизоде, свидетелями которого стали в горах Эннеди.

В тот день перед судом предстал торговец, обвиняемый в продаже четырех девочек, не достигших десятилетнего возраста.

Торговец, родом из небольшого нигерийского городка, защищался с пугающей простотой и логичностью.

— Я совершенно невиновен, — говорил он, — ведь я этих четырех девочек не украл, а купил по всем правилам. Чего же вы от меня хотите? В моем городке все знают, что я старый честный коммерсант.

Судья слушал его совершенно бесстрастно. На голове у него был парик из белых курчавых волос, которые ниспадали на его мужественное, дышащее силой черное лицо чистого йоруба. «Каково ему сидеть в парике, когда термометр показывает 45 градусов выше нуля», — подумал я.

Английское влияние все еще сказывается не только в самой системе юриспруденции, но и в традиции носить судейский парик, словно это не жаркий Лагос, а туманный Лондон.

Понятно, мы не удержались от соблазна тайком заснять и самого судью в его парике. На нас сильное впечатление произвело то спокойствие, с каким он выслушивал наивные оправдания подсудимого. Очевидно, подобного рода дела были для него совершенно обычны. Судьи Лагоса привыкли к процессам о рабстве. За несколько недель моего пребывания в Лагосе состоялось свыше десяти процессов по обвинению в продаже рабов. Многие из них освещались в печати.

Местная «Дейли таймс» в номере от 6 февраля 1963 года опубликовала большую статью под заголовком: «Может ли муж продать жену в возмещение долга?» Далее приводилась история плотника, некоего Садику Десанво, который подал в суд на госпожу Сувебату за несоблюдение контракта.

Госпожа Сувебату, вдова одного из подмастерьев, работавшего у плотника, отказалась жить с ним, чтобы тем самым оплатить долги умершего мужа. Десанво утверждал, что у него есть все права получить вдову в «наследство» и что он уже подписал соответствующий контракт с родителями женщины. Но госпожа Сувебату оставила плотника и вышла замуж за некоего Алима Салами, который выступал на процессе в качестве свидетеля.

Судья Огунтойе приговорил Садику Десанво к штрафу в семь гиней, объявив, что госпожа Сувебату вольна распоряжаться своей судьбой. «Женщины — не животные, и их нельзя покупать и продавать по своему произволу», — сказал он.

В газетах публиковались материалы и о довольно необычных случаях продажи рабов. Так, в номере от 4 февраля приводился такой факт: «Отец одной женщины хотел вновь отдать, а вернее, продать замуж свою недавно овдовевшую дочку, требуя за нее «приданое» в размере 64 фунтов стерлингов. В результате процесса судья объявил дочь свободной от всяких брачных обязательств и строго предупредил ее отца, что запрещается «продавать» дочерей, да еще за такое чрезмерно большое приданое». Под «приданным» здесь, в Нигерии, понимается совсем не то, что у нас в Европе. «Приданое» тут — это цена, которую жених платит отцу невесты.

— Из всех африканских стран традиции рабства оставили в Нигерии наиболее глубокие следы, — сказал нам один итальянец, долгое время проживший в этих местах. — Вы были в селении Бадагри? — спросил он.

Тот же самый вопрос нам задал в аэропорте Лагоса, едва мы вышли из самолета, шотландец с густой рыжей бородой. Он представился нам как директор туристской компании и предложил совершить несколько интересных поездок по окрестностям Лагоса.

— Обязательно посмотрите Бадагри, это селение много расскажет вам о рабстве, — посоветовал нам один из сотрудников итальянского посольства.

Даже портье в отеле каждое утро приглашал нас «совершить интересную прогулку до самого берега океана и посетить селение Бадагри». Наконец мы решили покинуть на время Лагос и посетить знаменитое селение, связанное с воспоминаниями о тех временах, когда вся Африка была огромным рынком рабов.

Рабы и туризм

Сети, рыбаки и пальмы — вот что придает селению особую живописность и красоту. Но оно славится отнюдь не этим.

— Вот цепи, в которых увозили на чужбину наших отцов, — говорит африканец в полосатой рубашке и соломенной шляпе.

Он — доверенное лицо туристской компании Лагоса, и по его приказанию немедленно открывают ящики, где хранятся ржавые железные цепи.

Вместе с «историческим местом погрузки рабов» эти цепи являются туристской достопримечательностью Бадагри.

— Отсюда работоторговцы увозили наших женщин, — поясняет гид.

— Они их приковывали одну к другой вот так.

Пять женщин-йоруба становятся на колени, и наши гиды для наглядности надевают им на шею и ноги цепи, вынутые из ящика. Сцена эта, хоть она и театральна, весьма впечатляет. Женщины, закованные в цепи, негромко стонут, и им вторит наш гид. Даже наш сопровождающий, рыжебородый шотландец, и тот, похоже, немного растроган.

Нашимбен, вынув из портативного холодильника пиво и кока-колу, стал раздавать их неграм. Воспользовавшись небольшой сумятицей, я улизнул на берег.

Волны Атлантического океана набегают в Бадагри на бесконечный песчаный берег, весь в кружении песчинок, поднятых ветром.

Приближался вечер, и жара немного спала; я напрямик направился к тому месту, откуда прежде увозили рабов в Америку, и углубился в густую рощу между берегом и лагуной. Узкая тропинка вела к соединительному каналу между внутренней лагуной и океаном.

Едва я вступил под зеленые своды кокосовых пальм, шум волн на берегу сразу замер. В полной тишине я брел по тропическому лесу с его характерным запахом мха и гниющих растений.

Добравшись до канала, я прошел еще метров триста до устья, еле заметного среди густой травы и кустарника. Здесь я нашел другую тропинку, которая змеится в густой траве почти у самого берега и взбирается вверх по высокой дюне.

Шесть часов вечера — лучшее время здесь, в Африке. На вершине дюны было свежо и прохладно. Ветер с моря колебал большие легкие листья бамбука, похожие на веер из перьев.

Тропинка неожиданно оборвалась на маленькой поляне, откуда снова стал виден бесконечный морской горизонт и пологий берег.

Сто лет назад длинные колонны закованных в цепи рабов плелись по той же тропинке, по которой только что прошел я. С этого самого песчаного холма, который господствует над побережьем и одновременно надежно защищен зарослями бамбука, работорговцы подавали условный сигнал судам, стоявшим на якоре в открытом море. Тропинка сбегает прямо к берегу, извилистая, скользкая, незаметная в зеленых зарослях. Отсюда для тысяч мужчин и женщин начиналось безвозвратное путешествие через океан.

Закованные в цепи, шли они по тайным тропинкам через леса, реки, лагуны и каналы навстречу безжалостной судьбе. Здесь, в этих местах, ступни тысяч и тысяч негров в последний раз касались родной африканской земли.

Скрытыми, тайными были не только тропинки, ведущие к побережью, но и само место погрузки.

Ведь в последние годы англичане и французы в своих интересах старательно охотились за португальскими каперскими судами и караванами невольников. Мне вспомнились стихи поэта с Берега Слоновой Кости Тев Ахиджо, написанные, очевидно, когда он с этого берега смотрел на океан. Ведь Берег Слоновой Кости тоже был свидетелем массового вывоза рабов за океан, и каждое место здесь может многое рассказать о трагедии миллионов людей.

Днем и ночью я
Напрасно ждал на берегу тех,
Кто уплыл и назад не вернулся.
Ладонью заслонившись от солнца, глядел на горизонт,
Пока глаза на лоб не полезли.
В дюнах повсюду мои следы.
Я влез на самую высокую пальму,
Но так ничего и не увидел.
Прохожий спросил у меня,
Почему я так горько плачу?
Все равно им больше не вернуться,

Это путь лишь туда — не обратно!
— О солнце, что же стало там с ними?
— И солнце, назад возвратясь,
Назавтра сказало мне так:
— Друг мой, напрасно ты ждешь,
Другие над ними теперь небеса,
Им в Африку нет дороги.
— О Солнце, ты видишь все в мире,
Скажи мне,
Куда их судьба занесла?
— Они — на земле, где сладкий тростник
Растет высоко и могуче,
Где золото льется рекою.
— О люди, сердца ваши — камни,
Страшной вы чумы беспощадной —
Раз золоту вы предпочли братьев моих.
Днем и ночью
Напрасно я жду
Тех, кто уплыл
И назад не вернулся.
Три века прошли по полям,
С тех пор как их увезли.
Тень деревьев гуще стала,
Ложе рек много шире стало,
Сыновья сыновей
Своих сыновей имеют,
И землю других континентов
Удобрят они слезами.
Их больше, чем звезд на небе,
И их гнев с каждым днем созревает...

Пологий берег весь сверкает. Солнце высоко в небе проложило световую дорожку между севером и югом, и эта полоса света — граница между Атлантикой и Африкой. Но пора возвращаться в селение, где меня с нетерпением ждут друзья.

Я иду. и волны обдают меня пенными брызгами. Примерно в полукилометре от берега волна набирает силу и высокой прозрачной

стеной несется к земле. Она яростно обрушивается на прибрежный песок, злобно обдаёт его струями пены. Тут же набегает вторая волна, за ней — третья. Волны гоняются друг за другом, громадные вблизи от берега и совсем маленькие вдали. Но на фоне безбрежного горизонта трудно представить себе их поистине исполинские размеры. Я начинаю понимать это, лишь когда в промежутке между вторым и третьим рядом волн замечаю неподвижные черные точки. Это рыбаки-йоруба. Они уплывают в океан на бревне легчайшего бальзового дерева и прорываются на нем через сплошную стену волн — вещь совершенно немислимая для любого судна.

Рыбу они ловят удочками. Ловко управляя ногами своим плотиком, они целые дни проводят на воде. При этом они должны поминутно остерегаться набегающих волн, которые могут выбросить их на берег, и подводных течений, грозящих утянуть их в океан.

Глядя на них с берега, я наконец четко представил себе, сколь огромны эти зеленые пенные валы. В такой спокойный день, как сегодня, они достигают восьми — десяти метров. Это обычное дыхание гиганта — Атлантического океана. А в штормовые дни волны, должно быть, превращаются в разъяренных чудовищ, на которые смотреть и то страшно. Но рыбаки-йоруба каждый день смело выходят в океан.

Мне почему-то вспомнились рыбаки на бразильском побережье, в Байе, Ресифе и Пернамбуко. Там, на другом берегу Атлантики, рыбаки тоже выходят в океан, «оседлав» бальзовый ствол, и на примитивных плотах целыми днями удят рыбу и ныряют вглубь за омарами, точно так же как рыбаки-йоруба здесь, на африканском берегу. На память приходят другие любопытные сопоставления: бразильские рыбаки так же прорываются на стволах сквозь волны и строят такие же дома. Да, тут не может быть никаких сомнений — рыбаки бразильского побережья Америки не просто имеют сходные обычаи и приемы рыбной ловли. И в первом, и во втором случае — это те же йоруба, только бразильские рыбаки — это потомки африканцев, увезенных отсюда в рабство^[19].

Там, на побережье Бразилии, едва они обрели свободу, как сразу же вернулись к прежнему, африканскому образу жизни.

Я всматриваюсь вдаль, но волны, набегая одна на Другую, уже заслонили рыбаков, и они скрылись из виду. А над пенными гребнями летают птицы-сула. Они громко кричат, долго кружат над водой, потом

внезапно ныряют. Секунда-другая — и они вновь взмывают ввысь с добычей в клюве и тут же устремляются к берегу.

Но пора возвращаться в селение.

Тем временем группа ребяташек, воспользовавшись оплошностью сторожа, оставившего незапертым ящик, завладели цепями. Они разложили ржавые цепи на песке и стали играть.

— Из Лагоса мы поедem в Дагомею. Это недалеко отсюда. У нас в программе предусмотрен визит к одному царьку, — говорю я друзьям.

А ребяташки уже успели повесить цепи на дерево и теперь с криками, громко смеясь, пробегают под ними, задевая их спиной. Газовая лампа обдает их белым неярким светом.

Появляется сторож и сердито кричит на сорванцов. Цепи падают на песок, шумливые мальчишки разбегаются, исчезают в темноте.

Сторож подходит к нам и вопросительно смотрит на шотландца с рыжей бородой. Рыжебородый шотландец поясняет, что нам надо сделать подарки людям из селения, которых мы сфотографировали в цепях. Мы даем им денег и возвращаемся на машине в Лагос.

Король в серебряном наноснике

Городская стена Абомея имеет двое ворот: одни большие, другие поменьше. Над маленькими воротами краской выведены имена королей династии с датой их смерти, начиная от Глеле, Гбеханзина, Агосу и кончая ныне здравствующим королем Тоньи. И вот из этой-то маленькой двери появился и предстал нашим взорам король Тоньи. На нем странный серебряный наносник с дужками на ушах, весь в дырочках, словно чайное ситечко.

Голос короля Тоньи, профильтрованный серебряным наносником, звучал пронзительно и как-то бесчеловечно; тембр голоса очень важен, потому что подданные чтят в Тоньи не только своего монарха, но и живое воплощение его усопших предков. Слова, произнесенные замогильным голосом, служат наглядным подтверждением этого. Надо заметить, что красивый серебряный наносник король вместе с церемониальным платьем надевает, лишь когда принимает важных гостей или дает аудиенцию. Сегодня он это сделал специально для нас.

Прежде чем разрешить нам встречу с королем, нас заставили прождать больше часа в прихожей его «загородного» дворца. (Большой дворец частично разрушен, частично превращен в музей.) Составить нам компанию пришли придворные и министры. Две женщины принесли на подносе несколько бутылок с вином и пустые бокалы. Никто из нас, понятно, не посмел к ним притронуться, пока не появится король и первым не осушит бокал. Только Нашимбен (все кинооператоры на редкость любопытны) взял одну из бутылок виски, чтобы посмотреть, какой оно марки. И в этот самый момент в комнату вошел король Тоньи. Нашимбен вздрогнул и выпустил бутылку из рук. «Сейчас она упадет и разлетится на тысячу кусков», — с ужасом подумал я. Но Нашимбен каким-то чудом умудрился поймать бутылку и поставить на поднос. Он весь побелел, ноги у него дрожали. Увы, это был не последний неприятный момент, который нам пришлось пережить в тот день.

Едва придворные распластались ниц у ног монарха, как худощавый человек в очках (позже мы узнали, что это был первый министр) обратился к нам по-французски:

— Его Величество король Тоньи, государь Абомея, традиционный вождь, приветствует вас и желает знать цель вашего визита.

— Прежде всего мы хотели бы выразить свое почтение Его Величеству, славному представителю великой династии, о которой мы столько читали в книгах по африканской истории, — тем же официальным, торжественным тоном ответил я.

Впрочем, я не солгал, потому что и в самом деле короли Абомея весьма знамениты в Африке. Правда, какого свойства эта «известность», я предпочел умолчать, подозревая, что мой рассказ не очень понравился бы именитому хозяину.

Пока мы обменивались любезными фразами, я с беспокойством заметил, что король Тоньи пристально смотрит на нас, пребывая в полной неподвижности. Откуда мне было знать, что он не понимал ни слова по-французски и силился по выражению наших лиц угадать, о чем идет речь. Мы же приняли его молчание за признак враждебности. Все же я набрался смелости и изложил королю нашу просьбу: не разрешит ли он нам остаться в Абомее на несколько дней и снять дворец с его историческими и художественными ценностями.

Сановник-толмач старательно переводил, король молча слушал, потом вдруг вскочил и начал кричать что-то в серебряный наносник. Его голос гулко отдавался в маленьком зале.

— Смотри, как он расшвирился. Сейчас он велит нас арестовать! — шепнул мне Нашимбен.

Откровенно говоря, я решил, что сказал что-то невпопад и нечаянно оскорбил гневливого монарха. Между тем король отнюдь не рассердился. К нашему полнейшему изумлению, высокопоставленный толмач перевел с улыбкой:

— Король счастлив принять вас у себя. Он прочел ваши рекомендательные письма. Можете снимать все, что вам захочется. Король дает вам на то свое высочайшее разрешение.

«Оказывается, грозные крики были добрыми пожеланиями... К этому королю надо попривыкнуть, — подумал я. — Если в один из последующих дней он нам улыбнется, то, значит, он разгневан».

А пока мы горячо поблагодарили короля за великодушие и преподнесли ему денежный подарок. Без всякой помощи министра и переводчика король быстро пересчитал ассигнации и снова что-то завопил.

— Король очень доволен. Можете приступать к съемкам в любое время, — перевел нам один из министров.

Король поднялся и, не удостоив нас больше ни единым взглядом, удалился.

Едва он вышел из комнаты, две женщины-служанки тут же схватили подносы с бутылками и унесли.

— Выходит, все это было только декорацией, — грустно констатировала Лаура.

Получив высочайшее дозволение, мы, захватив кино-камеры и фотоаппараты, сразу же отправились осматривать королевский дворец в центре Абомея.

Руины дворца успели порости густой травой и даже кустарником. А когда-то это был огромный красивый шорец, в котором жил Глеле, дед нынешнего короля, с тысячей своих жен. Один только гарем занимал тогда четыре гектара.

Король Тоньи куда более скромн и неприязнителен: он удовлетворяется всего ста сорока шестью женами.

Переводчик показал нам место во дворе, где похоронен король Глеле со своими любимыми женами. Это самая настоящая крипта, где погребены сорок самых молодых и красивых жен короля Глеле. Они обрели себя на смерть, чтобы служить своему повелителю и в мире усопших.

Произошло это в 1890 году. И вот теперь нам покачали крепкого седовласого старичка с морщинистым лицом.

— Мадам, месье! — произнес он в виде пролога, по-военному отсалютовав нам. — Я старый вояка!

Но в Абомее он знаменит отнюдь не участием в боях. Он, Мишель Бумба, был десятилетним мальчишкой, когда умер король Глеле, и это его главная «заслуга». Он видел похороны короля, траурную церемонию. А главное, он видел, как заживо погребли жен короля. Сейчас ему восемьдесят лет, но он отлично помнит все. Поэтому, когда приезжают туристы, он неизменно предлагает свои услуги: не желают ли дамы и господа послушать эту незабываемую и ужасную историю. Разумеется, за соответствующую мзду.

Но право же, его рассказ стоит тех пятидесяти франков, которые переводчик ют имени старого Мишеля Бумбы просил в дар у глубокоуважаемых синьоров.

Самопожертвование сорока молодых жен

Итак, начинай, Мишель, свой рассказ, а мы запишем (-го на магнитофон-и снимем тебя. И за это щедро заплатим тебе.

— Жены Глеле были его рабынями, — медленно, но вполне понятно начинает рассказывать по-французски Мишель Бумба. — Король Глеле за любую провинность бил их, нередко даже убивал. Но все они очень его любили и, когда он умер, попросили, чтобы их похоронили вместе с ним. Они считали это великой честью для себя. И тогда в гробнице для каждой из сорока королевских жен было сооружено пышное ложе. Жены короля Глеле лежали в нарядном одеянии, надев все свои драгоценности. Каждая взяла с собой пузырек с ядом. Когда все было готово, подземную могилу прямо на моих глазах замуровали. Внутри крипты жены короля отравились ядом.

Едва Мишель Бумба, закончив свой рассказ, ушел, мы сразу же спросили:

— Неужели с тех пор так и не открывали гробницу короля?

Оказалось, что король Глеле незадолго до смерти завещал, чтобы никто не нарушал его вечного покоя до тех пор, пока жив хоть один свидетель его погребения. И это завещание по традиции строго соблюдается. Наиболее фанатичные сторонники веры могут оскорбиться, если его нарушить. Да к тому же жестокий король даже теперь, много лет после своей смерти, внушает священный страх.

«Традиция» — это слово в конечном счете сохранило в жизни дагомейцев все свое прежнее значение. Опереточный король Тоньи, казалось, не должен был бы иметь никакой реальной власти. Мощь династии была сокрушена французами еще в 1910 году, и все королевские владения вошли в состав французской колонии Дагомеи.

Но вот Дагомея три года как обрела независимость, а король по-прежнему сохраняет в Абомее большое влияние.

Управляет го. родом префект, прежде назначавшийся губернатором колонии, а теперь — президентом республики. И все же влияние и власть префекта в Абомее довольно относительно. Горожане и жители ближних селений по традиции подчиняются прежде всего королю.

Центральные власти как прежде, так и теперь, чтобы собрать налоги, вынуждены терпеть короля с его эфемерным двором и прибегать к его помощи.

Правительство именуется теперь традиционным во-ж чем и выплачивает ему определенный процент с собранных налогов.

Конечно же, правительству отнюдь не нравится, что король выступает посредником между ним и горожанами, но оно вынуждено считаться с реальностью. Особенно раздражает правительство тот факт, что влияние короля Тоньи с годами не слабеет. Больше того, одно упоминание о короле и его жестоких предках вызывает у жителей Абомея страх.

Незадолго до нашего приезда президент республики пригласил короля Тоньи прибыть в столицу — город Котону на торжества в честь годовщины независимости. Понятно, кроме неизменного серебряного наносника и священного зонта король «захватил с собой» вооруженный эскорт.

Едва весть о «походе» короля Тоньи разнеслась по стране, повсюду началась паника. Со времени последних племенных войн прошло свыше ста лет. И все же один только слух о том, что король Тоньи со своим войском выступил в поход, поверг дагомейцев в ужас. Рынки мгновенно опустели, жители селений бросились искать убежища в лесу. Люди в страхе передавали друг другу, что король Тоньи идет войной на соседние племена.

Мы своими глазами видели этого короля, и я уверен, что страх на дагомейцев нагонял не он и его жалкое воинство. Тут решающую роль играют воспоминания о жестокости и могуществе прежних королей этой династии, оставившие глубокий след в сознании каждого дагомейца. Так что и страх — это тоже своего рода «традиция».

Это подтвердил и наш новый официальный переводчик синьор да Крус, который водил нас по дворцу и городу.

Муллат, в котором течет кровь отца, португальского поселенца, и матери-негритянки, он внешне не похож на своих соотечественников. Худой, высокий, с впавшими щеками, он грустно смотрит на вас, близоруко щурясь в своих очках с толстыми линзами.

С неистовством неопита, влюбленного в свою страну и ее историю, да Крус руководит раскопками в королевском дворце и ведет

упорную повседневную борьбу за сохранение этнических традиций Абомея.

Когда наш гид повествует об историческом прошлом своей родины, его лицо утрачивает обычное грустное выражение, глаза закипают энтузиазмом. Он воодушевленно рассказывает нам о былом величии Дагомеи, о кровавых, жестоких битвах.

При этом он не стремится дать историческую оценку королям Абомея — для него важен сам факт единства африканской истории. Неразрывная связь всех исторических событий в Африке кажется молодому ученому необычайно важной. Все его исследования и раскопки, собственно, преследуют одну-единственную цель — проследить эту историческую преемственность. А работать ему приходится в очень трудных условиях, причем власти проявляют к его открытиям весьма малый интерес.

Цена человеческих жертв

Мы просим да Круса рассказать о королях Абомея, об истоках их могущества.

— Абомей стал одним из самых могучих государств в Африке благодаря торговле рабами, — с волнением начинает свой долгий рассказ да Крус. — Король Глеле продавал рабов португальцам в обмен на ружья, порох и пушки. Одно ружье стоило тысячу человек, одна пушка — двадцать тысяч. Сто лет назад власть короля Глеле распространялась в Западной Африке от устья Нигера до Ганы. Чем больше ружей покупал король Глеле, тем сильнее становилась его армия. А значит, ему легче было завоевывать новые земли и захватывать новых рабов. Новые рабы — значит новые ружья и пушки, и таким образом работорговля непрерывно возрастала.

Мы на время оставили кабинет да Круса и все вместе пошли осматривать руины дворцов различных королей династии.

Уцелевшие стены украшены терракотовыми барельефами; каждый такой барельеф — наглядная иллюстрация к страницам многовековой истории этой страны.

С редчайшей выразительностью на этих барельефах запечатлены эпизоды победоносных битв всех королей Абомея. Барельефы самого большого из дворцов «повествуют» о жизни основателя династии мифического короля Агосу. На одном из барельефов изображено, как мать короля зачала его от пантеры. Затем идет «жизнеописание» короля Гезо, отца Глеле.

— Желая раз и навсегда утратить своих подданных, — рассказывает да Крус, — Гезо повелел скрепить смесь земли и соломы для строительства своего дворца не водой, как обычно, а человеческой кровью. Он велел убить две тысячи пленников, мужчин и женщин, собрать в сосуды их кровь и ею замешать раствор.

Перед нами в хронологическом порядке проходят один за другим короли династии, и о каждом из них барельефы «сообщают» самое важное и интересное. Эти барельефы подчас рассказывают о могуществе и государственной мудрости того или иного короля даже ярче и выразительнее, чем сам да Крус.

Со времени царствования мифического короля Агосу и последнего великого короля Абомей Гбеханзина, низложенного французами в 1910 году, прошло три века. За эти триста лет друг друга сменяли на троне неизменно «великие» короли Адиауто, Ахо, Агаджа, Гезо, Глеле.

Из барельефов, повествующих о деяниях и подвигах Ахо, мы узнаем, что именно он обнес город крепостной стеной и ввел различие между внутренней частью — Агбо-ме и внешней — Агбо-гуэдо. Само название города Абомей — это слегка видоизмененное Агбо-ме.

Этот же король дал название и всей стране: Дан-хо-ме означает дословно «в чреве Дана». По местному преданию, король Ахо хотел построить рядом со своим дворцом другой, поменьше для своего первенца сына. Но окрестная земля принадлежала некоему Дану, который упорно отказывался ее продать.

Король терпеливо ждал, надеясь, что Дан в конце концов изменит свое решение и согласится уступить принадлежащий ему участок земли. Но старик твердо стоял на своем и не желал порадовать всемогущего монарха. Добровольно отправиться на тот свет он тоже явно не торопился. Тогда король убил несговорчивого соседа, пропоров ему брюхо мечом. Старика похоронили в самом центре королевских владений, и король приказал воздвигнуть на том самом месте, где погребен неразумный Дан, дворец сына. Мало-помалу земли за пределами дворца стали называть Дан-хо-ме, и постепенно это название местные жители распространили на всю страну.

Тот же Ахо первый ввел обычай, согласно которому наследный сын короля поселялся в отдельном дворце. С XVII по XIX век вокруг главного королевского дворца было построено множество других. Он стал своеобразным дворцовым ансамблем, запечатлевшим в камне всю историю династии Агосу — ее генеалогию, величие и упадок.

С небольшого холма да Крус показывает нам, как расширялся этот дворцовый ансамбль; периметр крепостных стен равнялся прежде четырем километрам.

— Абомей, — с нескрываемым волнением говорит да Крус, — был большим городом, столицей королевства, занимавшей площадь сто восемьдесят гектаров. Со временем он стал центром огромной империи, простиравшейся на восток и на запад до рек Куфо и Куэме, а на юг — до самого океана... Северной границей империи была страна Май. Но влияние королей династии Агосу распространялось и за

пределы границ империи. Королевское войско Абомея совершало внезапные набеги на соседние племена, которые пытались объединиться, чтобы противостоять могущественному врагу. Эти набеги позволяли королям Абомея захватывать тысячи и тысячи новых пленников и затем продавать их в рабство.

Частые военные походы дагомейцев нагоняли панический страх не только на соседние племена Западной Африки, но и на жителей Верхней Вольты и Нигера.

Первые контакты с европейцами установил король Агаджа. Об этом рассказывают уже не барельефы, а старинные гобелены, на которых вышиты символы королевской власти и эпизоды военных сражений.

На гобелене короля Агаджи изображены большой парусник, европейский флаг, развевающийся на ветру, и громадный крест в небе — символ прибытия белых.

Да Крус рассказал, что в 1724 году Агаджа взял в плен англичанина по имени Бульфинак-Ламп. Этот англичанин со временем стал приближенным короля, его другом и советником. Именно он уговорил короля установить связь с береговыми военными постами португальцев, французов и англичан. Португальцы особенно настойчиво убеждали короля продать им «живой товар», который они собирались вывозить через порт Уида на побережье Атлантического океана. В конце концов король Агаджа соблазнился богатыми подарками и щедрыми посулами. Он решил напасть на самую населенную и самую слабую из соседних стран — нынешнюю Нигерию, бывшую под ослабленным и расстроеным управлением некогда мощной империи Йоруба^[20]. Агадже легко было систематически совершать набеги и снабжать португальцев таким количеством рабов, какого они требовали.

На второй день, когда мы вошли в новый зал королевского дворца, то застыли в изумлении.

— Это самый важный раздел экспозиции королевского музея, — пояснил нам да Крус, показывая на целый «лес» зонтов, подвешенных к потолку. — Это зонты от солнца, которые несли над головой во время церемоний. Они представляют огромный интерес для ученых, потому

что на каждом зонте вышиты аллегорические фигуры — символы религиозной и политической власти королей.

Закончив осмотр редкостных экспонатов, мы перешли в бывшие апартаменты короля Глеле, где да Крису одну комнату отвели под кабинет.

— Как и многие другие африканские королевства, — продолжал он свой рассказ, — абомейская монархия тоже носила ярко выраженный религиозный характер. В лице короля дагомейцы почитали культ его усопших предков. «Король, — говорили дагомейцы, — должен властвовать не только над живыми, но и над мертвыми». Слияния с духами умерших можно было добиться лишь путем жертвоприношений животных, а также людей. А для этого надо было добыть пленных, совершив набег на враждебное племя. Лишь позже, когда начались торговые связи с европейцами, короли Абомея поняли, что рабы — выгодный «товар» для обмена.

Многие европейцы, свидетели религиозных жертвоприношений в Абомее, оставили воспоминания о них.

Англичанин Бертон, который в 1863 году был гостем короля Глеле, писал:

«Неправда, что во время религиозных празднеств в королевстве Глеле в жертву духам предков приносились тысячи пленников. Обычно на закате главный священнослужитель, ниган, убивал всего четырех женщин и четырех мужчин».

Это «все», написанное недрогнувшей рукой, говорит о завидном хладнокровии синьора Бертонна.

Жертвоприношения происходили на центральной площади между дворцами.

— На том самом месте, где теперь мы в дни религиозных празднеств приносим в жертву козлят, — пояснил один из советников короля Тоньи.

— А как продавали рабов португальцам? — спросил я у да Круса.

— Португальские купцы в погоне за рабами добирались до самой королевской резиденции, — ответил он. — Но в отличие от мореплавателей других наций, вроде англичанина Бертонна, португальцы не оставили ни живописных описаний своих путешествий, ни летописей. Впрочем, они передавали из поколения в поколение одну тайну, которая ценнее многих живых свидетельств.

— А именно?

— Цифры. Точные цифры их реестровых книг. Португальцы покупали живой товар и с величайшей аккуратностью заносили в свои реестровые книги число рабов и их стоимость. Правда, они боялись, что эти книги попадут в руки англичан и вызовут репрессии. Поэтому они нередко предпочитали держать всю «бухгалтерию» в голове.

— И как велики эти цифры?

— Вам они покажутся невероятными, а между тем они явно преуменьшены. По записям в реестровых книгах португальских купцов, одних лишь предков дагомейцев, живущих сейчас преимущественно в Бразилии и на Гаити, европейцы вывезли свыше миллиона. И это в одну только Южную Америку. Миллион дагомейцев из трех миллионов рабов, вывезенных в XIX веке из всей Черной Африки в Америку. Чудовищные, непостижимые уму цифры!

Ма-кум-ба

Когда переводчик сообщил, что нам разрешено присутствовать на совещании министров при короле Тоньи и одновременно на ма-кум-бе — зажигательном танце, который мне уже довелось однажды видеть в Бразилии, я никак не мог понять, какая между ними связь. Кое-что стало мне понятным, когда я узнал, что совещание министров в Абомее испрашивает советы и приказания по внешним или государственным делам не только у ныне здравствующего монарха, но и у душ умерших королей. А на местном диалекте «ма-кум-ба» как раз и означает «побеседовать с мертвыми королями». Впрочем, не будем забегать вперед. Едва мы вернулись в Абомей из Уида, нам сообщили, что король Тоньи уже надел свое лучшее одеяние и серебряный наносник и готов «прогуляться», а его министры совершить прогулку по городу. В ходе этой прогулки приближенные короля оповестят население о созыве Совета министров.

Мы решили заснять его и стали с нетерпением ждать появления короля Тоньи в дверях резиденции. Однако торжественный выход состоялся лишь спустя несколько часов, что свидетельствовало о поистине королевской неторопливости. С этой минуты мы словно приклеились к монарху, чтобы не упустить ни единой подробности этой живописной церемонии.

Стотридцатикилограммовый король возлежал на носилках, которые с большим трудом несли восемь атлетически сложенных слуг. Бедняги под тяжестью груза буквально обливались потом. Они шли в окружении примерно пятидесяти жен короля, громогласно возносивших хвалу своему повелителю. Министры и приближенные шествовали по обеим сторонам носилок; лишь протолкнувшись между ними, я сумел заснять короля, невозмутимо взиравшего на это вавилонское столпотворение и с олимпийским спокойствием покуривавшего серебряную трубку. Не успел я запечатлеть эту сцену, как, запыхавшись, примчался придворный и протянул королю изъеденный червями деревянный скипетр, который рассеянный монарх забыл дома. Когда я навел объектив на короля, он с удивлением воззрился на меня и с еще большим изумлением поглядел на обвешанную фотоаппаратами Лауру, которая возвышалась над пестрой

толпой. А моя жена, стоя в кузове нашей машины, медленно двигавшейся чуть сбоку, пыталась заснять сверху «вылазку» короля. Но как видно, сделать это было нелегко, потому что при малейшем толчке — а рытвин на дороге было хоть отбавляй — Лаура угрожающе теряла равновесие.

На какой-то момент я видел в толпе Нашимбена, который снимал гигантов из королевского эскорта. Он что-то крикнул мне не то прося, не то давая совет, но его тут же поглотила огромная, растущая с каждой минутой толпа.

Процессия неторопливо движется по улочкам городка. Абомей — довольно крупный и богатый торговый центр. Машины, электрический свет, радио, не умолкающие ни на миг транзисторы, кинотеатр, бензоколонки, несколько магазинов и баров придают городку вполне современный вид. Однако, едва началось королевское дефиле, улицы городка мгновенно преобразились. Там, где проплывает на своих носилках король, машины тут же останавливаются, горожане бухаются ниц, а торжественные песнопения королевских жен, прославляющих своего владыку, заглушают вопли транзисторов. Город словно возвращается на век назад и вновь становится столицей древней и первобытной страны. Впрочем, кроме фольклорной живописности такие «турне» имеют и вполне определенное практическое значение: министры объявляют на каждой улице о предстоящем созыве королевского совета и попутно выясняют, как идут дела у торговцев и дельцов, дабы определить, каким налогом следует обложить каждого из них. А вопрос этот весьма важен, так как все благополучие королевского двора, само существование «традиционной монархии» Абомей зависят от успешной деятельности сборщиков налогов. Главное же, отношения с центральным законным правительством, которое выбирается парламентом и заседает в столице государства, тоже зависят от своевременного вручения ему собранных сумм.

Однако, «традиционные» министры отнюдь не чувствуют себя менее важными персонами, чем их коллеги в центральном правительстве, и ничем не уступают им в тщеславии. Когда мы возвратились во дворец и я закончил съемки короля, министры попросили запечатлеть на пленку также и их. Я, понятно, по законам вежливости не мог им отказать. Уважаемые синьоры величаво

шествуют мимо моей фотокамеры, а я любезно осведомляюсь, кто из них министр внутренних дел, а кто министр финансов.

Переводчик, подумав немного, с улыбкой говорит:

— Вот этот — первый министр, этот — второй, вон тот — третий, а этот — четвертый и так до двадцатого. У министров короля, — объясняет он, — нет специальных обязанностей. Всем им присваиваются соответствующие номера в зависимости от их «значимости». Министр номер семь главнее министра номер восемь, а министры девятнадцать и двадцать обладают весьма малым весом в делах.

Не успеваю я задать еще один вопрос, как снова появляется король для участия во второй части программы. Мы снова наводим на него фотокамеры. Король перестал бояться магического глаза фотообъектива, он даже улыбается, глядя на нас.

Через переводчика, который слушает его, лежа ничком на земле, король спрашивает, готовы ли мы заснять заседание Совета министров, на котором он в виде особой любезности позволил нам присутствовать. Мы благодарим его и отвечаем, что у нас все готово. Король доволен, он что-то мычит в серебряный наносник, и мы догадываемся, что он велит нам подождать. Он переоденется, а затем вместе с министрами явится на официальную церемонию. И вот примерно через полчаса он вышел из своего павильона в сопровождении министров и придворных, торжественно вышагивавших за величественным королем, который держал в руках ярко расписанный зонт, точно такой же, как виденные нами в музее зонты его предков.

При появлении короля все бросились на землю и, закрыв глаза, уткнулись лбами в песок. Открыть глаза разрешается, лишь когда священнослужители в красных одеяниях, сидящие по левую и правую сторону от короля Тоньи, закроют зонт, что дозволено только им, хранителям древних традиций и правил церемониала.

После долгих утомительных песнопений начинается заседание совета. Вновь открывается зонт над головой короля Тоньи, и монарх спускается во двор. Теперь и министры падают ниц. Наступает минута подачи устных петиций, просьб, жалоб, выражения самых разных желаний. Один за другим, строго по порядку номеров, министры, не глядя на короля, излагают различные важные проблемы, сообщают о видах на урожай, о нехватке воды, о визите префекта центрального

правительства, о полученных петициях. Один из граждан умоляет предков короля излечить его от чесотки, а другой, у которого украли кур, хотел бы, чтобы король магическими заклинаниями обрек воров на смерть.

Король внимательно и благосклонно выслушивает все просьбы.

Когда умолкает последний проситель, король закрывает глаза и застывает в задумчивости. Придворные, охрана и зонтоносец отступают назад, к самой стене.

Могучего сложения король остается один посреди двора; из серебряного наносника вылетают невнятные глухие звуки, похожие на скорбные причитания. Король начинает дрожать, словно в трансе. Стон переходит в довольно мелодичное пение; монарх сначала медленно, а затем все быстрее исполняет какой-то старинный танец. Очень скоро я понял, что это знакомая мне еще по Бразилии ма-кум-ба. Ее завезли туда африканские рабы. Король Тоньи танцует, строго подчиняясь ритму спрятанных бог весть где тамтамов, а из горла через серебряный фильтр вырываются хриплые звуки песни.

Священнослужители и министры сопровождают каждое слово короля хлопками в ладоши и дрожат от страха, выслушивая из уст живого монарха волю его умерших предков. Так проходит заседание Совета министров в Абомее. Первыми высказались министры. Король отвечает им, но не прямо. В его «художественном» исполнении звучат голоса умерших предков, всех монархов древней династии. Здесь, в Абомее, Совет министров и ма-кум-ба — это одно и то же.

Мертвые владыки незримо участвуют в танце. Они отвечают министрам, принимают решения.

Вся жизнь королевского двора в Абомее протекает как бы в двойном отражении прошлого в настоящем и настоящего в далеком прошлом.

В конце ма-кум-бы начался проливной дождь. Жрецы убили молодых козлят, и жены короля слили их теплую кровь в оцинкованные мисочки. Король Тоньи, обессиленный после изнурительной церемонии, усаживается на подушках, заранее приготовленных под навесом. Самые старые из королевских жен входят в королевский шорец, неся в мисочках козью кровь — ритуальный дар умершим владыкам. За ними следуют жены помоложе.

Нам будет дозволено войти внутрь здания лишь по окончании церемонии.

А пока в томительном ожидании я снова вспоминаю мотив королевских песнопений, ритм его танца, священные предметы, музыкальные инструменты и еще раз убеждаюсь, что все это очень похоже на бразильскую ма-кум-бу. Вот только эта последняя претерпела кое-какие изменения, навеянные христианством. Вместо того чтобы вызывать дух мифических предков абомейской династии, в Бразилии взывают к весьма живописным и не менее мифическим святым христианской религии, усвоенной чисто внешне. Но по самой своей сути ма-кум-ба сохранила один и тот же смысл и для негров Африки, и для тех, чьи предки в прошлые века совершили трагический путь через Атлантический океан.

«Голубые христиане»

В Уиде, на самом берегу океана, мы посетили замок с массивными циклопическими стенами и укрепленный форт. Отсюда португальцы силой распространяли свою власть на прибрежные районы страны. Местные жители показали места, где португальские завоеватели грузили на суда рабов и где находились укрепленные пункты, немые, но неоспоримые свидетельства эпохи разбоя и депортаций. Каждое новое открытие донельзя поражает нас, но наибольшее волнение мы испытали на церемонии «голубых христиан», живо напоминавшей нам о временах рабства. «Голубые христиане» — это протестантская секта, весьма распространенная на Атлантическом побережье Черной Африки. Члены секты носят очень длинные рубашки голубого цвета, до того выцветшие, что они кажутся белыми. Каждое воскресенье «голубые христиане» в строгой торжественной процессии отправляются на берег океана помолиться всевышнему. Они делятся на два ордена — «херувимов» и «серафимов». Среди множества ритуальных церемоний и обрядов выделяется своей живописностью поклонение океану. «Голубые христиане» в этом обряде чтят память своих сородичей, увезенных в рабство. По представлениям местных жителей, своими муками они как бы повторили жертву Христа. И вот на наших глазах большая группа «голубых христиан» медленно бредет навстречу океанским волнам, набегаящим на песок. В их литургии мистические моления перемежаются с неистовым всеобщим танцем, который они исполняют под аккомпанемент скрипок и губных гармоник — любопытное смешение языческого и христианского ритуала, но, однако, типично африканского в своих проявлениях и в своем натурализме.

На фоне безбрежного океана моления «голубых христиан» производят на нас незабываемое впечатление. Все верующие встают на колени, их выцветшие голубые одежды развеваются на легком ветру. Они во все горло выкрикивают слова молитвы, но их заглушает рокот океана. Затем «голубые христиане» растягиваются на песке и лежат неподвижно до самой минуты причащения в океане.

Тут молящиеся один за другим встают и идут к самому берегу и по очереди наполняют бутылки океанской водой. Священнослужители

благословляют эти бутылки, и каждый из «голубых христиан» благоговейно отпивает глоток из этой же бутылки.

В течение недели каждый член секты сделает ровно семь глотков, а в следующее воскресенье наполнит водой другую бутылку.

Вода океана священна, говорят «голубые христиане», ибо она впитала в себя слезы соплеменников, угнанных в рабство, и потому позволяет полностью слиться с духом тех, кто не вернулся на родину.

Впоследствии я видел религиозные церемонии «голубых христиан» в других местах на берегу у Котону, в Дагомее и в окрестностях столицы Нигерии — Лагоса. Потом, когда я отправился в Западную Африку выяснить, сохранились ли там остатки рабства, мне неоднократно вспоминались горькие слова молитв и пронизывающие взгляды «голубых христиан». Когда мой взгляд и взгляд африканца встречались, я читал в его глазах глубокую неприязнь. Точно так же глядели на нас «голубые христиане» в минуты своего молитвенного «слияния с океаном». И это понятно: ведь мы были потомками тех белых, что совершили тягчайшее преступление и Африке, угнав в рабство миллионы африканцев, а они — потомки тех, кому пришлось испытать на себе всю прелесть» неволи. Счет обид и несправедливостей между белыми и африканцами еще не уравновесился.

Рабы из-за голода

Если сто лет назад рабство в Африке было тесно связано с войнами, набегами на соседние племена, вторжением белых и приводило к массовому увозу за океан, то сейчас рабовладельческие отношения приобрели совершенно иные формы.

— Теперь люди добровольно предлагают себя в рабство, — сказал нам в Кадуне англичанин — советник смешанной северонигерийской компании. — Голод заставляет мужчин и женщин наниматься в услужение, которое по своим условиям мало чем отличается от рабства.

— Особенно тяжело положение африканской женщины, находящейся в полном подчинении у мужчин, — (' горечью сказал нам в Лагосе один из самых известных нигерийских писателей, Сиприен Эквенси. — Отдельные случаи, когда женщины открыто восстают против существующих порядков, воспринимаются мужчинами, да и многими женщинами как аморальные и даже антисоциальные.

Главы многих африканских государств, боясь вмешательства Европы в их внутренние дела, с осторожностью относятся ко всякой попытке ООН найти решение проблемы рабства. Всего сорок четыре страны подписали соответствующую конвенцию, одобренную в 1956 году Организацией Объединенных Наций. Среди этих сорока четырех государств нет ни одного африканского.

Президент Республики Мали Модибо Кейта, объясняя причины своего отказа подписать эту конвенцию, заявил корреспонденту лондонской газеты «Сидней телеграф» Джону Осману: «Рабство — это национальная проблема. Ее решение зависит от применения внутри каждой страны соответствующих норм и основных принципов».

В Мали рабство официально запрещено. Но в древнем городе Томбукту, находящемся всего в трехстах километрах^[21] от столицы республики, этот запрет постоянно нарушается. Здесь, как и во всей мусульманской Экваториальной Африке, чтобы ликвидировать рабство, недостаточно издать соответствующий закон — нужно ликвидировать нищету и голод. В том же Томбукту, в «доме для приезжих», который власти предоставляют в распоряжение иностранцев, прибывающих в страну, Джон Осман купил любопытную иллюстрированную открытку.

На ней изображена закованная в цепи женщина, а внизу на нескольких языках написано: «Рабыня одного из вождей племени туарегов»^[22].

Однажды вечером, сидя на удобной террасе отеля «Де ля Пляж» в Котону, мы разговорились с местным врачом, европейцем, распили бутылку холодного сухого вина, и я рассказал ему о цели нашей экспедиции.

— В статье четвертой Декларации прав человека сказано: «Никому не дозволено держать людей в рабстве». Рабство и торговля рабами в любых формах должны быть запрещены.

— Звучит очень красиво и благородно! — воскликнул врач. — Но когда нищета такова, что уж лучше стать рабом, чем умереть с голоду, много ли стоят подобные декларации. Нужны не громкие слова, а конкретные дела. Поезжайте на север, побывайте в нигерийском сахеле, где до сих пор живут кочевые племена фульбе, тогда вы сами убедитесь, что там люди готовы добровольно продаться в рабство.

— Добровольно? Я уже второй раз слышу об этом. Неужели эти люди сами предлагают себя в рабы?

— Да, да, совершенно добровольно, — подтверждает врач. — Ведь в этих районах Африки люди живут так же, если не хуже, чем два века назад. Раньше рабами становились после жестоких и кровопролитных сражений. Беспощадные враги в кровавых боях, захватив пленных силой, угоняли их в рабство. А теперь многие «хотят» стать рабами, и ради этого готовы даже выдержать чудовищные, жестокие испытания.

— Какие испытания? — удивился я.

— Побывайте в Нигере, в северной части саванны. Попробуйте добиться разрешения посмотреть ша-рот. Увидите сами, что это такое.

* * *

Нигер, ша-рот, сахель, фульбе — эти слова показались мне пришедшими из глубины веков и, уж конечно, из какой-то далекой-далекой от Дагомеи страны. Но не забывайте, что теперь вся Африка опутана паутиной воздушных дорог. И вот уже мы на четырехмоторном самолете «Эр-Африк» летим из Котону в Ниамей.

— Интересно, что в школе, — бормочет наш кинооператор Нашимбен, — когда меня просили перечислить пять самых длинных

рек в мире, я неизменно забывал назвать благословенную реку, что расстилается сейчас под крылом самолета.

На протяжении многих сотен километров Нигер течет по степям Дамгарина — самым бедным землям Западной Африки. К счастью, нашим гидом в путешествии по этим труднопроходимым местам стал Геремедин, потомственный рыбак, сын, как он сам с гордостью сообщил нам, Мамаду, великого строителя пирога.

Пока мы двигались по унылой степи сахеля на север, Геремедин рассказал, что его отец знал тайну чудесных трав, талисманов, магических заклинаний. В глазах жителей прибрежных селений Нигера он был подлинным волшебником.

— Если крокодил пожирал мужчину, женщину или ребенка, жители всех селений между Обецингом и Гажой звали моего отца, Мамаду. Родные несчастного говорили отцу, кого проглотил крокодил и где это случилось. Через несколько часов отцу удавалось вытащить па берег убитого им крокодила. Была ли эта гри-гри — магия, или же отец отлично знал повадки хищников, судить не берусь, а только каждый раз отец убивал крокодила, который проглотил человека.

— Но откуда вы знали, что убитый крокодил тот самый, что съел несчастную жертву?

— Так ведь в брюхе крокодила всегда находили металлические предметы!

— Металлические?

— Ну да, кольца, цепочки, амулеты, браслеты. Когда семье погибшего возвращали все эти драгоценности, которые обычно дарят в день обрезания и в годовщину свадьбы, моему отцу перепала монета-другая. Ведь это благодаря ему родные, хоть близкого им уже никто не в силах был вернуть, получали драгоценности погибшего и могли их продать.

— А какие еще гри-гри знал твой отец? — с интересом спросила Лаура.

— Его пирога никогда не тонула. Отец украсил ее челюстью священного крокодила, и ни один человек, ни одно животное не решались на нее напасть. Было у него и копые гри-гри. Стоило ему прикоснуться этим копыем к любому животному, и оно! сразу же засыпало.

— Но тебя он, видно, не обучил тайнам магии? — спросила Лаура у Геремедина. — Иначе зачем тебе было покидать реку и путешествовать с нами по саванне?

В ответ Геремедин только покачивал головой.

Но мы настаивали, и в конце концов он признался, что отца, несмотря на все его гри-гри и магические заклинания, однажды проглотил крокодил и спокойно скрылся в воде. Смерть отца до того напугала беднягу сына, что он поклялся больше не приближаться к проклятым водам Нигера.

Чтобы сдержать свою клятву, он перестал рыбачить и даже ни разу не искупался в водах коварной реки.

Рассказы Геремедина о магических талантах его отца были в значительной мере плодом фантазии, но, к счастью, его знакомство с разными племенами фульбе было вполне реальным и крепким. Только благодаря помощи нашего проводника нам удалось побывать на шаре, этом суровом испытании мужества, которое власти давно запретили!

Великолепные фульбе

Еще до первого знакомства с ними мы уже знали многое о фульбе. Особенно много мы наслушались об отваге фульбе. Про их подвиги в Западной и Центральной Африке говорят такое, что уже не поймешь, где кончается правда и начинается вымысел. Нам рассказывали, к примеру, что фульбе племени бороро^[23], вооруженные одной лишь палицей, не раз обращали в бегство самого царя животных — льва. Геремедин утверждал даже, что фульбе, защищая свои стада от любых хищников, никогда не прибегают к другому оружию. Не мудрено, что каждый фульбе убежден, что он человек необыкновенный, не чета другим. Такие представления о «своей исключительности» могли, конечно, породить у фульбе величайшую гордыню и высокомерие. Однако для фульбе это всего лишь повод для невинной мальчишеской похвальбы.

В одной из их песен поется:

Наши вожди древних времен говорили:

«Будьте прекрасными, фульбе,
Ведь я люблюсь вами!»

В мои времена вожди говорили:

«Как мы прекрасны.
Я и вы!»

А теперь вожди говорят:

«Как я прекрасен,
Посмотрите на меня!»

Смысл этой песни становится более понятным, когда узнаешь, что фульбе славятся не только своей храбростью, но и красотой. Они сами считают себя самыми красивыми из африканцев. И никто не пытается это оспаривать.

Гордясь столь бесценным даром природы, юноши фульбе из разных племен в сезон «зеленых трав» проходят через все селение, чтобы женщины, сделав свой выбор, провозгласили одного из них

первым деревенским красавцем. Мне это напомнило парад наших «мисс» перед жюри всевозможных конкурсов красоты.

В районах, где живут пастухи-фульбе, саванна десять месяцев бывает темно-желтой, и лишь в августе — сентябре, в короткий период дождей, она покрыта высокими травами крам-крам. Это и есть сезон «зеленых трав», когда фульбе собираются в заранее намеченных местах и на шумных празднествах выбирают вождей племен, заключают браки, присматривают себе будущих жен и мужей, устраивают всеобщий «конкурс красоты».

Когда выбирают самого красивого юношу племени, молодые фульбе в своих тяжелых одеяниях из шкур часами стоят неподвижно под палящим солнцем. Каждый из конкурентов стремится поразить молодых и старых женщин сложнейшей мимикой: ведь кроме физической красоты при определении победителей большую роль играет его умение придать лицу самое неожиданное выражение.

Этот необычный «конкурс красоты» порожден не только ребяческим тщеславием и желанием прославиться, но и тем, что каждому пастуху-фульбе просто необходимо подыскать себе жену, готовую разделить с ним все тяготы кочевой жизни.

В известной мере эта же причина заставляет юношей принять участие в жестоком поединке ша-рота, или, как его здесь называют, испытании кнутом.

Наблюдая за этой безжалостной «игрой», женщины могут воочию убедиться в мужестве того, кто в долгие месяцы скитаний по необъятной саванне будет ей единственным защитником, и выбрать самого стойкого и храброго из всех.

По мнению целого ряда этнологов, глубоко изучивших быт фульбе, в ша-роте нашел свое отражение один из наиболее мрачных периодов в истории этих народов, когда именно фульбе особенно высоко ценились па невольничьих рынках. Ша-рот явился как бы реакцией, своеобразным вызовом жестокости рабовладельцев. По иронии судьбы ша-рот стал теперь своего рода добровольной ярмаркой рабов, и это противоестественное стремление «наняться в рабы» придает древней игре поистине трагический характер^[24].

Лишь очень немногим белым, да еще вооруженным фотоаппаратом и съемочной камерой посчастливилось увидеть ша-рот. Каждое племя тщательно скрывает место проведения ша-рота, да к тому же в наши

дни эта древняя церемония стала тайной, так как власти запретили опасную, грозящую ее участникам тяжелыми увечьями и даже смертью игру.

Поэтому-то непосвященным столь трудно попасть на ша-рот.

* * *

Наш вынужденный привал длился уже несколько шей, а пока наш проводник Геремедин в глубочайшей тайне вел переговоры с фульбе. Он пообещал узнать, те и когда мы сможем побывать на ша-роте. И вот он взволнованно и сбивчиво объяснил нам, что узнал важную новость. Его друзья фульбе буквально за несколько часов до начала церемонии открыли, где она состоится. Глубокой ночью мы свернули палатки, и наш джип помчался по саванне, освещая фарами дюны, кустарник и невысокие скалы.

Место ша-рота обозначено ценным трофеем — ветвистыми рогами, подвешенными на чахлых кустах одинокой акации.

На рассвете фульбе из разных племен собрались здесь и начали готовиться к трудному поединку. Вместе с молодыми пастухами — участниками ша-рота сюда приехали старики и женщины.

Место для поединка выбрано весьма своеобразно — его полукругом охватили черные лавовые скалы. Гладкие, словно гигантские чаши, они образуют естественный амфитеатр.

На скалах, тесно прижавшись друг к другу, стоят юноши пастухи, готовые к поединку. Над головой они держат черные зонты, не столько для того, чтобы защититься от солнца, а скорее желая похвалиться перед соплеменниками этим практически бесполезным, а значит, и драгоценным предметом.

Молодые фульбе громко поют и приветственными криками встречают вождей племен и богатых скотоводов-арабов, прискакавших на своих конях.

Я устанавливаю съемочную камеру и навожу объектив на скотоводов и вождей племени. В Зиндере европейцы говорили мне, что на каждом ша-роте погибало от ударов кнутом немало юношей фульбе.

Я перевожу объектив на молодых пастухов. Мне отчетливо виден каждый шрам и рубец на их черных телах — немое свидетельство

прежних поединков и битв. Один из вождей, улыбаясь, говорит:

— Чем больше шрамов на теле юноши, тем больше ему везет с девушками. Ведь каждый шрам — знак доблести!

Участники ша-рота стоят друг против друга двумя группами по шесть человек. Они держатся за руки, улыбаются, пронзают один другого насмешливыми взглядами. Каждый сжимает в руке гибкую суковатую палку и размахивает ею в такт тягучей песне. Затем из каждого ряда выходит вперед по одному человеку. Один отмеряет палкой расстояние до противника, а другой воздевает руки к небу и готовится стойко принять удар.

Кругом — тишина.

Бьющий делает несколько ложных выпадов, стараясь проверить смелость противника. Палка со свистом пронесется у самой груди испытуемого. Но юноша-мишень даже бровью не ведет. Законы состязания требуют, чтобы он оставался бесстрастным и с усмешкой продолжал свою песню, как бы страшно ему ни было на самом деле.

После двух-трех ложных движений совершенно внезапно следует первый жестокий удар. Кожа после удара из черной на миг становится белой, струйки крови как бы очерчивают глубокую рану. Однако юноша фульбе продолжает улыбаться и не обрывает своей песни, которую он невозмутимо поет вполголоса и после второго-третьего ударов, наносимых прямо по ране. Лишь после третьего удара лицо его покрывается густыми каплями пота, этим единственным признаком боли. Однако из горла испытуемого не вырывается ни единого стона.

Наступает черед второго поединка. Все это время пожилой флейтист наигрывает грустную пастушью песню; после каждого удара он подходит к юноше-мишени и отечески, ласково оттирает ему потный лоб.

— Все это делается только для них, — говорит наш проводник Геремедин, показывая рукой на группу богатых купцов, которые наблюдают за ша-ротом, стоя в тени единственного тут дерева. Они прибыли к месту поединка на конях, и их легко отличить по ярким, богатым одеждам.

Все они владеют огромными стадами, — объясняет Геремедин. — Юноши фульбе хотят наняться к этим скотоводам в пастухи. Если им это удастся, для них настает пора трудной кочевой жизни: девять

месяцев в году бродят они со стадами по саванне в поисках колодцев и пастбищ.

— Но при чем здесь ша-рот?

— Пастухи на целых девять месяцев остаются одни в бескрайней саванне и могут полагаться только на свои силы. У них нет ружей или другого оружия, кроме пастушьих палок. На ша-ро́те они показывают свою храбрость и ловкость. А ты знаешь, что они ударами палки даже львов обращают в бегство?

— Да, мне об этом рассказывали.

— Но тебе, верно, не говорили, что прежде они пытаются напугать львов грозными словами. Посмотри, в точности, как сейчас.

Двое бойцов стоят прямо друг против друга. Они воздевают руки к небесам, размахивают длинными суковатыми палками: тот, кто соглашается первым подставить свое тело под три ритуальных удара, начинает негромко напевать песню, в словах которой звучит презрение к трусости и боли.

Бьющий кружит вокруг своей жертвы, осыпая ее градом угроз и оскорблений. По ритуалу поединка эти злобные крики служат ответом на презрительную песню юноши-мишени.

Геремедин показывает рукой на молодого фульбе, который что-то яростно кричит, все еще не нанеся удара, и поясняет:

— Со львами они поступают точно так же. Прежде чем вступить в схватку, они встречают льва грозными криками и воплями, и часто могучий зверь, не приняв вызова, обращается в бегство.

Тем временем бьющий перестает оскорблять противника: он примеривается, готовясь нанести удар. Юноша-мишень понял, что настал решающий момент. Он улыбается и, не опуская глаз, смотрит, как палка со свистом рассекает воздух, удар — и на груди алеет полоска крови. Но юноша-мишень поет все так же громко и спокойно. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Геремедин обращает мое внимание на группу богатых купцов и скотоводов.

— Посмотри на них, они уже выбрали вон того фульбе. Он показал себя очень крепким и смелым, а для них это самое главное.

— Что значит выбрали? — говорю я, притворяясь, будто ничего не знаю и не слышал.

— А то, что богатые скотоводы-арабы купят этого юношу фульбе, заплатив определенную сумму его семье и вождю племени. Юноша-пастух после подписания контракта головой отвечает за сохранность стада.

— Головой?

— Конечно. Если хищный зверь или воры утащат из стада хоть одно животное, отвечать будет пастух. А так как у него нет денег, чтобы возместить убытки, хозяин волен распорядиться жизнью своего раба-пастуха. К примеру, чтобы покрыть потерю, он может продать пастуха другому хозяину.

Да, все это оказалось правдой. Фульбе готовы выдержать самые жестокие испытания, лишь бы наняться в услужение к богатым арабским купцам и скотоводам.

— Став рабами, они хоть от голода избавятся, — философски замечает Геремедин. И тихо вздыхает.

— Но почему же фульбе, такие сильные и смелые, не могут себя прокормить?

— Раньше они продавали свои кустарные изделия: обработанную кожу, шкуры, ожерелья, ну и свежее молоко. Тогда они были полновластными хозяевами сахельской саванны. Теперь арабские купцы захватили в свои руки всю торговлю, и изделиями фульбе нынче мало кто интересуется. А обрабатывать землю фульбе не умеют.

В короткие промежутки отдыха юноши пьют воду из эмалированных кувшинов, которые женщины завертывают в мокрые тряпки.

На какое-то мгновение взгляды мужчин и женщин скрещиваются. Женщины смотрят на кровавые раны на теле юношей без ужаса и отвращения. Так же как и скотоводы, они хотят выбрать самых сильных и мужественных. Тогда на пустынных кочевьях сахеля им не страшны будут любые опасности.

Здесь, на ша-роте, я убедился, что присутствие женщин на этой жестокой «игре» объясняется отнюдь не любовью к насилию. Сама жизнь заставляет их выбирать себе мужа и надежного защитника на ша-роте — состязании сильных телом и духом.

В ходе съемок я пытаюсь запечатлеть на пленку тайную суть сложных взаимоотношений этих юношей с женщинами и богатыми скотоводами-арабами. Объектив выхватывает лица участников

состязания, их устремленные в пустоту взгляды и капли пота на лбу, единственный признак боли.

Ша-рот предстает передо мной как мозаика, которую можно сложить воедино, лишь тщательно отобрав и продумав каждый эпизод.

Мы пробыли на ша-роте до одиннадцати часов утра. Невыносимая жара заставила прервать состязание, и все разбрелись вокруг в поисках тени.

Мы распрощались с вождями фульбе и вернулись в лагерь. Вечером, когда немного посвежеет, мы вернемся и привезем вознаграждение.

В восемь вечера под предводительством неутомимого Геремедина мы, проделав с десяток километров, увидели вдали огни бивака фульбе. Старейшины племени поднесли нам свеженадоенное молоко, от которого исходил терпкий приятный запах. Мы вручили вождю племени обещанный кошелек с деньгами. Последовали обычные выражения благодарности и взаимные любезности.

Нас удивило, что в лагере нет ни одного молодого мужчины и ни одной молодой женщины. И тут мы услышали протяжные звуки флейты. Не было никаких сомнений— это играл все тот же старый пастух. Когда флейта умолкла, ночную тьму прорезали громкие крики. Они доносились откуда-то сбоку.

— Молодежь все еще развлекается, — пояснил нам глава племени. — Скотоводы сделали свой выбор, и ускакали. Остались одни женщины. Ведь только теперь начинается подлинное состязание в мужестве. После целого дня ша-рота выдержать новые удары могут только самые сильные, настоящие мужчины.

В гареме султана Зиндера

В Зиндере мы пробыли две недели. И в тот самый момент, когда мы уже собрались в путь, пришло известие о предстоящем прибытии в город президента республики и его свиты.

Центральную площадь города загрохотали войска и демонстранты со знаменами и лозунгами. Во всю надрывались громкоговорители. Дул сильнейший ветер, срывавший с голов бумажные шляпы и гнавший по городу тучи пыли. Резкий порыв ветра унес куда-то даже огромный цветастый зонт. Стоявший рядом со мной француз воскликнул, громко смеясь:

— Бедный султан!

Тут я впервые увидел султана Зиндера. Он гарцевал на коне в окружении многочисленной стражи. Это у него непочтительный ветер вырвал зонт, священный символ власти. По-видимому, досадное происшествие сильно расстроило владыку. Но уже через секунду слуги в зеленых с красным мундирах врезались в толпу, поймали злополучный зонт и водрузили его на место.

Я бросился искать Нашимбена и Нанни.

— Скорее, скорее, надо заснять султана.

Как они ни протестовали, я заставил их подготовить две кинокамеры.

— Сегодня выходной, праздничный день. Президент и тот отдыхает, — бормотал Нашимбен.

— Твой президент — я. И притом здесь праздничный день пятница, а не воскресенье. Ведь мы в мусульманской стране, — отпарировал я.

Пробившись через ряды охраны, придворных и слуг, мы очутились рядом с султаном. На мгновение я подумал, что султану могут весьма не понравиться наши «агрессивные» намерения. Но его высочество, заметив нас, расплылся в широкой улыбке и принял особенно театральную позу.

Ободренные этим явным признаком дружелюбия, мы тут же приступили к съемкам.

На фоне огромной, весьма современного вида площади султан со своим огромным зонтом и бесчисленными придворными в ярких

одеяниях был зримым символом прежней Африки. Когда закончилась торжественная церемония и президент отбыл в своей черной длинной машине, султан, возвращаясь в свой дворец, крикнул нам на чистейшем французском языке: «Venez me voir au Palais!»^[25]

Ясно было, что магический глаз кинокамеры пришелся ему по душе. Он охотно позволил себя заснять и даже любезно пригласил к себе. Наше дальнейшее пребывание в Зиндере обещало много интересного.

Наутро, в десять часов, мы, захватив всю аппаратуру, явились во дворец, и начальник охраны позволил нам предстать пред светлейшими очами местного владыки.

Вначале меня больше всего поразило огромное количество детей, игравших в бесчисленных коридорах дворца.

Султан ласково гладил каждого из них по головке и называл их «мои дети». Я, понятно, задавал себе вопрос, было ли это просто ласковым обращением, или же все эти ребятишки действительно были его детьми. Мои мысли прервал султан, пояснивший, что дворец строился постепенно, без всякого плана и новые комнаты, коридоры, дворики возникли с появлением новых жен. Всего у султана было девять молодых и старых жен, он и сам толком не знал, как пройти из одной комнаты в другую.

— Не понимаю, как это в Аравии некоторые принцы умудряются иметь триста жен и целую тысячу комнат! Впрочем, у них — нефть, они баснословно богаты и могут содержать сколько угодно жен.

Я воспользовался удобным случаем и спросил, все ли дети его.

— Конечно, — ответил султан.

Надо сказать, что султан Зиндера еще молод (ему недавно исполнилось пятьдесят лет) и полон различных идей и планов. Нас он встретил в первом внутреннем дворике. На нем было белое праздничное одеяние, а чтобы казаться еще более толстым и внушительным, он приказал «начинить» себя под одеждой подушками. Впрочем, он сам, громко смеясь, рассказал нам об этой уловке.

Мы попросили разрешения пройти во дворец вместе со всей киноаппаратурой. Султан дал свое высочайшее согласие, добавив, что кое-что он позволит заснять, а кое-что нет.

Показывая нам свои апартаменты, султан рассказывал о своей частной жизни, о степени влияния в стране (чисто религиозного, тут же

добавил он), о своем желании совершить путешествие в Европу («Смогу ли я, мусульманин, нанести визит Папе?») и с юношеским воодушевлением говорил о необходимости реформ.

— Только тогда отсталая, слабо развитая страна станет процветающей Республикой Нигер, — сказал он.

Султан был ярым поборником всего нового и этим завоевал симпатию жителей Зиндера.

Тем временем, переходя из коридора в коридору из комнаты в комнату, мы добрались до последнего, самого широкого двора. Ребятишки, которые неотступно следовали за нами, превратились теперь в большое, весьма шумное воинство. Само собой разумеется, они окружили нас, едва мы начали устанавливать кинокамеры. У нас уже зародилось беспокойство за удачный исход съемок, но мы явно недооценили отцовскую власть султана. Когда крики, шум, смех стали совсем нестерпимыми, султан двинулся на ребячье войско, грозно вскинув свою серебряную булаву.

— Silence!^[26], — крикнул он по-французски.

Далее последовал целый поток слов по-арабски, которые тут же возымели свое действие: ребятишки умолкли, благонаравно расселись у стен и почти молча стали наблюдать за происходящим.

Мы уговорили султана дать нам интервью, и он даже позволил снять себя. После нескольких традиционных вопросов о местных обычаях я спросил султана, каково его мнение о полигамии и положении африканской женщины. Втайне я надеялся, что ответ султана поможет мне более полно уяснить проблему рабства.

Словоохотливый султан не ограничился кратким ответом, а произнес целую речь.

— Вы должны понять, — начал он, — что полигамия освящена традицией и ее нельзя отменить. Ее разрешил пророк. Отмена полигамии невозможна сейчас и по причинам гуманности, человечности. Если вы сегодня скажете людям: «Довольно полигамии, оставьте себе только одну жену», то что произойдет с остальными? Самые старые из них наверняка не найдут другого мужа, а семьи не примут к себе самых молодых. Что же тогда получится? Первые умрут с голоду, а вторые принуждены будут стать проститутками.

Он сторонник реформ, но отменять сейчас полигамию в такой слаборазвитой стране, как Нигер, преждевременно и неблагоприятно.

Желая удостовериться, убедили ли нас его доводы, султан сделал нам совершенно неожиданное предложение: если мы не возражаем, он покажет нам своих жен и позволит осмотреть гарем. Мы очень симпатичны ему, и он хочет, чтобы фильм получился интересным. Поэтому он решил показать нам гарем, эту святая святых.

Султан отворил маленькую деревянную дверцу и пошел нас по покоям и дворикам своих многочисленных жен.

Фаворитка

Я так и не понял хорошенько, почему именно нам пылало редчайшее счастье увидеть гарем? Впрочем, я не очень стремился разгадать эту загадку. За долгие годы путешествий по Африке я убедился, что причины, вставившие араба принять то или иное решение, подчас совершенно невозможно объяснить. А между тем в них есть своя недоступная нам логика и последовательность. Местные европейские старожилы сказали, что султан дал свое разрешение потому, что я был не один, а с женой.

Другим мотивом любезного предложения султана были... седые волосы моего кинооператора Нашимбена. Ведь это свидетельствовало о том, что ему перевалило за шестьдесят. Последний довод привел Нашимбена в неопишумую ярость.

— Надо же додуматься до такой ерунды, — восклицал он и всем совал свой паспорт, неопровержимо доказывавший, что ему всего пятьдесят лет.

Так или иначе, но нас пустили в гарем и даже разрешили сделать несколько фотографий. Насколько я знаю, подобной чести прежде не удостоился ни один европеец, да еще вдобавок немусульманин.

Султан взял на себя роль гида, он шел впереди, повелительно вскинув свою серебряную булаву, и представлял нам своих жен.

— Среди них не только мои жены, но и бывшие жены моих братьев и других близких родственников. Каждый добрый мусульманин должен позаботиться о вдовах своих близких родичей. Самые старые из жен следят за более молодыми, и все вместе — за детьми, приносящими в дом радость и веселье!

Нам так и не удалось сосчитать, сколько же всего детей было у султана. Впрочем, он и сам этого, по-видимому, точно не знал.

С каждой минутой толпа вокруг нас росла, через каких-нибудь полчаса мы оказались в окружении не менее сотни ребят. Они с шумом и гамом провожали нас к главной цели нашего «похода» — к двору самой молодой из жен. Она была фавориткой, и, очевидно, поэтому из всех женщин гарема султан не показал нам только ее одну. Он позволил нам снять ее комнаты и сад, но саму жену даже посмотреть не

разрешил. А она сама наверняка разглядывала нас через узкое решетчатое окошко.

Султан улыбался, словно желая сказать нам: «Видите, и в нынешней Африке есть еще тайны и очарование старинных арабских сказок». Но он молчал, тонко улыбался, стоял посреди сада и точно ждал чего-то. И вот ребята уселись в круг и сначала тихо, а затем все громче начали петь. В припеве все время повторялись; два слова: «Варин-гида», «Варин-гида»... Это было имя любимой жены султана, которое означает «аромат дома».

Ужин с пятью фаворитками

Наш визит прошел без всяких осложнений, мы вели себя скромно, наши кинокамеры не нарушили спокойствия во дворце султана. И тогда самый богатый араб Зиндера, глава скотоводов, решился повторить дружеское приглашение султана.

У него был большой гарем, и он пригласил меня, жену и наиболее старого из операторов, «ну того, что с 1 седыми волосами», к себе в гости. Таким образом, повторились все формальности первого визита, и, понятно, повторилась сцена бешенства бедняги Нашимбена. От бессильной ярости и огорчения он едва не слез в постель.

Первые впечатления от нового визита тоже были очень похожи на предыдущие. Но когда мы познакомились почти со всеми женами богатого скотовода, нам преподнесли сюрприз. Оказалось, что особой благосклонностью владельца гарема пользуется не одна, как у султана, а целых пять жен.

С той же гордостью, с какой показывают редчайшие марки коллекции, богатый скотовод показал нам пять своих любимиц. Они сидели в маленьком глухом дворике и ждали нас. Две из них были в цветной арабской футе; я сразу определил, что обе они — фульбе; три других были в темно-синей домотканой одежде и были буквально обвешаны и унижены ожерельями, серебряными монистами, браслетами и амулетами. Самый большой из амулетов был в форме креста, просверленного в центре. Тут я вспомнил, что такие амулеты носят богатые туареги Агадеса. Я видел множество точно таких же амулетов, когда снимал туарегов аменокала Мусы.

Фаворитки встретили нас молча, они ни разу не улыбнулись, даже когда мы стали их снимать вблизи крупным планом. У всех пяти на лицах лежал густой слой желтой краски, а нос и глаза были еще обведены красными и голубыми полосами. Чтобы снять этот весьма своеобразный грим, мы поставили кинокамеру буквально в нескольких сантиметрах от пяти любимых жен богатого араба. Но даже теперь женщины смотрели куда-то вдаль, улыбаясь натянутой, вымученной улыбкой.

Их муж и повелитель был счастлив, что его жены произвели на нас столь сильное впечатление; он стал с пафосом рассказывать через

переводчика:

— Понимаете, я предпочитаю их всем остальным женам не потому, что они самые красивые, а потому, что это женщины из кочевых племен фульбе и туарегов. Они привыкли кочевать по бесконечной пустыне, свободно переезжать с места на место. И только из огромной любви ко мне они согласились навсегда поселиться в стенах моего дворца. Ведь женщины кочевых племен обычно отказываются жить в гареме. А эти пять добровольно согласились пожертвовать своей свободой. Поэтому я и считаю их своими «избранными женами».

* * *

Когда мы покидали Зиндер, в ушах у нас все еще звучала песня в честь любимицы султана, а перед глазами стояли бесстрастные лица пяти «избранных жен» богатого скотовода. И хотя в обоих гаремах царила поистине идиллическая атмосфера, за всем этим крылась трагическая реальность. Если даже полигамия и имеет преимущества, которые так красочно расписывал султан, и если ее отмена наверняка сопряжена с большими трудностями, она все же остается наследием прошлого, тех времен, когда женщины были предметом купли и продажи наравне с домашним скотом.

— Женщины-фульбе были проданы этому скотоводу из Зиндера еще совсем девочками, — говорит наш мудрый проводник Геремедин, когда речь заходит о полигамии. Помолчав, он добавляет: — А вы заметили, что у трех женщин-туарегов очень темная кожа. Значит, они родились от брака туарега с нигерийской иклан. А туареги не любят своих слишком темных дочерей. Наверно, и этих женщин продали богатому арабу совсем юными.

Проблема полигамии весьма актуальна для Африки, и едва об этом заходил разговор, мнения разделялись.

Одни — а их было большинство — утверждали, что это большое зло; другие говорили, что для африканцев это благо. Нет, это зло, но невозможно так сразу изменить сложившийся веками обычай, доказывали третьи.

— Знаешь, где полигамия пришла в полный упадок? — сказал мне в Бобо-Диулассо один венецианец, владелец ресторана.

— Где?

— Там, где начинают продавать тракторы.

— Тракторы?

— Да, там, где африканцы могут их купить в рассрочку, полигамия утрачивает свое значение. Крестьяне Верхней Вольты обнаружили, что один трактор потребляет меньше, а производит куда больше, чем десять женщин, которые работают в поле от зари до зари.

Это была, конечно, одна из остроумных шуток тех местных европейцев, которые испытывают к Африке и африканцам противоречивое чувство любви и пренебрежения. Но доля истины в этой шутке о тракторе была. Я сам убедился, что полигамия служит скорее практическим хозяйственным целям, и ее не следует объяснять ненасытной сексуальностью мужчин-африканцев, стремящихся каждую ночь проводить с новой женой. Полигамия — это прежде всего выражение насущной необходимости для мужчины иметь постоянную помощь в сельскохозяйственных работах от своих жен-рабынь. Они же обязаны вести хозяйство и поддерживать в доме чистоту. В двух гаремах, которые мы видели в Зиндере, у каждой жены были свои строго определенные обязанности. Одни отвечали за уборку комнат, другие — за приготовление еды, третьи — за шитье, четвертые ухаживали за детьми.

А самым крепким и здоровым приходилось доставать воду из колодцев и работать в поле. Для этих жен жизнь мало чем отличалась от жизни вьючных животных.

Своеобразное право первой ночи

Наиболее ярким воспоминанием о тяжелом положении африканских женщин осталось для меня посещение гаремов народа кирди в северном Камеруне, в горах Капсики^[27].

Согласно закону, если кирди, безразлично мужчины или женщины, спустятся в долину голые, любой может избить их палкой.

Власти Камеруна не хотят, чтобы эти «варвары» показывались в селениях или на дорогах.

«У иностранцев может сложиться впечатление, что Камерун на целый век отстает в своем развитии от других африканских стран. А потому либо кирди будут соблюдать современные нравы и обычаи и носить одежду, либо пусть навсегда остаются в своих горах».

Кирди предпочитают второе. Они никогда не согласятся надеть не то что платье, но даже повязку. Женщины и мужчины лишь тогда достойны уважения, если они ходят абсолютно нагими. В этом твердо убеждены все кирди.

Тот, кто хочет увидеть и узнать их получше, должны поступить, как и мы — расстаться с джипом, найти гида и подняться на скалистые отроги Центрального массива, Капсики.

Обычно дома кирди гнездятся на самых вершинах гор. Таким образом, любое нападение врагов не застанет их врасплох. Загнанные ныне в горы, кирди прежде были полновластными хозяевами всего северного Камеруна. Они укрылись в горах, когда воины-мусульмане вторглись в эти районы, чтобы поработить все местные племена и использовать их как «сырье» в торговле рабами с Северной Африкой и Аравией.

И здесь произошло то же самое, что и в районах озера Чад. Наиболее сильные племена пытались оказать сопротивление пришельцам, но потерпели поражение. Когда борьба стала совершенно безнадежной, кирди ушли в горы Капсики. В самых труднодоступных местах они построили свои селения и принялись обрабатывать землю с тем же упорством. Сейчас они превратили враждебный и бесплодный мир в гигантский плодородный муравейник. И хотя почва здесь каменистая, бедная, кирди даже тут, в горах, умудряются выращивать просо.

Целых два века кирди ночами спускались в долину, горстями набирали землю и уносили наверх в безопасные места. Когда прошли времена рабства и разбоя, кирди, как и племя котоко на озере Чад, не пожелали вернуться в родные места. За долгие годы они стали настоящими горцами и предпочли долине, где их свобода будет ограничена всякими законами и правилами, суровый массив Капсики. Они отклоняют самые заманчивые предложения правительства и ни за что не хотят принять мусульманскую веру. Гордые и свободолюбивые, они крепко держатся своих языческих обрядов и обычаев.

Для кирди араб все еще господствует в долине, пусть даже это теперь и не работорговец былых времен; поэтому они предпочитают держаться от него как можно дальше.

Нашей целью в тяжелом и долгом восхождении была Уджла — главное поселение кирди в горах Массива.

В Уджле гид представил нас главе селения. Наслушавшись разговоров о замкнутости и осторожности кирди, мы ждали весьма недоверчивого, холодного приема. Между тем оказалось, что кирди весьма гостеприимные и открытые люди, несмотря на все тяжкие испытания и невзгоды, которые выпали на их долю. Гость для них священен.

Нас провели в дворик-сарé «дворца» главы селения, и тот попросил нас изложить свои планы и просьбы. Глава селения единственный из всех кирди одет, и это показалось нам не менее странным, чем, скажем, голый человек с раскрытым зонтиком на улицах европейского, города.

Через два дня глава селения проникся к нам таким доверием, что разрешил заснять саре и повседневную жизнь селения.

Мне саре показался маленьким средневековым замком, окруженным со всех сторон башнями. Да, да, но только это были не крепостные башни, а силосы, высотой пять-шесть метров. Остроконечная крыша каждого такого силоса была сделана из соломы. Всего я насчитал примерно сто силосов, и каждый из них был до краев наполнен просом. Все силосы расположены так близко один от другого, что ходишь почти в полной темноте. Только привыкнув к царившей в сарé полутьме, мы обнаружили, что силос одновременно служит и жилищем. Все они имеют большое окно-дверь, которое ведет в

полутемную клетушку. Из всех «нор» на нас глядели любопытные, испуганные глаза.

Проводник объяснил, что в каждом силосе живет одна женщина-хозяйка и все они являются женами главы селения. Но еще больше нас удивило «социальное устройство» этого гарема, похожего на гигантский улей.

Все жители селения отдают своему главе дочерей в возрасте от одиннадцати лет и старше. Как только они попадают во дворец главы селения, то сразу же становятся его женами на год или два. Каждая жена обязана хранить и пересчитывать просо в силосе. Сколько силосов в саре, столько жен у главы селения.

Чтобы лучше беречь просо, жены, как я уже упоминал, живут в клетушке внутри силоса, где есть циновки и маленький каменный очаг.

Глава селения перераспределяет просо, хранящееся в силосах, между всеми жителями. Женщин-кирди тоже считают естественным даром природы, и поэтому они, как и просо, принадлежат главе селения. Только он решает, когда и каким образом «перераспределить» их между мужчинами. В этом и заключается главная особенность гарема у кирди. Глава селения постоянно обновляет свой гарем. Он первым женится на любой девушке селения, держит ее в своем саре, а тем временем подбирает ей другого мужа. Когда очередная жена принесет ему сына или дочь, а другая готова ее сменить, глава селения продает ее одному из жителей. Благодаря такой системе в отличие от других гаремов, где наряду с очень юными женами есть немало старух, у главы племени кирди нет даже пожилых жен. Он пользуется своеобразным правом первой брачной ночи. Как и другие племена, причем даже в большей степени, кирди считают женщин предметом обмена между мужчинами. Я попытался завести разговор об этом с главой селения, но вскоре убедился, что тот даже не пытается понять наши доводы.

По его убеждению, этот обычай выгоден не только ему самому, но и всем остальным мужчинам селения.

— Ведь когда женщина покидает мое саре, пробыв один-два года моей женой, она уже научилась хорошему поведению и даже умеет считать. Так что второй муж получает уже не неопытную девушку, а образцовую жену. И он благодарен мне за это.

В словах главы селения нет никакого самодовольства или бахвальства. Это заставляет меня задуматься над тем фактом, что наше «западное» суждение о полигамии и рабстве у африканцев, возможно, ошибочно в применении к туземному обществу, еще сохраняющему свою первобытность. В первобытно-общинном африканском строе полигамия и рабство были основой семьи и селения и, вероятно, не несли в себе ничего бесчеловечного. Они стали такими, когда изменились политические и социальные условия и африканцы пришли в соприкосновение с нашими обычаями и образом жизни. Только тогда магия и примитивные нравы стали нелепыми, бессмысленными и вредными, вызывающими гневное осуждение.

Глава селения сказал нам, что если мы отложим свой отъезд на день, то увидим на «дворцовой» площади церемонию посвящения в жены.

По столь торжественному случаю весь гарем высыпал наружу и сгрудился вокруг своего владыки и мужа.

У кирди не существует табу для жен гарема. Здесь в отличие от мусульманских стран вождь племени гордится красотой своих жен и выставляет ее напоказ. Поэтому, когда представляется удобный случай для всеобщего веселья, женщины выходят из саре на площадь, становятся в ряд и начинается танец. Совершенно голые, они скидывают ввысь кривые серпы, которыми срезают в поле просо, этот символ главного богатства кирди.

Затем наступает момент посвящения в жены.

Гулкий удар тамтамов — и женщины мгновенно прекращают танец. Тесно прижавшись друг к другу, они подходят к главе селения, который сидит перед входом в саре.

Новый удар тамтама — и женщины рассыпаются во все стороны, а на песчаной площади остается лишь тюк лохмотьев.

Глава селения встает, подходит, хватая лохмотья и отбрасывает их как можно дальше. На земле сидит дрожащая совсем еще юная девушка, почти девочка, новая жена главы селения.

Снова бешено загрохотали тамтамы, теперь девушка одна исполняет перед всеми женщинами и своим повелителем тот же танец, который только что исполняли остальные жены. Этим она как бы показывает всем, что уже созрела для того, чтобы тоже стать женой главы селения.

Но вот танец окончен; одна из женщин дарит девушке половинку высушенной тыквы, которой она будет размешивать и измерять просо в отведенном ей силосе. С завтрашнего дня ее начнут обучать сложному искусству подсчитывать урожай проса. Мало-помалу она станет образцовой женой; а когда она подарит своему владыке ребенка, которого тут же поручат заботам кормилиц, глава селения подыщет ей нового мужа.

Женщины в обмен на бутылки

Продолжая наше путешествие по центральному району Экваториальной Африки, мы собрали немало сведений о женщинах, которых продали в обмен на соль, лошадей и даже на бутылки.

Здесь уже не имеют никакой силы наши рассуждения об известной «целесообразности» рабства и полигамии при наиболее примитивных формах общественной жизни. В «цивилизованных» районах рабство и полигамия — тяжкое преступление, которому нет никакого оправдания. Увы, представление о женщине как о предмете купли и продажи наравне с домашними животными и зерном распространено не только среди богатых мусульман с их огромными гаремами, но и в городах и селениях.

В некоторых районах Чада женщин продают в обмен на соль, в северном Камеруне — в обмен на лошадей. И что особенно печально, это не случайные эпизоды, а широко налаженная, организованная торговля со своими законами, традициями и ценами.

Сорок блоков патрона (соли озера Чад) — хорошая цена за девушку банана или сара в северном Камеруне; два породистых арабских скакуна — это целый капитал. За них можно купить красивую и крепкую молодую женщину.

Я рассказываю только об этих двух видах «обмена», потому что сам слышал рассказы очевидцев. Но кто знает, какие еще формы принимает продажа «живого товара» в других районах Африки.

Однажды вечером мы ужинали в ресторане города Уагадугу вместе с нашими друзьями африканцами, чиновниками министерства здравоохранения Республики Верхняя Вольты.

— А вы знаете историю женщин-бутылок? — сказал один из них в конце ужина. Его коллеги хоть и молчали, но были явно недовольны самым упоминанием об этом эпизоде. Они, видимо, считали, что такие вещи иностранцам лучше не рассказывать.

— Это случилось в прошлом году, в стране моей, на севере, на рынке в Уахигуйя.

Мы слушали молча, зная, что малейший наш вопрос, любая оплошность могли послужить предлогом для трех других чиновников,

чтобы прервать своего не в меру словоохотливого коллегу. Похоже, они только этого и ждали.

— Так вот, в Уахигуйя часто приезжал на мотоцикле молодой, хорошо одетый араб, продавец бутылок.

— Пива? — спросил Нашимбен, а мы свирепо на него поглядели.

— Нет, пустых. Он продавал на рынке пустые бутылки.

— Пустые? — не унимался Нашимбен. Только тут я увидел, что он забыл где-то очки и потому не заметил наших настойчивых знаков. У меня не оставалось иного выхода, кроме как толкнуть его под столом.

— У женщин селений в саванне очень ценятся бутылки, в которых они хранят воду. Стеклянная бутылка дает им, так сказать, моральное преимущество перед соседками, которые по старинке хранят воду в пустой тыкве.

— Словом, бутылка для них символ богатства, — в третий раз прервал рассказчика Нашимбен.

Не помог даже толчок; впрочем, я мог нечаянно толкнуть и совсем другого. Я «прицелился» поточнее, и негромкое «ой» показало, что на этот раз удар достиг цели.

— Конечно, для них бутылка символ богатства, — ответил наш хозяин, — так что ловкий торговец с огромной выгодой для себя продавал их на рынке целыми ящиками.

Нам это показалось довольно любопытным, но ничего необычного в рассказе словоохотливого чиновника мы не нашли. Однако самое интересное было впереди. Выпив рюмку арманьяка, наш словоохотливый гость продолжал:

— Но однажды на рынке в Уахигуйя разразился грандиозный скандал, и наш предприимчивый торговец... угодил на каторгу. Конечно, не потому, что он продавал пустые бутылки. Просто открылось, что он получал в обмен.

— Какой-нибудь запрещенный товар?

— Девочек, дорогие друзья. В обмен на бутылки он покупал на рынке в Уахигуйя девочек и юных девушек. Моей очень бедны, а вот детей у них хоть отбавляй. Если они не могли заплатить за бутылку деньгами или каким-нибудь товаром, то всегда оставался выход — продать одну из «лишних» дочек. Торговец давал за крепкую, здоровую девочку сто пустых бутылок.

Нашего друга явно забавляли наше изумление и растерянность коллег.

— К тому же на рынке царило полнейшее самообслуживание. Не хуже, чем на Центральном рынке в Париже. Женщины-моси, придя с девочками и девушками, отобранными для продажи, оставляли их где-нибудь под деревом, так, чтобы торговец мог их незаметно рассмотреть. Тем временем они подходили к ящикам с бутылками и выбирали, какие им приглянулись больше всего. При этом все происходило молча, без единого слова. Эта возможность свободного выбора особенно привлекала женщин, и находчивый торговец наживал баснословные барыши.

— Но в конце концов его поймали и осудили? — спросил я.

— Конечно. У нас отличная полиция.

— А девочки?

— Какие девочки?

— Которых он брал в обмен на бутылки. Торговец держал их всех в своем доме?

— Нет, их так и не нашли. Ни одной. Торговец не смог даже толком объяснить полиции, куда они девались.

— Но это же очень странно!

— Ничуть. Все девочки-моси похожи одна на другую, — спокойно объяснил рассказчик. — Торговец продавал свои живые «приобретения» в разные страны. Попробуй их там разыщи.

— Главное, что его разоблачили и сурово наказали, — вмешался другой наш гость.

Видно было, что он хочет поскорее перевести разговор на другую тему.

Но и это еще не было кульминацией работорговли. Ведь мы еще не видели женщин — чековых книжек. Обмен женщин на соль, на лошадей, на бутылки лишь мелкий случайный эпизод в сравнении с торговлей женщинами во время хаджа (дней паломничества мусульман в священную Мекку). В этот период торговля «живым товаром» приобретает такой размах, что «местная» проблема выходит за пределы одной только Африки и приобретает международное значение. Мы знали об этом еще до своего отъезда и намеревались побывать на религиозном празднике хаджа. Мы хотели сами убедиться в размахе

торговли рабами, главным покупателем которых является Саудовская Аравия. Многие были известны нам заранее, но когда мы побывали на молениях верующих, посмотрели на их отъезд в Мекку, то потом долго не могли оправиться от потрясения. Больше всего нас поразило размах работорговли.

Мекка в рассрочку

Для мусульман апрель и май — месяцы наиболее полного слияния с религией.

Едва кончается рамадан, как уже начинается праздник жертвоприношения. Сотни тысяч мусульман (по последним данным, свыше миллиона) могучей рекой текут в Мекку из Индии, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Экваториальной и Западной Африки, с островов, из пустыни и лесов.

Еще раньше в Сахаре я видел целые караваны паломников. Они ехали в поездах из Судана, плыли на шлюпках и судах из портов Красного моря. На площадях городов Кано, Форт-Лами, Маруа, Ниамей, Уагадугу тысячи и тысячи верующих истово молились перед великим паломничеством. Вера звала их в нелегкий дальний путь.

— Но теперь и в рай нетрудно попасть в рассрочку.

— Раньше паломничество в Мекку было сопряжено с трудным и рискованным переходом через пустыню по караванной тропе. Тогда действительно можно было говорить о вознаграждении и спасении души за все невзгоды и лишения. Но теперь...

— Теперь в Мекку летят самолетом, а билет оплачивают в рассрочку за три года.

Обо всем этом нам рассказывают в Ниамее два секретаря министерства информации. Они привели нас на большую площадь, где семь тысяч мусульман исступленно молятся перед отъездом и отлетом в Мекку.

Наши добровольные гиды тоже мусульмане, но они успели выпить с нами пива и съесть сандвичи в путевом отеле авиакомпании «Эр-Франс» и прониклись к нам доверием. Они недвусмысленно дают нам понять, что принадлежат к передовым кругам молодежи и глубоко враждебны религиозному фанатизму и застарелым традициям.

— Все иностранные авиакомпании уже поняли, что для них паломничество в святой город мусульман поистине неисчерпаемое золотое дно. В этот период они присылают сотни устаревших самолетов с поршневым двигателем для полетов из Джидды и обратно.

— Тому, кто хочет путешествовать с комфортом, нужно потерпеть всего шесть часов, и он уже в Джидде. А стоимость билета на самолет

он имеет право выплачивать три года, причем с него не берут процентов. Точно те же условия, что и при продаже мопедов, — рассрочка на три года и никаких процентов.

— Таким образом, паломничество стало доступным почти для всех, и с каждым годом число паломников непрерывно растет. Самолеты и билеты в рассрочку сделали его поистине всенародным.

Но рассуждения двух секретарей министерства информации справедливы лишь частично. Бурное развитие паломничества в Мекку в шестидесятые годы объясняется не только все большим применением авиатранспорта, но и широким распространением в Африке, особенно в Центральной, ислама. Африканцы чувствуют эту религию более «своей»: она не «импортирована» из Европы, как христианская религия^[28].

Завоевание независимости многими странами Африки и развитие ислама — два тесно связанных между собой явления. Безусловно, мусульман влечет в Мекку прежде всего не относительная легкость и дешевизна полета на самолете, а религиозное рвение.

В Джидде (порт Красного моря) высаживаются белые, черные, желтые пилигримы. Они прибывают сюда из Азии и Африки и составляют целую армию фанатиков, одержимых желанием увидеть священные места, в которых жил и молился пророк.

До войны сюда за год прибывало в среднем сорок тысяч верующих, в 1948 году их число достигло шестисот тысяч, в 1958 году — восьмисот тысяч, а теперь — перевалило за миллион.

Правила и законы паломничества строго определены Магометом. На священную землю харама, двенадцатикилометрового района, окружающего Мекку, паломник может ступить только в белом одеянии — ихраме. Воду он должен пить из священного источника Земзем, ибо только она дает исцеление больным и утешает в невзгодах; совершенно босой он должен совершить таваф, то есть семь раз обойти Каабу, на ходу читая Коран; и, наконец, настает очередь Сая, то есть пробега между холмами Саффа и Маруа, где мусульмане празднуют хиджру — бегство Магомета из Мекки.

Затем верующие отправляются помолиться на гору Арафа, где Магомет услышал божье слово, и бросают камни в источник Мина, где, согласно легенде, Аврааму явился дьявол, уговаривая его не

подчиняться велению господ. Метание камней символизирует твердую решимость каждого верующего противостоять духу зла.

Для неверных доступ в Мекку закрыт. Поэтому мы поручили кинооператору-арабу заснять сцены прибытия паломников в Мекку, море палаток вокруг города и тысячные толпы верующих в мечетях на площади Кааба. Сами же мы тем временем снимали в различных африканских городах отъезд многочисленных паломников.

О связи между проблемой рабства и паломничества в Мекку говорят цифры, приведенные в докладе лондонского «Общества по борьбе с рабством». Вот они.

В 1955 году из двадцати трех тысяч пилигримов из Западной Африки не вернулось назад одиннадцать тысяч. Всего между 1950–1960 годами в Саудовской Аравии осталось примерно триста тысяч мужчин и женщин. И хотя не все они стали рабами, но огромное большинство ждала именно такая участь.

Официальный закон об отмене рабства был издан в Саудовской Аравии лишь в 1962 году эмиром Абдель Азизом, братом короля Сауда. Но общеизвестно, что африканцы, весьма туманно именуемые теперь слугами, выполняют в Аравии все самые тяжелые работы.

Красивых и молодых женщин покупают для пополнения гаремов, а крепких, сильных мужчин часто берут в личную охрану. Эмиры и шейхи доверяют им куда больше, чем своим соплеменникам.

Паломничество в Мекку очень часто превращается в путешествие «без возврата» — рынки невольников в Аравии поглощают все новый «живой товар». Некоторые африканцы убеждены, что быть «рабом» в Саудовской Аравии куда лучше, чем умирать с голоду у себя на родине. Поэтому они улетают в Мекку с твердым намерением «наняться в рабство» к богатым арабским купцам или феодалам.

Но большинство паломников, и особенно женщины, не по своей воле навсегда расстаются с родиной. Их-то и называют женщины — чековые книжки.

Мы засняли последние минуты перед отлетом в Мекку и получили трагическое наглядное подтверждение цифрам «Общества по борьбе с рабством».

В Кано, Форт-Лами, Ниамее, Уагадугу мы видели, как сотни людей улетали в Мекку, взяв билет только «туда». И это служит серьезнейшим

и совершенно неопровержимым доказательством. Тот, кто не берет билет «туда и обратно», почти наверняка заранее решил остаться в Аравии. Если же на билете девочки, мальчика или женщины написано «только туда», то можно сказать с полной уверенностью, что они будут проданы в Аравии на рынке невольников. Почти всегда этих несчастных продают сами родители или мужья.

Семья африканцев, которая отправляется на самолете в священный город Мекку, должна решить немало «финансовых» проблем, хотя сейчас все чаще практикуются полеты по сниженному тарифу. Чтобы купить билеты даже в рассрочку, главе семьи приходится экономить много лет подряд. И все же отложенных денег хватает только на билет в одном направлении. Но глава семьи не особенно волнуется; он отлично знает, что расходы на время паломничества и на обратный билет в Аравию раздобыть несложно — достаточно продать дочку, сына или жену. На вырученные деньги можно не только купить билет, но и отложить кое-что про черный день.

По возвращении глава семьи официально извещает местные власти об исчезновении или смерти сына или дочки во время паломничества. При этом глава семьи убежден, что его детям или жене будет в Аравии вполне хорошо: ведь там рабов сытно кормят, иначе от них мало проку.

— Чаще всего продают в рабство женщин. Вот еще одна женщина — чековая книжка, — шептала мне Лаура. Мы снимали несчастную, когда она в своей футе, замирая от ужаса, поднималась по лестнице и мгновенно исчезала в пассажирском салоне. И чем больше женщин исчезало в чреве воздушного лайнера, тем сильнее охватывало нас чувство бессильной ярости. Мы никак не могли примириться с неизбежностью этой бесчеловечной, жестокой торговли «живым товаром». Между тем все вокруг, включая и местные власти, спокойно взирали на это.

«Из двадцати трех тысяч не вернулось одиннадцать тысяч», — каждый вечер повторял я, когда разговор снова заходил о работорговле. Одиннадцать тысяч из двадцати трех! Почти половина, если верить официальным цифрам, а, как известно, в Африке они бывают далеки от истины.

«Совершенное» преступление

— Хотите я вам расскажу о нахуда^[29] Красного моря, — предложил я друзьям однажды вечером, когда мы, смертельно устав после целого дня съемок под палящим солнцем в аэропорте Кано, лежали на кушетках в Центральном отеле.

Струя свежего кондиционированного воздуха придала мне сил для долгого рассказа.

— О каких еще нахуда? — спросил Нашимбен, приоткрыв один глаз.

— Кто они такие, эти нахуда? — поддержал его Нан-пи, явно давая понять, что предпочел бы отдохнуть, а не слушать мои басни.

— Рулевые, гребцы и владельцы рыболовецких шхун в Красном море.

— А какое это имеет отношение к рабству?

— И к паломничеству в Мекку?

— Самое прямое.

— Они что, рабов покупают?

Я стал рассказывать, и постепенно смутные вначале воспоминания десятилетней давности становились все более отчетливыми.

— Нахуда весьма опытные мореплаватели. Они как свои пять пальцев знают коралловые отмели и островки Красного моря. Их считают людьми весьма предприимчивыми и хитрыми. Беспрестанные плавания и встречи с самыми разными людьми обострили их ум и находчивость.

— Сам-то ты когда с ними познакомился?

— Э, примерно в 1952 году. Когда я снимал «Голубой континент». Наша экспедиция пробыла тогда целый год на Красном море, и мы повидали немало этих искусных рыбаков.

Местные жители рассказывали о них всякие были и небылицы и даже утверждали, что многие из них настоящие пираты.

Я умолк на минуту, жестом дав понять друзьям, что собираюсь ответить на их вопрос о связи между нахуда и работоторговлей.

— Именно нахуда тайно перевозят паломников в Мекку. Но часто бедняги пилигримы не добираются до места. Нередко с помощью нескольких сообщников нахуда высаживают своих пассажиров на

одном из пустынных островов Красного моря и, безжалостно ограбив, оставляют умирать там голодной смертью.

Я был свидетелем тайного отплытия многих шхун с пилигримами из суданского порта Суакин. Тут мне пришлось объяснить друзьям, почему именно Суакин стал местом, откуда «нелегальных» паломников тайком перевозили в Аравию.

Прорезанный многочисленными каналами Суакин многие путешественники сравнивали с Венецией. Окна и балконные двери его белых в староарабском стиле домов закрывают массивные деревянные ставни. Во всем городе не найти ни одной новой постройки, ни фонаря, ни светящейся вывески; на его улицах вечно царит тишина. Всему этому есть простое и весьма драматическое объяснение: Суакин — мертвый город.

Некогда Суакин был самым крупным африканским портом на Красном море. Теперь он пришел в полное запустение. Его убили коралловые рифы, которые стали непреодолимым препятствием для крупных кораблей и шхун. Поэтому, когда сто лет назад англичане построили Норт-Судан, Суакин превратился в мертвый город. Сейчас в нем живут одни летучие мыши. Но для контрабандистов и нахуда он стал идеальным убежищем. И вот, когда наступает хадж — время паломничества, безлюдный, заброшенный город и порт превращаются в место сбора и отплытия паломников, у которых нет документов.

В мае 1952 года мы производили здесь подводные съемки для фильма «Голубой континент». Мы пробыли в Суакине целый месяц и почти каждый день видели, как управляемые опытными нахуда шхуны ночью проходили через коралловые рифы и вскоре отплывали с «грузом» паломников.

Занятые своим делом, мы не обращали никакого внимания на эти ночные рейсы. Убедившись в нашем полном безразличии, нахуда вскоре совсем перестали нас бояться.

Однажды арабы, моряки нашего экипажа, сказали нам, что нахуда переправляют паломников в Мекку. Они же рассказали историю об островах и крабах.

У пилигримов не так уж много шансов достичь берегов Аравии. Если нахуда узнают, что у пилигримов есть деньги, они, не раздумывая, расправляются со своим «живым грузом».

Ограбленные и брошенные в одной из песчаных лагун кораллового архипелага, пилигримы через несколько дней умирают от голода.

Соучастниками преступления становятся громадные крабы, которые охотно «берут на себя обязанность» очистить острова от трупов. Через некоторое время на острове не остается ни единой человеческой кости или куска мяса. Если шхуны отплыли тайно, то преступление смело можно назвать совершенным. Нахуда ничем не рискуют: никто не отыщет следов пропавших паломников.

— Но почему ты именно сейчас вспомнил о нахуда и о крабах-людоедах? — удивилась Лаура. — И как все это связано с рабством?

— Далеко не все нахуда богатеют, бросая на съедение крабам своих пассажиров. Они нередко тоже покупают рабов. Недавно в одном отчете о борьбе с рабством я вычитал, что многие африканцы, проданные в рабство на рынках Аравии, в конце концов попадают в «услужение» к йеменским нахуда и становятся ловцами садхафа.

— Жемчужной ракушки, — важно поясняет Нашимбен.

— Абсолютно точно, садхаф — это ракушка, которая обычно живет на больших глубинах. Только очень крепкие люди и отличные пловцы могут нырять на такую глубину без масок. Это поистине адский труд.

— И африканцы безропотно соглашаются каждодневно рисковать жизнью?

— Конечно. В докладе говорится, что нахуда довольно хорошо обращаются со своими «слугами». Из всех рабов ловцы садхафа — самые привилегированные. Десять лет назад я снимал их у острова Фарасан. Наш корабль подошел к рыбацкой флотилии йеменцев. Возглавлял флотилию нахуда, сидевший за рулем большой шхуны, которая буксировала с десятков маленьких пирог — ури. На пирогах ловцы-негры готовились нырять в воду. (Я на секунду умолк, и передо мной сразу ожили полузабытые, давние воспоминания.)

— Они работали от восьми до десяти часов в день, — продолжил я свой рассказ. — Причем ныряли без масок и ластов. Особенно поразили меня их глаза. От непрерывного пребывания в очень соленой воде они покраснели и слезились.

В тридцать лет ловцы садхафа уже старики. Полуслепые, больные, они выполняют на шхунах самую грязную работу.

Когда ловцы садхафа ныряют с пирог, они оставляют за собой на зеркальной поверхности белые пенистые круги. Их глаза вытаращены, белая фута распласталась в воде, руки широко раскинуты. «Черные ангелы, летящие с неба» — такими предстают сейчас в моем воображении ловцы садхафа.

— Ты уже тогда знал, что они рабы?

— Конечно, нет. Я даже не представлял себе, что в Африке сохранило какую-то силу само слово «раб». Ведь все их называли слугами.

Освободитель колодцев

Он тоже был уже почти слепым, как и ловцы садхафа, о которых я рассказывал друзьям. Но он нырял не в глубины моря, а в узкий колодец с отвесными песчаными стенками. Мы встретили его июньским днем к северу от Маруа, на границе Камеруна, после того как сняли отлет паломников в Мекку.

Мы остановились неподалеку от селения и увидели, что огромная толпа окружила человека на коне.

Что там происходит? — спросил я, пробудившись от долгого сна на заднем сиденье в «обществе» багажа.

— Вон колодец.

— Да, но они не собираются доставать воду. Посмотри, они о чем-то беседуют с всадником.

Мы подошли поближе и встали сзади. Крестьяне с минуту удивленно разглядывали нас, а затем снова стали о чем-то спорить с всадником, не обращая на нас больше никакого внимания. Рядом с конем стоял негр атлетического сложения с измученным лицом. Его потухшие глаза сразу напомнили мне ловцов садхафа.

Группа ребятишек нашла, что каш приезд куда интереснее, чем дела взрослых. Они окружили нашу машину. Мы обменялись дружелюбными улыбками, и знакомство состоялось.

— Негр должен освободить колодец, — сказал один из мальчишек на ломаном французском языке, выученном невесть где и невесть в какой школе.

— Человек на коне — его хозяин, и сейчас они договариваются о цене.

— Как же он освободит колодец?

— Нырнет в него и опустится на дно.

— А что случилось с колодцем?

— Должно быть, в него коза свалилась. Вода плохой, горькой стала. Наши попытались прочистить колодец палками и шестами, да ничего не вышло. Этот негр — знаменитый пловец, и уж он-то освободит колодец, когда о цене договорятся.

Мы протолкались сквозь толпу, до того взволнованную и возбужденную, что никто нас даже не обругал, и стали наблюдать за

торгом.

Но вот обе стороны договорились о цене; пловец обвязался длинным канатом, другой конец которого был привязан к седлу лошади.

Крестьяне расступились и молча наблюдали за приготовлениями к прыжку.

Набрав воздуха, пловец медленно погрузился в воду. На застывшей глади, несмотря на все предосторожности пловца, разошлись волны, и со стенок обрушился песок. На мгновение я решил, что сейчас пловца погребет лавина песка. Такое случалось уже не раз, и многие освободители колодцев погибали.

Фульбе, хозяин пловца, слез с коня и метр за метром принялся травить канат. Пловец исчез словно проглоченный водой, но по тому, как убывал канат, можно было себе представить, каково ему сейчас плавать по илистому дну, почти в полной тьме. Вдруг канат дернулся сильнее обычного, фульбе зло хлестнул коня, тот вздыбился, отскочил в сторону. Канат натянулся и пополз вверх. Новый удар, новый прыжок лошади, канат все быстрее побежал вверх, и вот, словно выдернутый клещами, на поверхности показался пловец-негр. С хриплым криком он перевалился через борт колодца и бессильно опустился на песок. Последним усилием фульбе выдернул канат, и я увидел схваченную крепким узлом мертвую козу.

Колодец был очищен.

Негр лежал на земле, тяжело дыша. А его хозяин-фульбе уже вскочил на коня. Староста селения отсчитывал ему деньги за спасение колодца; всадник попрощался, небрежно помахав всем рукой, и сразу же негр вскочил и пружинистым шагом побежал за своим хозяином.

— Они держат путь в Маруа. Этот фульбе из конной стражи нашего ламидо, — объясняет нам мальчуган.

— Таких слуг у каждого из стражников не один, а много. Нас эти вояки не только заставляют платить огромные налоги, но под всякими предложениями отбирают последние гроши, — с горечью говорит староста селения.

— А сколько их всего, этих стражников? — спрашиваю я: ведь мы тоже направляемся в Маруа, где хотим заснять ламидо и его конную армию.

Староста изучающе смотрит на нас, подыскивая ответ. Конные стражники совсем недавно нагоняли страх и ужас на целые селения. А

теперь они ассоциируются у крестьян с незаконными поборами и налогами, которые ламидо взимают у крестьян от имени правительства.

— Когда стражники собираются на большой праздник, их поднятые к небу копы как бы образуют ковер, но которому можно ходить, — вполголоса говорит староста.

Налого фифти-фифти

Конные стражники, проложив себе дорогу в густой траве крам-крам, выстроились в круг. Вооружены они были не только копьями, но и ружьями. Едва наш джип остановился, они с дикими воплями вскинули копья и начали палить в воздух из своих допотопных ружей.

Так они выражали свою радость по случаю праздника. Но мы-то этого не знали и, признаться, здорово стухнули. Переправившись через реку Шари, мы два дня двигались по пустынной саванне, не зная даже, находимся ли мы в Чаде или в Камеруне. Поэтому мы никак не могли понять, кто и откуда повелевает этим живописным воинством. И только когда мы повнимательнее присмотрелись к их вооружению, то поняли, что перед нами «рыцари в доспехах», один из исторических курьезов Черного континента, и на смену страху пришло живейшее любопытство.

Эти «рыцари» точно сошли со страниц истории и сейчас стояли перед нами в тех же одеяниях и с таким же гордым и воинственным выражением лица, как и их предки.

Их называют «рыцари в доспехах» потому, что многие из них закованы в латы и обороняются щитом, а круп их коней покрыт цветастой попоной.

Когда они скачут из селения в селение, «эскортируя» одного из своих султанов, эмиров, ламидо или встречая званых гостей, то нельзя не залюбоваться яркостью их одеяний, красотой шлемов, украшенных перьями, чеканных и металлических наколенников и лат. Невольно начинает казаться, что перед вами рыцари времен крестовых походов.

Африканские рыцари спешили и подошли к нашему джипу. Мы угостили их сигаретами и обменялись несколькими фразами по-французски.

— Они напоминают мне рыцарей Ричарда Львиное Сердце, — шепчет Лаура.

И верно, эти шлемы, щиты, копья до удивления похожи на оружие времен Ричарда. В каких только местах они не побывали, прежде чем очутиться в выжженной саванне северного Камеруна!

Отряд рыцарей, который мы встретили, направлялся из Маруа в глубинные селения собирать налоги от имени ламидо и правительства.

Рыцари всех этих ламидо используются как сборщики налогов. Любопытно, что им удается выжать из нищих поселян столько, сколько никогда не смогли бы получить префекты и местные власти. Собранные деньги вручаются ламидо и эмирам главных городов, а те делят их с правительством фифти-фифти.

Чтобы составить себе представление о том, какие доходы дает этот «частный» сбор налогов с крестьян, которые подчас не могут прокормить своих детей, достаточно привести случай с эмиром нигерийского города Кано.

Эмир Кано, взимая налоги, умудрился за пять лет украсть два миллиона фунтов стерлингов. При этом собранные деньги он делил из расчета девяносто процентов себе и десять процентов правительству. В апреле 1963 года разразился грандиозный скандал. Правительство обвинило эмира в мошенничестве и заставило его подать в отставку.

Любопытно, что буквально все: власти, население, правительственные чиновники — были поражены размерами воровства. Два миллиона фунтов стерлингов! Откуда мог выудить эмир, удивлялись в Кано, такие деньги? Ведь общеизвестно, что подданные эмира нередко не могли даже рубаху купить.

Сантим за сантимом, шиллинг за шиллингом, и вот после всех «религиозных» налогов на каждую свадьбу, рождение и смерть эмир сумел за какие-то пять лет прикарманить весьма круглую сумму. Правительству никогда не удалось бы собрать столько. Вероятно, поэтому после скандала префект, действовавший от имени федеральных властей Лагоса, не воспользовался благоприятным моментом для того, чтобы разогнать всю эту клику феодалов-казнокрадов. Он лишь сместил мошенника-эмира, тут же назначив нового, и усилил контроль за взиманием налогов.

Нгаундере — «каменный пуп земли»

Но вот мы снова в пути. Позади остались рыцари в доспехах на своих скакунах с разноцветными попонами. Джипы несутся с большой скоростью, но даже рокот моторов не в силах заглушить шум громкого спора. Разговор, само собой разумеется, идет о беззакониях, чинимых всеми этими ламидо и эмирами. Когда Нашимбен снова упомянул о двух миллионах фунтов стерлингов, я мысленно представил себе худые лица детишек, больных, их трахомные глаза, нищету убогих селений, до крайности скудный ужин кочевников северной Нигерии. Я вспомнил, что в Кано перед самым торцом эмира сотни нищих и увечных стоят и просят подавание, и никто не дает им ни гроша.

Однажды мы видели полупарализованную женщину, которая на четвереньках тащила вдоволь дворцовой стены, похожая на раненое животное. У нас даже не хватило духу ее заснять. Она тоже просила милостыню, но все равнодушно проходили мимо. В Кано полно таких нищих, а между тем эмир сумел не только собрать громадные налоги, но и присвоить два миллиона фунтов стерлингов.

— Они сдирают налоги со всего: с рождений, смертей, бракосочетаний. Ведь религиозная власть ламидо и эмиров до сих пор незыблема, — подтверждает первый же европеец, встреченный нами в Маруа.

Мы ужинаем на открытой веранде ресторана; танцевальные мелодии, холодное пиво и изысканная французская кухня позволяют на миг забыть о средневековых феодальных нравах, еще царящих в самом городе... В Маруа мы прибыли после того, как побывали в Гаруа и Рей-Бубе. И в этих городах, затерянных в камерунской саванне, время тоже словно остановилось, застыло.

— Нет, охрану эмиров и ламидо на улицах не увидишь, — отвечая на вопрос Лауры, говорит наш новый приятель из Маруа. — Они живут вдали от больших городов. Когда повелитель и владыка вызывает их в свою резиденцию, то они отправляются туда поодиночке, а не группами. В полном составе и при всем вооружении они собираются только в дни больших празднеств. Как, скажем, в прошлом году на празднестве в честь годовщины провозглашения независимости. Их тут

было не меньше десяти тысяч. Люди говорили, что по копьям при желании можно было пройти, как по ковру.

Эти же слова я слышал от старосты селения, где «освобождали» колодец. Как видно, слухи об этом грандиозном празднике распространились по всей стране.

— В Нгаундере, — продолжал наш собеседник, — через несколько дней должен прибыть президент республики. Он встретится с местным ламидо — самым могущественным из владык этих горных районов. Там соберутся сотни конных стражников разных ламидо и эмиров. Если вас интересуют такого рода зрелища, то садитесь в самолет, и через несколько часов вы будете в Нгаундере.

Мы тут же решили изменить наш маршрут и программу работ. Опытный мореплаватель и... кинооператор должны мгновенно поднимать паруса, едва подует ветер удачи. Ветер удачи молниеносно перенес нас через центральное плоскогорье и высадил у самых стен Нгаундере, города в горах Камеруна. Еще один порыв ветра — и мы очутились за стенами дворца всемогущего ламидо.

— Ты лев, — шепчет по-арабски один из придворных.

— О, ты хитрее буйвола, — тут же подхватывает второй.

Кантилена этих хвалебных песнопений весьма монотонна и повторяется бесконечное число раз.

— Ты солнце.

— Ты сильнее молодого буйвола.

— О непобедимый повелитель ветров и туч!

— О хитрая и мудрая волосатая горилла!

В средневековом Нгаундере придворные, советники, воины бродят по дворцу с новейшими транзисторными приемниками и, как много-много лет назад, стараются превзойти один другого в восхвалении своего «возлюбленного» владыки.

В средневековом Нгаундере министры ходят по дворцу и с удовольствием слушают и обрядовые песни из Форт-Лами, и твист из Дуалы. Но стоит ламидо появиться, как приемники тут же умолкают. Придворные, мгновенно оценив обстановку, начинают либо кричать во весь голос, либо медоточиво шептать:

— Все знают, что ты могучий лев.

— Ты сильнее слона!

— О, ты грозный удав, удушитель слонов!

Ламидо, едва он нас увидел, приказал всем замолчать и любезно спросил о цели нашего визита. Выслушав слова приветствия, ламидо пригласил нас сесть и с места в карьер на прекрасном французском языке начал расспрашивать о последних моделях итальянских гоночных автомобилей.

Мы, понятно, были удивлены, и это доставило ему явное удовольствие. Минут через десять он повел нас во внутренний двор. Там стояла новенькая американская машина.

— Я пользуюсь ею, когда отправляюсь осматривать свои селения, — с гордостью сказал он. И тут же повернулся, дав понять, что аудиенция окончена.

Позже мы узнали, что там, где дороги слишком узки для машины или надо преодолеть вброд речку, сотни «пожизненных слуг» с помощью крепких шестов водружают машину себе на плечи и несут километр и больше.

Когда машина ламидо проносилась по улицам Нгаундере, капот ее был укрыт разноцветной попоной, достойной этого могучего стального коня. А то, что попона украшала капот' новейшего «шевроле», а не круп чистокровного арабского скакуна, учитывая вкусы хозяина, не имело никакого значения. Эта развевающаяся попона на сверкающей никелем машине лишь один из примеров уродливого смешения нового и старого во многих странах Африки, где люди живут как бы в двух разных временах. В течение дня достаточно нескольких секунд, чтобы из одной эпохи перенестись в другую.

Город расположен на высоте тысячи метров над уровнем моря. Над всем плоскогорьем господствует гигантская одинокая гора Нгаундере, по имени которой и названа вся прилегающая местность. Нгаундере означает «каменный пупок», и не удивительно, что африканцы видят в этой каменной глыбе, нависшей над плоскогорьем и степными долинами Экваториальной Африки, «пуп» окрестных земель.

Когда мы спустились на бескрайнюю равнину, то гора в самом деле показалась мне, как и местным жителям, «пупом» не только этого района, но и всего Камеруна.

Прежде Камерун был немецкой колонией, затем, после первой мировой войны, его включили в состав французской Африки, а с первого января 1960 года он стал независимой республикой. Республика имеет свой парламент, сенат, правительственную и

оппозиционные партии. Но в молодых африканских странах парламентские институты подчас имеют реальное значение лишь в больших городах. Во внутренних же областях подлинная и притом безраздельная власть принадлежит ламидо и султанам. Внешне власть ламидо ограничена сферой религии, но в действительности вся общественная и частная жизнь тысяч и тысяч африканцев и даже европейцев подчинена их прихоти и воле. Как у всякого добропорядочного и богатого мусульманина, у ламидо четыре законных жены, пятьдесят наложниц и шесть евнухов. Его личная конная стража насчитывает четыреста всадников. Еще три тысячи стражников могут прийти ему на помощь из окрестных селений. Новый район города: каменные дома, небольшой отель, префектура, здание полиции и больница — расположен в тенистых рощах неподалеку от аэропорта. Отсюда до старой части города не больше четырех-пяти километров. Но, как я уже говорил, в Африке цифры весьма обманчивы.

Новый Нгаундере отделяют от старого не четыре-пять километров, а четыре-пять веков.

Как и сам повелитель, все шестьдесят тысяч обитателей старого города живут в эпохе средневековья и абсолютного господства феодальных порядков.

За дворцом ламидо лепятся хижинки и домишки. Вы не найдете здесь ни одного каменного строения. Все дома — с высоченной соломенной крышей, и «слеплены» они из утрамбованной земли. В старом городе вы не увидите никого, кто был бы одет на европейский манер; на всех широкие длиннопольные бубу самых разных цветов. Каждая семья несет феодальную повинность. Одни должны поставлять во дворец дрова, другие — фрукты, третьи — фураж. Этот коллективный «дар» позволяет шорцу не покупать ничего на стороне.

Внутри дворца ламидо хижинки повыше, чем в самом городе; обычно они обнесены круговой оградой тоже из утрамбованной земли. Собственно, это сплошная серая стена без окон или щелей. Наверху ее «украшает» корона из осколков битого стекла, признанная убережь от нескромных взглядов тайны этого королевства из грязи. У ворот стоят вооруженные стражники в живописных одеяниях. Получив соответствующее разрешение, я каждый раз переступаю порог с каким-то тягостным чувством. Но любопытство и жгучий интерес неизменно оказываются много сильнее нерешительности.

От рассвета до заката во дворце звучат колыбельные песни и молитвы. Охрана, вооруженная луками и копьями, носит железные кольчуги.

В полутьме особенно ярко выделяются цветастые бубу — халаты придворных. Женщины, наоборот, в блеклой, старой одежде, которая сливается с темной городской стеной.

— Это служанки, — объясняет один из придворных. — Жены нашего великого ламидо все в великолепных, богатых платьях. Но они никогда не выходят за пределы внутреннего двора, обнесенного другой, менее высокой стеной.

В просветах неба между хижинами с карканьем кружат черные вороны, привлеченные отбросами пищи. А работа на дворцовой кухне кипит день и ночь. Ведь нужно накормить всю прожорливую ораву чиновников и стражников, а также многочисленных жен и наложниц. Запах паленого мяса и дыма сливается с глухим шумом голосов, возносящихся к небу из хижин и двориков.

Единственные минуты, когда во дворце царит тишина, — это во время молитвы. Пять раз в день жизнь в королевстве замирает. Пронзительный звук рожка возвещает, что владыка и повелитель обращает свои мысли к господу богу. Все остальные, разумеется, обязаны последовать его примеру. В часы молитвы ламидо надевает бубу из голубой ткани. Чтобы местному царьку не больно было стоять на коленях, слуги подкладывают ему кусок священного тюрбана из тончайшего полотна. В этот длиннющий восьмидесятиметровый тюрбан ламидо после смерти будет завернут, словно мумия.

По коридорам дворца беспрестанно снуют бесчисленные негры. Они всегда чем-нибудь заняты, и просто непонятно, когда они отдыхают. Ахмед Виду, глава дворцовой стражи, сказал мне, что это — пожизненные слуги, а не рабы.

В отличие от жителей окрестных селений они выглядят крепкими и упитанными. Впрочем, это легко объяснить.

— Они должны хорошо работать, а значит, их надо хорошо кормить, — говорит Ахмед Виду. — Была бы у вас скаковая лошадь, стали бы вы жалеть ей еду?

— Если это не рабы, а «пожизненные слуги», то как они попадают во дворец? — спрашиваю я.

— Многие приходят наниматься сами, но обычно мы их не берем. Мы предпочитаем брать сыновей, внуков и правнуков первых слуг. Они самые надежные. Многие из наших слуг никогда не покидали дворца, и ни один не пытался бежать, хотя сделать это очень легко — ведь никто за ними не следит. Куда бы они делись? Дворец — их родной дом, и мир кончается за крепостной стеной. Большинство наших слуг здесь и родилось. Наш ламидо в великой доброте своей кормит верных слуг даже тогда, когда они состарятся и уже не в силах работать. Он святой, и нет предела его великодушию.

— Конечно, конечно, ваш ламидо святой. Но если кому-нибудь из придворных вздумается оскорбить или избить слугу, кто сможет его защитить? И еще, имеет ли он право уйти из дворца, если ему здесь не понравится?

— Тут всем все нравится.

— Но если кто-нибудь из слуг все же захочет уйти?

— Никто еще не пожелал уйти. Кто тогда позаботится о бедняге в старости? — Ахмед Виду явно удивлен. — Только сумасшедшему может прийти в голову такое. Ведь на его место тут же найдется сто тысяч желающих.

— Но если все-таки нашелся такой безумец, — настаиваю я. — Мог бы он уйти?

— Нет. Ламидо не дал бы разрешения. Это было бы бесчестьем для всего дома.

— Значит, каждый слуга обречен провести во дворце всю жизнь?

— Не обречен, а счастлив жить здесь. Он рождается и умирает во дворце.

— Тогда чем же он отличается от раба? — хотелось мне спросить. Но с хитрым, лукавым придворным бесполезно спорить. В конце концов он станет утверждать, но «пожизненный слуга» получает своего рода пенсию — ведь кормит же его ламидо, когда наступает старость.

Поэтому я решил переменить тему разговора.

— Послушай, а что произойдет после смерти ламидо? Кто будет его преемником?

Глаза Ахмеда Виду гневно сверкнули, он зло буркнул:

— Ламидо Нгаундере — самый могущественный из Всех. Когда он умрет, его объявят святым.

— Это я знаю. Но кто именно будет его преемником?

— Ламидо из соседних городков соберутся и выберут нового.

— А ты не думаешь, Ахмед, что времена меняются и в вашей стране скоро многое изменится? И возможно, это коснется и нового ламидо...

— Наша судьба в руках пророка, но мы знаем, что для ламидо ничего не изменится. Они всегда были хозяевами. И когда пришли немцы, и при французах, и потом, когда Камерун стал республикой. Ламидо и президент — друзья.

— Но при новом ламидо что-нибудь изменится? — не сдавался я.

— Ничего не изменится, — сердито ответил Ахмед Виду.

Но он говорил неправду.

Рей-Буба до и после

Семь лет назад, когда страна еще не обрела независимости, мне довелось побывать во дворце Бубы Хамаду Баба — могущественного ламидо города Рей-Бубы и близлежащих селений. В этих местах без его дозволения никто даже пальцем не смел пошевелить.

Приехали мы в город голодные, нас мучила жажда, но мы не могли ничего купить до тех пор, пока власти не дадут нам официального разрешения посетить город. Больше того, согласно законам, царившим в этом «королевстве», для нас были закрыты двери всех лавок, хижин и домов.

Нам пришлось явиться во дворец к фактическому владельцу трехсот тысяч душ Бубе Хамаду Баба и сообщить о целях нашего визита. Лишь когда мы получили разрешение остаться в городе, то смогли купить продовольствие, воду и поселиться в одном из домов.

Когда через несколько дней Буба Хамаду Баба принял нас в своем дворце, окруженном мощным земляным валом высотой десять метров, рядом с ним восседало двадцать министров и придворных. Самые важные из министров — саркин кайгура (общественные работы), саркин йаки (военный министр) и саркин догари (главный судья); слева сидел также жирный саркин мата — министр публичных домов. Нам пришлось весьма подробно объяснять всем им и, понятно, самому ламидо, что бы мы хотели заснять в Рей-Бубе и окрестностях. С огромным трудом мы получили разрешение произвести съемки.

Буба Хамаду Баба чувствовал себя всемогущим владыкой. Подданные обязаны были платить ему сто франков за каждое рождение, смерть и свадьбу. Одного из каждых тридцати быков, сорока коров отдавали всемогущему ламидо. Десять процентов всего урожая тоже приходилось везти во дворец к Хамаду Баба.

Правосудие вершилось перед дворцом на открытом воздухе. Нам разрешили присутствовать на «процессах», но категорически запретили снимать что-либо.

В центре восседал один из сыновей ламидо, а по бокам — судья и чиновник, беспрестанно цитировавший Коран. Обе спорящие стороны излагали свои жалобы перед лицом триумvirата, сидевшего на голой земле.

Ни истец, ни обвиняемый не имели права взглянуть на судью. Поэтому казалось, что они обращаются к небу.

Выслушав истца и ответчика, судья выносил приговор. Виновного одевали в черные одежды и отправляли в тюрьму.

На следующее утро я увидел осужденного во дворе дворца — он рыл колодец. Другие заключенные отправлялись ставить ловушки. Разумеется, всех пойманных зверей забирали потом чиновники ламидо. Все эти узники оставались рабами ламидо до тех пор, пока не вырывали колодец или не приносили во дворец изрядное количество дичи. Таковы Соломоновы решения судей для мелких преступлений. Для более крупных преступников предусмотрены куда более суровые наказания вплоть до смертной казни.

— Но сейчас никому не отрубают голову, — объяснил нам один из министров. — Сейчас время отдыха и веселья. А на праздник урожая ламидо вынесут из дворца в паланкине; это будет красочное зрелище.

Действительно, торжественный выход ламидо превзошел все наши ожидания. Церемониал прогулки местного владыки был даже более сложным, чем при визите главы великой державы в дружественную страну.

Утром на центральной дворцовой площади, выжженной и голой, но куда более длинной, чем площадь перед Квириналом^[30], раздались тягучие звуки тамтама, сзывавшие на парад стражу и воинов; эти же ритмичные звуки тамтама оповещали жителей, что всемогущий ламидо покидает столицу, дабы осмотреть свои владения.

Крестьяне, ремесленники, пастухи немедля бросали работу и возвращались домой. Надев свою военную форму, они группами стекались ко дворцу. Тем временем, слуги седлали лошадей для конных стражников. Как и в остальных районах северного Камеруна, стражники здесь были в тяжелых рыцарских доспехах, а крупы коней украшали традиционные попоны в разноцветную клетку.

На дворцовой площади было так жарко, что мужчины, словно аисты, стояли на одной ноге, потирая рукой другую.

Когда площадь запрудили мужчины, женщины, дети и даже узники, в парадных дверях показалась огромная тень. Это был саркин церемониала. Его бритый череп розно сверкал в полутьме. В зеленой праздничной одежде он пересек площадь, чтобы удостовериться, все ли в порядке. При его появлении все умолкли, слышно было лишь

стрекотание нашей фотокамеры да жужжание тысяч мух, вылетевших из стойл.

По знаку саркина воины и женщины построились в ряд. Церемониймейстер, как видно, остался доволен. Он вернулся во дворец, но почти сразу вышел, махнув кому-то рукой. Четверо гигантов вынесли зеленый балдахин, сквозь занавеси которого можно было различить фигуру ламидо.

Мы тут же навели на него все наши объективы, но быстро убедились, что снять его очень сложно. Даже когда паланкин с ламидо проплыл мимо нас, мы с трудом различили силуэт владыки.

С высоты своего походного трона он взирал на своих подданных и, покачиваясь, плыл над нашими головами, эскортируемый вооруженной стражей.

Впереди и по бокам скакали конные всадники, сзади шли солдаты с алебардами. Все вместе они образовали как бы заградительные цепи. Замыкали шествие трубачи. Они дули в свои серебряные трубы, извлекая мрачные, протяжные звуки. Семь лет спустя, вернувшись в Рей-Бубу, я подумал, что в этих печальных звуках было нечто пророческое.

Дворец и площадь являли картину полного запустения. Через запретные двери мог пройти любой и каждый. В тронном зале супрефект-камерунец в американских брюках и рубашке печатал на машинке какой-то указ.

Не видно было ни охраны, ни придворных. Не били тамтамы. Супрефект в американской рубашке был здесь полным хозяином положения.

Старый ламидо умер, а новый не имел никакой реальной власти. Ему не удалось собрать налоги, а значит, он не мог содержать охрану. Его престиж резко упал, и супрефект, назначенный правительством, милостиво позволял ему подолгу молиться в отдельном крыле дворца.

Когда мы обошли все дворцы бывшего королевства, нам показалось, будто здесь свирепствовала чума. Повсюду валялись кости лошадей, белевшие на солнце. Дворцовое воинство разбежалось: смерть старого ламидо словно помогла жителям города прозреть. И «беспризорные» кони подошли от голода.

Новый хозяин города — супрефект разъезжал по улочкам в стареньком «ситроене», резкие сигналы клаксона пришли на смену

унылым звукам серебряных труб.

И в Африке постепенно приходит конец средневековым порядкам.

— Так что же произойдет после смерти вашего ламидо? — в третий раз спрашиваю я у Ахмеда Виду. Перед глазами стоит безлюдный, заброшенный дворец в Рей-Бубе, и я уверен, что в Нгаундере всем отлично известно, что случилось там, в долине.

— Ничего, ровным счетом ничего, — упрямо повторяет Ахмед. — Когда наш ламидо (пусть это случится как можно позже) умрет, мы выберем другого. А господь нам поможет.

Желая показать, что разговор окончен, Ахмед Виду поворачивается ко мне спиной и включает подвешенный к поясу миниатюрный транзистор. И сразу во двор врывается четкий голос диктора. Он читает выпуск последних известий на арабском языке, и я, разумеется, не понимаю ни слова. Но по тому, как вздрогнул начальник стражи и мгновенно бросился разыскивать своего владыку и повелителя, я догадался, что объявлено о сроке визита президента республики. В этом застывшем, сонном царстве я как-то забыл, что прилетел в Нгаундере именно из-за предстоящего визита президента. Я тоже помчался к товарищам по работе, чтобы подготовить кинокамеры.

Завтра, когда президент прибудет в Нгаундере, мы станем очевидцами важного события. Огромная травянистая площадь превратится в «подмостки» для живописного зрелища, которое можно увидеть только в Африке. Из ближних селений и городков прибудут десятки других ламидо. Все они путешествуют на большущих американских вездеходах. На передних сиденьях сидят шоферы, ламидо и стиснутые со всех сторон музыканты и исполнители религиозных песнопений.

На подножках, а подчас и на крыше каким-то чудом удерживают равновесие несколько вооруженных стражников, рискуя жизнью буквально на каждом крутом повороте.

Всем местным князькам и правителям по радио сообщили о визите президента, и они проделали путь в сто, триста, а иногда и пятьсот километров в сопровождении грузовиков, на которых едет личная охрана и... кони. На площади рыцари в доспехах слезают с машин, стряхивают пыль со шлемов и щитов, надевают металлические кольчуги, седлают коней и скачут в заранее отведенное им церемониймейстером место.

Слуги маскируют вездеходы и грузовики в густой траве, со всех сторон подступающей к площади. Кажется, будто вы присутствуете на рыцарском турнире или конных состязаниях, так много вокруг шлемов с плюмажами, кольчуг, лат, коней.

На каждой из небольших земляных дюн восседает ламидо под зонтом, балдахином или в палатке. Рыцари в доспехах на всем скаку проносятся мимо, демонстрируя перед своим владыкой искусство верховой езды.

Ламидо прибыли сюда, чтобы выразить свое уважение президенту республики, но также и для того, чтобы показать, сколь они могущественны. Поэтому у каждого балдахина или зонта беспрестанно повторяется такая сцена: один из вооруженных копьем всадников, отпустив поводья, устремляется к балдахину ламидо, а с противоположной стороны, копьё наперевес, навстречу ему несется другой всадник. Можно почти с математической точностью высчитать, в какое мгновение они врежутся друг в друга. Но в последнюю секунду, вернее, в десятую долю секунды всадники отворачивают и проносятся в нескольких сантиметрах один от другого. Это проявление ловкости, силы и мужества напомнило мне конные ристалища берберов на юге Туниса, в Гафсе.

Над площадью плывут тучи пыли. Жара и зной не щадят никого, даже тех, кто пришел выразить свое величайшее почтение ламидо. А у каждой палатки и балдахина толпятся посетители в ярких праздничных одеждах: негры, арабы и европейцы — мелкие торговцы и шоферы. Ламидо дает им аудиенции и принимает почести и дары от старост селений и вождей племен.

Все эти посетители, а также просители и целые группы чиновников ждут у порога палатки, пока вооруженный охранник не подаст им знака войти. Они стоят «в очереди», согласно занимаемому положению и посту, а слуги обносят их свежей прохладной водой. Наконец, саркин-церемониймейстер подводит их к ламидо, сидящему под огромным зонтом. Простым чиновникам-просителям не дозволено стоять пред ликом владыки. Поэтому они тут же бухаются ниц, ползком тащатся к трону и там застывают. Все жалобы и прошения излагает от их имени придворный камергер. Он же подает знак, что аудиенция окончена.

Одиннадцать часов утра; шум на площади смолкает, и все с нескрываемым любопытством ждут появления самолета, летящего из Яунде, столицы республики.

И вот почти точно в одиннадцать над лагерем паладинов и их повелителей пролетел самолет президента. На миг черная тень крыльев нависла над палатками и конями и затем исчезла за холмами.

Самолет приземлился в нескольких километрах от юрода на аэродроме, построенном еще французами. Я шал, что большинство жителей ждало президента там, в аэропорте, чтобы эскортировать его до города; поэтому я предполагал, что он появится в сопровождении еще одного отряда всадников в живописных одеждах. Но Нгаундере — «пуп» Африки — уготовил нам очередной сюрприз.

Обитатели хижин вытащили на свет божий самое ценное из того, что есть теперь в любом крупном населенном пункте Африки, — свои сверкающие никелем велосипеды. На огромную площадь, где его ждали конные рыцари в доспехах и потные, изнывающие от жары ламидо в своих ярких бубу, президент прибыл с эскортом тысячи, а то и более велосипедистов.

Если местные князьки выставляют напоказ свое древнее конное воинство, то он, президент молодой республики, — организацию и политическую силу.

Всадникам он противопоставляет велосипедистов, серебряным трубам — железные звонки.

В аэропорте его ждали представители нового класса: студенты, молодые ремесленники, пока небольшие, но жаждущие перемен группы мелких буржуа и рабочих.

Президент вошел на трибуну, украшенную длинным, во всю площадь, полотнищем с надписью: «Да здравствует президент Ахиджо», и обратился к собравшимся с краткой речью. Слова приветствия он произнес на местном диалекте, а затем перешел на французский язык. В своей речи он ни разу не упомянул о ламидо. Больше того, он сказал, что скоро налоги здесь будут собирать правительственные чиновники, а не стражники всяких тиранов. Для всех ламидо эти слова президента прозвучали как похоронный звон, как начало неминуемого краха.

Сделав многозначительную паузу, президент закурил сигарету и объявил, что приступает к награждению лучших людей Нгаундере.

Мне показалось, что глаза тщеславных ламидо, собравшихся на площади, радостно заблестели. У каждого из них зародилась надежда получить красивую золотую медаль с красной ленточкой, давно лежавшую на бархатной подушечке. Об остальных весьма сложных проблемах еще будет время подумать, а сейчас самое главное — получить из рук президента желанные медали.

Но ламидо ждал еще один неприятный сюрприз: президент сунул руку в карман, вынул лист бумаги с отпечатанным на машинке текстом и громким голосом стал зачитывать имена награжденных. Среди них не было ни единого ламидо — сплошь незнакомые фамилии, мелкие чиновники и техники: старший ветеринар, горный мастер, начальник почты, телеграфист и четверо инженеров, окончивших институт в Париже. Под громкие аплодисменты местных жителей, столпившихся возле трибуны, они подходили к президенту, и тот вручал им награду. Вся эта сцена имела четкий смысл, и значение. Опытный политик, президент Ахиджо знал, что и с друзьями и с врагами нужно говорить открыто, без всяких обиняков. И он смело противопоставил новую Африку старой Африке, твердо уверенный, что ветер перемен сметет крепкую стену традиций и предрассудков.

Недвусмысленно высказав свои намерения, президент снова закурил, а затем в сопровождении тысячи гудящих и звенящих в звонки велосипедистов отбыл в аэропорт.

Так, в тот самый день, когда президент возвратился в столицу, ламидо с их конной стражей вернулись в свои дворцы, где придворные снова будут славословить их на все лады. Внешне в Нгаундере и ближних селениях З ничего не изменилось.

Но только внешне. Время пришло в движение, и теперь страна стремится за несколько месяцев наверстать потерянное за долгие века.

Сюрприз на десерт

Съемки закончены, и мы покидаем Нгаундере и Камерун. Вместе с отснятым материалом мы везем необычные экспонаты: меч одного из воинов-фульбе, цветные бусы девушек-крокодилов, кусок натрона, бальзовую модель пироги. Все эти элементы мозаики, которые помогут нам составить затем цельную картину всех наших путешествий.

Рядом с Лаурой лежит изотермический баллон, в котором хранится пленка — наше самое главное богатство. Сколько всего метров пленки мы отсняли? Я пускаюсь в сложнейшие подсчеты, но вскоре убеждаюсь, что это бесполезное занятие. Хорошо бы заснуть часок-другой. Но желанный сон не приходит.

В полутьме кабины я вижу, что и друзьям не спится. Только Лаура, судя по блаженной улыбке на лице, давно уже видит чудесные сны. Я осторожно перешагиваю через нее и присоединяюсь к друзьям.

Нашимбен, я уже упоминал об этом, самый аккуратный и методичный из всех нас. Он разложил на коленях карту Центральной Африки, которую стюардесса вручила пассажирам, и красным карандашом вычерчивает маршрут нашего последнего путешествия.

— Пока не забыл, все отмечаю, — говорит он мне. — А то потом, через несколько месяцев, все спутается в олове. Кстати, где находится Уида? Ведь мы там снимали «голубых христиан»?

— Вот тут, на побережье Дагомеи, — говорит Нанни.

— Девять стран за четыре месяца. Не мудрено и ошибиться, — бормочет Нашимбен, записывая названия города своим бисерным почерком. Я наклоняюсь и вижу, что лист испещрен именами, датами. Красная линия нашего маршрута протянулась с крайнего востока, у границ Судана, до крайнего запада, то есть до селений Верхней Вольты. Арка в четыре тысячи километров, почти через всю Центральную Африку, а исходный и одновременно конечный пункт путешествия — район озера Чад. От него в Камерун, Дагомею, Того, Верхнюю Вольту, Нигер и Мали расходятся стрелки, образующие хотя и не очень рациональную, но геометрически четкую фигуру.

— Итак? — вопрошает Нанни.

— Что итак?

— Итак, наше кинематографическое исследование корней и источников рабства в Африке закончилось посещением ламидо, дни хозяйничанья которых сочтены.

— В известной мере да...

— Почему «в известной мере»?

— Видишь ли, наше расследование закончилось, но понадобится немало времени, прежде чем мы сумеем все хорошенько понять и осмыслить. Да и сама проблема рабства далека от своего окончательного разрешения.

— Конечно.

— Фильмы, фотографии, рассказы, отчеты — все должно служить одной цели: привлечь внимание общественности к актуальной и в наши дни проблеме рабства в Африке. Но прежде всего нужны факты.

— ...и время, — добавил Нашимбен.

— Много времени. И много доброй воли, она куда важнее законов и громких речей. Ведь мы, несмотря на то что одолели четыре тысячи километров, побывали в девяти странах, мало чего добились. Собственно, мы сделали совсем не новое «открытие», выяснили, что проблема рабства крайне сложна и серьезна.

Мы невольно стали как бы подводить итоги, а мне именно этого и не хотелось делать.

Я вернулся на свое место, зажег свет. До Браззавиля еще два часа лету. Я порылся в пачке газет и журналов, нашел довольно свежий номер «Пари-матч» и стал читать.

Час спустя я обернулся и посмотрел назад, где сидели мои друзья. Ни один из них не включил свет, я понял, что они спят. Я встал, снова перешагнул через Лауру и направился к ним. Кто-то из пассажиров громко запротестовал. Я принялся трясти Нанни и Нашимбена.

— Проснитесь. Хватит спать. Прочтите лучше передовую статью в «Пари-матч».

— Сию минуту? Что за спешка?

— Разве мы не пытались подвести итоги нашего расследования?

— Да, но при чем здесь «Пари-матч»?

— Прочтите заголовок: «Президент Республики Чад преподнес мусульманским министрам сюрприз на десерт — отправил их в тюрьму». Помните министров, с которыми мы познакомились в Форт-Лами? Они угодили в тюрьму.

Теперь уж Нанни и Нашимбен окончательно проснулись.

В статье шла речь о внезапном государственном перевороте. Президент республики Томбалбай, из племени сара, арестовал своих министров-арабов.

— Закономерный финал всей истории, — говорю я Нанни. — Но продолжить разговор мы так и не успели: подошла стюардесса и попросила меня сесть на свое место; мы подлетали к Браззавилю.

— А почему, собственно, закономерный? — задаю я себе вопрос. — Да потому, что проблема рабства оказывает огромное влияние на развитие новых независимых африканских стран. Особенно в Экваториальной и Пред-экваториальной Африке. В большинстве случаев страны этих районов получили независимость не после упорной кровавой борьбы с колониализмом, а из рук самих империалистических держав. При этом новые страны сохранили абсурдную противоестественную колониальную структуру. Алжир и Тунис, к примеру, завоевали независимость дорогой ценой, и в ходе этой освободительной борьбы произошло сплочение различных народностей с разными языками, религией и историей. Теперь это независимые государства с четко определенными границами и с определенным политическим и этническим единством. Этого отнюдь нельзя сказать, скажем, о Нигере, Верхней Вольте. Их границы были произвольно установлены колониалистами без всякого учета языковой, религиозной и исторической общности. Конечно, можно обойтись и без этих весьма важных признаков нации, но только при условии, что созданная конфедерация народов Африки будет стремиться к достижению общих конкретных целей.

Как всегда, в основе всех бед Африки лежит колониализм. Вынужденный покинуть Африку, он постарался сохранить нетронутой прежнюю административную структуру. Так ему легче будет вновь проникнуть в свои бывшие колонии. Именно это и привело к созданию «искусственных» в географическом отношении государств.

Я снова вспомнил о Чаде. Что означает недавний переворот в этой стране? Он является убедительным доказательством того, что государство это было создано на совещании военных советников-европейцев, произвольно очертивших на карте границы новой республики. Разве может спокойно и безболезненно развиваться страна, у которой нет общего языка и истории, а две основные этнические

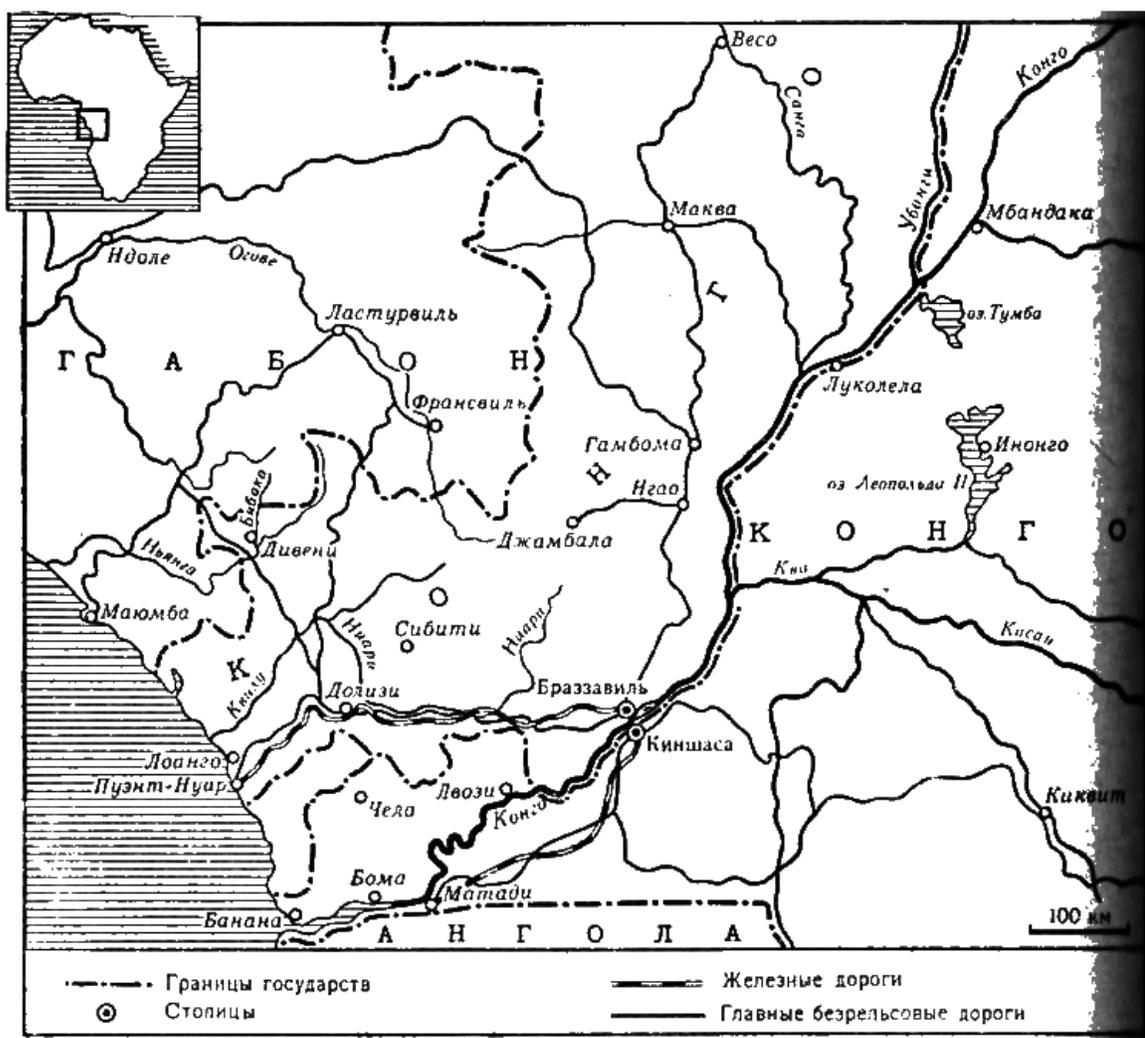
группы относятся друг к другу враждебно еще со времен рабства? И тут проблема борьбы с рабством из частной перерастает в куда более общую и сложную социально-политическую проблему. В чем причина существования антиисторических, изживших себя султанов? Где корни не сломленного до сих пор могущества всяких ламидо и эмиров? На все эти нелегкие вопросы предстоит, конечно, ответить не нам, а социологам и политикам.

Когда самолет остановился и стих рокот моторов, открылась дверца в задней части машины. И сразу на нас обрушился знойный раскаленный воздух. В Браззавиле шел проливной дождь, воздух был не только знойным, но и влажным, пахнущим землей.

У лесенки стоял улыбающийся, промокший насквозь африканец. Он ждал нас, держа в руке большой желтый зонт.

ОГНИ ЛЕСА

Конго, сердце мрака внутренней Африки.

Дж. Конрад

*О ты, стрела небесного Охотника,
 Что преследует упорно стадо туч,
 Бегущих в страхе, как слоновье стадо.
 О Радуга, скажи Владыке своему «Спасибо»,
 Скажи ему, чтоб он на нас не гневался,
 Ведь мы дрожим от ужаса, нам очень страшно,*

Скажи ему об этом, Радуга.

(Песня пигмеев)

На равнине полыхало пламя. Бескрайняя саванна казалась огромным желтым островом в океане зеленого леса. Огонь шел на нас в ночь фронтом в пять-шесть километров.

Больше часа мы смотрели, как пламя, гонимое ветром, неотвратно приближалось. Вскоре стало слышно, как огонь, тяжело дыша, пожирает сухую траву. В нескольких километрах от нашего импровизированного лагеря в траве саванны то появлялись, то исчезали загонщики. Это были бапуну; они шли навстречу огню, громко крича и молотя палками по земле.

Между пламенем и загонщиками были буйволы, а в центре полукруга сидели в засаде три охотника, ожидая атаки, в которую наверняка пойдет стадо животных, выкуренных из убежища огнем и криками людей.

— До того, как они появятся, еще не меньше часа, — сказал Васселе.

Васселе влез на заброшенный термитник и долго наблюдал за фронтом огня и действиями загонщиков.

— Ну, теперь осталось ждать совсем немного, — сказал он.

Мы заняли заранее облюбованные места. Из лагеря вышли в три утра, облава началась в четыре, а сейчас было около десяти. Следовательно, мы находились в шести часах ходьбы от базы. Мы все время шли в ряд по узенькой тропке под прикрытием холмов. Время от времени один из наблюдателей поднимался на холм, влезал на чахлое деревцо и обозревал местность.

— Видишь буйвола? — жестами спрашивали охотники, а он в ответ либо кивал, либо отрицательно качал головой.

Каждый раз наблюдателям удавалось увидеть буй-волов лишь вдалеке. На одном из холмов в шестистах метрах от нас очередной разведчик увидел одинокого буйвола, черного, как дьявол из преисподней. Внезапно он учуял наше присутствие и обратился в бегство. Он взбегал с холма на холм, уходя все дальше и дальше. Теперь буйвол казался насекомым, которое напугал яркий свет, и оно вслепую поползло по стене.

Атака буйволов

Наконец очередной наблюдатель увидел, как впереди колышется трава, и подал сигнал тревоги.

— Буйволы! Целое стадо!

Весть мгновенно облетела всех охотников. Мы замерли в молчаливом ожидании. Главный охотник взял белый пакетик с тальком, ногтем раздавил его, и тот лопнул, словно хлопучка. И сразу вырвались, поплыв по ветру, два белых облачка. Итак, первое дело сделано— направление ветра определено.

Мы разбились на три группы: одна в составе примерно ста загонщиков, вооруженных спичками и факелами, отправилась в обход, чтобы окружить стадо и поджечь сзади траву; вторая группа двинулась в противоположном направлении, чтобы в нужный момент спугнуть животных криками и грохотом; охотники пошли вместе с нами, чтобы залечь в засаду у самой границы пламени, где стадо наверняка попытается вырваться из огненного кольца.

Мы подожгли траву и стали готовиться. Длительное ожидание изнуряет. Коротая время, мы следили, как большие африканские орлы, распластав крылья, висели над районом пожара. Это помогло нам отвлечься: в какой-то миг птицы камнем падали вниз на уже обгоревший участок саванны и вскоре взмывали ввысь, держа в когтях задохнувшуюся мышь или черепаху.

Внезапно земля содрогнулась от топота стада буйволов, которые спасались от огня. Вначале мы не увидели животных, а лишь почувствовали, что они остановились в густой траве.

— Приготовьтесь, буйволы рядом, — прошептал один из охотников.

В ту же секунду порыв ветра обрушил на нас клубы дыма, окутав нас плотной белой завесой. Животные догадались, что мы попали в трудное положение, и ринулись в атаку.

Мы снова слышали тяжелый топот копыт, но хорошенько разглядеть животных не смогли. Наконец метрах в ста мы увидели, как буйволицы и маленькие буйволята бросились врассыпную влево и вправо в надежде вырваться из кольца сбоку. Самцы приняли весь удар

на себя — они бросились прямо на нас. Это и была грозная атака буйволов.

Басселе вскинул свой карабин калибра девять с половиной миллиметров, и его примеру последовали три других охотника. Мы навели наши кинокамеры.

В этих случаях охотник метится в позвоночник. Только тогда он может уложить буйвола одним выстрелом. Стрелять в голову бесполезно, потому что плотная костная оболочка отразит удар. Не менее бессмысленно стрелять в сердце: животное столь живуче, что одного выстрела тут недостаточно. У смертельно раненного животного хватает сил пробежать еще несколько шагов и пронзить своего врага. Поэтому метиться надо только в позвоночник, а так как буйволы атакуют фронтально, то стрелять приходится с очень близкого расстояния — в тот момент, когда животное наклоняет голову, чтобы поддеть вас на рога. У охотника не остается времени перезарядить ружье и сделать второй выстрел.

Три буйвола неслись прямо на нашу группу: два из них упали на землю буквально вместе с выстрелом, точно споткнувшись о что-то. Третий подпрыгнул и помчался дальше. Мы бросились кто куда, а животное пронеслось рядом. Выстрел попал в цель, но буйвол по-прежнему рвался вперед. Путь был свободен, и он мог бы спастись бегством. Но когда буйвол разъярен до предела, он не дает врагу пощады. Раненый зверь повернулся и снова бросился на нас. Охотники мгновенно перехватили ружья, но раньше, чем прозвучал хоть один выстрел, буйвол рухнул на землю.

Теперь настал момент показать свою храбрость для охотничьей собаки африканской породы. Мы спустили ее с цепи, и она с лаем бросилась на упавшего врага. Сначала собака обежала его вокруг, а затем принялась кусать зверя за ляжки и спину. Куснет и сразу отскакивает, словно зубы ее впились не в кожу, а в свинец.

Эти маленькие, худые и смелые собаки с длинными ушами выдрессированы специально для охоты на буйволов и испытывают к ним поистине атавистическую ненависть. «Едва они учуют поверженного врага, как тут же бросаются на него. Если буйвол не умер, то он реагирует на собачьи укусы, и охотник сразу же добивает его. Так случилось и с нашим буйволом. Он ожил, перевернулся на другой бок, чуть не раздавив собаку, боднул рогами воздух и встал,

готовый к новой атаке. Но его прыжок остановили два выстрела. У бедняги буйвола подогнулись колени, и он замятво рухнул на землю. Теперь уже навсегда.

Когда вечерний ветерок разогнал облака, на небе появился ломтик солнца. Мы сидели и, попивая чай, вели неторопливую беседу; перед трудным обратным путем не мешало хорошенько отдохнуть. Я слушал рассказы охотников и рассматривал темные пятна на рубашке и брюках. Это была кровь, которой в миг атаки забрызгал нас раненый буйвол.

Неподалеку туземцы разделявали убитых животных. На отрубленных головах чернели большие остроконечные рога. Потом их высушат на солнце, и они станут трофеями охотников. А сама туша и ноги будут поделены между загонщиками и жителями ближайшего селения.

Но вот чай допит, и мы тронулись в путь через большое черное пятно сожженной нами травы. Мы шли, вздымая клубы серой пыли и золы.

Лагерь Большого Патрона

Сцены охоты — квинтэссенция, соль целого ряда документальных фильмов об Африке и журналистских репортажей. В этих фильмах делается упор на полные драматизма и неожиданностей эпизоды. А этого можно добиться, только разыскав диких животных и рассказав об охоте на них.

Я еще не раз буду возвращаться в этой книге к охотничьим приключениям в Экваториальной Африке. Ведь я побывал в Конго, Габоне, Кабинде для того, чтобы снять фильм, которому придали бы особый колорит и красочность эпизоды охоты. Впрочем, мне самому нравится снимать такие сцены, и теперь, по прошествии времени, я понял, что они помогли мне ближе и лучше узнать Африку и африканцев. Ведь следуя за охотниками, я углубился в самые недоступные уголки и встретил племена, сохранившие в первозданной чистоте древние нравы и обычаи.

Необходимость отыскать непо потревоженных, как говорят охотники, животных и не затронутые цивилизацией районы завела нас в самую глубь леса. Целыми месяцами мы жили вдали от населенных пунктов, дорог и даже тропинок.

Часто мы не могли воспользоваться машиной, и нам приходилось идти пешком или пересекать реку на каноэ. А это позволило нам увидеть новое, еще никем не исследованное.

Когда вы одолеваете в день двадцать километров и месяцами живете вместе с одной и той же группой африканцев, возможности глубже проникнуть в психологию африканцев, быт и повседневную жизнь племени резко возрастают. Особенно когда вы вместе отправляетесь на большую охоту.

Мы охотились в Конго на слонов, в Пуэнт-Нуаре — на крокодилов, снова на слонов — в долине Лефини и в Ниамбулу, на гиппопотамов — на реках Ньянга и Ниари; наконец, мы охотились на буйволов неподалеку от экватора, на границе между Габоном и тогдашним Средним Конго. И все это время самым ближайшим населенным пунктом и «оперативной базой» было маленькое селение Муссого.

Шел 1954 год, и это было мое первое путешествие в Экваториальную Африку. Я намеревался снять документальный фильм

и сцены охоты для видовой фильма. Ставил видовой фильм один известный режиссер, которого за его весьма крупный вес, как собственный, так и в области кино, прозвали Большой Патрон. Иногда он отправлялся вместе с нами на короткие вылазки, но чаще мы действовали сами; я, мой верный помощник кинооператор Нанни Скарпеллини и немец Циллих — специалист по съемкам пресмыкающихся, и особенно змей.

Селение Муссого раскинулось на склоне холма, и его домики со всех сторон облепили вершину. А на самой верхушке холма стояла желтая палатка Большого Патрона. Он единственный из нас предпочитал спать в палатке, а не в хижинах местных жителей. Мы нарочно поставили его палатку в стороне от домов селения. И не потому, что мы не любили нашего руководителя. Наоборот, днем мы с огромным удовольствием слушали его рассказы и выполняли все его указания. Но ночью мы предпочитали быть от него подальше. Секрет заключался в том, что Большой Патрон храпел, и притом до того громко, что мы, предельно уставшие после трудного дня, не могли сомкнуть глаз. Поэтому его палатка была «воздвигнута» на вершине холма, в отдалении от хижин.

Днем она отчетливо вырисовывалась на фоне синего неба, а ночью мерцала желтым огоньком на черном небе, так как наш руководитель любил читать допоздна и спал с горящей газовой лампой.

Когда наш импозантный режиссер двигался по освещенной изнутри палатке, его силуэт черной тенью скользил по желтой стене. Казалось, будто вы присутствуете на спектакле китайского теневого театра. А мы каждый вечер ждали того момента, когда тень Большого Патрона упадет на постель. Тут-то и начиналось самое любопытное.

Толстяк режиссер немедля начинал храпеть. Этот ритмичный, глухой звук приводил в неопишное волнение сотню деревенских собак. Для них мерный храп Большого Патрона был чем-то непонятным и странным. Постепенно все они взбирались на холм; мы видели, как блестят в траве их глаза. Достигнув вершины, собаки усаживались вокруг палатки и синхронно отвечали на таинственные ритмичные звуки.

Первое время подвывание собак было еле слышным, что вполне соответствовало похрапыванию Большого Патрона, которое вначале, как известно, бывает не особенно сильным. Но по мере того как храп

становился все басовитее и раскатистее и могучие звуковые волны прорезали тишину африканской ночи, вой превращался в злобный, отчаянный лай. Этот концерт продолжался примерно полчаса. И все эти тридцать минут вокруг освещенной палатки на холме громкий храп гармонично сочетался с дружным собачьим лаем; на высокие ноты собаки отвечали не менее высокими, на паузы (а у храпунов всегда бывают странные глубокие паузы) — столь же глубокими паузами. Словом, «солист» и хор выступали весьма слаженно.

Наконец слишком громкий лай и визг собак будили нашего шефа. Вскочив с койки, он гигантской черной тенью выростал на фоне освещенной стенки.

Пораженные непонятной переменной декорации, собаки на миг умолкали. Но только на миг. Буквально через секунду они опять принимались лаять еще отчаяннее и злее. Неподвижная тень Большого Патрона приходила в движение; она нагибалась, вновь выпрямлялась, и даже на расстоянии было заметно, что в руках у нее какой-то предмет. Это был второй акт в спектакле китайского театра теней. А вот каким бывал эпилог: колыхание противомоскитной сетки — и на пороге возникала тень Большого Патрона. Наш шеф растерянно осматривался вокруг, явно не понимая, что тут происходит.

Еще миг — и он вскидывал правую руку к небу, и безмолвие африканской ночи прерывал оглушительный звук выстрела. Собаки мгновенно обращались в постыдное бегство, сбегали вниз по холму, и их лай слышался уже где-то вдали возле хижин. Порядок был восстановлен; теперь Большой Патрон мог спокойно храпеть до самого утра.

Упорная осада

Охота на буйволов продолжалась уже больше месяца. За это время с нами произошло немало драматических, а порой и забавных приключений.

— Буйволы — самые опасные из зверей, — не раз повторяли нам охотники-европейцы.

— Да, они самые опасные и свирепые, — подтверждали жители.

В селении нам рассказали, что буйволы нередко первыми нападали на людей.

Женщины и дети, которые отправлялись к реке или пруду, чтобы набрать воды, нередко подвергались нападению буйволов, застигнутых врасплох на водопое. Часто раненные, но не убитые охотниками буйволы ночью мстили обидчикам, определив по свету керосиновой лампы, что человек идет один. Один такой буйвол даже ворвался в селение, поддевая на рога всех, кто попадался ему на пути. Его удалось пристрелить только после жестокой схватки. Наиболее мстительными и опасными бывают, конечно, раненые буйволы-одиночки. Туземцы называют их «икубу». Обычно это темный худой зверь, которого сородичи изгоняют из стада либо потому, что он болен, либо из-за неспособности к оплодотворению самок.

Одиночка икубу из-за всех своих невзгод становится еще более мрачным, злобным и агрессивным, чем его собратья.

Хроника малой войны между человеком и буйволом знает немало печальных эпизодов. Только в тех районах, где мы вели съемку, жертвы с обеих сторон насчитываются десятками.

Однажды мы завтракали в конголезском селении Долизи вместе с группой молодых французов-строителей. Вдруг вошли механик и шофер и заговорили с одним из строителей. Тот встал и куда-то уехал на джипе вместе с шофером. Его друзья объяснили нам, что грузовик группы застрял в грязи неподалеку от селения. Когда молодой француз прибыл на место и стал копаться в моторе, подошли жители соседнего селения. Они попросили француза-строителя убить одинокого буйвола, который разбойничал в этом районе. Француз вывел грузовик на сухое место, а так как было всего четыре часа дня и до наступления темноты оставалось добрых два часа, он решил заняться буйволом. Жители

показали ему на огромное темное пятно в высокой траве. Это и был буйвол-одиночка.

— Хорошо, попробую его пристрелить, — согласился француз, который наверняка был достаточно опытным охотником. Он взял ружье и, сказав шоферу «скоро вернусь», углубился в саванну. Примерно в половине шестого до негров донесся отчаянный крик. Только в три часа ночи после лихорадочных поисков удалось найти в траве обезображенный труп бедняги охотника. В руках он сжимал ружье, из которого не было произведено ни единого выстрела.

Следы буйвола и глубокая рана, нанесенная рогами, рассказали, как произошла трагедия. Охотник подкрался к животному и вскинул ружье, готовясь уложить его наповал. Однако буйвол против всяких ожиданий не ринулся в атаку, а обратился в бегство. Француз-охотник бросился в погоню, но буйвол, внезапно сделав круг, вышел охотнику в тыл. Француз ничего не видел из-за густой высокой травы. Буйвол налетел на своего врага сзади и пронзил его рогами.

На траве отпечаталась огромная «девятка», причем ножка» цифры была вычерчена буйволом, которого неотступно преследовал охотник, а верхний кружочек ясно говорил о том, какой ловкий маневр проделало животное, чтобы перехитрить своего врага.

В стране бануну

Холм у селения Муссого с одной стороны господствует над саванной, этим озером желтых трав в центре леса, а с другой — над безбрежным океаном деревьев, убегающих к темнеющим на горизонте невысоким холмам. Я пытаюсь «подогнать» мои впечатления под африканские пейзажи Хемингуэя, но это мне не удастся. Эти холмы я вижу фиолетовыми на рассвете, красными — на закате, бледно-голубыми — днем, но только не зелеными. Над лесом где-то вдали спиралью вьется дым. Это временные поселения пигмеев банзаби, близких родичей народов банту. В дневные часы можно различить в лесу белые полосы. Это небольшие луга, на которых растет дикий хлопок. Когда лучи солнца падают на густые заросли белых цветов, они сверкают, точно снег.

— Правда, эти луга похожи на поле в снегу, — говорю я Нанни.

Тот смотрит на меня так, словно я сошел с ума. Он принимает душ. Один из наших младших операторов поливает его сначала из ведра, а затем из кастрюли, а Нанни старательно сдирает с кожи пыль и грязь. Он обгорел на солнце, глаза у него болят и слезятся, и ему, понятно, не до шуток.

Я уже умылся «под душем» и теперь сижу на веранде у дверей моей хижины, надежно защищенной противомоскитной сеткой. И, несмотря на весьма многозначительный взгляд Нанни, жду заката и думаю о снеге. Мне ни весело, ни грустно; когда настанет время ужина, я пройду через весь лагерь в большую хижину! столовую.

А пока я смотрю в небо, на облака, непрерывно меняющие форму и цвет. Внезапно высоко над лесом появляется темное пятно, которое приближается с каждой секундой. Мой помощник туземец Максим перестает; чистить и смазывать наши фотоаппараты и тоже глядит на странное облако в небе.

— Саранча? — спрашиваю я. Максим отрицательно качает головой.

— Летучие мыши, — говорит он.

Летучие мыши! В жизни не видел столько летучих мышей. Они летят густым темным пятном.

— Откуда они взялись? — спрашиваю я.

— Летят с реки Ниари в покинутое селение Кемангу, — отвечает он. И тут же объясняет, что летучие мыши летают целый день низко-низко над самой водой и ловят насекомых. А вечером они неизменно возвращаются на «ночлег» в домики покинутых селений. На рассвете они всей стаей отправляются к реке — тысячи, десятки тысяч летучих мышей.

Такова Экваториальная Африка; здесь все необычна, и не соответствует нашим привычным представлениям. Несколько дней спустя наш походный лагерь тоже подвергся нашествию полчища летучих мышей. Две из них залетели в мою комнату. Максим убил их метлой. Вернувшись в селение, он отдал свою добычу жене и детишкам. Те высушат животных и положат про запас в старый бак из-под бензина.

Впрочем, долго они там не пролежат: голод делает и летучих мышей лакомым блюдом.

Максиму лет двадцать; он умен, сообразителен и с самого дня рождения живет в этом лесном селении. Он типичный представитель народа бапуну со всеми их достоинствами и недостатками. Невысокие, ловкие, они обладают большим мужеством. Бапуну — один из народов, говорящих на языках банту и живущих в тропических лесах бассейна реки Конго. Эти леса простираются от Атлантического океана до Больших озер и по площади равны Италии. В районе Дивиние, где мы снимаем снопы охоты на буйволов, живет всего две-три тысячи туземцев, хотя по размерам он превышает Умбрию^[31].

Родичи бапуну, живущие в саванне, выше ростом, красивее и, возможно, еще смелее своих лесных собратьев. Их еда более питательна и обильна, потому что в саванне водится множество животных. Степные бапуну называют себя охотниками за мясом. Для них любая добыча: газель, антилопа, буйвол — это viande (мясо).

Лесные бапуну не столь сильны и выносливы. Им почти не на кого охотиться, и поэтому они поедают все, что удастся поймать: мышшей, змей, обезьян, различных, и птиц, лягушек, черепах, саранчу и даже летучих мышей. В праздничные дни они едят кур, а по большим, очень большим праздникам — козлят. Все остальное время им приходится довольствоваться растительной пищей, фруктами, кореньями и маниоккой. Драгоценную маниоку туземцы выращивают на полях, с трудом отвоеванных у тропического леса, где деревья благодаря

влажности и теплу достигают гигантских размеров. Впервые я увидел эти поля, пролетая над лесом на одномоторном «пи-пере», который каждую неделю забирал отснятую пленку и доставлял в наш лагерь чистую. Пилот по моей просьбе сделал круг над лесом, чтобы мне было удобнее снимать. И тут, в море зеленой растительности, я увидел светлые пятна озер. Светлый оттенок этим маниоковым озерам придавала зола от сожженных деревьев, которую африканцы используют как удобрение.

Впоследствии, наблюдая за работой бапуну, я понял, какой это каторжный труд — отвоевать у тропического леса под посев какие-нибудь двести квадратных метров земли.

В борьбе с лесом участвуют все жители селения. Сначала нужно очистить участок от лиан и кустарника, лишь затем приступают к вырубке деревьев. На пощаду могут рассчитывать лишь самые крепкие, не поддающиеся ударам топора. Но если тень от этих деревьев закрывает почти все поле, то их сжигают. Когда внизу ствол дерева слишком большой и крепкий, бапуну сооружают пяти-шестиметровые подмости и срубают дерево в том месте, где ствол более тонкий и слабый. Свалив деревья, бапуну оставляют их сохнуть на солнце, а затем спокойно, не боясь пожара поджигают. Влажность в лесу такова, что огромный костер в лучшем случае может лишь опалить стволы и листья ближайших деревьев. Затем женщины, убрав с поля головешки, приступают к посеву маниоки. Сбор урожая тоже входит в их обязанность. Засеять поле в этих местах можно не больше двух-трех раз. Почва здесь бедная, неплодородная, хотя обилие растительности на первый взгляд говорит об обратном. Бапуну обречены вести кочевой образ жизни и вести беспрестанную войну с лесом за каждый клочок земли.

Я спросил у старосты селения Муссого, почему его племя даже не пытается сеять маниоку в саванне, где растет трава матити. Ведь там, очевидно, куда легче было бы подготовить поле.

— Нет, ничего бы у нас не вышло, — ответил мне глава селения.

Он объяснил, что выжженная и высушенная в сезон засухи земля саванны становится «безумной» и в довершение всего в сезон дождей вода вымывает из нее верхние, плодородные слои. Впоследствии Максим тоже подтвердил мне, что на этой «безумной земле» семена не вызревают. А если одному-двум росткам все-таки удастся выстоять, то

их в конце концов ждет гибель от палящего солнца или проливного дождя.

В лесу же земля покрепче, а деревья и кусты вокруг плантации создают влажный барьер, который не пропускает слишком сильные лучи солнца и ослабляет порывы ветра.

Караван «типой»

Ближайшее от Муссого селение Фоари находится неподалеку от проезжей дороги. Таким образом, хозяйственники нашей группы каждый день на трех джипах доставляли продукты в Фоари, а оттуда маленький караван по пешеходной тропе добирался до Муссого с грузом продовольствия, минеральной воды и льда. Самое любопытное происходит, когда мы достаем из бачка лед, успевший за три часа ходьбы по лесу наполовину растаять.

Еще издалека мы видим, как пеший караван поднимается на холм, и сразу начинаем держать пари: сегодня они будут красивые или нет. Они — это девушки-бануну, которые приносят нам продовольствие и воду. Здешние мужчины не могут унизиться до того, чтобы стать носильщиками. А так как все девушки каравана еще не достигли пятнадцати лет и не вышли замуж, им дано право ходить совершенно голыми. Впрочем, когда караван наконец приходит в селение, жажда успевает окончательно нас доконать, и мы уже не в силах любоваться красотой юных, стройных тел. Мы тут же открываем металлические бачки и поспешно вынимаем кубики драгоценного льда. Девушки стоят и смотрят, но едва мы отходим в сторону, с жадностью прикипают к краю бачка; они захлеб пьют ледяную воду на дне, а остаток с хохотом выливают себе на голову и плечи.

После месяца работы мы разбились на две группы. Одна отправилась в район Дивиние, где Большой Патрон снимал фильм с участием итальянских, французских и американских актеров, другая в составе нескольких кинооператоров во главе со мной осталась в прежнем районе, чтобы заснять сцены охоты на буйволов.

Нашим новым средством передвижения в саванне должны были стать типои, и, признаться, когда я увидел их впервые, меня охватил страх.

— Вы не страдаете морской болезнью? — спросил у меня Милле, французский правительственный чиновник и наш неизменный сопровождающий. Его вопрос отнюдь не показался мне странным, так как типой — его большие носилки, которые несут на плечах восемь человек, очень сильных и выносливых, а еще восемь находятся сзади в резерве. Смена носильщиков происходит каждый час. При этом типой

движется не по прямой, а качается во все стороны. Скорость движения беспрестанно меняется и зависит от ритма шагов. Так что крепкие желудок и нервы тут совершенно необходимы.

Крики носильщиков достигают своего апогея в момент «старта». Согласовать действия всех носильщиков — дело отнюдь не легкое. Тут нужны зычный голос, много терпения и выдержки. Увы, я не знал, что и потом крики и вопли не прекратятся ни на миг.

— Беса! Беса! — перекрывая шум голосов, внезапно крикнул Милле. Это сигнал к отправлению, и мы наконец-то трогаемся в путь. В караване пять типоев; каждый из них поочередно несут шестнадцать человек. Далее идут примерно сто носильщиков с грузом продовольствия, оружия, киноплёнки и камер. Замыкают шествие женщины, часто приходящие на помощь носильщикам и дети, которые рады случаю побывать в других селениях.

Едва мы двинулись в поход, вся эта пестрая армада принялась во весь голос распевать песни, чтобы задать ритм движению.

Когда я понял, что шумовые эффекты в пути не ослабевают и, больше того, ими сопровождается каждый новый шаг каравана, мной овладело беспокойство. Придется ли по душе концерт диким животным? Скорее всего они бросятся наутек, и я не найду ни одного буйвола в радиусе ста километров.

Под вечер мои страхи возросли. Мы подошли к селению, цели нашего путешествия. Жители селения по крикам поняли, что караван уже близко, и высыпали нас встречать. До нас донеслись пронзительные звуки рожка. Наши носильщики ответили на приветствие оглушив тельным залпом из ружей.

«Ну теперь все пропало, — подумал я. — От такого концерта разбегутся кто куда не только буйволы, но и муравьи, майские жуки и саранча...»

* * *

Поздно вечером мы собрались в большую хижину, где старейшины селения обычно держат совет.

Нас угостили фруктами, цыплятами, яйцами и... приветственными речами. В ответ мы подарили старейшинам банки мясных и молочных

консервов и пакеты табака.

Встреча закончилась хорovým пением, причем к голосам трехсот наших носильщиков присоединились голоса тысячи жителей селения. На этот раз от криков задрожала не только земля, но и огромная белая луна, повисшая прямо над нами. Я в ужасе подумал, что она вот-вот сорвется с неба и рухнет нам прямо на голову. счастью, этого не произошло, но мои страхи отнюдь не кончились. Шум все возрастал, и я беспрестанно спрашивал себя, выдержат ли нервы бедных животных.

А вот Милле был счастлив: ведь пели и веселились в его честь. В том далеком 1954 году колониальные французские чиновники были полновластными хозяевами во всех районах страны, но, понятно, далеко не каждому удавалось заслужить любовь местных жителей.

— Ну, а если жители недолюбливают своего колониального начальника, что тогда? — спросил я у Милле, когда женщины начали свой танец.

— Формально они могут написать жалобу в столицу и потребовать, чтобы его сменили... Но чаще всего это не дает никаких результатов, — откровенно ответил Милле.

— И тогда?

— Тогда туземцы поступают очень просто и разумно: разбирают хижины, укладывают пожитки и перебираются в другой район, на территорию другого начальника, о котором вначале узнают все до мельчайших подробностей.

— Весьма эффективный метод...

— Еще бы!

— Значит, может случиться так, что правительственный чиновник отправляется «инспектировать» какое-нибудь селение в лесу и вдруг обнаруживает, что оно покинуто... И наоборот, вдруг натывается в безлюдном, диком районе на незнакомое селение...

— Часто именно так и случается, — сказал Милле, и мы снова стали наблюдать за танцующими.

Через земли, где нет покойников

Впоследствии я повидал в Экваториальной Африке множество заброшенных и покинутых селений. Я узнал, что причинами массового бегства может быть смерть вождя племени, эпидемия, либо мор, вдруг напавший на домашних животных. Словом, достаточно туземцам поверить, что над селением витает проклятье, как они тут же перебираются в другой район. Но меня очень удивило, что в стране бапуну я не вижу ни мертвецов, ни могил, ни кладбищ.

Мне вспомнилось африканское селение на острове Диссей, где я был годом раньше. Селение было отрезано от остального мира и цивилизации и словно существовало вне времени, затерявшись в Красном море. Обитателями этого селения были тридцать живых данакил^[32] и пять-шесть тысяч мертвых. Возле берега стояло с десятков хижин, а позади на склонах холмов в крохотных зеленых домиках были могилы умерших. Сотни, тысячи камней, усеявших весь остров; камней больших и маленьких, еще крепких или разломившихся надвое и валявшихся на песке. Самые древние из них разрушило безжалостное солнце, превратив в раздавленный, бесформенный «бисквит».

Под этими бесчисленными камнями лежали покойники островитяне, умершие бог весть когда, покинутые и забытые всеми, и данакил, умершие совсем недавно, о чем говорили свежие приношения. Немногие оставшиеся в живых островитяне были словно придавлены камнями гигантского кладбища, по которому они ежедневно ходили, собирали скопившуюся в каменных трещинах дождевую воду и где паслись их тощие козы и коровы.

Ни разу мне не приходилось видеть с такой зримой наглядностью бег времени, приближение неизбежного конца, когда прошлое довлеет над настоящим, подчиняет его себе. Здесь, на острове Диссей, это господство мертвых над живыми словно получило свое воплощение в мрачной каменной эпопее.

Вот об этом селении я вспомнил в Экваториальной Африке, где не видно было ни одного кладбища или даже могилы. Лишь много позже мне открылся секрет этого кажущегося бессмертия.

В третьем селении, в котором мы остановились на ночлег, как раз происходили похороны вождя племени.

Погребение должно было состояться на следующий день, а пока покойника посадили на стул, приставленный к стволу дерева. Окружившие мертвого вождя женщины ритмично причитали; приходили другие женщины селения и приносили ему разные дары; старухи длинными метелками из обезьяньей шерсти отгоняли назойливых мух. Все утро возле покойного вождя толпились сотни людей. Многие дарили мертвецу одеяла всевозможных расцветок и размеров и разную одежду, которую складывали неподалеку в кучу.

Царила атмосфера не смерти, а сборов в дальнюю дорогу.

— Смерти здесь вообще не существует, — сказал мне Милле.

— Как не существует?

— Для туземцев смерть нечто совершенно сверхъестественное, и они просто не понимают, что это такое. Они считают, что тут замешана магия. Беднягу кто-то усыпил, околдовал, и теперь он не двигается, не говорит, но, конечно же, он не мертвый, а живой.

— Однако они его хоронят?

— Да, потому что их приводит в ужас зрелище постепенного разложения мертвого тела. Однако сама литургия похорон ясно показывает, что бапуну понимают под смертью. Покойника хоронят возле хижины или в том месте, где он обычно ловил рыбу или охотился. При этом его усаживают на некое подобие стула. Словом, он остается там, где жил. У бапуну нет кладбищ в нашем понимании, потому что для них покойник остается живым. Они приносят ему питье и еду, а иной раз и подарки...

Тут в селении поднялся невообразимый шум: несколько мужчин подняли тело усопшего вождя племени, женщины поспешно собрали подаренные одеяла и положили их рядом с покойником. Другие женщины вынесли из хижины вождя одеяла, принадлежавшие ему лично.

— Для бапуну одеяло — символ богатства, — объяснил мне Милле.

Когда покойника завернули в первое из одеял, на миг воцарилось молчание. Потом все снова зашумели, забегали. Вскоре покойник окончательно исчез в целом ворохе одеял, скатанных словно ковер. Ведь в подземной жизни вождю понадобятся все его личные вещи. Поэтому их тоже полагается захоронить вместе с усопшим.

Затем этот весьма своеобразный гроб обвязали лианами.

— Завтра, — сказал Милле, — туземцы шестами поднимут его и, словно носилки, понесут к месту погребения.

— Где же они похоронят старого вождя племени?

— Из песен я понял, что его похоронят у реки. Выроют яму и засыпят ее землей. Очень скоро могила зарастет густой высокой травой, и только по лежащим на земле приношениям можно будет определить, что здесь кто-то похоронен.

— А как долго родные носят еду и воду? — полюбопытствовал я, так как ни разу не видел этих даров усопшему.

— Теоретически годами; ведь культ почитания умерших передается из поколения в поколение. Однако на самом деле все бывает совершенно иначе. Не удивительно, что вы не видели никаких приношений — для, бапуну смерть, как я уже говорил, явление абсолютно непонятное, и они объясняют ее колдовством. Когда в селении умирает вождь или отец семейства, то покойнику приписывают и все остальные загадочные события. Кто-нибудь заболевает, гибнет урожай маниоки, сильные дожди смывают крыши хижин, козы, свиньи и куры мрут от эпидемии, а виновных найти не удается. Тут уж у туземцев не остается никаких сомнений: во всех бедах повинен усопший.

— Усопший?!

— Да, да, он. И тогда к могиле отправляется «делегация» и предупреждает мертвеца: «Хватит тебе мстить нам. Спи себе и оставь нас в покое». Если напасти не прекращаются, покойнику перестают носить еду и воду. Но коль скоро он и после этого «не унимается», происходит нечто невероятное: мертвеца выкапывают и делают ему последнее предупреждение: «Довольно пакостить, не то мы тебя сожжем!» Через несколько дней родные, которые отныне ненавидят своего бывшего отца и мужа всеми фибрами души, складывают дрова в штабель, кладут сверху труп и разжигают костер. Затем они собирают пепел в калекбассу, идут к реке и рассыпают его по воде...

Мы в последний раз посмотрели на чудовищный цилиндр из одеял и снова тронулись в путь. В тот день мы шли без остановки очень долго, и я, несмотря на громкое пение носильщиков, задремал в своем типое.

Внезапно я почувствовал, что кто-то трогает меня за плечо. Типой больше не покачивался.

— Смотри, вон могила, — сказал мне Милле.

На лугу у дороги виднелась крохотная хижина, внутри хижины стояла раскрашенная терракотовая статуэтка, вокруг — вазочки с едой и питьем.

— Это могила близнеца, — единственная, какую можно увидеть в этих краях.

— Могила близнеца?

— Да, по варварской, к счастью постепенно исчезающей, традиции бапуну считают, что рождение близнецов приводит к великим несчастьям. Поэтому сразу после рождения они убивают одного из близнецов и хоронят его в красивой могиле. Они засыпают эту могилу дарами, всячески украшают ее, ибо чувствуют, что совершили ужасное преступление. Больше того, они боятся мести своей жертвы и старательно ухаживают за могилой.

Тяжелый девяностокilометровый переход, два сильнейших ливня, «форсирование» трех водных преград ничуть не повлияли, увы, на певческие способности наших носильщиков и эскорта.

Они пели непрерывно всю дорогу, и я с грустью подумал о том, что только совершенно глухой буйвол способен выдержать такой концерт.

Когда солист издал особенно громкий крик, а хор откликнулся тремями охрипших, но пронзительных голосов, я не вытерпел — соскочил с типоя и завопил сильнее солиста и хора, вместе взятых. Все мгновенно смолкли. Караван остановился, и мы в полнейшей тишине уставились друг на друга.

Милле тоже выскочил из типоя и подбежал ко мне, решив, видно, что я сошел с ума от беспощадных лучей тропического солнца. Он заглянул мне в глаза и успокоительно пробормотал:

— Не волнуйтесь, это бывает, солнце...

— Нет, нет, солнце тут ни при чем. Просто меня окончательно доконали песни и шум. Так не может дальше продолжаться.

Тут же состоялось внеочередное заседание «военного совета», в котором кроме нас с Милле приняли участие также операторы и двое охотников. Мы уселись под тенью большого зонтика, который мгновенно извлек из багажа расторопный Максим, и стали совещаться.

— Как вы знаете, мы путешествуем по саванне, чтобы найти буйволов и снять сцену охоты на них, — спокойно обратился я к

друзьям. — Но если мы и дальше будем двигаться огромным караваном, то ничего у нас не выйдет. Все буйволы разбегутся.

Очевидно, охотники думали то же самое, но не отважились сказать об этом, решив, что мне любопытно постранствовать от селения к селению.

Договорились мы очень быстро: основная часть каравана будет ждать нас в Фоари, а мы углубимся в самое сердце великой саванны — Морорó. С собой мы возьмем одну-единственную палатку, оружие, две кино камеры и несколько носильщиков.

Милле согласился с моим планом и пошел сообщить о нем туземцам. Вскоре мы снова двинулись в путь, на теперь наш «поход» протекал в относительной тишине. Вечером мы сделали привал и стали делить припасы вещи: ведь наутро нам предстояла вылазка в саванну.

Охотничьи приключения в саванне

Мы видели буйволов, снимали буйволов, я охотился на буйволов и однажды мы стали свидетелями поединка буйвола с пантерой. Ежедневные переходы были очень утомительными и в довершение всего нас чуть не растоптало стадо буйволов.

Словом, это были две труднейшие незабываемые недели.

— Хочешь разок поохотиться на буйвола? — предложил мне как-то Васселе.

В полдень мы убили двух антилоп-киду, и Васселе сказал, что я «не так уж плохо обращаюсь с ружьем».

И вот мы одни, без носильщиков, вышли на встречу с «моим» буйволом. Я вооружился винтовкой «манлихер» с оптическим прицелом. Нанни должен был снять сцену моего поединка с буйволом, а Васселе и загонщик — прикрывать нас с флангов.

Сжимая в руке крупнокалиберный «манлихер», я чувствовал себя весьма важной персоной. И в тот самый момент, когда я тщетно подыскивал слова, чтобы выразить переполнявшую меня гордость, неподалеку заколыхалась трава.

— Одиночка! — прошептал Васселе и подал мне знак приготовиться. Я вскинул винтовку, шагнул вперед — в ту же секунду из травы выскочил черный громадный буйвол; я мгновенно выстрелил, но облачко песка взметнулось позади животного. Промаяхнул. Я молниеносно изменил прицел, перезарядил винтовку и снова нажал спусковой крючок. Буйвол упал, но я тоже упал на спину и потерял сознание... Открываю глаза... надо мной склонились Васселе, Нанни и туземец-загонщик. Осторожно поднимаю ногу, ощупываю живот, грудь... Кажется, все цело.

Мои друзья громко смеются.

— Буйвол поддел меня на рога? — спрашиваю.

— Ты сам себя поддел.

Первый раз я промаяхнул, потому что забыл переставить прицел.

Второй выстрел почти в упор был точным, и буйвол рухнул на землю. Но второпях я не приставил приклад к плечу, а выстрелил «с лету». Когда стреляешь из винтовки калибра девять с половиной, отдача бывает очень сильной — задняя часть оптического прицела

угодила мне прямо в лоб и уложила меня наповал, рассекши правую бровь.

Я потрогал рану, из нее сочилась кровь, она нестерпимо саднила. Но лучшим утешением в моих горестях был первый убитый мной буйвол.

— Отличный экземпляр, — сказал Васселе. — Теперь ты можешь гордиться охотничьим трофеем!

Буйволенок

Еще двое суток мы шли по саванне, проходя в день двадцать пять, тридцать километров, а затем остановились в защищенной от ветра долине, где нас наверняка не могли ни увидеть, ни «засечь» дикие звери.

Максим направился к *marigot*^[33] набрать воды в два кожаных двухметровых бурдюка. Подойдя к луже, Максим увидел маленького буйволенка. Бедняга увяз в грязи, и Максим легко его поймал. Он хотел отнести свою добычу в лагерь, что кардинально решило бы проблему ужина и завтрашнего обеда.

Схватив «молочного теленка», Максим понес его и лагерь. Но тут случилось непредвиденное. Пока буйволенок тонул в грязи, он молчал. Однако, едва Максим взял его на руки, буйволенок начал отчаянно реветь, словно взывая о помощи. Через несколько минут Максим почувствовал, что кто-то идет следом. Он обернулся и похолодел от ужаса — за ним молча шла целая сотня буйволов самцов, самок, детенышей. Страх, как известно, заставляет нас проворнее шевелить мозгами. «Раз теленок их позвал, он же их и уведет», — подумал Максим.

Он опустил буйволенка на землю и с величайшей радостью увидел, что тот помчался к стаду и мгновенно исчез в лесу ног. Действия животных подтвердили правоту рассуждений Максима. Едва стаду возвратили заблудившегося буйволенка, оно повернуло назад и скрылось в траве.

Вечером у Максима от пережитого страха поднялась температура. У нас же его рассказ вызвал огромный энтузиазм. Назавтра мы отправились на розыски стада, чтобы заснять его на пастбище.

Мы тихонько крадемся с подветренной стороны. Каждые три-четыре минуты Васселе разрывает очередной пакетик талька, определяя направление ветра.

Розыски продолжаются уже два часа, нас одолевает жажда. «Мы их и через сто лет не найдем», — бормочет Нанни. Я срываю зеленые травинки и жую их в надежде хоть так утолить жажду. Но меня ждет горькое разочарование. И все же мы не сдаемся и решаем продолжать поиски до тех пор, пока не найдем стада или пока не наступит темнота.

Мы с Нанни держимся за Васселе и, вперив глаза в землю, стараемся ступать точно по его следам. Внезапно следы обрываются. Я поднимаю голову и в десяти метрах от нас вижу буйвола-одиночку совершенно гигантских размеров. Черный, длинношерстный, он, похоже, настроен весьма агрессивно. Оставлять его в тылу нельзя.

Васселе неторопливо вскидывает винтовку, а я навожу кинокамеру, в душе проклиная судьбу. Ведь этот выстрел из крупнокалиберной винтовки разнесется по всей саванне и... прощай всякая надежда обнаружить стадо.

Буйвол стремительно ринулся на нас. Первый же выстрел уложил его на землю, и сразу на него с лаем набросились собаки.

Буйвол никак не отреагировал на их укусы, значит, он мертв. Снова воцарилась тишина. Но выстрел был слишком громким и наверняка всполошил весь животный мир саванны.

Внезапно земля у нас под ногами качнулась и дрогнула, носильщики закричали: «Buffles! Buffles!» (буйволы, буйволы), показывая на травы матити, которые заколыхались и легли под невидимой тяжестью. Через несколько секунд в ста пятидесяти метрах от нас появилось стадо буйволов. Всего их было больше ста — больших и маленьких. Выстрел напугал их, и они убежали с пастбища. Однако эхо выстрела дезориентировало их, и животные выскочили из травы совсем рядом с нами. Теперь прямо напротив стояла грозная стена рогов и копыт, умеющих топтать не только землю, но и поверженных врагов.

Мы невольно прижались друг к другу. Вокруг ни деревца, ни укрытия — совсем неподходящее место для встречи со стадом. Если буйволы нападут на нас, нам придется худо.

Охотники вскинули ружья, и, хотя в нашем положении стрелять было совершенно бесполезно, их отчаянная смелость придала уверенности и нам. Я сделал несколько фотоснимков, а Нанни и Циллих включили кинокамеры. Сколько времени прошло в этом неподвижном ожидании?

Секунды? Минуты?

Щелчки фотоаппарата и стрекот кинокамер.

Внезапно маленькие уши буйволов дружно зашевелились. Одна самка рванулась вперед, и за ней помчались галопом остальные животные. Вновь задрожала земля под их копытами.

— Не стреляйте! — крикнул Васселе другим охотникам. Он мгновенно определил, что животные несутся к склону холма. Они галопом промчались мимо нас, могучие, тяжелые, оставляя за собой облако пыли. Когда желтое облако рассеялось, стадо было уже далеко. Мы молча смотрели друг на друга не в силах скрыть испытанного только что страха.

Не теряя ни секунды драгоценного времени, мы поспешно тронулись назад, в лагерь. Наш путь пролегал по границе между лесом и саванной, и однажды нам вновь довелось услышать крик носильщиков: «Буйвол, буйвол!».

Но на этот раз галоп животного был каким-то странным: неуверенным и медленным.

Из леса выскочил буйвол и помчался к саванне. На спине у него чернело овальное пятно. Пантера!

Мы закричали все разом. Пантера напала на буйвола в лесу, но убить его не смогла. Буйвол метался в разные стороны, внезапно становился на дыбы, пытаясь сбросить пантеру, но та мертвой хваткой впиалась ему в хребет.

Секунду-другую буйвол неся по открытому месту, а затем исчез в густой траве.

Конца этой драматической сцены мы так и не увидели: буйвола и пантеру поглотила саванна.

Охотники за пантерами

Несколько дней спустя у меня произошла еще одна встреча с пантерой. Лесная кошка возникла предо мной на какую-то долю секунды. На крутом повороте фары пронзили зеленую стену леса и выхватили на миг черную тень неподвижно лежавшей пантеры. В то же мгновение зверь одним прыжком исчез за деревьями в ночной тьме. Я до сих пор помню зеленую молнию его глаз и распластавшееся в полете тело.

То же самое зеленое сверкание глаз я увидел в глазах пантеры много дней спустя на площади Мабоко, селения неподалеку от Бразавиля. Но это была мертвая пантера, ее четыре лапы были привязаны к столбу, а бессильно свисавшая голова тихонько покачивалась на ветру. Струйка крови на шее была зримой отметиной безжалостного капкана.

Когда мы подошли поближе, в глаза мертвому зверю ударил луч солнца, и мне показалось, что в них тоже сверкнула молния, как у пантеры, отдыхавшей у дороги.

Я много читал и слышал от друзей-охотников об особом отношении Африканцев внутренних районов Конго к этому зверю. Здесь, в Мабоко, я воочию убедился, какое значение придают африканцы поимке пантеры. Подстрелить или поймать в западню пантеру означает для них победить кровожадного и хитрого зверя. Это большой праздник для всего селения. Африканец видит в победе над пантерой торжество своей силы и ловкости, которая выделяет его над остальными односельчанами. Зубы пантеры украшают шею лучших воинов и охотников, шкура пантеры устилает пол хижины вождя племени, хвостом и лапами пантеры обвешиваются колдуны в дни главных празднеств.

Хитрость, бесшумная поступь, сила, отвага пантеры, которая смело врывается даже в селение, делают ее розным символом леса и саванны. В представлении конголезцев пантера — самое сильное из животных, и лучшие воины и охотники стремятся «слиться» с ней. Они утверждают, что у них есть «своя» пантера, верят, что их победы, удачи, вообще вся жизнь неразрывно связана с победами, удачами и жизнью пантеры, которую они однажды встретили и нарекли «своей».

Необычайно важно убить именно эту пантеру, чтобы завладеть всеми ее хитростями и уловками. Если охотнику или воину удастся ее убить, то он считает, что к нему переходят вся ловкость и хитрость зверя, а значит, он становится непохожим на остальных своих соплеменников.

Когда в Мабоко тело пантеры, красное от крови, упало на штабель дров, а шкуру привязали лианами к двум шестам, я легко представил себе, на что пойдут шкура и когти: на амулеты, бусы, одежду. Но мясо? Как охотники селения «завладевают» силой, храбростью и хитростью, которые, по их верованиям, заключены именно в теле пантеры? Возможно, охотники и воины убеждены, что достаточно пронзить пантеру копьем или поймать в западню, чтобы «отобрать» у нее силу.

Путешествуя по Среднему Конго и особенно по земле бапуну, мы на каждом шагу открывали для себя что-то совершенно неожиданное и подчас необъяснимое. Наши впечатления за эти три месяца были, понятно, разрозненными и довольно случайными. Но для тех, кто хочет понять этот исчезающий примитивный мир, возможно, окажутся полезными и «черепки» наших конголезских раскопок.

Киногород в лесу

— Вы должны снять в реке одинокого слона, которого по-настоящему убьют настоящие охотники, — сказал нам Большой Патрон, когда мы вновь встретились с ним в лагере. Это задание опять заставило нас отправиться в трехмесячное путешествие по самым труд-недоступным местам Конго.

После охоты на буйволов мы соединились с основными силами группы, которая раскинула свой лагерь в тропическом лесу. Здесь, в восьмистах километрах от Бразавиля, на берегу речушки Бибака, возник настоящий киногородок. Свыше сорока техников, операторов приехали сюда из разных стран Европы. Одни из них чувствовали себя здесь хорошо, другие плохо, а третьи мечтали только о том, чтобы поскорее удрать отсюда.

Сущим наказанием для всех, нашими безжалостными мучителями были насекомые: мухи, комары, пауки. Серьезной проблемой были, как ни странно, и бабочки. Вечером, когда для съемок зажигались юпитеры, внезапный слепящий свет, казалось, привлекал на «подмости» ночных бабочек всего Конго. Миллионы больших и маленьких бабочек самой разной расцветки. Некоторым разиням и любителям поболтать они даже залетали в рот.

Луиджи Филиппо, один из помощников Большого Патрона, разрешил эту проблему, «соорудив» особую переносную противомоскитную сетку, прикрепленную к шляпе. Сетка надежно защищала его голову и лицо. Издали он казался не то вождем бедуинов, не то жертвой автомобильной катастрофы с забинтованной головой. Его тоже неудержимо тянуло домой. Он приехал сюда, чтобы помочь Большому Патрону поскорее закончить фильм. И вот именно ему выпала редкая «удача» открыть шкаф в своей хижине и увидеть среди белья и вещей здорового питона.

После насекомых, разносчиков всяких болезней, змеи были вторым нашим проклятием. В этих влажных местах их водилось великое множество. Я сам нашел в кухонном шкафу огромную, длиной один метр десять сантиметров, кобру. Она поднялась над банками с маслом, фьясками^[34] с кьянти^[35] и мягкими булками, и злобно шипела. Этот

молчаливый поединок воли и выдержки продолжался до тех пор, пока не прибежал с ружьем наш лагерный администратор Бениньо.

— Ясное дело, ее надо пристрелить, — воскликнул он и первым же выстрелом снес змее голову.

Бениньо прежде был карабинером и служил в Линии. В 1940 году он попал в плен к французам и был интернирован в Среднем Конго. После войны Бениньо навсегда остался здесь. Он перепробовал множество профессий и стал мастером на все руки. Мы познакомились с ним в ресторане и, так как он знал сразу три языка— французский, итальянский и бапуну, решили взять его к себе в лагерь администратором. Впрочем, его знание трех языков на поверку оказалось весьма своеобразным; он говорил на совершенно немыслимом волапюке — смеси итальянского, французского и бапуну. Но этот оригинальный языковой сплав позволял бывшему карабинеру отлично объясняться с французами, итальянцами и особенно с бапуну. А это было для нас очень ценно, и вскоре он стал в лагере весьма важной персоной.

Другим полиглотом, говорившим на невероятной смеси языков, был немец Циллих, оператор, специализировавшийся на съемке пресмыкающихся. Как я уже упоминал, в нашем районе у него был богатейший выбор, и он все свободное время проводил за ловлей змей всех видов и размеров. Свою добычу он держал в большом ящике возле своей хижины. Большого энтузиазма такое соседство у нас не вызывало. Однажды Циллих обнаружил, что неизвестный злоумышленник открыл ящик и, следовательно, выпустил на волю с дюжину питонов и двух кобр. Циллих спасся от линчевания только благодаря честному признанию, что в ящике со змеями он прятал несколько бутылок виски, шампанского и одеколona. Он надеялся, что уж там-то его драгоценности будут в полной безопасности, но явно не учел, что ради такой, богатой добычи в лагере кое-кто готов был пойти на любой риск.

Большой Патрон настойчиво требовал снять с природы сцену купания одинокого слона. Она была одной из самых важных в фильме.

— Найдете вы наконец этого проклятого слона! — гремел он.

Дошло до того, что мы стали строить замысловатейшие, а порой и просто абсурдные планы, как перехитрить слона.

Как-то вечером Циллих предложил срубить несколько деревьев, выдолбить их, посадить в полые стволы оператора и охотника и незаметно подобраться к берегу реки. Тогда-то уж нам удастся застать слонов врасплох. Предложение Циллиха было встречено полным молчанием, и мы притворились, будто вообще не поняли, о чем идет речь.

Наконец Циллих и Нанни вместе с профессиональным охотником Милле и его женой (тоже отличным стрелком) встретили большого слона в двух днях ходьбы от лагеря. Они сняли зверя и затем подстрелили его. Негатив был отправлен в Лондон. Там его проявили, а на следующей неделе мы получили неприятное известие: густая лесная тень дала недодержку и весь труд охотников и оператора пропал даром.

Было от чего прийти в отчаяние... Большой Патрон вообще перестал с нами разговаривать.

Однажды вечером двое бапуну принесли странную весть: они нашли большого слона неподалеку от лагеря. Но слон оказался не живым, а мертвым. Из рассказа туземцев трудно было понять, умер ли слон от старости или же от того, что он упал в яму и клыки застряли в стволе дерева. Возможно, слон был уже давно ранен охотником и теперь умер от ран. Помню только, что, едва весть о мертвом слоне достигла лагеря, мы немедленно отправились, чтобы заснять сцену разделки туши, животного.

Мы углубились в лес, в котором гулким эхом отдавались голоса тысячи бапуну, чудом нашедших гору мяса.

Слон поднялся

Однажды Большой Патрон позвал меня и велел любой ценой отыскать слонов у реки. Я хотел взять с собой Васселе и других охотников. Но, увы, они попали в немилость к нашему режиссеру из-за того, что не смогли найти и подстрелить ни одного слона.

Я знал, что их вины тут нет — просто район поисков был выбран неудачно. Но мои доводы не помогли; на лот раз мне придали одного «профессионального охотника» из Браззавиля, который весьма легкомысленно пообещал «найти слона за неделю».

К счастью, перед самым моим уходом из лагеря меня отыскал Васселе и без всяких околичностей предупредил:

— Не доверяй этому типу, охотник он никудышный. Бели после первого же его выстрела слон не рухнет на землю, значит, рана оказалась несмертельной. Тогда удирай поскорее куда глаза глядят.

Пять дней спустя я по достоинству оценил совет Васселе. В густейшем экваториальном лесу мы внезапно увидели прямо перед собой слона. Он мирно спал, прислонившись к дереву. На какую-то долю секунды я, проводник и «профессионал-охотник» застыли в растерянности. Не успел я подумать, «как же он нас не учуял», как охотник вскинул свой «экспресс» и дважды выстрелил. Голова животного откинулась, словно у боксера, получившего удар в подбородок, но на землю он не упал. Он поднялся на задние ноги и отчаянно заревел, перекрывая эхо выстрелов.

Его могучие передние ноги нависли над нами. Что произошло йотом, я лишь услышал, а не увидел, потому что мгновенно бросился наутек.

Слон падал и снова подымался, его отчаянный рев сливался с треском деревьев, которые он крушил, убегая от нас. Мы же убегали в другую сторону, и каждый при этом думал только о своей шкуре. Из последних сил я карабкался вверх по холму и не остановился даже тогда, когда киноаппарат зацепился за куст и выпал у меня из рук. Постепенно рев слона начал стихать и вскоре замер вдали.

Наступила мертвая тишина. Не слышно было даже обычных криков обезьян, пения птиц и кваканья лягушек.

Я неподвижно лежал под кустом.

— Любопытная встреча, — сказал я большому желтому пауку, висевшему над моим носом. — Да только друзья меня потом за лгуна посчитают. Кто же поверит, что я охотился на слона в тропическом лесу Конго? Они знают, что по натуре я человек осторожный, даже робкий и весьма мало похож на искателя приключений. Правда, им известно, что я отправился в Африку снимать охотничий фильм, но все знают, что это такое. Своего рода стрельба в тире на потеху богатым туристам. Охотники приезжают в заповедник, слезают с машины, углубляются в лес на какой-нибудь десяток метров, два-три выстрела — и вот уже дома у туриста на стене висит драгоценный трофей.

Ни один из друзей не поверит моему рассказу о слоне, с ревом вставшем на задние ноги, а затем крушившем на бегу деревья, словно это были кегли.

Увы, самому мне пришлось-таки поверить этой невероятной истории. Наконец я поднялся и отправился на поиски гида и охотника, также обратившихся в постыдное бегство. «Может, они погибли?» — подумал я.

Но тут раздался свист. Я ответил, и вскоре состоялась «торжественная» встреча. Проводник и «профессионал-охотник» были похожи на мореплавателей, потерпевших кораблекрушение. Оба промокли до нитки. Спасаясь от слона, они бросились в реку, одежда на них была вся изодрана и превратилась в лохмотья. Они спорили и были явно удручены и смущены частично оттого, что при отступлении потеряли сигареты, частично же, что выглядели во всей этой истории весьма неприглядно. Ведь не попасть из «экспресса» в слона с четырех метров — непростительно даже для начинающего охотника. В довершение ко всему оба «героя», несмотря на мои возражения, решили в оставшиеся до заката часы искать раненого слона.

Васселе, предупреждая меня, и, как я теперь убедился с полным основанием, о неопытности «охотника-профессионала», сказал, что особенно опасно преследовать раненое животное. «А с таким горе-охотником это будет настоящим самоубийством», — дважды повторил он.

К несчастью, сейчас мне нельзя было выказывать ни малейших признаков страха: этот охотник способен солгать потом, что слона не удалось заснять по моей же вине. Умолчав о своем бегстве, он в мельчайших подробностях будет расписывать мое.

Я достал из кустов киноаппарат, и мы отправились па поиски. Целых два часа я молча шел по траве за бесстрашными разведчиками». В глубь леса тянулась кровавая полоса, кругом валялись сломанные деревья — следы бегства раненого животного. В этом опасном, бессмысленном преследовании сил мне придавала лишь одна надежда: я смогу запечатлеть сцену расправы расвирепевшего слона с болваном-охотником. Я испытывал величайшую ненависть к этому человеку, который, желая исправить свой промах, втянул меня в безрассудную авантюру. Ведь преследование раненого слона иначе как авантюрой не назовешь.

Наконец совсем стемнело, и охотник признал, что искать дальше бесполезно. Мы вернулись в лагерь, а затем на джипе выехали в город.

Я сразу же отправил подробную телеграмму Большому Патрону, в которой писал, что готов продолжать поиски слонов, только если мне снова дадут в помощники Нанни Скарпеллини и Васселе. Лишь им я доверяю целиком и полностью. Мое требование было принято, и двое друзей на самолете вылетели в Браззавиль. Оттуда вместе с еще одним охотником, Нансеном, мы отправились на север страны.

Лагерь в Ниамбули

После месячного перерыва, вызванного коротким периодом сильнейшей засухи, мы снова углубились в саванну. Тридцать дней мы шли среди желтой, пожухлой травы матити. Наш путь лежал вдоль рек, которые текли по равнине. Нам необходимо было отыскать у реки слона, заснять его и убить. Держась берега рек, мы избегали гигантских пожаров, которые неожиданно вспыхивали в долине из-за адской жары. Животные большими стадами убегали от огня; их тяжелый галоп был слышен еще издали. Мы видели стада буйволов, газелей и слонов. Они тоже искали спасения в реке, и мы шли по их следам в надежде снять их в тот момент, когда они несутся словно нам навстречу. Понятно, такая съемка трудна и небезопасна, но сцены эти украшают любой видовой фильм, зримо показывая, сколько яростной силы заключено в неутомимом беге диких животных. А нам нужно было запечатлеть на пленку эту ярость и силу, чтобы как-то оправдать систематическое истребление человеком диких животных.

Только вера в меткость обоих охотников позволяла! мне спокойно снимать подобные сцены. Когда дикие животные мчатся прямо на нас, нужно обладать редкой выдержкой, хладнокровием, уверенностью и метким глазом, чтобы не дрогнуть. Лишь очень немногие из охотников отваживаются «спровоцировать» буйвола и вступить с ним в поединок, когда он перешел в атаку. Ведь охотник добровольно ставит на карту свою жизнь, причем ни одна из сторон не имеет преимущества в этой смертельной схватке.

Клод Васселе и Нансен принадлежали именно к такого рода охотникам. О первом из них, спокойном, бесстрашном французе, с неизменной улыбкой на лице, я уже рассказывал. Казалось, его забавляла эта опаснейшая «игра». Он был неразговорчив, и, когда мы возвращались в лагерь, вечерами обычно читал в одиночестве.

Второй охотник, Нансен, тоже был весьма своеобразным человеком. Он приехал в Конго из Швейцарии и некоторое время был миссионером. Но Африка изменила его до неузнаваемости: он покинул лоно церкви, женился на самой красивой африканке в стране — «мисс Конго 1948 года», и та родила ему девятерых детей. Он жил в Пото-Пото, туземном квартале города Браззавиля.

Он верил в подлинную Африку и зарабатывал на пропитание себе и семье охотой.

Вчетвером мы шли все дальше к северу, пока не достигли берега маленькой речушки Ниамбули. Здесь мы разбили лагерь.

— Однажды я убил слона возле Банги, — рассказывал вечером Нансен. — Когда животное упало на землю, я с изумлением увидел, что у него не было хобота — он атрофировался, очевидно, еще в детстве... Учти, что слоны в состоянии есть и пить, только помогая себе хоботом. Теперь ты представляешь себе, насколько у них развито чувство стадности и взаимной выручки. Убитому слону было не меньше пятидесяти лет, и все это время стадо кормило его и поило.

С того самого момента, как мы разбили здесь лагерь, определив, что тут легче всего подстеречь этих громадных животных, все разговоры были только о слонах. Потушив керосиновую лампу и завесив вход в палатку противомоскитной сеткой, мы вспоминали давние и совсем еще свежие эпизоды.

А снаружи, прислонившись к деревьям, носильщики тоже говорили о слонах. Слоны, только слоны! Мы следили за ними, искали их следы, пытались определить издали их запах. Все наши мысли были о них, о слонах.

В любой стране, на любых широтах охотники говорят о животных, на которых охотятся, а в Африке это стало даже своеобразной традицией как среди белых, так и среди черных. В экваториальной зоне я познакомился с охотниками-пигмеями, смешанными с банту (теми, кого местные жители называют «банзаби»). Они перед охотой рисовали на стенах хижин изображение животного, которое собирались убить. Тем временем женщины, предводительствуемые жрицей-колдуньей, часами исполняли танец охоты на слонов, беспрестанно повторяя слово «гхо-доо», «гхо-доо», (слон, слон).

Позже, перебирая в памяти этот ритуальный танец и все, что мне было известно об обычаях первобытных охотников всех стран и времен, начиная с изображений быков в пещерах Альтамиры и кончая обычаями пигмеев Конго, я понял, насколько правы ученые, историки и этнографы, отмечавшие, что у первобытных людей охотники всегда старались перед труднейшим единоборством со зверем как-то выразить свой страх и преклонение перед ним. В песнях и танцах они прославляли его силу и отвагу. Быть может, беспрестанные разговоры

носильщиков, да и наши о слонах — это невольное отражение и видоизменившееся повторение тех первобытных ритуальных обрядов, связанных с охотой.

Так или иначе, но перед большой охотой мы ни о чем другом не говорили, кроме как о слонах. Здесь я понял также, что еще до встречи со «своим» слоном охотник все знает о нем, причем в мельчайших подробностях.

Во время переходов, идя по следам слонов, удается разузнать даже о размерах будущей жертвы. По отпечаткам ног можно определить длину, ширину и вес животного; следы грязи на стволах деревьев, где слон чесал себе спину, расскажут, насколько он велик; о длине и силе хобота говорят зеленые ветви деревьев, раздавленные слоном, когда он поедал листья; размер бивней можно довольно точно представить себе по причудливым иероглифам, вырезанным на коре отдельных деревьев, когда животное счищает с бивней грязь и землю.

Ноги, бивни, хобот... так мало-помалу слон, которого вы преследуете, приобретает «лицо» и реальные очертания еще до встречи с ним.

Слоны, как бабочки

Ниамбули — маленькая, прозрачная и глубоководная речушка. Она течет по саванне, но берега ее поросли не высокой травой, а лесом. Кое-где ложе реки становится шире, образуя песчаные островки. Сюда из раскаленной саванны два раза в день приходят на водопой слоны. Здесь, на этих островах, которые жители называют «купальни», мы и пытались их подстеречь. Но сделать это было нелегко: ветер в долине непрерывно менял направление, и слоны, почуяв запах человека, мгновенно обращались в бегство. Пытаясь заснять их с близкого расстояния, мы крались с подветренной стороны, маскировались, но все было напрасно.

Ветер был нашим главным врагом. Мы долгими часами, а иной раз и днями шли по саванне, чтобы отыскать миролюбивых гигантов, и наконец находили их. И тут в самый последний момент налетал внезапный порыв ветра, и слоны улетучивались, словно бабочки. С верхушек деревьев или с обрыва мы видели, как они резвятся в «купальне», и в надежде застигнуть их врасплох быстро и бесшумно спускались к реке. Мы пробирались по густым зеленым лесным галереям; вокруг царила мертвая тишина, которую изредка нарушал далекий крик обезьяны или неприятный шелест крыльев птицы, летящей над самой нашей головой.

Но каждый раз, едва мы достигали реки, нас ждал один и тот же «сюрприз»: слоны, учуяв нас, исчезали.

Охотники обвинили во всем одеколон, которым мы обтирались, и запретили нам пользоваться им. Затем «вина» пала на мыло, которым мы мылись по вечерам, и меня с Нанни заставили отказаться от него. Потом они решили, что нас выдавал запах одежды. Поэтому, едва мы обнаруживали животных, Нансен и Васселе заставляли нас раздеться догола и продираться гольшом через колючий кустарник или ползти в траве. Меня особенно злило, что если слоны, перейдя в контратаку, растопчут нас или прибьют хоботом, то мы отправимся на тот свет в чем мать родила. И тогда экспедиция, отправленная на розыски пропавших, найдя нас в столь неприглядном виде, подумает о нас бог весть что. Однажды после очередной неудачной охоты мы не нашли спрятанной под кустом одежды, и нам пришлось возвращаться в лагерь,

стыдливо прикрывшись руками. Бедняги носильщики были совершенно поражены и окончательно убедились, что мы сошли с ума.

Хитрость с одеждой тоже не помогла. Дни мелькали один за другим, а наш запах неизменно обращал слонов в бегство. Тогда охотники придумали другую уловку: нам предстояло подкрадываться к слонам не только голыми, но и обмазавшись их фекалиями. Сколько мы ни сопротивлялись, Нансен и Васселе заставили нас подвергнуться и этому унижению. Но и это не дало желанных результатов. В тот раз, когда мы подползли к «купальне» в столь странном, дурно пахнувшем «наряде», слоны, по-моему, удрали даже быстрее обычного.

Воды Ниамбули мирно поблескивали на солнце. Гигантские животные бесшумно вошли в прибрежные заросли, а когда мы выползли из засады, они были уже на другом берегу реки.

Поцелуй слонов

Несмотря на все наши неудачи, мы не теряли надежды и чувствовали, что рано или поздно сможем застигнуть слонов врасплох. А пока мы передвигались пешком или в пироге, наслаждаясь сценами из повседневной жизни животных на берегу реки. Эти сцены не были ни красочными, ни драматичными, а следовательно, они не годились для фильма об охоте. Но наверно, эти самые эпизоды позволили Киплингу так поэтично изображать животных в своих книгах. В такие моменты лесные жители совсем не кажутся дикими, они словно «очеловечиваются», и это отнюдь не располагает к охоте на них.

Как-то раз мы увидели на водопое группу старых буйволов. С ними был маленький слоненок, который, очевидно, потерял мать. Когда мы приблизились, буйволы обратились в бегство, не забыв, однако, впихнуть слоненка в середину. Легонько подталкивая слоненка рогами, они заставили его удирать вместе с ними.

Однажды вечером после заката мы заметили в прибрежной листве целующихся слонов. И хотя они были на расстоянии выстрела и наконец-то не услышали нашего запаха, мы не стали в них стрелять.

— Уж очень они далеко были, — сказали оба охотника, и мы с радостью поверили этой очевидной лжи.

У кого поднимется рука убить двух целующихся слонов? Слоны стояли молча, их хоботы сплелись, и они нежно касались друг друга лбами.

Когда прошел месяц с тех пор, как мы начали гоняться за слонами на Ниамбули, я попытался подытожить свои впечатления об этих добродушных толстокожих. Меня поразили не грандиозность, не спокойная сила, исходящая от слонов, а их чувство «коллективности», взаимопомощи.

История со слонем без хобота, рассказанная Нансенем, кажется мне теперь весьма характерной, целиком подтверждающей мои наблюдения.

Было очень интересно выслеживать слонов, но еще интереснее было наблюдать за стадом издали, когда четвероногие гиганты купались и отдыхали от дневной жары.

Всем им не терпелось броситься в воду, но сначала стадо медленно спускалось к берегу под защиту деревьев. Первыми входили в «купальню» самые старые самцы; они поднимали хоботы, словно перископы, и «прощупывали» обстановку. Только затем право спуститься в воду получали самки и слонята. И в самом купании царил дух взаимопомощи. Слоны набирали хоботом воду и по очереди обливали друг друга, а потом все вместе мыли малышей.

При первом же признаке опасности хоботы вытягивались. Слоны пытались «уловить», откуда надвигается угроза. Если надо было спастись бегством, то стадо действовало как единое целое. Малышей ставили в центр, а самцы прикрывали отступление, бесстрашно контратакуя врага.

Меня поражало, как двадцать или тридцать могучих животных умудрялись мгновенно и, главное, бесшумно исчезать в лесу, а затем в густой траве матити. Я сам видел, как они без единого всплеска мчались по воде, стремительно проносились по лугу, но никак не мог поверить в это чудо. Поистине это были не четырехтонные неуклюжие гиганты, а бабочки, стрекозы.

В итоге игра в жмурки каждый раз заканчивалась для нас самым плачевным образом... Переменчивый ветер у реки сводил на нет все наши ухищрения. Слоны-часовые неизменно подавали в решающий момент сигнал тревоги.

* * *

Все изменилось, когда Нансен и Васселе сообщили, что в долине Ниамбули дует постоянный ветер. Этот «тихий уголок» находился посреди реки. В то время как у берега и в лесу ветер беспрестанно менял направление и неумолимо доносил наш «запах» до слонов, посреди реки потоки воздуха не сталкивались, а стремительно неслись вперед, точно догоняя реку, бежавшую к долине. Нам нужно было спуститься вниз по течению; тогда ветер уже не сумел бы сыграть с нами злую шутку и мы смогли бы незаметно подобраться к слонам. Но оставалась одна сложность. В этой части дно было слишком мелким и нельзя было плыть на пирогах. Мы соорудили плот из четырех резиновых матрацев, погрузили на него два ружья и кинокамеру и

отправились в путешествие, которое отняло у нас целый день. Между тем пешком то же расстояние мы одолели бы за несколько часов. Во многих местах дорогу нам преграждали упавшие в воду деревья, опутанные лианами и речными растениями. Это создавало почти непреодолимые препятствия, но мы все-таки сумели пробиться. Продрогшие от холода, посиневшие от долгого пребывания в воде, мы засели в засаду неподалеку от «купальни», где, по нашим наблюдениям, обычно бывало много слонов. От самой «купальни» нас отделяла последняя излучина реки.

Мы прислушались. Кругом царила тишина. Что нас ждет сегодня? Последние сто метров мы проплыли под прикрытием густых прибрежных зарослей, чем сильно затруднили задачу слонам-часовым.

Слоны принимали «ванну». Нас они не слышали и неподвижно сидели в воде. Мы пристали к песчаному островку, осторожно подготовили кинокамеру, оба охотника навели ружья.

Всего слонов было двенадцать. Самцов можно было узнать по более длинным бивням. Малыши утоляли жажду под надежной защитой матерей.

Минут пятнадцать спустя животные вдруг забеспокоились; хоботы стали покачиваться над водой, а затем дружно взметнулись ввысь. Толстокожие «чувствовали» опасность, но им не удалось уловить наш запах; они не понимали, что же происходит.

Внезапно стадо решило, что надо спасаться. Всплеск воды, пенное облако, тревожный рев, и в какую-то долю секунды «купальня» опустела. Остался лишь могучий вожак — он прикрывал отступление стада.

Нансен выстрелил в воздух. Слон увидел нас, грозно затрубил и бросился нам навстречу. Нанни спокойно снимал. Второй выстрел громким эхом отдался среди зеленых густолистных стен. У слона подкосились ноги, и он головой вперед рухнул в воду у самой кинокамеры. Его бивни вонзились в прибрежный песок. Одну-две секунды кончик хобота тихонько подрагивал, словно лаская воду, а потом замер. И тут случилось нечто совершенно неожиданное. Мы больше месяца плыли по реке и ни разу не видели ни одного туземца, кроме наших носильщиков. Этот район считался абсолютно безлюдным, без единого селения. Между тем совершенно незаметно для нас все это время за нами следило не менее сотни бапуны.

Едва сраженный выстрелом слон упал замертво, берег огласился радостными криками. И сразу же к реке из прибрежного леса устремились мужчины, женщины, дети. Они бросились к туше убитого слона, которая по *in* писаному праву принадлежала жителям близлежащих селений. Начался дележ богатейшей добычи. Нам полагались только бивни слона, а остальное — африканцам. Этой обильной еды хватит целому селению на несколько месяцев.

Мы испытывали угрызения совести от того, что убили благородное и смелое животное, но нас утешало, что теперь над бапуну долго не будет витать призрак голода.

Один из бапуну взобрался на лежавшего у берега мертвого слона. Он отрезал у поверженного врага хвост и бросил его мужчинам и женщинам. Это был сигнал. И в ту же секунду все устремились на безмолвную гору мяса. С каждой минутой возбуждение и радость бапуну росли. Они с молниеносной быстротой резали, вспарывали, отрывали куски мяса.

Воды реки Ниамбули темно-красным потоком устремились к низине, и вскоре над этим местом закружились сотни ястребов-стервятников.

* * *

Когда работаешь в кино, надо быть готовым к любым неожиданностям. Но то, что произошло с нами после охоты на слона, было уж слишком.

Мы думали, что в лагере нас встретят, как героев. Ведь мы сняли для приключенческого фильма самый волнующий эпизод. Месяц труднейшего плавания по Ниамбули в поисках слона не пропал даром. Мы ей богу заслужили право на благодарность.

И действительно, Большой Патрон был очень ласков и предупредителен. Он трижды сказал нам: «Молодцы ребятки», что при его общеизвестной нелюбви к похвалам было поистине удивительным. Нам отвели три хижины, удобные кровати с мягкими матрацами, подушками и белоснежными простынями. Мы проспали двенадцать часов подряд.

Когда мы наконец проснулись, к нам пришел один из ассистентов режиссера и сказал:

— А вы знаете, что сцена с убитым слоном, падающим в реку, не понадобилась?

— Как не понадобилась?

— Я хочу сказать, его незачем было убивать в реке.

— Ты с ума сошел! Мне же ясно было сказано, слона нужно непременно убить у берега реки! — воскликнул я. — Ведь актер-охотник должен был стрелять в него с пироги.

— Да нет же, актер стрелял совсем не с пироги, а с земли. Он опасался, что после выстрела пирога может перевернуться.

— Ну и...

— Ну и продюсеры велели снять сцену гибели слона в Риме, на лугу возле киногородка.

— А слон, он тоже был фальшивый? — с трудом сдерживая ярость, спросил я.

— Нет, они нашли дрессированного слона, который умел по команде падать на землю... Актер выстрелил, пам-пам — и дрессированный слон рухнул в траву. Просто замечательная получилась сцена.

Что ж, пришлось мне принять к сведению «приятную» новость и сделать вид, будто я ничуть не огорчен. Теперь вы и сами убедились, что в кино надо быть готовым ко всему, а главное, к тому, что все наши труды; нередко пропадают даром. «Хорошо еще, — подумал! я, — что наша охота обеспечила целое селение едой на несколько месяцев». Я успокоился и стал ждать, когда Большой Патрон даст нам новое задание.

Однажды он вызвал нас и сказал:

— Поручаю вам снять гиппопотамов, спящих на берегу реки. Это нужно для сцены «путешествие доктора по реке». Непременно снимите также момент, когда гиппопотамы зевают.

Не успел он закончить, как мы уже бросились укладываться.

Покидая Дивиние, мы с нежностью поглядели на лагерь. Съёмки фильма заканчивались, и мы уже больше не увидим всех этих хижин и палаток.

Мир речных жителей

Мы снова стали привыкать к жизни в лесу. После охоты на слонов у берегов Ниамбули мы опять плыли по рекам Среднего Конго, Чтобы путешествовать в труднодоступных местах Экваториальной Африки, лучше всего использовать речные пути. Ведь здесь полно больших и малых рек, а неторопливое плавание па пироге позволяет многое увидеть и обдумать.

После Ниамбули мы спустились вниз по Ньянге и Ниари, двум крупным рекам в северных районах Конго. Сливаясь, две эти реки образуют третью — Койлу, которая впадает в Атлантический океан. По Ньянге и Ниари мы плыли на пирогах.

Интересно, что пироги на первой реке маленькие и очень быстроходные: двое гребцов и один пассажир, а на Ниари большие и сравнительно медлительные: десять-двенадцать гребцов и три пассажира с багажом.

Разница в размерах объясняется тем, что большие пироги выдолблены из деревьев-гигантов, которые нетрудно отыскать на берегах Ньянги, текущей по лесу. Но их не найдешь в саванне, с двух сторон обступившей реку Ниари.

Целых два месяца за каждым поворотом реки нас ждало новое открытие, новый необычайный пейзаж, новая неожиданная встреча.

Попав в прибрежные селения, где мы отбирали гребцов, мы впервые познакомились с «речными жителями». К этому времени мы хорошо узнали характер бапуну со всеми их положительными и отрицательными качествами. «Речные жители» — народ батеке — удивили и даже поразили нас. Они привыкли беспрестанно передвигаться с места на место и добывать себе еду на речных пенистых стремнинах, бороться с неукротимой водной стихией, способной в дни разлива затопить целые селения, и с бурными порогами, грозящими опрокинуть не только пирогу, но и большой моторный катер. Речные жители умеют защитить себя от крокодилов и гиппопотамов и уберечь от чужих глаз богатый рыбой район.

Батеке, живущий у реки, силен, смел и решителен; он полон энергии и настойчивости. И хотя он тоже подвержен суевериям и страху, он отличается от всех остальных жителей Экваториальной

Африки. Его — рыбака, охотника и гребца на пироге — мы стремились узнать поближе и запечатлеть на пленку.

В часы наших странствий на пирогах мы вдруг поняли, что очень трудно хорошо узнать тропический лес, когда идешь по нему. Он нависает над вами в хаотическом переплетении деревьев и ползучих растений, давит на вас сплошной стеной зелени. А вот когда плывешь по реке, то все эти деревья, лианы, папоротники, ползучий бамбук, остановленные водой, чинно вытягиваются вдоль берега. Такое впечатление, будто вы попали в огромный английский парк.

День за днем наши пироги рассекают желтую, а подчас даже фиолетовую водную гладь, течение несет пучки трав, листья, стволы деревьев, над самой водой носятся мириады насекомых. Вода здесь не кажется жидкостью, а чем-то твердым, расплавившимся от нестерпимой жары. Время от времени пирога пронесется мимо мостика из ветвей и листьев, — это дерево под тяжестью своего густого зеленого убора склонилось к самой воде.

Проплывая мимо таких зеленых «мостов», гребцы непременно вглядываются в листву. Ведь в ней, возможно, притаился смертельный враг — мамба верде — одна из самых ядовитых змей Африки. Повиснув на ветвях дерева, змея часами покачивается над водой, готовая в любой миг схватить зазевавшуюся рыбу или птицу. Миг томительного ожидания — и вот уже пирога неторопливо плывет дальше. Но не успела миновать одна опасность, как уже надвигается другая — осы! В этих местах водятся огромные черные осы; укуса пяти из них достаточно, чтобы отправить человека на тот свет.

Их гнезда, похожие на гигантские темные груши, слегка подрагивают на ветвях деревьев, склонившихся к воде.

Всплеск воды и шум могут вспугнуть ос, и тогда они дружно устремляются на нарушителей спокойствия.

Внезапно нос нашей пироги уткнулся в ствол затопленного дерева, чуть заметно возвышавшегося над водой. И тут же над нами что-то противно и угрожающе загудело.

— Осы! — пробормотали гребцы и еще сильнее налегли на весла. Это нас спасло.

Издали мы увидели, как над деревом закружилось черное облако... Нам стало не по себе.

— Осы! Черные осы! — снова бормочут батке. Страх придал им сил, и лодка понеслась против течения так, словно дул попутный ветер.

Древний голос леса

Однажды мы слышали грохот тамтамов. Но в этот раз они звучали необычно отрывисто и тревожно, совсем не так, как во время танцев.

— Это телеграфные тамтамы, — сказал Васселе.

— Что значит телеграфные? — спросил Нанни.

— Они передают новости, важные сообщения.

— А нельзя ли познакомиться хоть с одним из этих барабанщиков. Мне давно хотелось узнать, как устроены эти лесные «громкоговорители».

— Почему же нельзя, можно, — ответил Васселе.

По воде звук разносится лучше, более четко. Поэтому в прибрежных местах еще есть немало туземцев, которые умеют передавать новости по тамтаму и принимать чужие сообщения.

Вскоре мы увидели неподалеку хижину и пристали к берегу. В селении никого не оказалось, все мужчины и женщины были в поле. Лишь в одной из хижин сидели старик и его сын. Старик был «телеграфистом» и поэтому не мог никуда уйти. Он должен был принимать и передавать сообщения других тамтамистов. Именно он поддерживал связь между прибрежными селениями и людьми, работавшими на полях маниоки. Его «инструмент» — полые стволы деревьев с разрезом в центре — стоял на берегу реки, неподалеку от хижины. Старик передавал новости, ударяя по самому крупному стволу гибкими колотушками, вырезанными из веток деревьев.

— Многого теперь не передашь, — объяснил он. — Никто больше не умеет подолгу «работать» на тамтаме. Да его и не поймут.

Старик знал французский. Мы заговорили о тех временах, когда туземцы ежедневно передавали по «ударному телеграфу» даже просьбу белых наместников о присылке муки, медикаментов, снаряжения. Но потом с повсеместным распространением настоящего телеграфа и особенно транзисторов эпохе тамтамов пришел конец.

И в этом случае африканские традиции и культура не выдержали натиска машин. Больше того, тамтамы ушли в «подполье», теперь ими пользуются главным образом тайные секты, которые руководят приготовлениями к празднику посвящения юношей в мужчины.

— Нынешняя молодежь, — с обидой в голосе сказал старик, — проводит свободное время в конторе француза-управляющего. Слушают там радио. Они говорят, что тамтамом теперь пользуются одни дикари. А ведь раньше тамтам возвещал о всех праздниках, танцах, похоронах, бедах, даже о войне.

Танец посвящения в мужчины

Однажды вечером, плывя по Ньянге, мы услышали протяжные звуки тамтама, возвещавшие о ритуальном танце. Барабан бил часа два-три, потом умолк. Мы с досадой подумали, что упустили возможность увидеть редкостное и крайне интересное зрелище. Но нам повезло. Когда наследующий день наши пироги пристали к берегу в излучине неподалеку от селения Муаре, собственно даже не селения, а нескольких жалких хижин, в лесу мы увидели множество людей. Почти все были в соломенных одеяниях, украшенные перьями. Мы поняли, что празднество еще не кончилось.

— Le sorcier! Voilà le sorcier!^[36] — воскликнул один из наших гребцов-батеке, показывая на человека, который отдавал какие-то распоряжения группе ребят и барабанщиков. Но раз здесь был «колдун», значит, готовится танец посвящения в мужчины. А он особенно интересовал меня. Я набрался храбрости и попросил у колдуна разрешения остаться на празднестве и заснять его.

Похоже, я выбрал не самый удачный момент, чтобы непосредственно обратиться к колдуну. Ведь он, если так можно выразиться, был в парадном мундире и при исполнении служебных обязанностей. А по местным обычаям, в такие минуты к нему нельзя подходить: он священен и неприкосновенен. Я же не только подошел совсем близко, но и угостил его сигаретой. Все же колдун, на мое счастье, оказался совсем не формалистом. Он взял сигарету и любезно сказал: «Мерси». Он хорошо говорил по-французски, и я, расхрабрившись, спросил у него:

— Нельзя ли нам посмотреть танец посвящения в мужчины? Потом каждый получит подарок.

Колдун без малейшего колебания согласился. Я подал знак Нанни, и мы принялись выгружать с пирога кинокамеры, треножки, звукозаписыватели, фотоаппараты. Теперь мы готовы были встретить во всеоружии начало длинной церемонии, которую до сих пор никому не посчастливилось заснять.

В каждом обществе юношу посвящают в таинства религии или особого ритуала.

Обрывки школьных знаний позволили мне все же вспомнить, что у древних римлян юноша становился полноценным мужчиной после церемонии «*toga pretexta*». У христиан юноша приобщается к таинству мессы на первопричастии. Повсюду переход из безмятежного мира детства в сложный мир взрослых сопровождается торжественным церемониалом. Если говорить об одних только племенах и народностях, у которых еще сохранились первобытно-общинные отношения, я лично был свидетелем самого невероятного ритуала посвящения в мужчины.

В Южной Америке среди индейцев оаба, живущих у берегов Амазонки, я видел, как юношей подвергали своеобразному испытанию храбрости. Их тела обмазывали медом, а затем они ложились на землю и беспрепятственно позволяли полчищам красных муравьев, привлеченных запахом меда, до крови искушать себя. На меланезийском острове Пентекост («троицын день») мне довелось увидеть, как юноши бросаются вниз головой с деревянной башни. При этом их лодыжки связаны лианой, которая натягивается словно струна и останавливает падение в нескольких сантиметрах от земли.

У африканских племен танец посвящения сопровождается прерывистыми ударами тамтамов, точно передающими то в жалобных, то в радостных звуках мужество и стойкость юноши, боль при обрезании у мальчиков.

Перед днем посвящения в мужчины колдуны надолго уводят юношей в самые глухие леса; все это время они не имеют никакой связи с родными. Возвращение юношей в селение — повод для шумных празднеств. У «кандидатов в мужчины» вся эта сложная и долгая церемония посвящения вызывает состояние, близкое к трансу.

На танцах обычно присутствуют все жители селения; лишь в редких случаях «зрителями» могут быть одни только мужчины. Так, танец посвящения в селении бапуну на берегу реки Ньянга смотрели только пожилые мужчины и старики.

Хранитель тайн ритуала, иными словами главный колдун, руководит обрядовым празднеством. Ритуал включает в себя начальный танец в сопровождении тамтамов и затем три испытания.

Ранним утром юноши должны доказать свою ловкость. Они преодолевают бурную стремнину, перепрыгивая с камня на камень. При этом на них не должно попасть ни единой капли. Потом наступает момент «танца жертвоприношения». Под звуки тамтама вперед

выступает колдун с копьем в одной руке и с гарпуном— в другой. Танец длится все утро, четыре-пять часов. Колдун танцует, а посвященные не отрывают глаз от своего наставника и старательно подражают каждому его движению. Они не должны пятиться и жмуриться, когда копьё едва не касается их лица, навсегда обезображенного татуировкой. Это испытание мужества.

А затем зрители становятся свидетелями «смерти» юноши и его «воскрешения» — теперь уже полноправного мужчины. Это самый патетический момент обряда.

Уже на закате в полнейшей тишине чрезвычайно пластично юноши имитируют свои детские игры; они сплетают гирлянды, собирают цветы. Внезапно за спиной у них вырастает вооруженный человек и ударяет каждого тупым концом копья.

Тишина становится гнетущей. Юноша слышит учащенное дыхание взрослых, его дурманит запах особых трав, и он уже не сознает хорошенько, игра ли это, или ему действительно суждено умереть.

Тревожный грохот тамтамов все нарастает, нервы юноши не выдерживают, и он в глубоком обмороке валится на землю. Подходит главный колдун, осторожно приподнимает «мертвеца», открывает ему веки и начинает бормотать слова заклинания. И вот юноша чудесным образом воскресает. Теперь он полноправный мужчина, и ему открыт доступ в мир взрослых.

Бог водопада

Примерно месяц спустя мы добрались до реки Койлу. И здесь нам довелось сыграть с гиппопотамами в «откажись или удвой ставку». Не успели мы заснять на одном берегу двух зевающих гиппопотамов, как на другом показалось четверо громадных любителей позевать. Мы лихорадочно погребли к противоположному берегу, но в тот же миг на оставленном нами берегу показалось восемь гиппопотамов, пускающих пузыри из ноздрей.

Два... четыре... восемь... ставка все возрастала. Но тут Нанни объявил, что чистой пленки больше нет. За полчаса мы отсняли триста метров, более чем успешно выполнив задание Большого Патрона.

Но очень уж нам понравилось неторопливо путешествовать по рекам Конго. Мы запросили у нашего патрона разрешения продолжить съемку и получили высочайшее дозволение. Теперь нам предстояло снять редких, птиц, водопады, красивые пейзажи, глухие селения. Мы пополнили наши запасы продовольствия, соорудили из двух пирог большой плот, на который сумели даже погрузить палатку, радиопередатчик и водоочиститель. Отлично снаряженные и приобретшие богатейший опыт плавания, мы были готовы теперь к путешествию в самые труднодоступные районы страны.

Убаюканный покачиванием плота и песней гребцов, я безмятежно глядел вокруг, забыв обо всем на свете. Такие минуты полнейшей тишины и отрешенности от житейской суеты позволяют нам проникнуть не только в «географическую» суть исследуемой страны, но и в ее обычно сокрытые от глаз неповторимые особенности.

Буйное цветение зелени, которая, отражаясь в водах реки, словно удваивается, лучше тысячи книг говорит нам об абсолютном торжестве природы над разумом, потрясенным ее могуществом. И мы впервые замечаем, что великие силы, управляющие повседневной жизнью людей, животных и растений, сводятся здесь к трем основным, изначальным стихиям — воде, огню и воздуху.

Дождь тут похож на наводнение. Вода обрушивается на землю яростно, свирепо. Лес мгновенно превращается в болото, каналы и реки взбухают, вздуваются, весь пейзаж становится неузнаваемым. Здесь ливень несет с собой разительные перемены. Переход от сезона

«засухи» к сезону дождей происходит совсем не так, как у нас: по своей быстроте и яростной силе его можно сравнить с катаклизмом.

Дремотная желтая степь через каких-нибудь три часа после ливня становится сверкающей зеленой равниной. И вот уже двухметровые травы матити золотятся под лучами солнца. Тучи на небе, словно паруса, то надуваются от порыва ветра, то вдруг исчезают. Они полновластные хозяева этого бескрайнего континента.

Когда солнце заходит, а земля погружается в полутьму, солнечные лучи еще освещают перистые облака, — и от них вздымаются к небу тучи розового пара. Это самые приятные часы знойного африканского дня.

Постепенно тучи становятся свинцово-синими и тают, растворяются в ночной черноте; но стоит разверзнуться небесам и сверкнуть молнии, как на миг они вновь предстают нашим взорам. Деревья под ударами ливня пригибаются к самой воде, умолкает песня гребцов: они отчаянно работают веслами, ища прибежища на ближнем берегу. Между дождем и солнцем нет промежуточной стадии. Едва исчезает солнце, начинается дождь. Беспощадный ливень может с невероятной быстротой затопить землю, лес, селения, саванну, а уже, через пять минут появляется солнце, и под его лучами столь же стремительно все высыхает.

Достаточно вспышки молнии, чтобы в лесу и в саванне начались гигантские пожары. Туземцы любят эти пожары, когда в лесу с треском загорается огонь. Ведь леском поднимается густой белый дым и, видно, как пожар пожирает большущие деревья и «выжигает» готовое поле для посева маниоки. В эти часы над под языки пламени лениво и равнодушно лижут листву. Шум, крики, рев животных заглушаются треском горящих сучьев и грохотом деревьев, падающих на ложе из золы. Также яростно бушует пожар и в саванне. В сезон засухи вы можете увидеть в саванне бесформенные черные рубцы. Достаточно легкого порыва ветра, чтобы к небу взметнулись облака золы. Если район обитаем, то нетрудно заметить в этой пустыне золы и пепла движущиеся тени. Это женщины батеке и бапуну ищут мышей, ящериц, кузнечиков и змей, погибших во время пожара.

В прибрежных районах ливневый дождь иной раз выпадает и в период засухи. Я сам был очевидцем такого внезапного ливня, когда плыл на пироге по реке Ниари. Дождь шел целый час, потом ветер унес

тучи, и дождь перестал. По мере того как солнце все сильнее и жарче ласкало землю, повсюду вновь пробуждалась жизнь. Запели птицы в прибрежном лесу, запрыгали по ветвям обезьяны, заметались по воде насекомые, зашуршали в листве большие зеленые и желтые ящерицы. Все, кто на время дождя попрятались где и как смогли, ожили, едва снова взошло солнце.

Бог откладывает яйца

Самым любопытным персонажем среди наших гребцов был наш рулевой Бумба из народа батеке. Он был признанным и неоспоримым главой экипажа. Бумба целый месяц избегал вступать с нами в беседу. Не помогли ни сигареты, ни банки замороженного пива, которыми мы его старательно угощали.

Но однажды он чуть заметным прищуром глаз подсказал мне очень интересную для съемок сцену. Вскоре я понял, что любой его знак надо ловить на лету. Так начался наш молчаливый стговор, который со временем перерос в настоящую дружбу. Именно Бумбе я обязан тем, что узнал такие подробности о жизни местных жителей, которые постороннему наблюдателю почти невозможно подметить. Бумба был человеком дела, практичным и беспокойным, меньше всего склонным к созерцательности. Но даже в нем поражала слепая вера в добрых и злых духов и весьма нелепое истолкование многих явлений природы.

Как-то раз мы отправились с ним к громадным водопадам Амебара. По дороге он рассказал мне много любопытного об этих водопадах. Сказал, что они очень красивы и могучи.

— А ты знаешь, что эти водопады есть бог.

— Бог?! — изумился я.

— Да, да, бог! Скоро ты сам увидишь! — повторил он.

Когда мы подплыли к водопадам, бурливым и адски шумным, то сразу поняли, что то место, где вода с грохотом обрушивалась на дно, батеке считают заколдованным. Они смотрели на пенящийся поток с ужасом и священным трепетом.

Бумба подошел ко мне и, перекрывая шум воды, крикнул, показывая на бурлящий поток;

— Вот бог реки!

— Значит, в этом водопаде живет бог? — сказал я, притворяясь, будто не совсем ясно понял его.

— Нет, сам водопад — бог! Не веришь? Тогда иди за мной! — с вызовом ответил он.

Мы вылезли из лодки, и Бумба повел меня по узкой тропинке к началу водопада. Наконец мы вышли на маленькую поляну, своего рода естественную сцену, кулисами которой служили деревья, а задником —

стены водопада. В густой высокой траве лежали гладкие, «обструганные» водой камни. Сбоку на деревянном столбе висел череп. Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что это череп; от влажности он весь порос мхом и лишайником. Но потом я все же догадался, что это череп гиппопотама с огромными зубами. Бумба показал на круглые, гладкие камни и, широко раскрыв глаза от страха, что всевышний покарает его за выдачу священной тайны, крикнул мне:

— Ты хотел увидеть бога водопада, смотри же, вот его яйца!

Я посмотрел на гладкие камни, а он добавил:

— А раз это его яйца, то, значит, есть и он сам.

Я подумал, что давным-давно кто-то из жителей нашел эти совершенно круглые, обточенные водой камни и принял их за гигантские яйца. Должно быть, тот человек был одновременно безмерно испуган и рад своему открытию, наглядному доказательству существования бога. Я посмотрел на Бумбу и увидел, что он счастливо улыбается. Ему было приятно, что теперь я сам убедился, что он, Бумба, говорил правду.

Впрочем, простодушные жители этих мест столь непонятное и величественное явление природы не могли не приписать сверхъестественной силе. Они не знают культа загробной жизни, поклоняются лишь одному божеству— природе во всех ее проявлениях, и потому не испытывают страха перед потусторонним миром. Все их верования связаны с тем, что их окружает. Бог водопада — наглядный тому пример. Реальность и иллюзия сливаются в этих лесах в единое целое, в один всеобъемлющий страх и суеверие.

Секта «людей-крокодилов»

Под водительством того же Бумбы мы добрались па наших пирогах до реки Лутсила. Внезапно мы увидели, что в прибрежной траве что-то шевелится. Это были три крокодила, или гавиала, как их называют местные жители. Они выползли на песчаный берег и с невероятной быстротой исчезли в реке. Наши гребцы тут же стали оживленно о чем-то переговариваться. Я слушал их, ничего не понимая, но по жестам предполагал, что разговор идет о прожорливости и кровожадности гавиалов. Однако я ошибался. Речь шла не о самих крокодилах, а о перевоплощении людей в крокодилов. Из рассказов Бумбы и других я узнал, что в Среднем Конго, да, пожалуй, и во всей Экваториальной Африке, считают, что крокодилы — это подводные пловцы, очень злые и опасные. Время от времени они будто бы покидают родные селения и превращаются в крокодилов, чтобы беспрепятственно удовлетворить свои кровожадные инстинкты! И в этом случае тесно переплетаются реальность и магия. Туземцы хотят найти виновников всех своих бед, и неудач. Но они не придумывают фантастических существ, а наделяют магическими свойствами и властью существа, которые повседневно их окружают.

На берегу конголезской реки Бибака я познакомился с негром Кибангу. Сейчас он «начальник земель» в районе Дивиние. В молодости Кибангу был простым рыбаком. Однажды он плыл на своей лодке вдоль берега; внезапно крокодил ударом хвоста опрокинул лодку и утащил Кибангу на дно. Кибангу, то ли парализованный страхом, то ли благодаря необычайному мужеству и умению долго держаться под водой, замер и не пытался вырваться. Убедившись, что жертва не сопротивляется, крокодил решил, очевидно, что человек мертв, и не стал его заглатывать сразу. Он опустился на дно и уложил Кибангу в грязь у затонувшего ствола дерева с явным намерением полакомиться своей добычей попозже. Кибангу несколько мгновений лежал неподвижно, а когда гавиал был уже далеко, выплыл на поверхность и сумел, добраться до берега. С тех пор местные жители уверились, что Кибангу — глава секты «людей-крокодилов». Ведь ему удалось уйти целым и невредимым из пасти-кровожадного гавиала. Все стали относиться к нему с величайшим почтением, и одно его появление

внушало священный трепет. Кибангу воспользовался этим и за короткий срок стал шефом двенадцати селений. Его влияние распространяется на район Дивиние, по размер рам не уступающий Ломбардии. А это, право же, совсем не так мало для человека, доблесть которого заключается, в том, что он две минуты пробыл под водой.

Несколько дней спустя мне удалось побеседовать с Кибангу. Переводчиком нам служил Бумба. Он «представил» мне Кибангу с той же гордостью, с какой показывал белые отполированные камни у водопада. Его взгляд словно говорил: «Видишь, какое тебе еще нужно, доказательство, что «люди-крокодилы» не выдумка? Ты мне должен верить всегда и во всем, понял?» Последующие месяцы мы в самых различных местах слышали о «людях-крокодилах». Если какая-нибудь женщина исчезла из селения и родные потом узнают, что она оступилась и упала в реку, когда стирала белье, они ее не оплакивают. А если ее схватил и якобы утащил под воду крокодил, то ее вообще не считают погибшей.

В этих случаях все знают, что речь идет не о неожиданном несчастье, а о заранее подготовленном похищении молодой женщины, которую затем продают в публичные дома. Все такого рода похищения приписываются секте, «людей-крокодилов».

«Люди-крокодилы» — они и в самом деле существуют, но только это совсем не земноводные существа, а просто преступники. Пользуясь суевериями и страхом крестьян, они бесстыдно обогащаются...Если даже кое у кого из жителей селения возникает подозрение, что его жену или дочь похитили «люди-крокодилы», он не рискнет протестовать из боязни мести.

Десять лет спустя, в 1963 году, я отправился в Нигерию. Я собирался написать серию статей о стране. Это была все та же Экваториальная Африка, но она сильно изменилась, шагнула далеко вперед по пути цивилизации, ряд стран обрел полную независимость. Мне даже в голову не приходило, что и здесь, в Нигерии, многие испытывают тот же страх перед сектой «людей-крокодилов». Я уже рассказывал о Лагосе. Прямо к лагуне подступают современнейшие небоскребы, а с ними мирно соседствуют сотни примитивнейших хижин, построенных на сваях. Но и в небоскребах и в хижинах жители

больше всего интересуются джазовой музыкой, льющейся из транзисторных приемников, и передачами местного телевидения.

Собственно, я приехал сюда, чтобы рассказать об Африке образца 1963 года с ее смешением твиста и тамтамов, духа перемен и древних анимистических верований.

Вместе с одним моим старым другом, местным жителем, мы бродили по фабрикам и министерствам, встречались с профсоюзными деятелями, писателями, депутатами, промышленниками. Мы осмотрели рынок, порт, центр города, бидонвилли, суды, виллы в английском стиле. Каждый вечер мы отправлялись в ночные клубы посмотреть, как веселятся жители Лагоса. «Цивилизованный» африканец, житель столицы, любит потанцевать и выпить в шумной компании под звуки джаза.

В этих ночных клубах я впервые увидел девушек народа йоруба, попавших сюда из селений на сваях. Их сразу можно было узнать: они были самыми красивыми.

— Эти девушки попали в город после того, как семьи продали их секте «людей-крокодилов», — сказал нам друг африканец.

Я вздрогнул, услышав спустя столько лет о «людях-крокодилах». И это в Лагосе 1963 года?!

— Это очень грустная, трагическая история, — продолжал наш друг, — хотя власти упорно отрицают сам факт существования секты.

— Чем же так опасна эта секта? — спросил я, притворившись, будто ничего о ней прежде не слышал.

— О, да это настоящие преступники. Они пользуются страхом и предрассудками рыбаков.

В тот же день я отплыл из Лагоса на моторном катере. Целью моей поездки были селения на сваях и большой лагуне. Я задался целью побольше разузнать, о секте «людей-крокодилов».

По мелководной илистой лагуне, которую отделяет от океана длинная насыпь, можно проплыть на катере не одну сотню километров. В центре лагуны два века назад португальцы основали Лагос, ставший теперь столицей республики.

Окружающие столицу лагуны — это запутаннейший лабиринт каналов и озер на границе между Нигерией и Дагомеей. В ходе нашего длительного путешествия мы даже пересекли границу между двумя государствами и наконец причалили к пристани Ганвие — самого

крупного и красивого городка на сваях, насчитывающего двадцать пять тысяч жителей.

Уже в пути моряки катера рассказали мне кое-что новое о секте «людей-крокодилов». Слушая их рассказы, я понял, что они мало чем отличались от рассказов Бумбы. С той только разницей, что это было десять лет назад и в трех тысячах километров от Лагоса. Конечно, моряки-нигерийцы были значительно более развитыми. Они знали, как завести мотор, и носили рубахи и брюки, И все же их верования и предрассудки были глубоки.

«Люди-крокодилы», с полной убежденностью говорили мне моряки, — это помесь человека с животным. Точнее, это души умерших людей, переселившиеся в туловище крокодилового и страшного крокодила. Слияние души человека с телом животного породило особые, грозные существа, которым доступны любое колдовство и магия. Им надо безоговорочно подчиняться, иначе жди бед и непогоды. А раз люди до сих пор верят в подобные легенды, то группе бессовестных мошенников удастся беспрепятственно наживаться.

В Лагосе и близлежащих лагунах мнимые колдуны выдают себя за «родственников» священных крокодилов. Они создали тайную секту со своими законами и правами. Это настоящая мафия, которой все должны платить, если не хотят навлечь на себя несчастья.

Так благодаря молчаливой покорности одних и скрытой поддержке других эта африканская мафия творит свои преступления.

Во время долгого плавания по лагуне, в водах которой отражались небоскребы и сваи, мы полностью выяснили взаимосвязь между преступной деятельностью секты «людей-крокодилов» и появлением в ночных клубах Лагоса девушек-йоруба с желтыми лентами в волосах. Эти красивые девушки из селений на сваях действительно попадают в город по «контракту», заключенному между одним из членов секты и семьями бедняков. Этот «семейный» характер сделки отличает ее от того, что я увидел десять лет назад в Среднем Конго.

Здесь, в Нигерии, речь идет не о насильственном похищении, а о самой настоящей продаже девушки ее бедняками родителями. Разница весьма велика, но трудно сказать, что хуже: похищение или добровольная продажа. Я думаю, второе.

Страх перед сектой, нищета и множество дочерей заставляют родителей избавляться от наименее ловких в домашней работе и

рыбной ловле. Очень красивые девушки, пусть даже совсем юные, особенно интересуют «людей-крокодилов». Со своей стороны родители жертвы после ее исчезновения должны как-то спасти честь семьи. И тогда они начинают всем рассказывать, что их дочка «вернулась к предкам», иными словами, что она ушла в воду и ее проглотил «священный крокодил». Подобное событие не горе, а величайшая радость для семьи. Сразу же устраивается праздник с песнями, танцами, молитвами. Отец погибшей приносит дары лагуне, а над входом в хижину вешают деревянную фигурку крокодила. Таким образом семья не только избегает позора, но и удостаивается высокой чести породниться со «священным крокодилом».

Тут, увы, нечему удивляться. Даже самые развитые страны Африки по сей день остаются неисчерпаемым источником для таких не слишком веселых историй.

— А вы не хотите снять юношей, которые приносят живые дары своим предкам, превратившимся в крокодилов? — спросил меня чиновник отдела туризма Верхней Вольты.

— Конечно, хочу, — ответил я, уверенный, что это тоже как-то связано с сектой «людей-крокодилов».

Два дня спустя мы прибыли из Уагадугу в указанное нам селение. Я думал, что оно затерялось в одном из самых безлюдных, глубинных районов, и очень удивился, когда узнал, что оно лежит на центральной дороге между столицей республики и городом Бобо-Диулассо.

Цивилизация пришла в каждую хижину этого селения в виде радио и транзисторов. Есть здесь даже бар и бензоколонка, но и тут слепо верят в «людей-крокодилов». Больше того, их почитают и даже приносят им жертвоприношения.

Нам посчастливилось заснять эту необычную сцену. В большом пруду на краю селения я увидел, как проявляется «дружба» между юношами и их «предками» — И «священными крокодилами». Эти крокодилы привыкли получать пищу из рук ребят: обычно цыпленка или курицу. Юноши приходят на берег и начинают громко звать крокодилов по имени, точнее, по имени предков, душа которых переселилась в крокодила. Привлеченные отчаянным кудахтаньем кур и писком цыплят, крокодилы всплывают и спешат получить «подарок».

«Здесь живет отец моего отца», — сказал один из юношей, показывая на илистую лагуну, на поверхности которой покачивалось бревно. Но оказывается, это было не бревно, а голова «священного крокодила». Над водой торчали лишь его ноздри да глаза.

Многоуважаемый предок ждал, когда наступит час обеда. Едва юноша вынул из корзины отчаянно орущего петуха, сразу оживший ствол дерева заскользил по воде, выбрался на песок и распахнул пасть в ожидании положенного ему дара. В сильнейшем изумлении мы засняли эту довольно необычную сцену, которая повторилась с другими юношами и с другими крокодилами. Нас поразило, что крокодилы узнавали своих юношей, которых ничуть не пугали оскаленные пасти животных. Вдруг один из крокодилов увидел на берегу поросенка. С неожиданной быстротой и ловкостью хищник выполз из воды и бросился в погоню. Ему наверняка удалось бы настичь свою жертву, если бы мы не стали на защиту бедняги поросенка. Схватив камни и гальку, мы стали метать ими в крокодила. Один из камней угодил крокодилу в голову, и тот, испугавшись, обратился в бегство.

— Мосье, мосье!

Наше нападение на крокодила встревожило ребят. Они подбежали к нам и отобрали камни. Старший из мальчишек со слезами на глазах и с обидой в голосе крикнул, показывая на удиравшего в пруд каймана:

— Не надо, мосье, не надо! Это мой дедушка!

Его дедушка. Мне ничего другого не оставалось, как подарить мальчугану сто франков «репарации» за оскорбление, нанесенное его кровожадному предку.

Кочевники побережья

Закончив во время своего пребывания в Лагосе серию журнальных очерков о секте «людей-крокодилов», я смог наконец побывать на морском побережье и в лагунах— родине рыбаков-эве (ewe). До этого я не раз попадал в селения рыбаков-эве на берегу Атлантического океана. Эти селения можно встретить в Западной и Экваториальной Африке в устье Конго и в Гане, на побережье Габона и в песчаных бухтах дагомейской реки Рей. Это скорее даже не селения, а изолированные группки из немногих семей с несколькими хижинами и большими черными каноэ, на которых рыбаки бросают вызов океанским волнам. Меня всегда удивляло и занимало, что крохотные группки рыбаков-эве живут на расстоянии двух-трех тысяч километров одна от другой. Но когда, поговорив о рыбах, рыбной ловле и сетях, я спрашивал у моих собеседников, откуда они, то неизменно слышал в ответ: «From Nigeria»^[37]. Даже если рыбаки-эве жили в районах, где наиболее распространенным европейским языком был испанский или французский, они говорили только на английском. Это лишний раз доказывало, что все они родом из Нигерии. И вот теперь, когда я снова попал в Нигерию, мне захотелось посетить родные селения этих кочевников побережья и, пожалуй, лучших рыбаков в мире^[38].

Мне сказали, что я найду такие селения к востоку от Лагоса. Все они раскинулись на белом песчаном берегу; там даже в дни штиля волны Атлантического океана набегают с глухим грозным шумом. А когда в океане начинается буря, то морские валы добираются до пальм и кажется, будто океан вот-вот затопит все побережье. Ветер обрушивает на берег пену и брызги, и он весь окутан густым молочным туманом.

Но спокоен океан или гневен, рыбаки-эве каждый день выходят на рыбную ловлю. Когда смотришь, как они прорываются на пироге через волны, а затем в бурю возвращаются с уловом на берег, то захватывает дыхание.

В эти драматические минуты в селении замирает всякая работа; все женщины и ребята бегут на берег, готовые помочь стремительно приближающейся пироге. В такие мгновения гребцы моментально определяют интервал, с каким волны набегают на берег,

чтобы «промчатся» на гребне самой высокой волны: тогда за спиной у них останутся менее мощные и не столь опасные. Края волны остры как лезвие ножа, а в самом центре волны пирога, подгоняемая отчаянными усилиями десяти гребцов, несется точно со скоростью воды.

Пирога словно парит на гребне волны, а нос и корма вообще повисают в пустоте. Наконец, та же неукротимая волна мягко опускает пирогу на песок. Достаточно опоздания или опережения на несколько метров или на несколько секунд, и волна раздавит пирогу и вышвырнет ее за линию морского прибоя. Все зависит от точнейшего расчета времени, который эве, потомственные рыбаки, производят молниеносно, руководствуясь безошибочной интуицией. Также интуитивно женщины и мальчишки бегут навстречу вернувшимся рыбакам, причем каждый заранее знает, что ему делать. Одни хватают и уносят весла, другие — сети, третьи — корзины с рыбой. Самые сильные из юношей, не обращая внимания на опасность, помогают гребцам опрокинуть пирогу и затем волокут ее повыше, на отлогий берег. Я не буду здесь рассказывать о том, как рыбаки-эве ловят рыбу в океане. В основном их приемы и способы ловли похожи на приемы других рыбаков.

Любопытно было бы, конечно, описать их схватки с акулами и рискованные «встречи» с китами, пересекающими океан с юга на север. Но примерно то же самое происходит и с отважными японскими и полинезийскими рыбаками. Мне хотелось бы показать, в чем эве отличаются от всех других рыбаков мира. Эве — вечные кочевники, и они целыми семьями перебираются с места на место, нередко уплывая за тысячи километров от родных селений.

Встречая поселения эве на африканском побережье в сотнях и даже тысячах километрах один от другого, я вначале думал, что эти беспрестанные переезды объясняются миграцией рыбы. Но я ошибался. Уже в Нигерии, после того как я побывал в наиболее крупных селениях эве и завел дружбу с молодыми рыбаками, которые достаточно хорошо говорят по-английски, я лучше узнал и понял их обычаи. И тут мне открылась удивительная причина, заставляющая семьи рыбаков внезапно покидать родное селение, где веками жили их предки, и переселяться в другое место. Это происходит из-за смерти близкого родственника, брата или сына.

Когда кто-либо погибает в море, а это, увы, случается весьма часто, самому ближайшему родственнику умершего положено взять на себя все расходы по похоронам, торжественным поминкам, денежным дарам соседям-беднякам. Кроме того, все тот же ближайший родственник должен принять в свою семью жен, детей, отца и мать погибшего. Это весьма тяжкое «наследство». Положение усугубляется тем, что ни хижина, ни пирога, ни сеть усопшего не переходят во владение родственников — все, что принадлежало погибшему рыбаку при жизни, исчезает вместе с ним. Хижину, пирогу, рыболовецкие сети покойника сжигают тут же на берегу. При этом горящий факел к хижине и остальному добру погибшего рыбака подносит сам родственник. Так отмечается память того, кто не вернулся.

Понятно, что смерть рыбака для его ближайших родственников не только невозвратимая моральная утрата, но и сильнейший удар по материальному благополучию. Расходы на похороны очень велики, а семье бедного рыбака, привыкшей считать каждый сантим, они просто не под силу. Поэтому, едва родные погибшего узнают о разыгравшейся в море трагедии, они в ту же ночь на одной или двух пирогах тайком покидают селение. Ночное бегство позволяет им избежать непомерных расходов, а главное, освобождает от тяжелой обязанности принять в свою семью всех близких умершего родича.

Остаться в селении и не выполнить своего долга по отношению к покойнику традицией и неписанным законом запрещено. Но эти же традиции позволяют ближайшему родственнику погибшего бежать из селения до того, как состоялись похороны. Тогда о вдове и осиротевших детях позаботится община. А похоронной церемонии ради экономии вообще не будет.

Так из-за этой неразрешимой проблемы наследства рыбаки-эве беспрестанно кочуют по африканскому побережью. И всякий раз им приходится заново строить дом и привыкать к жизни на новом, необжитом месте.

Получше узнать рыбаков-эве, познакомиться с их своеобразными обычаями мне помог шотландец МакМерри. В Лагосе мне все говорили о нем как о крупнейшем знатоке быта и нравов эве. Когда я просил кого-либо показать мне селения рыбаков-эве, мне неизменно отвечали: «Вам лучше всего поговорить с МакМерри». Но именно потому, что

Мак-Мерри знал буквально все об эве, его невозможно было поймать. Он жил вместе с рыбаками, а в городе появлялся очень редко.

Я исколесил побережье вдоль и поперек, но так и не смог его встретить. А самому мне было очень трудно не только беседовать с рыбаками-эве, но и даже снимать их. Как и все первобытные народности, они очень дорожат своей свободой и не любят, когда на них наводят объектив. Каждый раз они проявляли такое недовольство, что мне в конце концов пришлось отказаться от попытки запечатлеть их на пленку. Тогда я надумал снимать их издали, когда они возвращались с моря. Я тайком поставил телеобъектив в заброшенной хижине на пляже Виктория Бич, в четырех милях к востоку от Лагоса.

Просунув в окно хижины объектив, я беспрепятственно снимал рыбаков-эве. На мое счастье, рядом с хижинкой стояла маленькая, очень легкая купальная кабинка. Когда надо было подобраться поближе к рыбакам, я забирался внутрь кабинки, поднимал ее, словно Геркулес, делал несколько шагов, а потом осторожно опускал на песок. Затем, сделав несколько снимков, совершал новый «бросок». Мои сложные маневры длились часа два. Наконец мне удавалось подкрасться совсем близко к пирогам. Рыбаки-эве, занятые своим нелегким делом, не замечали странного белого домика, прыгавшего по пляжу. Но кое-кто другой оказался повнимательнее. В тот самый момент, когда я снова нажал кнопку, рядом послышалось: «Любопытно, очень любопытно... дом на ногах».

И тут же в зеркале моего «хассельблада» возник здоровенный блондин. Я хотел сказать ему: «Надо полагать, вы мистер Мак-Мерри», но ограничился тем, что протянул через стенку руку. И мы дружно расхохотались. Так состоялось мое знакомство со знаменитым Мак-Мерри. Именно он рассказал мне об эве все, что вы прочитали на предыдущих страницах.

Сидя вместе со мной на берегу, Мак-Мерри рисовал на песке, как рыбаки-эве ловят сетями морских рыб. По его просьбе рыбаки показали мне короткие железные гарпуны, которыми они бьют акул, а иной раз даже китов.

Так за интереснейшей беседой незаметно наступает вечер. Мак-Мерри встает и провожает меня через весь пляж до моей машины. По дороге мы тоже говорим об эве. И тут Мак-Мерри делает одно весьма интересное замечание:

— Конечно, их обычаи и нравы, как, например, кочевой образ жизни, очень своеобразны. Но главное отличие эве от других народностей Экваториальной Африки заключается в том, что они не знают страха перед таинственными силами зла. Они почти лишены суеверий, над ними не довлеет власть безжалостных колдунов. Вся жизнь рыбаков-эве — это борьба с грозным океаном, но лучше воевать с природой, чем слепо верить в магию и колдовство. Рыбаки-эве — смелые, свободные от предрассудков люди, в этом их главная сила и отличие...

С этими словами он дружелюбно протянул мне руку.

Железная дорога Конго — Океан

Глубокие мысли рыжебородого шотландца вспомнились мне много позже, когда я путешествовал по железной дороге Конго — Океан, соединяющей Пуэнт-Нуар с Браззавилем.

Перед этим я целое утро провел на берегу с рыбаками-эве, «кузенами» нигерийских эве. Я наблюдал, как они вытаскивают на берег большие сети, выбирают рыбу, кладут ее сушиться. И все это с криками, смехом, ссорами.

После полудня я приехал на станцию Пуэнт-Нуар и сел в поезд.

Мы мчались по саванне; время от времени я пробуждался от сонной дремы и начинал глядеть в окно на бесконечную степь желтых трав.

Вскоре начался лес, и я сразу же приник к стеклу. Дорога пролегла меж гигантских деревьев, рядом с болотами и топиями. Поезд, вздрагивая на стыках, проносился по мостам над бурными потоками и реками.

К вечеру, проехав через лесной район Майумбе, мы снова очутились в саванне. На маленьких станциях поезд ждала на редкость живописная толпа, которая брала места в вагонах приступом. В своем большинстве это были жители самых отдаленных районов страны. По столь торжественному случаю они надели майки, желтые или голубые фетровые шляпы, сандалии из пластика и водрузили на нос безобразные очки от солнца.

Были среди пассажиров и белые; в наш вагон сел почтенный синьор в черном одеянии и широкополой шляпе, какие носят американские плантаторы на Миссисипи. Новый пассажир и в самом деле оказался американцем, но только миссионером евангелической церкви. Когда мы познакомились, он доверительно сообщил мне, что хочет обратить в свою веру пигмеев.

— Я пролечу над их селением на маленьком биплане и сброшу вниз пакеты с солью, ткани, бусы и свою фотографию. Потом отправлюсь в лес пешком и посетю те самые селения, над которыми я сбросил свои подарки. Пигмеи, понятно, сразу же меня узнают. И тогда я им без труда объясню, что я посланец небес.

Он начал вдаваться в детали своего стратегического плана, а я представил себе, как пигмеи будут рассматривать его фотокарточку. Интересно, как он решил сняться? В профиль? Анфас? В очках или без них? Я бы дорого дал, чтобы Очутиться в лесу в тот день, когда почтенный миссионер придет «знакомиться» с пигмеями.

Ближе к вечеру я вернулся в свое купе, где слуга-африканец уже стелил мне постель, взбивал подушки и расправлял матрац.

— Через какие места мы будем проезжать ночью? — спросил я.

Проводник мгновенно застыл на месте, словно я угадал его заветные и тревожные мысли. Выпучив круглые, белесые глаза, он прошептал таинственно:

— Туннель! Мы проедем через туннель!

Речь шла о сравнительно небольшом туннеле длиной в двести — триста метров. Естественно, что поезд несся по нему со свистом и грохотом, а так как в этой подземной галерее всегда было темно и сыро, то в ней прятались сотни летучих мышей Майумбы с громадными, до метра крыльями. Все это породило легенду о туннеле. Одетый в красивую ливрею, негр-бой спального вагона рассказывал ее мне дрожащим голосом. Из его рассказа я понял, что туннель — обиталище злых духов. Если хоть одна летучая мышь залетит в вагон, то мы все умрем еще до конца пути. А когда шум станет особенно сильным, надо закрыть глаза и подпрыгнуть. Иначе вас ждет какая-нибудь беда.

И хотя рассказывал мне легенду цивилизованный африканец, слуга спального вагона, его образ мышления весьма мало отличался от мышления лесных жителей. И те, и другие остались в цепких когтях страха.

Уже на рассвете мы прибыли в Браззавиль. Поезд подошел к станции и остановился. Вагоны быстро опустели, и все пассажиры высыпали на маленькую привокзальную площадь.

В мутном сером небе слышался грохот — над нашими головами пролетел вертолет и за ним стелилось белое густое облако какого-то дезинфицирующего вещества.

Больна ли Черная Африка?

Место встреч и молений верующих из секты пророка Матсуа блестело в переливающимся пламени бесчисленных свечей.

Происходило это октябрьским вечером 1954 года. С высокого холма на окраине Браззавиля, где выросли нелепые здесь современные здания, я смотрел на окружающий пейзаж, на поросший густой травой склон, сбегавший к неподвижной водной глади. /Между лугами и деревьями, исчезая где-то в кустах, вилась дорога, параллельная берегу реки Конго. Как раз на границе между лугом и лесом у обочины дороги я увидел сотни соломенных крыш. Меня поразило мерцание множества огоньков, чего не увидишь и в большом селении. Но это была совсем не крыша хижины, а место молений религиозной секты Матсуа, освещенное тысячью свечей.

— Это молятся лари, — сказал мне шофер.

— Лари? — переспросил я.

— Да, часть народа баконго. Но сами они называют себя «лари». Живут они на окраинах городов и в саванне между Браззавилем и Долизи. В Среднем Конго их никто не любит. Они себя за умников и праведников считают, а других презирают.

— Пойдем посмотрим, — сказал я.

— Будьте осторожны. Лари не разрешают фотографировать их святые места и недолюбливают европейцев.

Мы подошли поближе, и я увидел, что земля буквально покрыта слоем воска. Очевидно, во время ежегодных религиозных церемоний свечи непременно должны сгореть дотла. Я подошел к загородке из деревянных кольев и увидел железные ворота. Над ними висела табличка с надписью чернилами: «Religion Matsua. — Defence d'entree»^[39]. Шофер такси был несказанно рад, когда мы наконец ушли. Он очень удивился, когда я попросил его поподробнее рассказать о лари и их верованиях. Но я сам еще больше удивился тому факту, что до сих пор никто даже не упомянул при мне об этой многочисленной этнической группе. Да и об их «религии», объединявшей примерно двести тысяч человек в настоящую секту фанатиков, никто даже словом не обмолвился.

Выходит, это было отнюдь не ограниченное, местное, а весьма значительное явление, и приезжим не следовало о нем знать? Похоже, что для колониальных властей Конго оно было не менее опасным, чем мау-мау для белых поселенцев Кении?

Когда я собрал более точные сведения об этой странной «религии», то понял, что такие предположения не лишены оснований. Секта Матсуа объединяет тех, кто верит в «возвращение» своего пророка, который встанет во главе своих приверженцев и поможет им завоевать все Конго. Но сначала, само собой разумеется, надо будет изгнать белых.

Пророк секты Андре Матсуа давно умер. В 1939 году он возглавил демонстрации и «беспорядки», направленные против французских колониальных властей, взимавших с каждого лари налог в пять франков. Протест вылился в поход на Браззавиль. Пророк, старейшины селений и несколько тысяч туземцев шли к столице с криками: «Нет у нас пяти франков». Войска рассеяли манифестантов. Матсуа был арестован и отправлен в Чад, где и умер, а по рассказам других, был расстрелян: шла война и действовали законы военного времени.

В проповедях Андре Матсуа содержались и весьма туманные политические требования. Вскоре его учение стало религиозным кредо тысяч фанатиков-лари. Они упрямо ждали «возвращения» своего пророка. И хотя в своих песнопениях и молитвах они призывали к походам и даже к восстанию, но никаких решительных действий не предпринимали. Местные колониальные власти не знали, как им быть. В 1954 году я впервые услышал в Браззавиле о секте Матсуа. Тогда между нею и властями существовали весьма странные отношения, и я оказался свидетелем неуверенности администраторов. Оставить лари в покое, не припугнув и не покарвав, означало дать усилиться секте, открыто ставившей себя вне закона. Но преследование не привело бы ни к какому результату, кроме того, что были бы созданы «мученики» и таким образом раздут огонь открытой войны. У всех перед глазами стояли события в Кении, где секта мау-мау от слов перешла к делу^[40].

Когда десять лет спустя, в 1964 году, я вернулся в Браззавиль, то обнаружил, что отношения между лари и властями остались такими же зыбкими, неопределенными с той лишь разницей, что к этому времени господству французов пришел конец, а бразды правления перешли в руки самих африканцев.

После изгнания белых лари добились первой победы. Президентом республики был избран бывший аббат Юлу — глава секты. Опираясь на своих фанатичных сторонников, Юлу установил режим тирании и вскоре стал ненавистен большинству населения. Через некоторое время удалось свергнуть его, и во главе государства встал Массамба-Деба. Так, за короткий период лари сначала сумели установить свое господство в стране, а затем вновь лишились всех своих привилегий. Теперь их секта опять находится на полулегальном положении, а пророков стало уже два — Матсуа и аббат Юлу. Попытка восстания 7 февраля 1964 года доказывает, что лари не смирились со своим поражением и вновь готовят заговоры и мятежи.

История «возвышения» и «падения» секты пророка Матсуа — наглядное свидетельство той идеологической путаницы и духовного смятения, которые еще царят среди народных масс Черной Африки. Сразу после завоевания независимости многим казалось, что главные трудности уже позади. Но социальные и политические требования, религиозные верования и фанатизм слишком перемешаны, чтобы можно было рассчитывать на быстрое и эффективное разрешение всех сложных проблем.

Независимость не является панацеей от всех бед для народностей, среди которых еще весьма сильны трибализм, культ традиций, подчас весьма косных и консервативных.

Подводя итоги первых лет независимости, один из журналов — «Jeune Afrique»^[41] — задает вопрос: «Больна ли Африка?» Автор статьи Колин Лигэм внимательно анализирует события, за несколько месяцев залившие кровью молодые республики тропического пояса Африки: война в Конго; избиение батутси; перевороты в Дагомее и Того; заговоры в Сенегале и Чаде; «холод-пая война» племен на границе Сомали и Кении^[42]; разногласия в национально-освободительном движении Анголы; резня в Замбии, вызванная сектой «Церковь лумпа» под политическим и религиозным предводительством безумной женщины, провозгласившей себя пророчицей и правительницей этого народа. «Что же мешает дальнейшему развитию и прогрессу стран, завоевавших независимость?» — спрашивает Колин Лигэм. Одно ясно: среди множества других главная причина этого глубокого кризиса заключена ныне в духовной «контаминации» — «зараженности» различных народов, племен, сект и этнических групп,

которые пока не находят общих точек для конструктивного диалога. В Африке мало кто тешил себя иллюзией, что завоевание независимости автоматически приведет к созданию прогрессивных, развитых государств и обществ — устойчивых, процветающих и демократических, с высоким уровнем жизни. Долгая и трудная история Европы, не говоря уже о многострадальной вековой истории Латинской Америки, всегда служила наглядным предостережением против поверхностного оптимизма. И все же надежды на лучшее будущее для народов Черной Африки, обретших независимость, были более чем оправданными. Ведь не оставалось никаких сомнений, что колониальные режимы социально, морально и политически изжили себя. Но слишком многие в Африке думали, что ликвидация колониального господства приведет к быстрому завоеванию каждой страной политической свободы и экономической независимости. Ничего более ошибочного нельзя было придумать: подлинной свободы можно добиться не только свергнув чужеземное иго, но прежде всего сломив упорнейшее сопротивление определенных групп внутри страны и преодолев серьезнейшие препятствия. Демократия и социальный прогресс — это не дар, который одно государство преподносит другому. Поэтому некоторые утверждают, что Африке после завоевания независимости предстоит пройти свой особый, долгий и нелегкий путь развития. Кроме решения духовных проблем, связанных с «контаминацией» — подчас отрицательным влиянием цивилизации на первобытные племена, африканцам необходимо преодолеть три основных препятствия, которые оставил Африке в наследие колониализм.

Первое из них — ужасающая нищета многих народов, а значит, и новых государств. Европейские державы ни разу не попытались всерьез бороться с этой удручающей нищетой. Второе — вековое невежество и широко распространенная неграмотность, которые мешают формированию руководящих национальных кадров. Наконец, третье — это духовное смятение, разброд и распри между бесконечными сектами, племенами, этническими группами, политическими партиями. Это приводит к тому, что внутри государств и даже отдельных провинций складывается причудливая мозаика сложнейших взаимоотношений, препятствующих формированию национального и классового самосознания.

Четвертая трудность прямое следствие трех вышеперечисленных. Даже частичное разрешение хотя бы одной из проблем, без одновременного решения двух других не только не улучшает, но даже ухудшает положение. К примеру, в бывшем Бельгийском Конго французскими и другими католиками был основан университет Лованиум; он развернул широкую просветительскую деятельность во всей Африке, но я не уверен, поможет ли это разрешению сложнейших проблем Конго.

Какое-то число студентов закончит университет; но в условиях, когда нищета и невежество народных масс остались почти прежними, выпускникам университета трудно будет найти применение своим знаниям. Что будут делать будущие конголезские адвокаты? На какие деньги будущие врачи-конголезцы построят больницы? Где найдут работу будущие инженеры? К кому смогут обратиться будущие профсоюзные работники, если народ все еще будет верить колдунам?

[\[43\]](#)

Драма в Пото-Пото

Для возвращения в Европу после длительного пребывания в Конго (Браззавиль), особенно в глубинных районах, нужно получить справку от Института Пастера, удостоверяющую, что осмотренный врачом и прошедший все исследования пациент не болен сонной болезнью.

Каждый раз, когда наступало время отъезда, я отправлялся в Браззавиль к одному и тому же врачу, чтобы сдать анализ крови. Это стало как бы традиционным визитом, и всякий раз мы с ним беседовали на одну и ту же тему.

Широкая асфальтированная дорога, пересекая город, вьется по склонам холмов и вплотную подступает к большим современным зданиям, утопающим в зелени садов и парков. С самых высоких холмов можно различить желтые воды Конго.

Над рекой почти всегда висит густой туман, не позволяя разглядеть Леопольдвиль, ^[44] раскинувшийся на противоположном берегу. Миновав новые кварталы, такси несется по улицам Пото-Пото, туземной части Браззавиля. Шумными эти улицы бывают только ночью. Утром и днем вы редко встретите на них прохожих, кажется, будто все еще спят.

— Сейчас в Пото-Пото живет сорок тысяч человек, — сказал мне в 1954 году мой знакомый врач, беря у меня кровь на очередной анализ. — Негры приходят сюда из лесов и саванны и остаются, околдованные современным городом. На каждой улице есть колонки, в любую часть города можно добраться на автобусе или машине. Но вокруг квартала лес, а неподалеку — река Конго, так что им кажется, будто они не очень далеко от родных мест.

— Ну и как, хорошо им здесь? — спросил я.

— Не знаю, пока рано делать выводы.

Когда я вновь встретился с ним через четыре года, число жителей туземного квартала удвоилось — с сорока тысяч выросло до восьмидесяти.

— А теперь, в 1964 году, их уже сто тысяч, — сказал мне доктор.

— Большие перемены произошли?

Доктор Б. молча посмотрел на меня, потом снова стал промывать шприц. Те же уверенные движения, тот же шум и свет за окнами словно

подтверждали, что пролетевшие годы не в счет и каждая новая встреча — это продолжение прерванной на минуту беседы. Беседы довольно оригинальной и необычной. Если, скажем, доктор был не готов немедля ответить на мой вопрос, он переводил разговор на другую тему, и это означало, что продолжение отложено до будущей встречи. Но на мой последний вопрос он ответил встречным вопросом.

— Помнишь Габриэля, санитаря, который подписывал и вручал тебе справку?

— Конечно, помню.

Я заранее приготовил ему подарок — пачку сигарет «Тюрмак руж», которые он особенно любил. За это Габриэль не заставлял меня ждать справку целых два дня.

— Так вот, ты его больше не увидишь. Он умер несколько месяцев назад, — сказал доктор, вонзая мне иглу в руку. Как обычно, он говорил неторопливо и тихо.

— Габриэль пятнадцать лет был моим санитаром, — продолжал он, — и все эти годы постоянно соприкасался с нашей «цивилизацией». Две недели он не являлся на работу; пришла его жена и сказала, что Габриэлю очень плохо. У него высокая температура, он бредит. Вместе с другим врачом мы отправились к нему домой, в небольшой жестяной барак.

Внутри было чисто и прибрано. Габриэль лежал на большой железной кровати, которую я ему подарил в день свадьбы; на стене висел портрет генерала де Голля. Мой санитар служил в рядах французской армии Свободы и даже получил орден за храбрость. Мы сразу же поняли, что Габриэль умирает и что никакие лекарства тут не помогут. Годы работы в самых труднодоступных районах страны научили меня, что против самовнушения нет никаких средств. Магия и суеверия — две болезни, против которых наука врачевания бессильна. Мы стали расспрашивать жену Габриэля; после долгих колебаний она призналась, что несколько дней назад к Габриэлю пришел старик из лесного селения, где он родился и вырос. Кто был этот старик и о чем они говорили с Габриэлем, мы так толком и не узнали, но поняли, что приходил к Габриэлю колдун. Из отрывистого, путаного рассказа его жены мы догадались, что в родном селении Габриэля посчитали виновником целого ряда несчастий: смерти детей, повального мора среди домашних животных, гибели одной женщины после родов.

Колдун решил, что во всем виноват Габриэль, потому что он покорился «магии» врачей и большого города. Расплатой за такое преступление может быть только смерть; и вот Габриэль был осужден и убит.

— Убит? — переспросил я, решив, что ослышался.

— Вероятно, колдун сказал ему: «Ты должен умереть» — и, ничего больше не прибавив, вернулся в селение... Этих трех слов было достаточно, чтобы Габриэль, культурный африканец, умеющий обращаться с микроскопом, регулярно читающий «Пари-матч», участник второй мировой войны, пятнадцать лет проработавший в канцелярии больницы, слег и больше уже не поднялся. Он умер от самовнушения — неизлечимой болезни древней и новой Африки. Оболочка цивилизации оказалась хрупкой, как ореховая скорлупа. При первом же столкновении с силами дремучего невежества и суеверий рухнули стены цивилизации, и Габриэль оказался погребенным под их обломками.

Драматический рассказ доктора был еще одним звеном в бесконечной цепи мелких и крупных фактов, которыми полна каждодневная жизнь африканцев. И хотя сами эти факты весьма противоречивы и неоднородны, они являются наглядным свидетельством большой трагедии, которую переживает Экваториальная Африка.

Шум и грохот современного мира и даже пронзительный свист реактивного лайнера, идущего на посадку в Браззавиле, доносятся в окружающий столицу безбрежный лесной массив приглушенными, сильно ослабленными. Под сводом гигантских деревьев время словно остановилось. Минута здесь равна целому веку. Бесконечные ряды красных муравьев копошатся у скелета умершего животного, а рядом, встав на колени, человек пытается высечь искру, ударяя один камень о другой, чтобы защититься от сырости, от мрака и от собственного страха. И в то же самое время над лесом раздается гул пассажирского самолета, сверкающего в лучах солнца.

Великий лес даже упорнее и эффективнее, чем пустыни и океан, «защищает» первобытный образ жизни.

В отрезанных от внешнего мира общинах до сих пор сохранились древние нравы и обычаи, нередко весьма суровые, а подчас просто жестокие.

Табу, заклятия, тайные секты, «мужчины-леопарды» и «мужчины-крокодилы», принесение в жертву одного из близнецов, танец посвящения в мужчины — все эти обычаи и традиции сохраняют свою власть и по сей день. До сих пор дикая, неукротимая природа остается главной силой, которой надо поклоняться. Бури и ливни, засуха и ветры — вечный закон мироздания, воплощение воли господней, источник добра и зла.

Но если «цивилизация» не проникла в леса, то сами лесные жители все больше «проникают» в города — проникают вместе со своими социальными, семейными и религиозными привычками, уже не первозданно «чистыми», а пусть лишь слегка, но затронутыми внешними влияниями. Этот массовый наплыв людей в крупные городские центры является драмой всего современного мира. Но в Африке это явление приобрело поистине трагический характер из-за невероятного контраста между, крайне отсталыми, примитивными формами жизни в лесах и саванне и совершенной техникой и новейшими достижениями цивилизации в больших городах. Чтобы бороться с жарой, сократить расстояния, победить эпидемии и защитить себя от катаклизмов природы, жители африканских городов, как белые, так и черные, вынуждены повсеместно прибегать к помощи машин, радио, вентиляторов, устройств по кондиционированию воздуха — словом, к новейшим достижениям техники. Поэтому многие современные города Экваториальной Африки кажутся прообразами фантастических городов будущего. Разница между ними и окружающим их туземным миром пугающе огромна.

Не освободившийся пока от трепетного страха перед магией и колдовством, полный вековых суеверий, вчерашний обитатель саванны или лесов, попавший в совершенно иной мир большого города, в результате почти мгновенной метаморфозы теряет свои лучшие природные качества. Соприкасаясь с новым, совершенно непохожим на прежний образом жизни, он становится наглядным свидетельством крайней степени отчуждения человека в современном обществе. А «отчуждение» — это глубочайший духовный кризис, и его последствия, безусловно, дают о себе знать на всем необъятном Африканском континенте.

Главным виновником этого кризиса была и остается западная цивилизация.

Мы, «белые люди», считали нужным приобщить «дикарей» к нашей цивилизации, во многом чуждой им^[45]. Мы требуем от них, чтобы они облачились в наши духовные «одежды» легко и просто, словно это готовое платье. При этом мы забываем, что духовное становление Европы происходило медленно и восхождение по ступенькам истории было крайне трудным. На самом деле, до сих пор Европа дала жителю Центральной Африки лишь хрупкую оболочку, внутри которой, не позволяя расти новому, загнивают глубокие корни лесного быта и верований.

Первобытная африканская цивилизация агонизирует при свете огней больших городов. Здесь в наши дни разыгрывается трагедия, конец которой пока невозможно предугадать. Застывшее было время теперь мчится вскачь; прежнее равновесие непоправимо нарушено.

Путь Африки

Обо всем этом мы говорили с моим другом доктором и с другими европейцами, знатоками Экваториальной Африки. Все они ставили один и тот же диагноз нынешнего кризиса в странах Черной Африки, но каждый предлагал свой рецепт лечения болезни.

По мнению одних, кризис удастся преодолеть, только когда жители центральноафриканских стран воспримут прогресс, не отказываясь одновременно от своих древних традиций. Подобная эволюция происходит, например, с такими народами, как японцы, индийцы, китайцы. Экваториальная Африка может и должна использовать новейшие достижения техники, но ей необходимо найти свой путь развития и прогресса. Каким бы ни был этот путь, Экваториальная Африка должна найти его сама, памятуя о глубочайших национальных корнях ее старинной культуры.

Когда доктор Б. и его французские и африканские друзья излагали мне свои теории, я слушал их с большим интересом. Но их выводы казались мне весьма противоречивыми. Разве не устаревшие, архаические традиции, обычаи и предрассудки мешают африканцам воспринять новые веяния и достижения современной техники? Разве это не препятствует трудной эволюции негров?

Однажды вечером мой друг доктор Б. показал мне на молодого человека, стоявшего у автобусной остановки. У негра была поранена нога. На рану был наложен пластырь, и она была перевязана чистым стерильным бинтом. А на самом бинте проступило зеленоватое масляное пятно.

— Это «кашица» из вытяжки лесных трав, — сказал мне доктор. — Иногда травы действительно имеют дезинфицирующее действие, но чаще всего речь идет о магических талисманах, которые продает невежественный колдун. Такие «лечебные средства» могут лишь внести сильнейшее заражение. Этот молодой человек не хотел обидеть ни медицину, ни знахарей; поэтому он выбрал компромиссный путь: сверху пластырь и стерильная повязка, а снизу — магическая «кашица» колдуна... Это очень характерно для африканцев. Им надо сделать свой выбор: либо пластырь, либо «кашица» колдуна; либо современная цивилизация, либо цивилизация предков.

Доводы моего друга были парадоксальными только на первый взгляд. В сущности его мысли совпадали с мыслями тех, кто выдвинул лозунг «Африка, вернись к своим истокам!». И надо сказать, что примерно такой же точки зрения придерживаются многие социологи и знатоки Африки, искренне любящие ее.

Существует теория «африканской цивилизации» Лео Фробениуса; есть теория «негритюда» сенегальского поэта и политика Леопольда Седара Сенгора; такова в известном смысле, хотя и более развитая, теория исследователей, объединенных вокруг журнала «Презанс Африкой»^[46].

Все они повторяют ту же концепцию: Африка должна продвигаться по пути прогресса, не отрицая себя самое, не «заражаться» от других цивилизаций, но найти истину в своем прошлом. Это не значит, что Африке нужно сохранять и возрождать тайные обряды, вековые предрассудки, суеверия, культ магии. Все это искажение более древних нравов и обычаев народностей Черной Африки, позднейшие вредные наслоения. Некоторые племена и народности, как, например, рыбаки-эве, уберегли себя от губительного влияния других культур^[47]. Это позволило им избежать суеверий, предрассудков и страха, столь характерных для лесных обитателей Конго и других африканских стран. Эве — один из немногих примеров силы и ценности подлинной африканской цивилизации.

А таких цивилизаций в древней Африке было очень много. Достаточно напомнить о политическом могуществе Ганской империи или о высочайшем искусстве Бенина. И в тропических районах Конго можно найти немало ныне забытых цивилизаций, достигших в свое время огромного прогресса в целом ряде областей техники, искусства и политического управления.

Расцвет и упадок королей и древних цивилизаций

Когда в 1484 году португальцы поднялись вверх по реке Заира, названной впоследствии Конго, они увидели на берегу большой город. Это была Мбанза — столица Конголезского королевства, достигшего к тому времени своего наивысшего расцвета.

Встреча европейцев и африканцев протекала тогда «на равных». Высокая степень цивилизации Конголезского королевства, его социального и политического устройства, высокое развитие искусства, ремесел и образования внушали к себе уважение.

Из своей столицы Мбанзы король правил всей страной, разбитой на шесть обширных провинций. Его власть была абсолютной, но не передавалась по наследству^[48]. Губернаторы провинций полностью подчинялись монарху и от его имени взимали налоги.

В стране был развитие только товарный, но и денежный обмен. Монетой служили ракушки, которые по велению короля собирали на острове Луанда. Страна была богатой, процветающей, широкое распространение получило земледелие, в городах дети учились в школах. Ремесленники умели добывать и обрабатывать железо и бронзу, выделывать ткани и терракотовые вазы. Король пригласил в страну немецких печатников, и уже в 1452 году в центре Экваториальной Африки печатались книги^[49].

Молодые африканцы посылались на учебу в Лиссабон, было основано королевское посольство Конго при Ватикане, и в 1521 году папа посвятил в сан первого конголезского епископа. Из Европы были выписаны строители и астрономы. Они прибыли в Африку не как колонизаторы, а как друзья. Никто не считал конголезцев дикарями. Наоборот, к ним относились с величайшим уважением.

Но дальнейшего развития это «сотрудничество», увы, не получило. Португальцы встали на путь колониализма и начали захватывать все новые территории в Индии, Марокко, Бразилии^[50]. Естественно, что они утратили всякий интерес к своей «просветительской миссии» в Конго. Постепенно прекратилась любая техническая помощь дружественному Конголезскому королевству. В страну нахлынули

европейские торговцы, которые стремились нажиться любыми средствами. Началась погоня за рабами. На смену спокойной, мирной жизни пришли внутренние раздоры, мятежи, убийства. Политическая власть короля слабела; одновременно росла власть колдунов. В селениях воцарились страх, суеверия, тайные секты, магия.

Связь столицы с провинциями была фактически утеряна, и король Педро V, царствовавший с 1859 по 1891 год, превратился из некогда все сильного монарха в опереточного «главу кантона».

Не менее высокого уровня культуры и прогресса достигло королевство Маккоко в бассейне реки Конго. Столицей королевства был город Мбе, находившийся в четырехстах километрах к северу от нынешнего Браззавиля.

Когда я прибыл в Конго, чтобы снять несколько документальных фильмов, меня заинтересовала фигура Саворньяна ди Бразза, одного из немногих действительно бескорыстных исследователей Африки.

Бразза, век назад побывав в королевстве Маккоко, заключил с тогдашним монархом договор о дружбе.

Мне хотелось подробнее узнать обо всем этом, а когда выяснилось, что в Мбе до сих пор царствует король, я решил непременно побывать там. Наняв в Браззавиле старый джип, я с величайшим трудом одолел четыреста километров по саванне. Более скверной «дороги» трудно было найти, и вот, подпрыгивая на ухабах, я думал о Пьетро Саворньяне ди Бразза, который сто лет назад проделал тот же путь, чтобы попасть в легендарное королевство Маккоко. Я уже успел побывать прежде во многих странах Африки, которые были открыты знаменитыми западными путешественниками и исследователями. Увы, я убедился, что лишь очень немногие из них искренне любили Африку и африканцев и были подлинными учеными и гуманистами.

За сто лет было развеяно немало мифов о великих путешественниках, и лишь Сент-Экзюпери и Ле Фуко выдержали, по моему, испытание временем^[51].

Я обнаружил также, что в экваториальной зоне из всех европейских «колонизаторов» африканцы искренне уважали и уважают только ди Бразза.

Пьетро Саворньян ди Бразза родился в Риме 25 января 1852 года.

Пятнадцатилетним юношей он пробрался на корабль к адмиралу де Монтаньяку, командиру французской эскадры, ставшей на якорь в итальянском порту Чивитавеккья. Юноша умолял адмирала взять его с собой в плавание: ведь он с детства мечтал стать моряком. В те времена в Италии не было морского училища, и юношу приняли во французскую морскую школу «Борда».

Когда Бразза вернулся из своего первого дальнего морского путешествия в Габон, он представил французскому адмиралтейству доклад, в котором доказывал, сколь важно тщательно исследовать Экваториальную Африку. Он предлагал подняться до истоков реки Огоуэ. План молодого двадцатитрехлетнего офицера был одобрен, и ему поручили возглавить небольшую экспедицию. Участниками экспедиции, организованной, как теперь говорят, весьма экономно, были трое «белых» и десять проводников-сенегальцев. Запасов продовольствия должно было хватить на шесть месяцев. Подарки вождям племен Бразза купил сам на деньги, великодушно пожертвованные его родными братьями.

Все это погрузили на четыре пироги, и в августе 1875 года маленькая экспедиция отправилась в путь. В сентябре путешественники достигли устья реки Огоуэ. В начале 1876 года они уже поднялись вверх на несколько сот километров.

Бразза сумел покорить всех своим умом и находчивостью. Он даже убедил туземцев, что палка, с которой он не расстанется во время прогулок, делает его неуязвимым. Он раздавал подарки, улаживал споры между племенами, освободил немало рабов. С помощью йода и бинтов ему удалось вылечить многих жителей, и те решили, что Бразза — существо особое, наделенное сверхъестественной силой и властью. Когда экспедиция добралась до места, где река разделяется на два рукава, Бразза понял, что отсюда, пройдя через бесконечный тропический лес, можно попасть к другому водоразделу. Он безошибочно предположил, что у того водораздела берут свое начало большие реки, впадающие в великие озера, или даже сама река Конго.

Бразза отобрал носильщиков, которые еще не окончательно выбились из сил, и убедил их следовать за ним. Сам он был в плачевнейшем состоянии: его багаж почти весь погиб, одежда превратилась в лохмотья, ноги покрылись язвами, все чаще и чаще его мучили приступы лихорадки. Но он твердо решил продолжать

путешествие. Наконец они добрались до большой судоходной реки, которая текла в противоположном Огоуэ направлении. Бразза понял, что он «проскочил» нужный ему водораздел.

Новая река называлась Алима и была правым притоком Конго. Бразза спустился по ней на сто километров и, сам того не зная, оказался всего в четырех днях пути от Конго. Но тут путь ему преградила флотилия пирога с местными воинами. Напрасно Бразза уговаривал их пропустить его.

Продовольствие на исходе, носильщики буквально падают от усталости. Что делать: вернуться назад или позволить себя истребить? Ночью Саворньяну ди Бразза удалось выйти из окружения и присоединиться к остальным членам экспедиции, которые вернулись на реку Огоуэ.

Экспедиция с трудом добралась до Габона. Оттуда ди Бразза пароходом вернулся во Францию, куда уже дошли слухи о его необычайном путешествии. На парижском вокзале бесстрашного исследователя ждала большая толпа и представители власти. Министры, дамы и журналисты ожидали увидеть героя, триумфатора, а из вагона вышел больной человек в оборванной одежде, невероятно худой и усталый. Простой и очень скромный, Пьетро ди Бразза не интересовался ни почестями, ни славой. Его мучила одна-единственная мысль — почему туземцы проявили к нему враждебность? Он готов был тут же отправиться в новое путешествие. Но вскоре узнает, что этой враждебностью он обязан Стэнли, американскому исследователю, который спускался вниз по левому берегу Конго.

Бельгийский король Леопольд II, угадав, какие богатства таят недра африканской земли, щедро финансировал экспедицию Стэнли. Американец набрал целую армию вооруженных носильщиков-занзибарцев. У него была даже разборная моторная лодка, на которой он легко одолевал места с не особенно быстрым течением. В отличие от Саворньяна ди Бразза, он вел себя как жестокий конкистадор. Предавал огню и мечу целые районы и карал смертью каждого, кто пытался ему сопротивляться. Он обратил в рабство многих вождей племен и повсюду сеял страх и разрушение. Поэтому к моменту первой экспедиции Пьетро Саворньяна ди Бразза народности верхнего Конго воспринимали всех белых как бесчеловечных завоевателей. И когда Пьетро ди Бразза ступил на их территорию, они решили отстаивать

свою независимость с оружием в руках. И все же Пьетро ди Бразза не отступился от своего намерения завоевать доверие местных жителей мирными средствами.

В начале 1880 года он снова отправился в плавание по реке Огоуэ. Местные жители встретили его поистине восторженно. Бразза легко одолел реку и ее притоки. Наиболее удобным из них для дальнейшего путешествия водным путем была Лефини.

Спускаясь по этой реке, Бразза внезапно увидел, что навстречу ему мчится пирога с вооруженными людьми. Гигант негр обратился к нему с пышными словами приветствия:

«Мы знаем, что твое ружье ни разу не выстрелило на всем пути от Огоуэ до Лефини. И ни разу ты не пытался напасть на наши мирные селения. Поэтому мой повелитель, король Маккоко, повелел мне привезти тебя в свой дворец. Он встретит тебя как самого дорогого друга».

Для Пьетро Саворньяна ди Бразза наступил великий миг. Он отлично знал, что союз с королем Маккоко весьма важен для Франции. Это был последний царствующий монарх древней и могущественной династии, настолько древней, что путешественник Альвизе Ка'да Мосто упоминал о ней в своих записках, датированных 1400 годом^[52]. Власть короля Маккоко распространяется на огромную территорию, которая простирается от берегов Конго до устья реки Алима и других притоков. Бразза отправляется с визитом к могущественному монарху, который ждет его, восседая на троне из львиных шкур. После долгой помпезной церемонии состоялся обмен подарками, а затем был подписан договор о дружбе. В договоре говорилось, что король Маккоко добровольно отдает под защиту и протекцию Франции все подвластные ему земли. Он также предоставляет Франции право основать на берегу реки Конго военную, медицинскую и гражданскую базу. Впоследствии эта база стала городом Браззавиль.

Драматический конец ди Бразза

Так мирным путем началось французское проникновение в Конго. Но идиллия между европейцами и африканцами длилась очень недолго. Богатства страны привлекали внимание жадных, беззастенчивых дельцов и авантюристов. Они тайком сделали все возможное, чтобы отстранить от власти неподкупного ди Бразза. Их интриги принесли свои плоды — ди Бразза был снят с занимаемого поста и переведен в резерв.

Ловкие дельцы давно уже добивались, чтобы правительство разделило территорию Конго на множество концессий. Бразза упорно сопротивлялся этому, требуя гарантий, что с неграми будут обращаться гуманно и с уважением. Он хорошо знал, что в соседнем Бельгийском Конго процветает рабство. Ему была противна эта бешеная погоня за прибылью.

По своему характеру гордый и самолюбивый, Пьетро ди Бразза не захотел пойти на беспринципный компромисс и предпочел уехать в свое крохотное имение в Алжире. Тем временем во Франции стали все чаще распространяться слухи о беззакониях, которые творят колониальные власти в Конго. В 1904 году стало известно, что целые народности были обращены в рабство, а над теми, кто осмелился протестовать, учинена жестокая расправа.

Францию охватило возмущение; со всех концов страны посыпались требования о проведении строжайшего расследования. И тут вспомнили о Пьетро ди Бразза, умном, знающем человеке, далеком от политических интриг и финансовых спекуляций. Несмотря на расшатанное здоровье, Пьетро ди Бразза согласился оказать последнюю услугу Франции и Африке. В апреле 1905 года он во главе комиссии по расследованию отправился в Конго.

Восставшие племена, узнав о его прибытии, тут же сложили оружие. Ему пришлось выслушать рассказы о бесчисленных зверствах, совершенных французскими колонизаторами. Для Бразза это было жесточайшим ударом. Несколько месяцев подряд па коне и в пироге, под дождем и палящим солнцем он объезжал все новые районы. Моральные переживания усугубили его физические страдания. Болезнь

прогрессировала с каждым днем, и он чувствовал, как стремительно убывают силы.

В Бразавиль он вернулся еле живым и больше уже не мог подняться. На пристань его несли на носилках. Состояние отважного путешественника все ухудшалось. Но он потребовал, чтобы ему прочли весь отчет, боясь преднамеренных искажений и передержек со стороны местных властей. Когда корабль прибыл в Дакар, врачи запретили Пьетро ди Бразза плыть дальше во Францию. Его положили в госпиталь, и 14 сентября 1905 года этот европеец — верный друг Африки навсегда закрыл глаза^[53].

Львы Маккоко

Когда Бразза прибыл ко двору короля Маккоко, эта великая негритянская империя уже клонилась к закату. Век спустя, приближаясь к Мбе, мы ожидали увидеть лишь жалкие следы бывшего великолепия.

Мбе. Мбе... само название древней столицы казалось нам смешным: в туристских путеводителях его вообще невозможно было отыскать. Поэтому на каждой развилке дорог мы оказывались перед драматической коллизией— куда сворачивать. Выбрать не ту дорогу означало удалиться в сторону от цели на добрую сотню километров. Не знаю уж почему, но в Экваториальной Африке бесполезно спрашивать у прохожих, куда ехать.

Вероятно, для туземцев глубинных районов Конго подобные вопросы звучат очень странно. Это примерно то же самое, как если бы пигмей, очутившись на улицах Рима, спросил, как ему по запаху попасть в зоологический сад к слонам... Когда мы во время наших путешествий по внутренним областям Конго спрашивали, как проехать в такое-то селение или в такой-то город, мы никогда не получали точного ответа.

Естественно, что, разыскивая загадочный Мбе, мы даже не пытались прибегнуть к помощи пастухов или путников, шедших по обочине дороги. Мы пытались сориентироваться на глазок. Каково же было наше удивление, когда помощь пришла именно от местных жителей.

На второй день пути мы, резко затормозив у очередного перекрестка дорог, стали громко спорить, куда нам сворачивать — влево или вправо. Несколько батеке, стоявших у края дороги, молча слушали нас. По-видимому, их в глубине души забавляли наши вопли. Как всегда, жара сделала нас крайне раздражительными. И тут один из нас крикнул: «Embe!»^[54]. Неужели стоит ссориться из-за какого-то Мбе!

Эти два «мбе», этимологически совершенно различные, но звучащие почти одинаково, привлекли внимание батеке. Один из них неуверенно показал рукой вправо и на весьма приблизительном французском языке сказал: «Чтобы попасть в Мбе, надо проехать по этой дороге триста двадцать километров».

Мы были поражены — неожиданная помощь от местных жителей противоречила нашему предшествующему опыту.

— Откуда ты знаешь дорогу на Мбе? — спросил Нанни у юноши.

— Ее все батеке знают, — ответил юноша. — Мы ее показываем всем, кто приезжает издалека посмотреть на нашего короля Маккоко.

— А кто же к нему приезжает?

— Все батеке из далеких селений, даже те, которые живут в городе, время от времени приезжают к нашему Маккоко, отцу всех батеке. Каждый, кому нужна помощь, всегда обращается к нему.

Первая встреча с приверженцами короля Маккоко оказалась весьма многообещающей. Сам факт, что в трехстах километрах от столицы все батеке точно знают, где она находится и как туда попасть, показался нам очень многозначительным. Теперь мы твердо уверовали, что столица батеке — большое, красивое селение с величественными старинными постройками, а сам монарх сохранил все свое влияние.

Но это была иллюзия. Мы даже не заметили, как прибыли в Мбе. Наш джип промчался мимо нескольких домов, и мы понеслись дальше. Лишь минут через двадцать нас стали одолевать сомнения: на одной из хижин, более крупной, чем остальные, развевался флаг. Мы вернулись и остановились на улочке возле хижин.

— Как называется это селение?

— Мбе.

— Это столица батеке?

— Да, столица.

— А где живет король Маккоко?

— Наверху, в хижине с остроконечной крышей.

— Можем мы нанести ему визит?

— Не знаем, спросите у министров.

— Зачем? Разве мы сами не можем постучаться в дверь его дома?

— Jamais, jamais^[55], — дружно закричали сограждане короля.

Один из них тут же объяснил нам, почему Маккоко не может сразу принять посетителей.

— Сначала он должен обвести глаз белой краской.

— Белой краской?

— Да, белой.

— Но почему вдруг?

— А потому, что когда он обводит правый глаз белым кружком, то видит вас насквозь, — пояснил нам старик негр.

— Должно быть, это новейший рентгеновский аппарат, — пробормотал толстяк Порфирио, врач нашей экспедиции.

Нам показали дом для приезжих. В комнатах стояли чистые удобные койки, и даже можно было принять Душ.

Однако отдохнуть как следует нам не удалось. Раздался отчаянный вопль, заставивший всех вскочить. К нашему изумлению, вопль постепенно перешел в монотонное пение. Мы увидели, что к дому короля медленно и торжественно направляется высокий негр. Его крики становились все более громкими, пронзительными. Не оставалось никаких сомнений — это министр-песнопевец, о котором писал еще Пьетро ди Бразза. «Когда к королю прибывают с визитом из дальних земель, один из министров, бродя меж домов столицы, воспекает славные деяния всех королей династии Маккоко, начиная от самых древних времен и до наших дней».

Министр-песнопевец, которого мы увидели, не был в пышном красном одеянии, и на голове у него не красовалось орлиное перо, как это было во времена Пьетро ди Бразза. Теперь на нем были серые брюки, старый военный китель и полукеды; очки в черепаховой оправе почему-то были без стекол. Однако он выступал столь же важно и торжественно, как его предшественники» а слова его песнопений наверняка не отличались от тех, что слышал некогда ди Бразза.

Мы пошли вслед за певцом-министром, и он ввел нас в «дворец» Маккоко — небольшой домик, на стенах которого словно в подтверждение былой мощи империи висели портреты предков,

королей и владык далеких западных держав. Я увидел портреты де Голля, королевы Елизаветы, королевы Виктории и... Пьетро Саворньяна ди Бразза.

Короля звали Нсау Альфонс, и, если не считать обведенного белым магического глаза, ничего необычного в лице монарха мы не обнаружили.

Королю уже не раз доводилось принимать журналистов и кинематографистов, и он отлично справлялся со своими обязанностями гостеприимного хозяина. Он хорошо знал французский и не только позволил нам снять селение и его обитателей, но даже любезно согласился быть нашим гидом. Мы записали рассказ короля Маккоко на магнитофонную пленку. Вот что он нам поведал:

«Я король Маккоко, и моя столица называется Мбе. Но я не только король, но и колдун. Самый великий колдун в мире.

Это знают все батеке Конго. Недаром мне подарили столько медалей. Де Голль тоже подарил мне за большие заслуги медаль.

Когда я умру, то стану львом. Хвост и когти льва — лучшее доказательство моего могущества. Глаз я обвожу белым кружком, чтобы читать в душах людей, которые смотрят на меня. Во всей Африке никто, кроме меня, не умеет читать правым глазом в душе людей. Ко мне приходят батеке из разных мест. Они просят меня обо всем. Вчера один мой верноподданный, бывший капрал французской армии, умолял меня, чтобы я выхлопотал ему пенсию. Он просил, чтобы я написал де Голлю или с помощью магии заставил бы его вспомнить о нем, старом капрале. Но я думаю, что на генерала магия вряд ли подействует. Поэтому я лучше отправлю ему письмо. Ведь у меня есть пишущая машинка.

Другие посетители просят, чтобы я совершил чудо, и тогда их бесплодные жены родят им наконец сыновей. А третьи говорят, что у них и так слишком много детей и больше им не нужно. Так пусть их жены станут бесплодными.

Ко мне приходят с самыми разными просьбами. Одни хотят мужа для дочки, другие — смерти для своих врагов. А некоторые даже хотят стать такими же великими колдунами, как я. Но это невозможно. Лишь я, король Маккоко, могу быть великим колдуном всех батеке.

У меня девять жен; каждая из них обошлась мне в тысячу франков. Одни жены следят за чистотой в доме, другие сеют и убирают маниоку. Все трудные проблемы я решаю на совещании с министрами.

Иногда ко мне приводят больных детей, и я их исцеляю. (У меня есть и врач, но, конечно, я помогаю больным лучше, чем его лекарства.) Я единственный законный король Маккоко и самый главный колдун. Но здесь, в Мбе, все умеют говорить с духами наших предков.

Жители моей столицы очень заботятся о душах умерших, приносят им дары и молятся за них.

Когда идет дождь, у каждой хижины делают соломенный навес, чтобы духи предков могли укрыться от непогоды.

В моем королевстве сезон дождей длится очень долго, а в засуху бывает очень жарко. Но время летит быстрее, когда слушаешь песни о подвигах моих царственных предков. Вы сами слышали, как мой министр воспевал их славные деяния. Мои сыновья и жены любят слушать эти песни и присутствовать на сеансах магии. Все мои сыновья вместе с остальными детьми ходят в школу, и я помогаю им готовить уроки. Я хочу, чтобы они хорошо отвечали на вопросы учителя. Сегодня учитель на уроке географии велел им показать границы Конго. Я надеюсь, что мои сыновья скоро поедут учиться в Браззавиль. Один из них станет после моей смерти королем Маккоко. Мне хочется, чтобы остальные устроились как можно лучше, стали бы бухгалтерами или землемерами. В Браззавиле для этого есть хорошие школы.

Жизнь в моем королевстве течет тихо, размеренно. Когда мои верноподданные батекке приезжают ко мне, это для меня большой праздник. Я люблю своих батекке как родных сыновей, все равно живут ли они в Мбе или в самых отдаленных селениях».

Хотя король Нсау Альфонс принял нас очень любезно, словно староста селения в одном из отсталых районов Италии, в которое нежданно нагрянули вездесущие журналисты, мы ждали от нашей поездки в Мбе большего. Увы, мы не нашли никаких следов древней культуры и традиций или даже воспоминаний о былой цивилизации, политическом и социальном устройстве некогда могущественной империи. Единственным любопытным эпизодом была моя встреча со львом и связанная с этим история.

Батеке считают, что дух короля Маккоко переселяется после смерти в живого «царя саванны». Поэтому в районе Мбе закон запрещает охотиться на львов.

С особо важными просьбами и петициями батеке обращаются не только к ныне здравствующему королю Маккоко, но и к его усопшим предкам. Они отправляются в глубь саванны и оставляют львам еду и другие приношения. Завидев издали льва, они падают ниц и громко молят умершего монарха помочь им.

— А нет ли тут опасности, что один из ваших верноподданных угодит в пасть льва? — довольно невежливо спрашиваю я у короля Нсау Альфонса.

— Нет, львы священны, и они не едят своих верноподданных.

— Ну, а если однажды у льва разыграется аппетит?

— В саванне всегда есть, чем утолить голод. Тут поблизости водится много всяких животных. Мы никогда на них не охотимся, потому что боимся нечаянно убить льва.

— А ты сам тоже не боишься львов?

— Конечно, нет, они знают меня, а я их.

— Но когда ты отправляешься в саванну, то берешь с собой ружье?

— Да, но не для того, чтобы стрелять в священных львов...
Пойдем завтра со мной, и ты сам убедишься.

Так я нечаянно напросился на прогулку в саванну. Король был в коротких спортивных брюках и майке. Я плелся сзади на встречу с его обожаемыми предками. Мои же друзья остались в селении, утомившись после нелегких съемок.

Примерно минут тридцать мы шли в густой траве, пока внезапно не услышали неподалеку львиный рев. Об этом могучем рыке писали многие исследователи Африки, и все они единодушно признавали, что сюрприз бывает не из самых приятных. И хотя многие ученые утверждали, что это лев всего-навсего шумно зевает после сытного обеда, выражая свое удовлетворение, мне захотелось поскорее вернуться в Мбе. Я знал, что в случае опасности никто не может прийти нам на помощь. Мой царственный спутник захватил с собой, кстати, охотничье ружье, что, понятно, еще больше настораживало меня. Если вопреки всем предположениям и доводам ученых лев все же нападет на нас, решится ли Нсау Альфонс выстрелить в него. Одно я знал твердо — даже если он и решится, то наверняка промахнется.

Редко кому из охотников удается попасть в львас первого выстрела, а по всему видно, что король Нсау Альфонс — стрелок никудышный. Раненый лев особенно опасен, а тут, в густой траве, от него не укрыться.

Но король вдруг остановился, прислушался и сказал:

— Идем со мной. Тебе повезло, ты сможешь снять льва с расстояния двух шагов.

При всем моем уважении к храбрости короля Нсау я не собирался снимать льва со столь короткой дистанции. Меня вполне удовлетворил бы обмен приветствиями издали. И я без обиняков сказал об этом моему спутнику.

— Я пойду без ружья, и ты увидишь, как мы беседуем с нашими усопшими предками.

— А нельзя ли поговорить с ним издали?

— Нет, нельзя. Я должен смотреть ему прямо в глаза. Не то он меня не поймет.

Нсау Альфонс положил ружье на землю и шагнул в траву.

«Проклятье, надо же мне было идти с этим безумцем», — в страхе подумал я.

— Не бойся, — сказал Нсау Альфонс. — На этих львов никто из нас не охотился. Они очень добродушные и ласковые, а этот самый добрый из всех. Он никому не причинил зла.

Тут король Маккоко засвистел, словно хозяин, подзывающий в городском парке свою отставшую где-то собаку.

Мгновение спустя в ответ совсем близко раздался оглушительный рев.

— Слышишь, он сегодня в отличном настроении, — сказал король и пошел дальше. — А вот и мой предок! — воскликнул он.

У куста распластался в траве огромный лев.

— Видишь, я без ружья! — тут же закричал Нсау Альфонс. И так как он явно обращался не ко мне, то не оставалось никаких сомнений, что он приветствовал своего царственного предка. А дальше я стал свидетелем более чем невероятной беседы.

Король сообщил льву, кто я такой и чем занимаюсь. На каждую его фразу лев отвечал глухим ревом. Нсау от моего имени попросил у льва разрешения сфотографировать его. Услышав в ответ новое «рррр»,

король истолковал его как знак согласия и предложил мне приступить к делу.

Я машинально повиновался; до сих пор не могу понять, как я смог нажать кнопку и даже умудрился не засветить пленку. После этого лев, не удостоив нас больше не единым взглядом, принялся аккуратно облизывать лапу.

Король Нсау Альфонс понял это как нежелание продолжать беседу и подал мне знак удалиться, что я и сделал с величайшей радостью.

Первые встречи с пигмеями

Вернувшись в Браззавиль, я снова встретился со своими старыми друзьями. И опять разговор зашел о древней культуре и цивилизации Экваториальной Африки и об их возможном влиянии на развитие всего континента.

— Если эти цивилизации похожи на то, что я увидел при дворе короля Маккоко, то вряд ли их вклад будет полезным и весомым.

Друзья, улыбаясь, соглашались со мной. Конечно, бесполезно искать в древних и пусть даже славных традициях средство, способное по мановению волшебной палочки создать новую культуру для отдельных районов или общин Черной Африки.

Будь то королевство Абомей или Маккоко, речь идет об отживших, «музейных» монархиях, о своего рода этнографических курьезах. Их установления и традиции омертвели и больше не способны плодотворно развиваться.

Живительным источником были и остаются еще более древние цивилизации, подлинно «местные», аутентичные. А для этого нужно неустанно искать глубокие истоки религиозных обрядов, верований и обычаев, следы забытых общин с их своеобразным социальным укладом жизни. Такие поиски не под силу одному человеку или даже группе исследователей. Здесь нужны объединенные усилия как европейских, так и африканских ученых. В ходе этих исследований рождаются, сталкиваются и отмирают различные теории. Они либо подтверждаются, либо получают опровержение на основе фактов и крупных открытий. Морфологический корень слова, ритм песни, способ обработки кости, из которой выделывают рыболовный крючок, религиозный обычай, процедура избрания вождя племени — все одинаково важно для того, чтобы создать полную картину прошлого Африки, отраженного в сегодняшнем дне.

Некоторые ученые подразделили историю Африки на «зоны цивилизации». Они выделяют «зону луков и стрел», «зону копья», «зону больших городов» и, наконец, «зону развитой промышленности». Перед каждой такой зоной встает целый ряд своих, особых проблем. Но вся трудность заключается в том, что, будучи единым «континентом» с географической точки зрения, Африка не имеет своего единого

континентального «лица», единой цивилизации и культуры. Поиски особенностей, которые отличали бы Африку от других культурных «континентов», таких, как Индия, Китай, Ислам, не дадут никаких результатов из-за наличия множества фрагментарных африканских цивилизаций, не имеющих общих источников. Это и заставило некоторых ученых разделить Африку на зоны «копья», «стрел», «зернохранилищ», «развитой промышленности». Другие исследователи, как, например, Дарилл Форд в книге «Ethnographic Survey of Africa»^[56], выдвинули теорию, которая классифицирует народности и цивилизации исключительно по географическому признаку.

Вестерманн в своем обширном труде «Круги цивилизации» рассматривает Африку только в этнографическом аспекте.

Одним из наиболее древних «кругов цивилизации» являются племена пигмеев. Изучение изначальной культуры и образа жизни первых обитателей Экваториальной Африки невозможно без обращения к истории пигмеев. Поэтому я хотел бы закончить эту книгу рассказом о моих встречах с пигмеями во время охоты на слонов. Знакомство с их жизнью и обычаями оставило во мне глубокий и прочный след.

Впервые я встретил пигмея банзаби в лесу Дивиние, вблизи реки Ниари. Этот банзаби, который оказался лесорубом, был маленьким человечком, все тело которого покрывали раны. В его взгляде нетрудно было прочесть страх, страх перед другими людьми, будь то белые или негры. Впоследствии я понял источники этого вечного страха, общие для всех пигмеев.

В древнейшие времена, до прихода негров и белых, они были полновластными хозяевами Африки. В лесу и саванне для них не было никаких секретов, они не боялись ни бурь, ни диких зверей. Но после того как их земли были захвачены и разграблены племенами более сильными в военном отношении, в душу пигмеев навсегда закрался панический страх перед другими людьми.

Моя первая встреча с пигмеем банзаби на лесной тропинке длилась какие-нибудь две минуты. За это время я успел сделать снимок, а пигмей прийти в себя от неожиданности. Несколько секунд мы молча разглядывали друг друга, а потом Милле двинулся ему навстречу. Но старик лесоруб мгновенно исчез в кустах.

С того дня у меня окончательно созрело решение заснять эпизоды из жизни пигмеев, потомков старинной, подлинно африканской цивилизации.

Мои спутники отнеслись к моим планам крайне скептически. И, увы, они оказались правы. Прошло целых пять месяцев, прежде чем мне частично удалось добиться своей цели.

Пигмеи обширного района между Габоном и Средним Конго — наиболее «дикие» из всех. Я употребил здесь слово «дикий» в его истинном, первоначальном значении, а именно как существа, не желающего встречаться или вступать в дружеские отношения с людьми чужих этнических групп.

Моя первая встреча с лесорубом-банзаби произошла в августе, но все мои последующие попытки завязать дружбу с пигмеями неизменно оканчивались неудачей.

Начальника округа Милле связывали самые добрые отношения с вождями ближних племен. С одним из наиболее влиятельных вождей он даже-вступил в «братство по крови». За это начальство в Браззавиле понизило Милле в должности и не присвоило ему очередного воинского звания.

На редкость храбрый, физически необычайно сильный, но очень добрый и простодушный, он завоевал любовь африканцев. И сейчас власти новой, независимой республики относятся к нему с величайшей симпатией и уважением. Несмотря на все это, Милле так и не удалось «устроить» мне встречи с пигмеями, хотя подчиненный ему район был их излюбленным местом охоты. Не помогли и подарки в виде мешочков соли; вековой страх оказался сильнее: пигмеи так и не вышли из зеленой чащи леса.

Сети и ловушки Буэнзы

Наконец, когда начался «сезон засухи», я воспользовался благоприятными условиями (в этот период дни стоят удивительно ясные, воздух прозрачен и чист), чтобы углубиться в густой тропический лес в холмистом районе к северо-востоку от Браззавиля. Вместе со мной отправились мой старый друг и великолепный охотник Нансен и пять носильщиков-негров. Я надеялся добраться до водопада Буэнза и снять его для видового фильма.

Когда проезжая дорога кончилась, мы оставили джип и поплыли по течению реки. Дальше наш путь пролегал уже по холмам. Но мне хотелось запечатлеть самый большой водопад посреди океана зеленых деревьев. Я свернул с удобной тропинки и заставил своих спутников взбираться по крутым и опасным склонам. Зато когда мы поднялись на гребень самого высокого холма, перед нами открылся поистине фантастический пейзаж. Позади расстилалась бесконечная желто-золотистая саванна, а впереди — зеленая, поросшая деревьями долина, над которой висело белое облачко. Это были мириады брызг самого большого в Экваториальной Африке водопада Буэнза. В нескольких километрах от нас он низвергался вниз с высоты восьмидесяти метров. А неподалеку, за склонами холмов, начиналась широкая долина, поросшая густым лесом; его темно-зеленый свод постепенно сливался с голубым поднебесьем. Наши проводники показали нам на этот зеленый ковер.

— Там живут пигмеи, много пигмеев, — сказал мне один из них, по имени Кибангу.

Увидев, что новость вызвала у меня живейший интерес, он добавил:

— Но лучше туда не спускаться.

— Ты боишься пигмеев? — удивился я.

— Нет, не их самих... просто они очень хорошие охотники, и в лесу на каждом шагу расставлены хитроумные ловушки.

— Пигмеи, — вступил в разговор Нансен, — знают о лесных зверях буквально все, их повадки и привычки, любимые пути, дни, когда они спариваются... Свои ловушки они ставят, учитывая все это. Поэтому-то наш друг Кибангу и боится спуститься в долину. Во время

такой прогулки можно угодить в яму, утыканную ядовитыми остроконечными стрелами, или в подгнивший пенек, полный колючек.

Наш разговор был прерван шумом и криками, доносившимися с соседних холмов. И сразу эхом откликнулись наши проводники-негры.

— Банзаби... банзаби.

Из леса, словно отозвавшись на наш зов, выскочили пигмеи, вооруженные стрелами и копьями. Их внезапное появление и напугало наших проводников.

В свою очередь пигмеи, услышав их отчаянные крики, остановились в изумлении, с явным намерением обратиться в бегство. Но мы велели проводникам умолкнуть; только тогда пигмеи, убедившись в наших мирных намерениях, подошли поближе. Они оказались не такими робкими, как их собратья из района Дивиние. А когда мы угостили их сигаретами, они окончательно успокоились и даже сами вызвались показать нам свою охотничью добычу.

Наш проводник Кибангу умел говорить на диалекте банзаби; с его помощью мы узнали, что произошло несколько минут назад. Крики, которые донеслись до нас, были как бы финалом долгой и тяжелой охоты. Примерно несколько дней назад (пигмеи считают время и расстояние по своим особым приметам, и по их рассказам очень трудно определить, сколько дней прошло с того или иного момента) они поставили на лесных тропах свои сети из сплетенных волокон, надеясь поймать маленьких лесных антилоп. А их в этом районе водилось великое множество.

В решающий момент охотники должны были криками вспугнуть антилоп и погнать их к искусно замаскированным сетям. Но наше появление на склоне холма, входившего в «оперативную охотничью зону», спутало все планы пигмеев.

Когда мы стали громко и возбужденно переговариваться, пигмеи подумали, что осторожные животные, которых они с таким упорством преследовали, обратятся в бегство и тогда все их усилия пойдут прахом. Поэтому они завопили во все горло, стараясь перекрычать нас, и стали бросать в антилоп камни и палки. Ошалевшие животные выскочили из своих укрытий и... угодили прямо в сети.

Маленькие, с рыжеватой шкуркой, они покорно и неподвижно лежали в коварной ловушке. Пигмеи молча разделили добычу на множество совершенно одинаковых частей. Шкуры тоже поделили

между охотниками, после чего куски мяса завязали в листья дикого банана и перевязали лианами.

— Часть своей добычи они оставят возле ближайшего селения батеке, — сказал Нансен.

— Почему? С какой стати?

— Потому что они, — он показал на группу пигмеев, — считают себя вассалами батеке.

Можно было подумать, что речь идет о старинных, давно канувших в Лету событиях. Между тем и пигмеи и батеке стояли рядом и были как бы живой иллюстрацией к невероятному рассказу Нансена.

— Пигмеи, — продолжал мой друг охотник, — в древние времена были хозяевами всей Экваториальной Африки. Негры-банту пришли сюда с востока много позже, примерно две-три тысячи лет назад, и покорили себе пигмеев. Банту казались маленьким лесным людям сказочными гигантскими существами. Они взяли верх над пигмеями не только благодаря своей более высокой и совершенной военной и социальной организации, но и благодаря своим религиозным верованиям и обрядам. Ведь в глазах пигмеев пришельцы были наделены магической способностью вызывать духов добра и зла. Банту захватили лучшие пастбища и охотничьи «уголья» пигмеев, оттеснив их в самые непроходимые лесные чащи и горные долины. Чтобы умилостивить завоевателей, пигмеи стали оставлять ночью возле их селений фрукты и дичь. Со временем этот обычай добровольно «платить» определенную дань не только банту, но и другим племенам, укоренился, стал прочной традицией. Сохранился он и до наших дней. Без всякого принуждения, — заключил Нансен свой рассказ, показав на завернутые в листья куски антилопьего мяса, — эти охотники оставят часть своей добычи возле ближайшего селения батеке. Века угнетения и страха наложили на души пигмеев свой неизгладимый отпечаток.

Нансен умолк. Я снова угостил пигмеев сигаретами, а Нанни заснял их тростниковые сети и контргруз, который сбрасывал эти сети прямо на животных, когда те задевали спрятанную в траве лиану, приводившую в действие ловушку.

— Мне кажется, достаточно пожить с ними немного, чтобы понять: пигмеи лучше всех других чувствуют биение сердца Африки и старинные законы природы, законы леса и саванны, — неожиданно объявил Нансен.

Удивительно! Он невольно повторил слова исследователей Африки, с которыми я беседовал в Браззавиле. Его многолетний опыт охотника совпал с теориями ученых, выработанными в тиши кабинетов. На следующий день мы приступили к съемке водопада Буэнза.

Я все время думал, как бы мне попасть в селение пигмеев — охотников за антилопами. Внезапно кто-то тронул меня за руку. Это был Кибангу. Не в силах сказать что-либо из-за грохота воды, он показал мне на четыре черные фигуры, маячившие возле водопада, над которым вилось облако брызг. Я не удержался и навел на них кинокамеру. Охотники-пигмеи стояли неподвижно, словно статуи; едва мы закончили съемки, они подошли к нам. Тут я увидел, что это те же пигмеи, на которых мы нечаянно натолкнулись вчера.

— Спроси, чего они хотят, — сказал я Кибангу.

— Спрашивают, не дашь ли ты им еще немного табаку.

— Конечно. Сейчас пошлем кого-нибудь за пакетами. Они остались в джипе.

— Пигмеи предлагают тебе в обмен мясо антилопы.

— Скажи, что мне ничего не нужно.

— Они спрашивают, не надо ли тебе рыбы?

— Спроси, где они ее ловят, в этой реке?

Кибангу что-то сказал, но те, видно, его не поняли. Тогда Кибангу стал им объяснять подробнее, и они долго о чем-то беседовали. Наконец один из пигмеев отложил ветку и показал ее Кибангу.

— Они ловят рыбу этими ветками, — сказал Кибангу.

Дожидаясь, пока двое носильщиков принесут пакетики табака, мы сели на землю, а двое пигмеев принялись рассказывать нам, как они ловят рыбу.

Пигмеи наломали много веточек и листьев и начали плести из них некое подобие циновки.

— Смотри, как споро они работают, точно ткачи, — с неподдельным восхищением сказал Нансен. — А ведь на этих ветках полно колючек.

Закончив работу, пигмеи отыскали несколько камней и привязали их к краям циновки. Потом жестами объяснили, что циновку вместе с камнями и грузилами бросают в воду.

— Эти сплетенные ветки служат вам сетью? — спросил я через Кибангу.

— Нет, это ветки ядовитых растений. Когда циновка опускается на дно, то вода вокруг становится отравленной. Все рыбы вблизи погибают и всплывают наверх.

— А их можно есть?

— Конечно. Только надо тут же хорошенько их выпотрошить.

Кибангу сам спросил о чем-то у пигмеев на диалекте банзаби, а затем перевел:

— Они говорят, что таких циновок должно быть не меньше десяти, и притом непременно с грузилами. Потому что яд очень легкий (он так и сказал — «легкий») и поднимается на поверхность. Ловить таким способом рыбу можно только в тихих местах со спокойным течением, когда нет дождя. При этом луна должна быть в первой четверти.

Мне казалось, что я своими глазами вижу, как тысячи рыб всплывают на поверхность и покачиваются брюшком кверху на желтой неподвижной воде. «Любопытно было бы заснять все это».

— Как долго они готовятся к рыбной ловле? — спросил я.

Кибангу снова пустился в бесконечные объяснения с туземцами. Я лишний раз убедился, что лесным жителям чужды и странны наши понятия о времени.

— Много дней, примерно с неделю, — сказал наконец Кибангу. — Сначала нужно выбрать подходящее место, а сделать это нелегко. Потом вырубить кустарник и ждать ясной, безоблачной погоды.

Появились носильщики с грузом табака. Пигмеи были наверху блаженства.

— Они говорят, что в селении у них есть много сушеной рыбы. Если хочешь, они завтра же ее принесут.

— Спроси, а нельзя ли самим отправиться за рыбой?

— Туда сутки ходьбы.

— Отлично. Завтра утром выйдем. Спать будем в их селении, а вернемся послезавтра вечером. Предупреди шоферов, чтобы они нас подождали в лагере.

Деревянная подушка

Первыми, кого мы увидели, подойдя к селению, были женщины. Маленькие, некрасивые, они спокойно курили длиннющие трубки. Нас они окинули внимательным взглядом, и только.

А вот малыши, завидев нас, заревели от страха. Насколько я понял, напугали их не мы, а наш проводник и переводчик Кибангу, огромный и черный. Очевидно, атавистический страх перед банту сохранился даже в подсознании малышей.

Селение, собственно, нельзя было назвать даже захудалой деревушкой. В первый момент мне показалось, что это обычный кустарник, только немного более густой. Но густые кусты оказались хижинами. Пигмеи строят свои куполообразные жилища из веток и листьев, располагая их неправильным кругом на лесной просеке. Лишь приглядевшись как следует, я увидел тропинку, которая вела от хижин к ручью.

У ручья группа женщин наполняла водой полые тыквы. На берегу того же ручья целыми днями сидели старики, уже неспособные охотиться, в надежде поймать какое-нибудь животное, пришедшее на водопой. Кроме того, они были и надежными часовыми, охранявшими селение от незваных гостей. Кибангу сказал, что все поселения пигмеев крохотного размера. Ведь трудно найти в лесу место, где дичи хватило бы на все племя.

Мы вошли в одну из хижин и сфотографировали соломенную подстилку, небольшой очаг, несколько глиняных сосудов, выменянных, как мы потом узнали, у негров банту, полые тыквы и деревянные или берестяные вазы, до краев наполненные диким медом и фруктами. В углу лежал заступ, вернее, обычная заостренная палка, которая служит для выкапывания клубней. Была здесь и другая кухонная утварь — большущий лист, чтобы завертывать в него мясо, и лист-кулек, в котором хранят термитов и червей. Возле соломенной подстилки я увидел полено с углублением в центре.

Один из стариков жестами объяснил нам, что оно служит подушкой.

— Немного жестковата, — мрачно процедил Нанни, заранее приготовившись провести бессонную ночь.

— Зато в чистоте этой «подушки» можешь не сомневаться, — утешил его Нансен.

До самой темноты мы ходили от одной хижины к другой, и всюду висели на стене-крыше хижины лук-колчан со стрелами, трубка и самая «ценная» домашняя утварь.

В самой большой хижине нас угостили обещанной рыбой, а мы раздали еще несколько пакетов табака. Собственно говоря, все эти хижины пигмеев даже не жилища, а временные укрытия. Впрочем, это вполне логично. Когда дичи в окрестностях становится меньше, пигмеи покидают селение и перебираются в другой район. Постоянной необходимостью кочевать с места на место и объясняется крайне ограниченный набор домашних и кухонных принадлежностей — все эти листы, деревянные кувшины и полые тыквы очень легко сделать снова, к тому же они не служат помехой в кочевой жизни.

Ночь спустилась внезапно, как всегда бывает в лесу, и сразу все окуталось мглой. Мы не торопились зажечь фонари и газовые лампы. Нам хотелось посмотреть, что происходит в селении с наступлением темноты.

Каждая семья укрылась в своей хижине, мгновенно смолкли разговоры и песни. Пигмеи боялись ночи так же сильно, как их предки. У хижин догорали костры, но никто не подбрасывал в них ветки и сучья, и уж никому из пигмеев не приходило в голову разжечь новый костер. Ночная тьма была грозной владычицей, и горе тому, кто осмелится потревожить ее сон.

Велико же было удивление пигмеев, когда мы зажгли наши фонари и лампы. Их свет был для пигмеев необычайно ярким; из каждой хижины вышли сначала мужчины, а затем женщины и дети. На огонь слетелись мириады насекомых и ночных бабочек.

Старики пигмеи уселись в кружок возле нашей хижины. Один из них заговорил возбужденно и быстро.

— Он говорит, что однажды уже видел такие огни на машинах, — перевел Кибангу. — Свет был такой сильный, что все животные в страхе бежали прочь...

Вспомнив о зажженных фарах автомашин, старик пигмей сказал, что только у бога Торе есть еще более яркие факелы.

Торе — бог света, огня; старик пигмей пожелал рассказать нам легенду о нем.

— Пигмей-охотник был первым человеком, который похитил огонь у богов, — начал переводить Кибангу. — Бог Торе очень мучился без огня, потому что в его доме сразу стало темно, холодно. Однажды бог Торе вернулся и увидел, что его старая мать замерзла. Разгневался бог огня на пигмеев. Но он был очень храбрый и ценил храбрость в других. Собрал бог Торе всех пигмеев и сказал им: «Теперь у вас есть огонь, и вам не страшен холод. Но охотник, похитивший у меня огонь, виновен в смерти моей старой матери. В наказание отныне и вы узнаете, что такое смерть».

Рассказчик умолк; вокруг снова воцарилась тишина.

Так в глубине тропического леса мы услышали новый вариант легенды о Прометее.

Огонь для пигмеев — величайшая драгоценность. Правда, они не умеют плавить металл, но огонь согревает их жилища в очень холодные и сырые здесь ночи. Когда пигмеи покидают свои временные поселения, то всегда берут с собой горящие головешки и золу, завернутые в мокрые листья. Я поинтересовался, умеют ли пигмеи высекать огонь из кремня.

— Умеют, — ответил мне Кибангу. — Но они предпочитают брать с собой головешки. В лесу всегда сыро, и потом очень трудно бывает разжечь костер.

А когда рядом горит огонь, пигмей чувствует себя существом куда более сильным, чем дикие животные.

Наступил рассвет.

Спали мы все отвратительно. Разбудило меня прерывистое негромкое пение. Я протер глаза и попытался размять затекшие конечности. Тягучие звуки песни раздражали меня.

— Ночью родился новый пигмей, — сказал Кибангу, протягивая мне термос с кофе. — Это поет мать новорожденного.

Теперь я стал с любопытством прислушиваться к песне; мне казалось, что в ней звучали то тихий стон, то счастье.

— О чем она поет? — спросил я Кибангу,

— Сейчас послушаем.

— Меж деревьев родного леса,
леса, который нам дорог,
леса, который отец нам,
я поймала в сети свои

маленькую, маленькую птичку, —

перевел Кибангу.

Позже мы сами увидели крохотного младенца. Пигмеи рассказали нам, какие церемонии связаны с этим радостным событием. Они были чрезвычайно простыми, но очень символичными. И в этом случае в ритуале не было и следа магии или суеверий.

В том месте, где родился ребенок, отец новорожденного сажает деревце и закапывает пуповину. Так они и растут вместе — деревце и малыш.

— А потом, — сказал нам охотник-пигмей, — когда придет смерть, умершего поднимут по могучему дереву высоко-высоко и привяжут к цепким лианам.

Когда смерть приходит в селение, женщины обмазывают тело белой краской, символом траура, и в тоскливых песнопениях оплакивают покойника. Затем пигмеи складывают свои немудреные пожитки и перебираются на другое место, куда смерть еще не проникла. Меня поразила эта редкая простота восприятия жизни и смерти у этих людей, крохотные хижины которых затерялись в необозримом мрачном лесу.

Весь обратный путь я думал об этом, и у меня как-то радостно было на душе. Вас это, очевидно, удивляет. Попытаюсь объяснить мое состояние. Вначале пигмеи показались мне робкими. Но вскоре я обнаружил, как богат и красочен их духовный мир, сколько поэзии в их легендах и песнях. И я понял, что, наверно, вот так же, в полном и органическом слиянии с природой, жили древнейшие охотничьи племена Африки.

Мне захотелось побольше узнать об этих лесных отшельниках, их быте и нравах. В Браззавиле я перечитал все доступные мне книги о пигмеях. Наиболее интересные сведения, почерпнутые мной из разных источников, мне хотелось бы привести здесь.

Первым слово «пигмей» употребил Гомер, говоря об очень маленьких людях. Слово, несомненно, было выбрано очень точно. Ведь рост мужчин-пигмеев обычно не превышает метра тридцати сантиметров, а женщин и того меньше.

Впервые о пигмеях упоминается в египетском папирусе, датированном примерно 2500 годом до нашей эры. В нем говорилось,

что фараоны отправили в район верхнего Нила военный отряд, чтобы захватить пигмеев. Эти крохотные существа, наделенные от природы богатейшим мимическим даром, со временем стали придворными шутами, «танцующими карликами», увеселявшими могущественных государей.

В последующие века неоднократные упоминания о пигмеех мы находим у греческих и древнеримских авторов. Затем в эпоху средневековья исчезают всякие следы пигмеев, словно их и не существовало вовсе. Так продолжалось свыше тысячи лет, пока с начала XVI века не возобновились путешествия и исследования Африки.

Испанские и португальские мореплаватели в своих донесениях и дневниках называли пигмеев *negrillos*, думая, что это негры очень маленького роста. Но как показали последующие исследования этнографов, пигмеи представляют собой особую народность. Они резко отличаются от негров не только меньшим ростом, чертами лица, но и цветом кожи^[57].

Дорога к пятой «купальне»

Заснять сцену поимки живого слоненка было главной целью моего последнего документального фильма об Экваториальной Африке. В наш экспедиционный отряд входили, кроме меня и Нанни, двое помощников кинооператора, Франко Доди и Лучио Бомпани, специалист по тропическим болезням доктор Порфирио, механик и мастер на все руки Мамбро и неразлучная пара охотников Басселе и Нансен.

Посоветовавшись в Браззавиле с опытными проводниками, мы разбили свою штаб-квартиру в селении Нго, где скрещивалось несколько дорог. Это так называемое селение состояло из нескольких хижин и маленького домика для проезжих и пришлых охотников. В двадцати километрах от селения протекала река, и туда, по рассказам туземцев, слоны каждый вечер целыми стадами приходили на водопой. Там нам будет легко подстеречь слониху с детенышем и поймать его в ловушку. На деле все оказалось куда более сложным. После целого месяца бесплодных поисков нам удалось увидеть одного-единственного слона, да и то ночью.

Я уже рассказывал, к каким уловкам мы прибегали при охоте на слонов, поэтому не буду повторяться. Но когда день проходит за днем, а слонов нет и в помине, даже самый уравновешенный человек начинает нервничать.

В нашей группе полное спокойствие сохраняли лишь два друга охотника. Я же постоянно пребывал в страхе, что продюсеры, потеряв всякое терпение, лишат нас продовольствия и тем самым принудят вернуться домой.

Однако больше всех волновался наш добряк доктор. С ним приключилась беда. Две недели назад, когда мы переходили вброд бурную и порожистую речку Лутсила, он, сняв очки, воскликнул:

— Недоставало только, чтобы они свалились в воду. Без них я как без рук.

В тот же миг он уронил очки в бурный поток, и их унесло бог весть куда. С этого момента бедняга доктор мог идти по тропинке, лишь положив руку на плечо одного из наших носильщиков. Впрочем, насколько туманным и неразличимым стал для него окружающий мир

мы убедились, когда однажды ночью возвращались на джипе в Нго. Внезапно у края дороги мы заметили черную неподвижную тушу.

Машины вел Васселе. В первый момент, увидев прямо перед собой слона, он невольно сбавил ход. Но, вспомнив, как опасен разбуженный слон, он резко свернул в сторону и дал газу.

— Ну, кажется, пронесло, — пробормотал он.

— Черт бы побрал этих растяп-шоферов! — возмущенно воскликнул доктор Порфирио. — Стоят себе у дороги и даже фар не считают нужным зажечь.

Тут мы окончательно поняли, что он срочно нуждается в новых очках. В Браззавиль полетела телеграмма, и вскоре доктор стал обладателем сразу трех пар очков. У нас появилась надежда, что теперь он перестанет путать грузовик со слоном.

Вместе с очками к нам прибыли крайне важные фотографии, снятые одним нашим другом, летчиком браззавильского аэроклуба. По нашей просьбе он на своем «лайнере» несколько раз облетел районы, где мы безуспешно искали слонов. Внимательно рассматривая присланную нам пленку, мы обнаружили место, где слонов буквально «полным-полно». Мы искали стада слонов в саванне к северу от Нго, у берега реки. Протекая по заболоченной местности, она образует несколько крохотных озер, куда слоны обычно приходят на водопой. Всего этих озер четыре, и мы каждый день поочередно отправляемся к одному из них. Путь к четвертому, самому дальнему озеру крайне труден. От Нго его отделяли сорок километров, причем пятнадцать из них мы должны были одолеть пешком. И вот за этим четвертым озером мы обнаружили на фотографиях пятое, самое крупное и чистое. Очевидно, его-то и облюбовали слоны для купания и водопоя. Значит, если мы хотим заснять сцену поимки слона, нам нужно добраться до пятой «купальни».

В десяти километрах от «купальни» есть ровная зеленая долина, где можно поставить две-три палатки и разбить «оперативный лагерь».

Но как перебросить все наше оборудование, припасы, оружие, кинокамеры из Нго в район будущего оперативного лагеря? От него нас отделяет расстояние в шестьдесят километров. Новых носильщиков разыскать было невозможно, нам оставалось одно — пробиваться к лагерю через саванну на джипах. Так мы и сделали. Но уже через два часа нам пришлось капитулировать: каждую минуту мы рисковали

угодить в яму или застрять в термитнике, которых в саванне десятки тысяч. Эти термитники, похожие на нелепые каменные тумбы, внезапно выросшие в густой траве, нередко становятся для машин непреодолимым препятствием. Ведь среди них встречаются гиганты высотой в два-три метра — настоящие скалы.

Единственный выход заключался в том, чтобы проложить «дорогу» для наших джипов. Для этого надо было нанять африканцев, которые помогли бы нам засыпать ямы и разрушить некоторые термитники. Неподалеку находилось селение батеке. Туда мы и отправились. Но вождь племени в ответ на нашу просьбу только покачал головой. Он не может дать нам людей: сейчас самая горячая пора — время уборки урожая. Не помогли все наши уговоры и посулы.

— Почему бы вам не попросить помощи у пигмеев? — сказал нам сельский учитель, к которому мы обратились за советом.

— К пигмеям? А где их найти?

— Они живут неподалеку, с батеке их связывает «взаимный интерес».

— В чем же он заключается?

— В том, что пигмеи и батеке ведут оживленный торговый обмен. Впрочем, пигмеи считают себя вассалами батеке, и отношения между ними весьма деликатные и сложные. Пигмеи снабжают своих соседей-батеке дичью и слоновой костью, а в обмен получают кое-что из овощей, глиняные сосуды, железные наконечники для стрел и копий и ножи.

— Этот обмен происходит в определенный день недели, где-нибудь на рынке? — спрашиваю я.

— Нет, нет, пигмеи боятся приходить в селение.

— Как же тогда они могут обмениваться «товарами»?

— А очень просто: в трех километрах от селения есть место, где растет одинокое дерево. Батеке складывают под деревом свой «товар», а пигмеи, укрывшись за термитниками, незаметно следят за ними. Потом пигмеи тайком кладут рядом дичь и слоновую кость. Если те и другие сразу же забирают чужой «товар», значит, обмен состоялся. Но если «товар» залеживается, то это означает, что одна из сторон не согласна и ждет нового, более выгодного предложения.

— Как же нам все-таки встретиться с пигмеями?

— Да, сделать это нелегко. Пигмеи могут испугаться, увидев среди батеке белых.

— И тогда?..

— Тогда наверняка ничего не выйдет. Когда у пигмеев создается впечатление, что соседи их обманули, они покидают этот район и уходят искать других, более великодушных и честных покровителей, готовых дать лучшую «цену» за их редкостную дичь.

— Такое может случиться и в этот раз?

— Боюсь вам сказать. Но будем надеяться на лучшее.

Чтобы избежать неприятного сюрприза и преодолеть врожденную недоверчивость пигмеев, я прибег к старому, испытанному методу. В тех местах, где пигмеи обычно встречаются с батеке, я оставил несколько мешочков соли. И стал ждать.

Тем временем я нашел в селении человека, который знал язык пигмеев, и уговорил его стать моим парламентаром и переводчиком. Он отправился к пигмеям, пообещав от моего имени табак. Наконец ему удалось договориться о встрече, которая должна была состояться возле источника неподалеку от селения.

На следующий день мы поставили джип в густой траве и стали ждать. Часа два мы в дремотном полусне сидели у машины, кое-как защищавшей нас от палящих лучей солнца. Внезапно я поднял глаза и буквально в двух шагах от себя увидел пятерых пигмеев. Я тут же дал им несколько пакетов табака, который уже лежал наготове. Я вспомнил о миссионере, который собирался сбросить соль и табак с самолета, дабы пигмеи поняли, что имеют дело с самим посланцем небес, и мне стало ужасно смешно. Не знаю, чем кончилась затея американца миссионера, но мой маневр удался. Пигмеи охотно приняли мои подарки. Переводчик стал им объяснять, что именно от них требуется.

Помочь нам проложить дорогу в саванне? Срезать траву, засыпать ямы, срыть несколько термитников? Они стали совещаться. Мы тут же увеличили размеры обещанного вознаграждения. Пигмеи что-то сказали переводчику, потом открыли пакеты и быстро поделили табак. Мы поняли, что пигмеи согласились прийти к нам на помощь.

И работа закипела. Прокладка дороги заняла четыре дня. На то, чтобы засыпать и выровнять километр дороги, требовалось четыре-пять часов. Наш джип медленно продвигался вперед метр за метром.

С десяток пигмеев, негры банту и участники нашей экспедиции, вооружившись кирками и лопатами, старательно засыпали ямы и подрезали траву. Мы то и дело сменялись за рулем, пигмеи работали тоже «посменно», чередуя несколько часов тяжелейшего труда с заслуженным отдыхом.

В минуты отдыха я усаживался рядом с пигмеями, угощал каждого табаком и уже потом заводил дружескую беседу.

— Что с ним случилось? — спросил я через переводчика, увидев у одного из пигмеев на ноге огромную гнойную рану.

— Порезал ногу в лесу, и теперь рана не закрывается, — ответил переводчик.

Я подумал, что не мешало бы прибегнуть к помощи доктора Порфирио, но был далеко не уверен, разрешит ли боязливый пигмей забинтовать рану. Но он согласился. Вероятно, бедняга умирал от ужаса, но позволил не только промыть и продезинфицировать рану, но даже наложить пластырь. Постепенно рана начала заживать. Теперь у нашего доктора не было отбоя от пациентов. Он всем подряд раздавал таблетки хинина и других противомаларийных средств, которые, кстати, творили чудеса. Слава о магическом исцелителе облетела окрестные селения, и вскоре к доктору стали приводить самых невыносимых больных. Подчас он даже не в силах был поставить диагноз болезни. В таких случаях он неизменно прибегал к спасительным таблеткам хинина. И почти всегда результат лечения был весьма обнадеживающим. Если бы не панический страх перед дикими зверями, наш доктор был бы совершенно счастлив.

Впрочем, и мы пребывали в самом отличном настроении, так как прокладка дороги шла быстрыми темпами.

Я попросил друзей освободить меня от всех работ, мне хотелось записать на магнитофон рассказы пигмеев в те часы, когда они отдыхают после очередной смены. Вечером я сделать этого не мог по той простой причине, что мы обычно возвращались в Нго, а пигмеи оставались ночевать в лесу. Они ни за что не соглашались даже проводить нас до селения.

На второй день мне удалось поближе познакомиться с неразговорчивым пигмеем, который знал буквально все о жизни и обычаях своего племени. Между собой мы называли его «наш старичок». На вид ему можно было дать лет шестьдесят пять,

семьдесят. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что ему немногим больше тридцати.

— Они живут очень недолго, — сказал нам переводчик-батеке.

— А дети?

— Половина из них умирает в первые же дни после рождения.

От «старичка» я узнал, что у пигмеев нет вождей или старейшин. В селении все равны, любое решение принимается только с общего согласия.

Когда мы сказали пигмеем, что нам не хватает рабочих, и попросили привести других, то получили отказ. Объяснялся он вот чем: каждая группа пигмеев имеет свои, нередко весьма обширные «владения» и другие группы строго соблюдают неприкосновенность границ. Нарушение этого неписаного закона было бы открыто враждебным актом — ни одна группа пигмеев на это не решится.

Однажды речь зашла о матримониальных обычаях пигмеев. За время моих путешествий по Африке я видел всякое: и куплю-продажу девушек в рабство, и полигамию, и уплату приданого отцу невесты. Ничего этого у пигмеев нет. Жизнь отдельных семей подчиняется простым и ясным обычаям. Поэтому «ядро» маленьких общин у них необычайно прочное.

Девушки могут вступить в брак после семнадцати лет, то есть много позже, чем юные негритянки, а юноши — в девятнадцать-двадцать. Каждый свободно выбирает себе мужа или жену, не бывает никаких сделок между родителями. Юноша пигмей выбирает полюбившуюся ему девушку из другой семьи, и, если та отвечает ему взаимностью, они становятся мужем и женой. Существует одноединственное «ограничение»: семья жениха обязана «компенсировать убыток» семье невесты, дав согласие на второй, «внутрисемейный брак». Брат жениха обычно женится на сестре невесты.

Такой взаимообмен объясняется тем, что каждая семья крайне нуждается в помощи молодых мужчин и женщин. Уход хотя бы одного юноши или девушки в другую семью резко нарушает устойчивое равновесие.

— Ну, а если у жениха нет молодой незамужней сестры или кузины? И потом брат или сестра могут ведь отказаться от брака? — спрашиваю я.

— В этом случае жених возмещает «убытки» семье невесты, — говорит переводчик. — Несколько месяцев в году он отдает своим новым родственникам часть своей охотничьей добычи.

Чем ближе я знакомился с жизнью пигмеев, тем больше меня поражала разумность всего быта как отдельных семей, так и целой общины. Но столь же сильно удивляла меня и крайняя примитивность материальной культуры пигмеев. Они умеют обрабатывать лишь дерево и кость да плести сети из прутьев и лиан. Они не умеют ни ткать, ни прясть, у них не развито ни гончарное ремесло, ни земледелие. А ведь их соседи-банту неплохие земледельцы и пастухи, и пигмеям нетрудно было бы многое перенять у них. Однако пигмеи предпочитают не заботиться о будущем и живут сегодняшним днем. Они так и не научились сеять, выращивать злаки, разводить скот, обрабатывать металл и камни. Их основное средство к существованию — охотничья добыча.

Впрочем, пигмеи любят лакомиться не только мясом, но и червями, змеями, улитками, фруктами, клубнями, корнями. Когда они прокладывали дорогу, то с жадностью набрасывались на термитов, выбегавших из своих разрушенных киркой башен.

Одежду пигмеев составляют набедренная повязка из листьев или коры у мужчин и коротенькая «юбка» из шкуры диких животных у женщин.

Рулетка в саванне

Когда прокладка дороги была закончена, мы смогли наконец разбить оперативный лагерь в десяти километрах от главной слоновьей «купальни».

В последний день работы двое наших проводников спугнули двух кабанов.

— Cochon! cochon!^[58] — закричали негры. Бедняге же доктору со страху послышалось: «Lion! lion!» (лев, лев). Он побелел как полотно, схватился за пистолет и слабеющим голосом призвал на помощь охотников. Но больше всего на свете наш доктор боялся спать ночью в лесу. Совсем неподалеку слышался рев диких зверей, топот, пронзительные крики птиц.

Однажды пигмей показал нам следы слоновьих клыков на деревьях возле нашего бивака. Мы стали обсуждать, какого размера было животное, очень довольные, что час встречи со слонами явно приближался. И только Порфирио эта новость отнюдь не обрадовала. Значит, совсем рядом бродят в ночи грозные четвероногие гиганты. А вдруг им вздумается напасть на наш лагерь.

И тут кому-то из нас пришлось в голову поугадать трусоватого доктора. Мы сказали ему, что слон почти наверняка вернется и вместо того, чтобы заснуть, прислонившись к стволу могучего дерева, вполне может «облокотиться» о непрочные стенки палатки.

— Представляешь, что будет, если он рухнет на нас, — говорит Доди.

— Как это рухнет? — еле слышно спрашивает доктор.

— Очень даже просто. Если он прислонится к стенкам палатки, то колышки и брезент мгновенно упадут, и бедняга слон обрушится на нас всем своим четырехтонным весом.

Утром за чаем Порфирио молчит словно в рот воды набрал. Всю ночь он ворочался с боку на бок, ожидая, что вот-вот его нечаянно раздавит уснувший слон. Нет, надо удирать отсюда, пока цел. Доктор начинает перелистывать календарь.

— Черт побери! Через десять дней в Риме состоится конгресс тропической медицины. Я могу опоздать! — восклицает он. — Сегодня же вылетаю в Браззавиль! Да я вам, собственно, и не нужен.

Мы изо всех сил сдерживаемся, чтобы не расхохотаться.

— А если нам слон кишки распотрошит? Кто их потом зашьет? — спрашивает Нансен.

Порфирио уныло опускает голову. Профессиональный долг превыше всего. Чувство товарищества оказывается сильнее страха.

— Так и быть, останусь, — стонет он.

Мы разражаемся громким смехом и признаемся, что пошутили. Мы клянемся нашему верному доктору, что слоны никогда не спят, прислонившись к палатке, и смиренно просим нас простить. В знак окончательного примирения мы водружаем доктора на плечи и с триумфом несем по всему лагерю.

Батеке и пигмеи смотрят на нас с нескрываемым изумлением. Они поражены даже больше, чем в тот раз, когда впервые увидели, как мы играем в импровизированную рулетку.

Чтобы побыстрее скоротать время вечером или в дождливые дни, Франко Доди придумал новую азартную игру. Он ставил треножник в палатку, раздвигал три его «ноги», мы садились в кружок, клали на землю наши франки, и игра начиналась. Доди придавал круглой крепительной головке, заменявшей нам белый шарик рулетки, сильнейшее вращение, а мы с замиранием сердца следили, где она остановится. Если головка останавливалась возле одной из монет, ее обладатель снимал двойной банк, а остальные платили. Каждый успех и неудача сопровождалась отчаянными воплями, которые не в силах были заглушить даже раскаты грома. Батеке и пигмеи были уверены, что мы отчаянно ссоримся. Но через два-три вечера они наконец разобрались в несложных правилах игры и даже отважились тоже поставить на кон свои заработанные у нас франки.

Доди ввел такое правило: если вращающийся шар останавливался на уровне одной из «ног» треножника, все забирали деньги, и вводилась новая двойная ставка. При этом все мы дружно кричали: «Gamba! Gamba!» (нога, нога). Вскоре не только носильщики, но и пигмеи научились кричать «гамба, гамба!» с великолепным римским акцентом своего учителя Мамбро, механика нашей экспедиции.

Так от каменного века они мгновенно перешли к современной эпохе азартных игр и морального разложения,

Кхамвум открывает и закрывает лес

В редкие солнечные дни мы регулярно отправлялись к пятой «купальне» на поиски слонов. Нашими проводниками были батеке и четверо пигмеев. Более опытных проводников, чем пигмеи, мне не довелось встречать за все долгие годы путешествий по Африке. Они всегда знали, в какое время дня лучше всего искать стадо слонов у «купальни», и умели совершенно незаметно к ним подкрадываться. Им не раз удавалось подобраться к слонам на расстояние четырех-пяти шагов. С их помощью мы смогли снять эпизоды, когда матери-слонихи спокойно резвятся со своими малышами в воде.

Увы, погода с каждым днем становилась все хуже. С утра небо заволакивали тучи, и начинался проливной дождь. Под струями дождя мы мчались в спасительную палатку, а потом часами сушили и протирали ружья, кинокамеры, фотоаппараты. Снаружи громыхал гром, сверкала молния; в такие минуты не один лишь доктор Порфирио испытывал страх. Хорошо еще, что мы нашли себе развлечение — походную рулетку. После трех дней беспрестанных ливней в палатку стали затекать грязные струи воды. Пришлось нам прокопать вокруг лагеря отводные каналы.

Во время самых сильных ливней батеке прячутся под автомобильный брезент. А вот пигмеи всегда готовы прийти к нам на помощь. Завидев, что мы выходим из палатки, они вылезают из кустарника и, не обращая внимания на ливень, тут же принимаются за работу. Зонтиком им служат большущие листья. Несколько дней подряд солнце и дождь сменяют друг друга с промежутком в какие-нибудь три-четыре часа. Это приводит к сильнейшим колебаниям температуры; мы чувствуем себя бесконечно усталыми, много хуже, чем после утомительнейших переходов по саванне. У Нанни даже поднялась температура. Один из четырех охотников-пигмеев, которого мы по-прежнему зовем «старичок», при каждой вспышке молнии и раскате грома бормочет: «Кхамвум, кхамвум». Лишь когда в лагерь вернулся наш переводчик-батеке, я понял, к кому он обращался.

Кхамвум — бог небес, молнии и грома у пигмеев. Они зовут его «отец», а иногда и «отец наших отцов» и верят, что он живет в одинокой хижине высоко-высоко в небе, среди облаков.

Хотя они и не считают его творцом Вселенной, но убеждены, что он один повелевает миром. Он рисуется пигмеям в облике луны, которая то появляется, то исчезает за самыми высокими деревьями. Но главное, Кхамвум — повелитель грома и молний. Это сразу видно по тому, с какой смиренной мольбой обращаются к нему пигмеи при каждой вспышке молнии. Кхамвум повелевает лесными духами добра и зла. Он их создал, и он же, могущественный владыка земли и неба, может радугой прогнать злые тучи и снова выпустить солнце. А кроме того, Кхамвум волен «открыть» и «закрыть» лес. Для этого он является ночью во сне к охотнику и открывает, где прячутся дикие звери, либо «затуманивает» ему взор, и тогда охотнику ни за что не разыскать зверя.

Не знаю, было ли это заслугой Кхамвума, но однажды «старик» сказал нам, что ему «во сне открылся лес». Из слов проводника я понял, что ему приснилось большое стадо слонов у водопада. Значит, мы скоро их увидим, а они, пигмеи, вскоре выследят одинокого слона и убьют его.

Я воспользовался удобным случаем и заговорил со «стариком» об охоте. Меня интересовало, как пигмеи делят свою добычу. К моему удивлению, выяснилось, что мясо убитого животного делится отнюдь не на равные части. Самый большой кусок получает охотник, убивший зверя, а уж другие охотники делят то, что осталось, на равные части. Тот, кто первым нашел старицу, полную рыбы, фруктовое дерево или дикий мед, получает самую большую долю и сам распределяет остаток между другими пигмеями.

Я бы сказал, что пигмеи нашли весьма разумное соответствие между правами коллектива и отдельного человека. Пигмеи признают личную собственность на оружие, кухонную утварь, одежду и подарки. Что же до собак, костюмов для танцев, палок с заостренными наконечниками, то они являются собственностью общины — их нельзя никому дарить или отдавать.

Переводчик рассказал мне также, что перед большой охотой пигмеи устраивают ритуальные танцы, в которых участвуют все мужчины и женщины. Если на охоте удастся убить слона или гиппопотама и всей общине хватит потом мяса на много месяцев, то в честь такой победы устраивается грандиозное празднество с танцами и песнями. При этом танцы длятся всю ночь до полного изнеможения.

Каждый день, пережидая очередной дождь, мы собираемся в нашей палатке. Снова завязывается оживленная беседа об охоте и об обычаях пигмеев. Я угощаю моих гостей табаком, и постепенно палатка наполняется густым дымом. Мне хотелось узнать, существует ли у пигмеев обычай приносить дары богу Кхамвуму. Да, переводит мой верный толмач, пигмеи приносят в дар тому, кто повелевает их жизнью и смертью, дикий мед, клубни и корни, а после удачной охоты и часть добычи. Обычно дары богу от имени всех приносит старейший член общины, причем он повторяет раз и навсегда затвержденные слова ритуала: «Это для тебя, это твое». Затем сразу же начинается дележ охотничьей добычи.

Я обнаружил, что у пигмеев нет культа усопших. И в этом они тоже отличаются от своих соседей-банту.

Пигмеи знают и признают магические заклинания, связанные с охотой, но им совершенно чужд ужас перед «мстью» мертвецов. Пигмеи — единственное в Экваториальной Африке племя, которое, несмотря на страх перед другими, более сильными племенами, не боятся загробного мира и злых духов своих усопших предков.

— Они одни свободны почти от всех суеверий, — заметил я.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросили друзья, когда разговор зашел об обычаях пигмеев и о том, что отличает их от всех других африканских племен. И прежде всего в сфере духовной.

— По-твоему, другие племена должны взять за образец семейные и социальные отношения пигмеев.

— Нет, вы меня не так поняли. Мои рассуждения в данном случае исходят из совсем других предпосылок.

— Что же это за таинственные предпосылки?

— Я так думаю: если справедлива теория о том, что дела в Африке пойдут куда лучше, когда она «откроет» Европу, Америку, Восток, то ей не мешает «открыть» и пигмеев, и рыбаков-эве с их простым и здоровым образом жизни.

— Но чему могут научить пигмеи или эве нынешних обитателей Экваториальной Африки? У них нет ни культуры, ни цивилизации, которая могла бы удовлетворить потребности миллионов африканцев, ищущих прочную опору в своей нелегкой борьбе.

— Конечно, у пигмеев и эве нет высокоразвитой цивилизации, но зато они могут преподать другим племенам урок подлинной жизни.

— Как, каким образом?

— Если правы многочисленные ученые и исследователи, взывающие «Африка, открой саму себя!», если оправданны, пусть в разной степени, теории «кругов цивилизации», «негритюда» и «присутствия африканцев», то и пример пигмеев может сослужить добрую службу.

— Выражайся пояснее!

— Я уже сказал, их образ жизни заслуживает подражания.

— По-твоему, все африканцы снова должны ходить голыми, есть коренья и панически бояться соседних племен. Выходит, им надо сжечь города и вернуться в жалкие соломенные хижины посреди тропического леса?

— Да нет же, я абсолютно не так представляю себе все это. Пусть африканцы остаются в городах и пользуются новейшими достижениями техники. Чем дальше они пойдут по пути цивилизации и прогресса, тем лучше. Вероятно, они даже быстрее нас смогут приспособиться к техническим преобразованиям, к новым законам и установлениям. Я имел в виду совсем другое.

— Может, ты наконец объяснишь, что именно?

— По-моему, Экваториальная Африка многое выиграла бы, если бы ее обитатели брали пример не только с чужих цивилизаций, но и получше поглядели вокруг себя. Тогда они увидели бы, как просто, в слиянии с природой живут пигмеи, эве и другие неизвестные нам пока племена. Я не ставлю под сомнение объективную реальность стран Экваториальной Африки, их политическую жизнь, проблему установления демократии, взаимоотношения с другими странами. Эти общие проблемы стран Экваториальной Африки независимо от того, имеют ли они позитивное или негативное значение, не связаны прямо с тем, что меня сейчас больше всего волнует. Оставим в стороне вопрос о настроениях африканцев, живущих в городах, об их политических симпатиях и религиозных верованиях. Все эти факторы имеют огромное значение для будущего Африки, для ее развития.

Но прежде чем заниматься их анализом, самим африканцам надо преодолеть глубочайший духовный застой и чуждые наслоения в их истории последних пяти веков. Только тогда Экваториальная Африка сможет вновь обрести утраченную самобытность и духовную чистоту.

— В этом вся суть? — невозмутимо спрашивают друзья после моей столь длинной тирады.

— Именно в этом. Корни новой Африки должны при необходимости подобно корням некоторых деревьев тропического леса перебираться туда, где почва лучше, плодороднее. Африка должна найти себя в самых древних, далеких цивилизациях.

— Но при чем здесь пигмеи?

— Новым, цивилизованным африканцам нужно терпеливо и упорно искать образец для подражания в забытых либо исчезнувших цивилизациях народностей, живших в лесах и на берегу моря. Тогда им откроется действительный смысл этих духовных, культурных и религиозных ценностей.

— Значит, ознакомившись с жизнью пигмеев, Экваториальная Африка познает саму себя?

— В определенной мере да. Пигмеи были первыми и самыми древними жителями Экваториальной Африки; никто лучше их не знает законов природы, тайн родной земли. Конечно, было бы смешно подражать образу жизни пигмеев, но их органическому единству с окружающим миром можно только позавидовать. Когда Экваториальная Африка лучше поймет свое прошлое, у нее возникнет то высокое «историческое самосознание», которое придаст наконец реальный смысл таким словам, как «независимость» и «свобода». А пока для многих африканцев труднодоступных внутренних районов они остаются абстрактными понятиями^[59].

Впрочем, этот спор увел нас слишком далеко в сторону от разговора о пигмеях. А они — живой объект наших споров — сидели рядом и курили свои трубки. И все же последнее слово осталось за ними. Они еще раз бесстрашно бросили вызов жизни, дав еще одно неопровержимое доказательство гармоничного сочетания интересов каждого с высшими интересами всей общины.

Последнее приключение

Такого могучего крика радости я не слышал за все двенадцать лет моих путешествий по Африке. Для меня он был символом скрытой, пробуждающейся силы великого континента. Поэтому мне хотелось бы закончить книгу рассказом об охоте четырех пигмеев на слона.

После того как мы засняли отдельных слонов, слоних с детенышами и редкую сцену поимки батеке и пигмеями маленького слоненка, наша программа работ была выполнена. Пигмеи поняли, что и их работа подходит к концу, а когда мы стали упаковывать в ящики не только кинокамеры, но и ружья, они набрались храбрости и задали нам вопрос: «Не собираемся ли мы убить слона и подарить тушу их племени». Мы ответили, что это невозможно. Весь район Нго — охотничий заповедник, а Нансен и Васселе, два честных профессиональных охотника, никогда не согласятся убить слона в запретной зоне. Поэтому мы за все время съемок не сделали ни одного выстрела.

Пигмеи поняли, но все же остались недовольны. Охотничий сезон был неудачным, приближался период дождей и над ними неотвратимо нависла угроза голода.

Мы пообещали им оставить все наши консервы и даже купить для них сушеное мясо в окрестных селениях, но это, конечно, было каплей в море. Ведь пигмеев, мужчин, женщин, детей, было около ста.

Мы уже начали подумывать о том, чтобы уговорить неподкупных Васселе и Нансена в нарушение всех охотничьих законов подстрелить слона в заповеднике. Но тут ко мне подошел один из пигмеев.

— Он говорит, что все уладилось, — перевел мой толмач.

— Что уладилось? — не понял я.

— Со слоном.

— Но ты же знаешь, что мы не можем охотиться на слонов в заповеднике.

— Пигмеи сами убьют слона. Ведь они имеют право охотиться повсюду.

— Знаю. Но мы не можем дать им наши ружья. Это запрещено. Да потом они не умеют с ними обращаться.

— Они охотятся на слонов без ружей.

— Без ружей?

— Да, когда они вели вас к «купальне», то увидели следы одинокого слона. Трое охотников отправились на разведку. Они вернутся ночью.

На небе бледно, устало светила луна, с трудом освещая небольшую площадку перед нашей палаткой. Все же через противомоскитную сетку я вижу, как трое пигмеев-следопытов возвращаются из лесу и жадно пьют воду из кувшина. Остальные пигмеи-охотники выходят из подлеска, и начинается общий «военный совет». На следующий день «старичок» пигмей подходит ко мне и что-то говорит, радостно улыбаясь. Я, естественно, ровно ничего не понимаю. Подбегает мой незаменимый толмач; он весьма дорожит своей новой должностью: за каждый переведенный разговор мы платим ему сто франков.

— Он спрашивает, помнишь ли ты про тот сон. Так вот, лес «открылся» ему, и мы увидели стадо больших слонов, а они скоро убьют одинокого слона. И еще он говорит, что сам тоже пойдет на охоту.

— Спроси, когда они отправятся на охоту.

— Говорит, что завтра.

Я никак не мог понять, почему пигмеи хотят убить одиночку, хотя уже давно выследили целое стадо слонов. К тому же слон-одиночка куда более опасен.

— Они очень часто видят стада слонов, но не отваживаются на них напасть, — объяснил мне Нансен. — Если они ранят одного, то другие слоны растопчут охотников, вооруженных одними стрелами да копьями. Поэтому они и предпочитают «одиночку», причем обычно охотятся ночью, когда слон спит.

Пигмеи ждали, пока луна опустится совсем низко и ее лучи сверкающим кинжалом пронзят зеленую лесную чащу. Чтобы незаметно подобраться к слону и тот не смог их учуять, охотники разделись догола и обмазали тело фекалиями. Они с полудня шли по слоновым следам и «засекли», у какого дерева он решил заночевать.

Потекли томительные минуты ожидания. Наконец «старичок» подал сигнал атаки. Пигмеи бесшумно подползли к огромной черной туше. Мгновенный обмен взглядами — и четыре копия с зазубренными наконечниками вонзились в слоновье брюхо. Четверо маленьких человечков с хриплым криком повисли на копьях, глубоко ушедших

животному под кожу. Лес огласился диким ревом. Раненое животное совершенно обезумело от внезапной, отчаянной боли. Четверо бесстрашных охотников молниеносно проскользнули у раненого животного под брюхом, увернувшись от его длинного хобота.

Слышно было, как с треском валятся деревья, которые слон крушил в слепой ярости. Четверем охотникам-пигмеям удалось выполнить первую часть задачи — подкрасться и вонзить копыя в спящего слона. Но сама охота только начиналась. Рана слона-одиночки сама по себе была не очень тяжелой, а добровольно сдаться на милость врагов он явно не собирался. Кто может сказать, когда он окончательно выбьется из сил и упадет замертво. Теперь в схватку с раненым слоном вступили уже не только четверо охотников, а все племя. Отчаянный рев животного был для всех сигналом к общему сбору.

Слон обратился в бегство, и тут же в погоню за ним бросились все пигмеи, включая женщин и детей.

К древкам копий, вонзившихся в слоновье брюхо, были привязаны длинные лианы. Мужчины и женщины цеплялись за эти «веревки», заставляя слона волочить себя по земле. Своим телом они оттягивали копыя, и раны в теле животного становились больше и кровоточили все сильнее. Обезумевший слон волочил своих преследователей по острой, как лезвие ножа, траве, но все новые пигмеи, не обращая внимания на боль, порезы и ранения, по очереди хватались за лианы.

Время от времени слон внезапно поворачивал назад и устремлялся на своих врагов. В тот же миг все бросались врассыпную. Если бы кто-нибудь замешкался или споткнулся на бегу, слон растоптал бы его, как это нередко и случалось.

Преследование длилось целый день до наступления темноты. Когда обессиленное животное рухнуло в кустарник, пигмеи упали рядом в траву. Они ждали, когда обескровленный, загнанный слон испустит последний вздох. Но громкое дыхание животного и редкие стоны ясно говорили, что слон не хочет умирать.

На рассвете схватка возобновилась. Слон отмерял своими ножищами метр за метром, и армия крохотных охотников еле поспевала за ним. Промелькнуло два часа. Внезапно слон остановился, сделал резкий поворот и опять ринулся на своих мучителей. Лес здесь был довольно редким, так что спрятаться было почти негде. Убегая от слона, женщины отчаянно визжали от страха. А слон все ближе и

ближе. Пигмеи попадали в траву и притаились. Слон в растерянности стал топтаться на месте, потом заревел отчаянно и горестно, словно корабль, подающий в тумане сигналы бедствия. Охотники бесшумно подползли к нему, схватились за лианы и начали изо всех сил тянуть к себе. От пронзительной боли слон встал на задние ноги, обнажив огромное красное пятно на брюхе. Теперь охотники уже не цеплялись за лианы, а, упираясь ногами в землю, яростно дергали их обеими руками. Им удалось выдернуть три из четырех копий. Слон, казалось бы, вышел победителем в схватке. Но это был последний смертельный удар. Из открывшихся ран ручьем хлынула кровь. Слон упал на колени и умолк.

Прошло еще несколько часов. Пигмеи сидели полукругом в нескольких метрах один от другого и терпеливо ждали. Наконец, когда закатное солнце окрасило в золото зеленые склоны дальних холмов, один из четырех охотников подобрался к слону и осторожно обошел его кругом. Потом закричал 'невероятно громко, ликующе. Он вскочил на слона, и выхватив нож, одним ударом отсек слоновий хвост и подбросил его вверх. Это был ритуальный жест победы, общий для всех африканцев — охотников на слона.

Вскоре в лесу загорелись пять, десять, сто костров. Каждый пигмей получил свою долю добычи — большущий кусок мяса. Теперь его нужно было прокоптить на огне, и тогда голод уже не страшен.

Всю ночь в траве полыхали огни и всю ночь пигмеи танцевали и пели. Потом один за другим костры постепенно потухли. Голоса поющих стали слабеть, словно их поглощали листья и стволы деревьев. Наконец пигмеи водрузили на плечи свою добычу и отправились в обратный путь, к селению. В лесу снова воцарились мрак и тишина.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы только что прочли не совсем обычную книгу не совсем обычного автора. Написал ее итальянский кинорежиссер и оператор Фолько Куиличи, известный у нас главным образом по великолепному фильму «Голубой континент». Можно, конечно, только пожалеть, что наши зрители почти незнакомы с другими работами этого художника, одного из виднейших зарубежных кинодокументалистов нашего времени.

Но сейчас вы встретили Куиличи в другом амплуа: автора путевых заметок, сделанных во время нескольких киноэкспедиций по разным районам Африки — Северной, Западной и Экваториальной.

Конечно, кинематографист чувствует себя и в этих заметках— и по зоркости и вниманию к деталям, и по построению книги, в чем-то напоминающему монтаж фильма. Однако главное все-таки не в этой «кинематографичности». При всей занимательности книги, написанной легко и изящно, с юмором, ее можно было бы назвать и своеобразным социологическим исследованием.

И дело тут вовсе не в модной терминологии. Даже не слишком внимательный читатель довольно быстро обнаруживает, что книга построена вокруг единого стержня. На протяжении многих страниц автор внимательно рассматривает, как проникает новое в жизнь народов Африки, как это новое сталкивается со старым и борется с ним (а иногда и сочетается), короче говоря, как складывается тот сложнейший комплекс явлений, который мы сейчас иной раз с легкостью именуем современным африканским обществом.

Бесспорно, Куиличи писал свою книгу не как научный трактат. Случается, что он и увлекается и ошибается кое в чем. Но по богатству фактами, по честному стремлению автора всерьез разобраться в том, что же все-таки происходит на континенте, по отсутствию даже малейших следов снисходительного европоцентризма (а он встречается порой даже в очень хороших научных работах ряда солидных и в целом прогрессивных ученых), наконец, по последовательному демократизму точки зрения— по всем этим признакам «Тысяча огней» не уступит многим серьезным трудам. И не только не уступит, но и превзойдет...

Куиличи хорошо понимал, о чем, собственно, расскажут читателю его путевые записки. Уже на самых первых страницах книги вы встретили слова: «Живописный мир, навсегда расставшийся с первобытной жизнью». В общем это справедливое определение: внедрение в жизнь африканских народов новых явлений действительно чаще всего сопровождается быстрым и необратимым разрушением традиционного уклада.

Но «расставание» проходит совсем не безболезненно. Во-первых, потому, что африканские страны делают резкий скачок от феодализма, а иногда даже чуть ли не от первобытно-общинного строя к капиталистическому способу производства и современной культуре с ее необходимыми атрибутами. Поэтому пока что сохраняется еще очень многое из старого, причем такое, что оказывается серьезным препятствием на пути обновления Африки. И в книге вы встретили немало примеров того, как «мертвый хватает живого». И самые, пожалуй, яркие из таких примеров — рассказы о встречах с «традиционными» правителями, такими, как король Тоньи в Дагомее, султан Зиндера в Нигере, ламидо Нгаундере в Камеруне, король Маккоко. в Конго. Спору нет, трудно иногда удержаться от смеха, читая некоторые из этих описаний. Но смех смехом, а реальность-то ведь намного печальнее и страшнее.

Именно такие заповедники феодализма в свое время служили надежной опорой колониальной администрации. А сейчас они серьезно и часто безуспешно противятся осуществлению самых насущно необходимых преобразований. Сочетание в нынешней Африке транзисторного приемника с самой что ни на есть «традиционной» архаикой стало одним из излюбленных общих мест в газетных статьях, посвященных африканской тематике. Беда только в том, что такие, казалось бы, несопоставимые вещи прекрасно сочетаются. В рассказах Куиличи хорошо видно многообразие тех форм принуждения, которые использует старая знать, чтобы держать в повиновении массу крестьян и кочевников, — от прямого насилия до освященных веками норм идеологического порабощения. И автомобиль последней американской марки, который на плечах переносят через реку «пожизненные слуги» правителя, вырастает уже в символ. А главное, феодальная верхушка цепко держится за свои привилегии. Когда начальник дворцовой охраны в Нгаундере говорит: «Для ламидо ничто не изменится. Они

всегда были хозяевами!» — то это не просто слова, а очень определенная политическая программа. И эту реальность приходится учитывать и всем правительствам Дагомеи, и президенту Ахиджо (это фигура гораздо более сложная и противоречивая, чем можно судить по небольшому эпизоду, описанному в книге), и правительствам Нигерии.

Новое проникает в Африку в форме отношений и взглядов, характерных для капиталистического общества. Соответственно искажаются любые отношения между людьми, любые реакции человека на окружающую его действительность. И для иллюстрации можно напомнить несколько эпизодов из книги.

Прежде всего рассказ об американце, летчике, перевозившем проданных в рабство детей. «Какое мне дело, если мне платят десять тысяч долларов в месяц?» — в этих словах бесчеловечный характер новых отношений сконцентрирован на редкость емко и ясно. Рабство «обычное» и рабство капиталистическое вполне сочетаются в иных случаях...

При этом, однако, когда Куиличи говорит о спросе на африканских невольников на Арабском Востоке, не следует его слова толковать расширительно: известно (да это хорошо видно и из текста книги), что этот спрос в наши дни ограничивается Саудовской Аравией и княжествами востока и юга Аравийского полуострова, то есть по существу такими же «заповедниками феодализма» на Ближнем Востоке, какими север Нигерии и отчасти Камеруна оказываются в Африке. Прогрессивные же страны Арабского Востока никак не повинны в этой позорной торговле арабских эксплуататоров, которые угнетают и свой народ. Больше того, такие страны, как ОАР или Алжир, немало делают для того, чтобы ликвидировать наслоения неприязни и недоверия между арабским и негроидным населением Африки, скопившиеся на протяжении веков исторического развития, и добиться объединения всех народов Африки на демократических основах.

Другой пример: представление, посвященное работоторговле, которое устраивает в окрестностях Лагоса туристская компания. По существу это профанация, издевательство над памятью миллионов африканцев, погибших в период европейской работоторговли. Но бизнес остается бизнесом, на чем бы он ни был построен.

Характерно, что современные работорговцы очень успешно используют традиционные обычаи и суеверия в своей коммерческой деятельности. И опять же оказывается, что самые варварские традиции вполне сочетаются с новейшими (для Тропической Африки) формами капиталистической эксплуатации. Чего стоят хотя бы «люди-крокодилы» в окрестностях Лагоса, под прикрытием древних суеверий безнаказанно скупающие девушек, которых затем перепродают в публичные дома.

Да, африканская действительность очень сложна. Одним из примеров этого можно назвать проблему многоженства, которой в книге уделено довольно много внимания. Куиличи, конечно, прав, когда выступает против приниженного положения африканских женщин и против полигамии как одного из проявлений этого положения. Нужно, однако, различать многоженство в сложившемся классовом обществе (например, в султанате Зин-дер) и такое многоженство, которое вытекает еще из пережитков родового строя, как в случае с кирди. В целом же освобождение африканской женщины, утверждение ее равноправия с мужчиной теснейшим образом связаны с необходимостью быстрого подъема экономики и культуры молодых африканских государств; и в то же время это освобождение оказывается обязательным условием такого подъема. Но при этом нельзя упускать из виду, что быстрое изменение устоявшихся вековых традиций, особенно в быту, — дело очень нелегкое. Поэтому даже самым демократическим правительствам Африки приходится в таких вопросах проявлять сдержанность и известную осторожность.

Не мудрено, что разложение традиционного общества, появление самых уродливых сочетаний нового и старого ведут к разрыву привычных социальных связей, а значит, и к тому отчуждению человеческой личности, о котором много и в целом верно говорит Куиличи.

Стоит, пожалуй, обратить внимание читателей на еще одну интересную сторону книги. Куиличи сумел объективно осветить такую проблему, как отношения между африканцами и европейцами, гражданами бывших метрополий, — проблему, которая в Африке во многих случаях имеет еще немалую остроту.

Симпатии Куиличи принадлежат безоговорочно тем европейцам, которые сумели стать настоящими друзьями африканского населения,

людям типа Милле (хотя тот был довольно редким исключением среди колониальных чиновников), Васселе, Мак-Мерри. Симпатичны ему и американские нефтяники в Тунисе — простые, смелые и веселые парни, хотя по-настоящему они могут быть веселы только в пустыне: слишком уж велик разрыв между суровыми и открытыми обычаями пустыни и миром капиталистической цивилизации, в котором нефтяники остро ощущают какую-то пустоту.

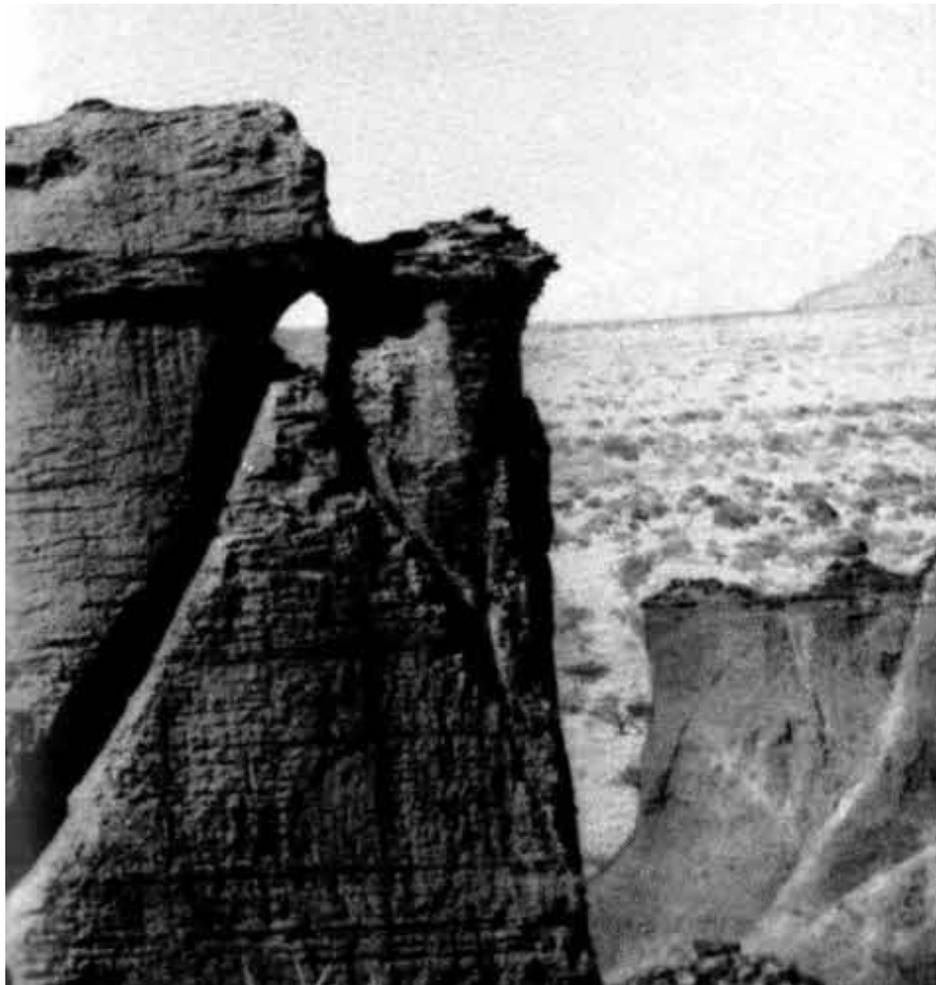
Нефтяники, наверно, понравились и вам. Но никуда ведь не денешься: сейсмограммы, снятые в пустыне, идут в США, а не в распоряжение тунисского правительства. И получается, что хорошие и трудолюбивые парни объективно помогают поставить экономику африканской страны в зависимость от американских нефтяных компаний. По сути дела здесь перед читателем встает во весь рост проблема трагического противоречия между блестящими достижениями человеческого гения и эгоистическим их использованием в условиях капиталистической системы хозяйства.

Фолько Куиличи написал честную и умную книгу. Он не скрывал своих симпатий и антипатий, не закрывал глаза на многочисленные и очень сложные проблемы, стоящие перед государствами независимой Африки. Он попытался дать ответ на некоторые из таких вопросов. Не всегда мы можем согласиться с его мнениями, а ответить на иные из вопросов сможет только дальнейшее историческое развитие стран Африканского континента. И все-таки книга оптимистична, потому что автор вложил в нее и свою веру в прогресс человечества, и свое уважение к тем людям, с которыми во время путешествий по Африке сталкивала его беспокойная судьба кинематографиста.

Книга «Тысяча огней» дает каждому много нового, она заставляет задуматься, будит интерес к сложнейшим проблемам мира, в котором мы живем. В этом ее ценность, в этом же и заслуга Куиличи.

Л. Е. Куббель

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Каменные «острова» в Эннеди (Сахара)

Старинная мечеть в Бобо-Диулассо (Верхняя Вольта), построена в самом начале XVIII века

Джерба. Еврейская девушка в Гуэллале

Арабские женщины

Горфа в Меденине

Джерба. Негр красит шерсть в мастерской под открытым небом

Всадники-берберы, в Гафсе

Старое и новое в пустыне

Жена аменокала-туарега

«Троглодиты» у туфовых жилищ

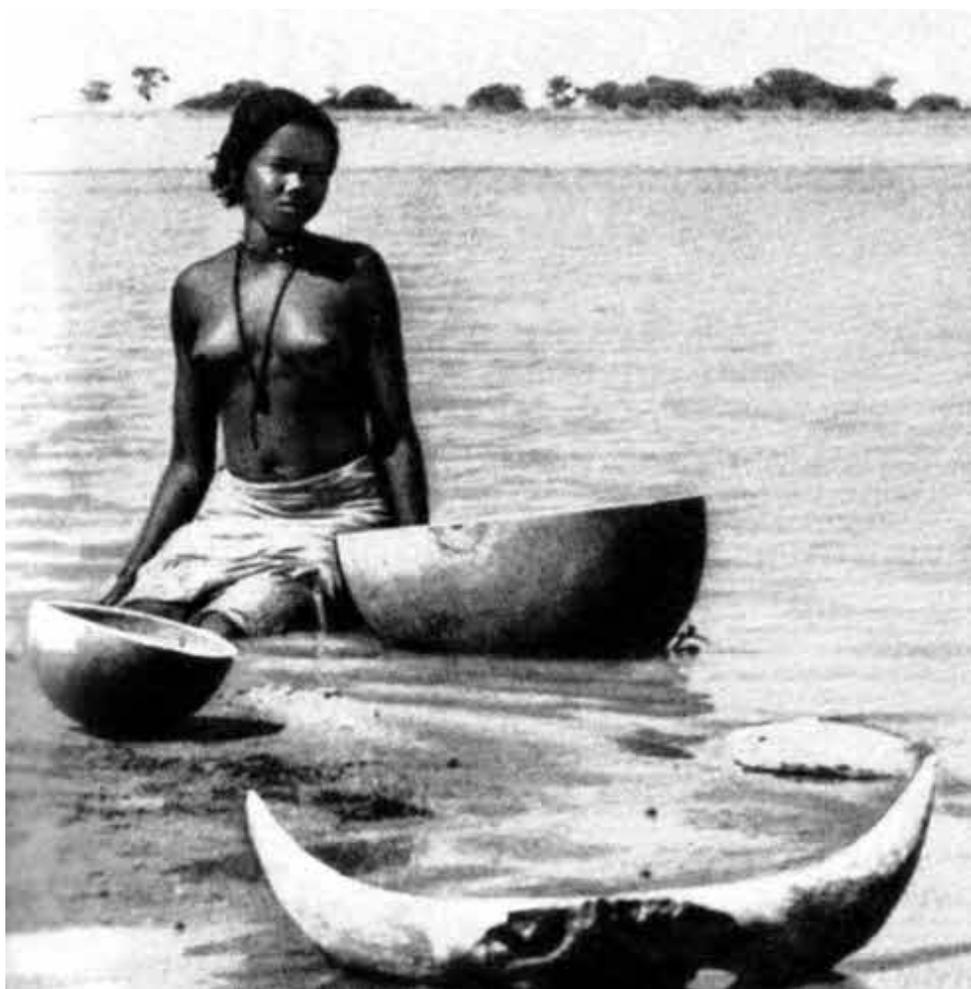

Девушка из племени банана набирает воду

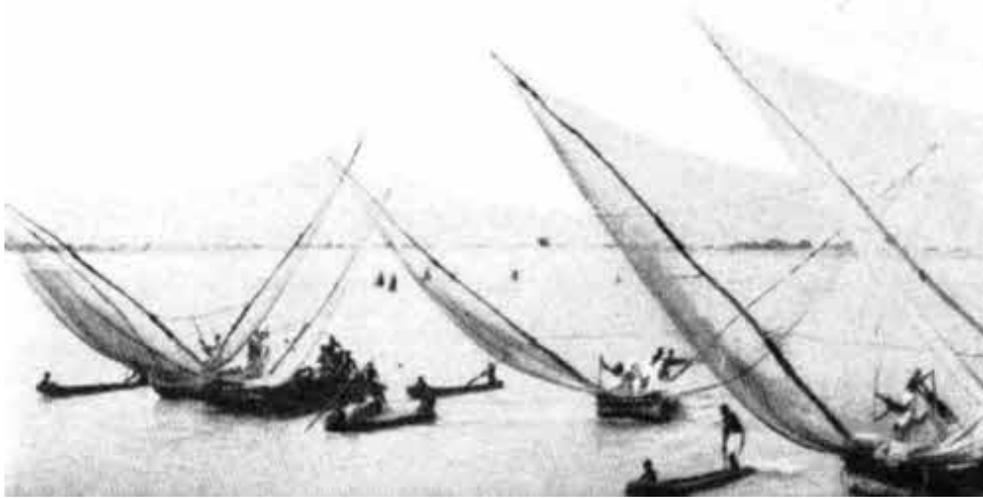

Девушки идут за водой. На голове у них кувшины-калебасы

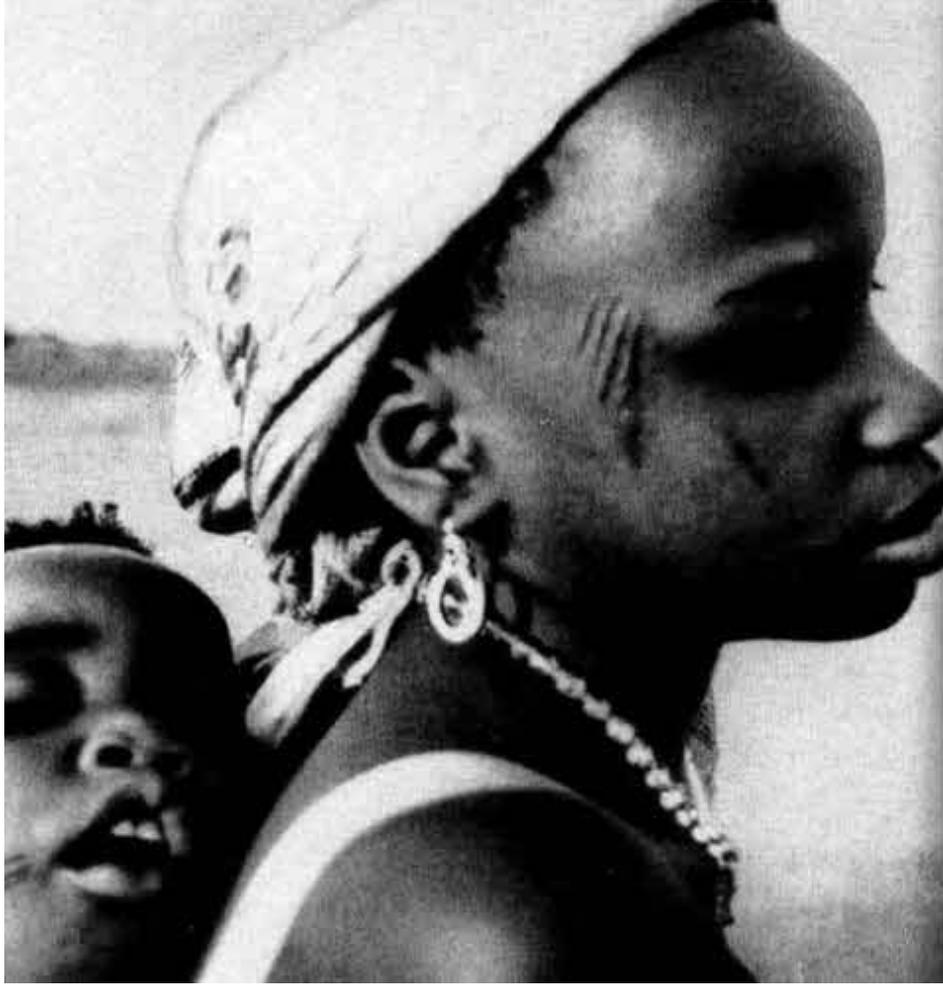

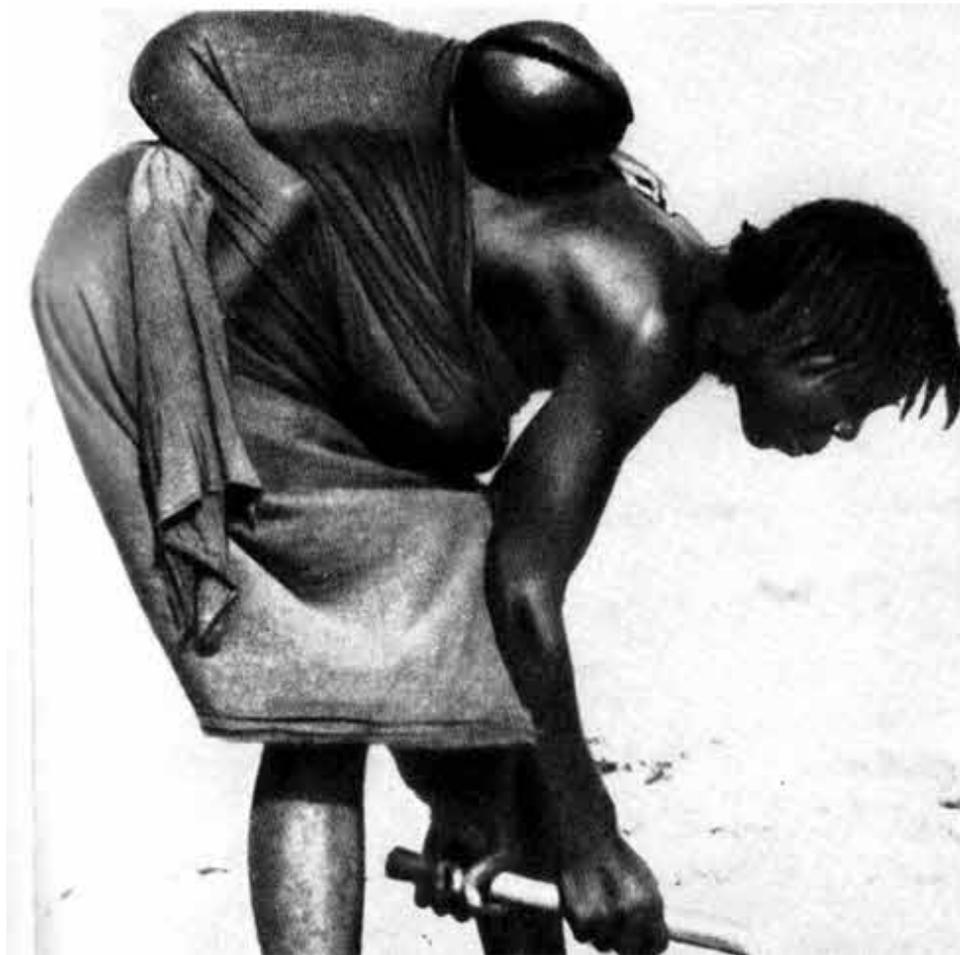
Девушки из племени котоко

Большие пироги — нзечи — с поднятыми парусами

Детей всегда носят на спине

Их не оставляют, даже когда работают в поле

Девушка из племени моей просеивает просо

Юноша из племени бваба с татуировкой на лице

Танец моление о дожде в Банфоре

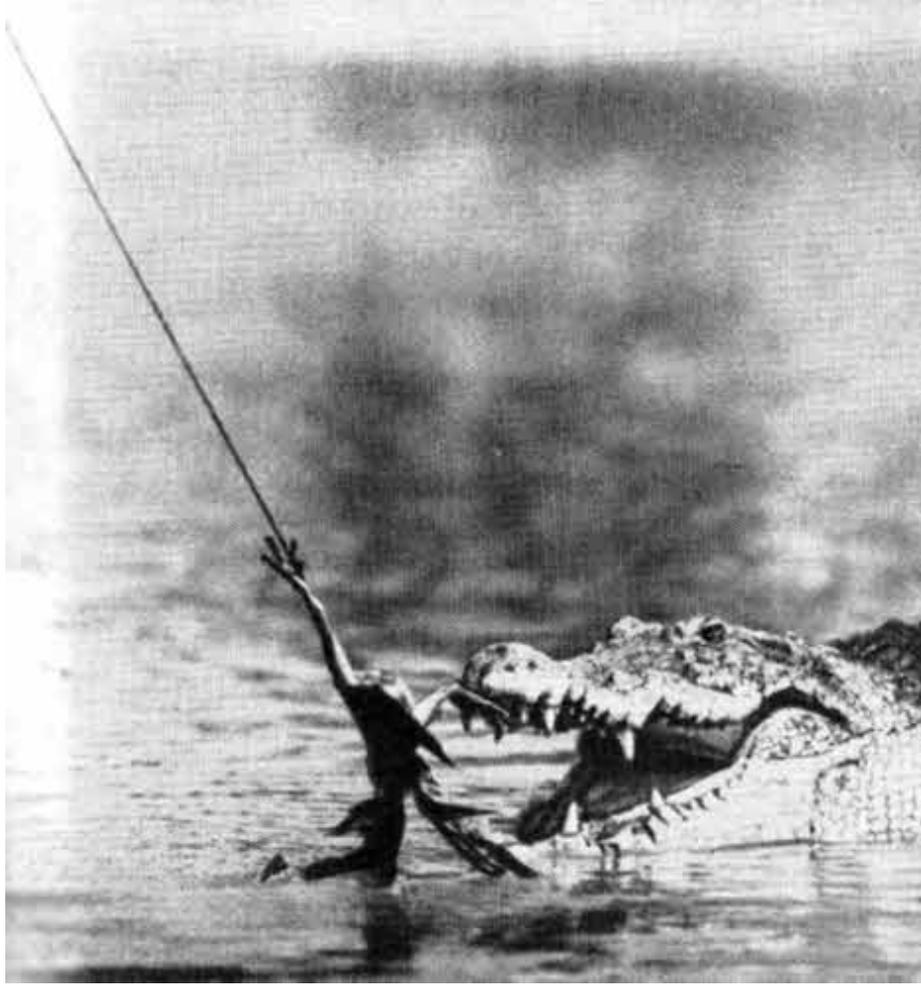
Туареги в пустыне

Стадо буйволов перебирается вплавь по мелководью озера Чад

Люди племени бобо (селение Бони) в масках на церемонии посвящения в мужчины

Селение Себу в Верхней Вольте. Жертвоприношение «священному крокодилу»

Нигерийский сахель на рассвете. Один из мусульманских купцов направляется на ша-рот

Зрители на ша-роме

Юноша-фульбе на испытании мужества ша. роте

Зонтик — символ богатства

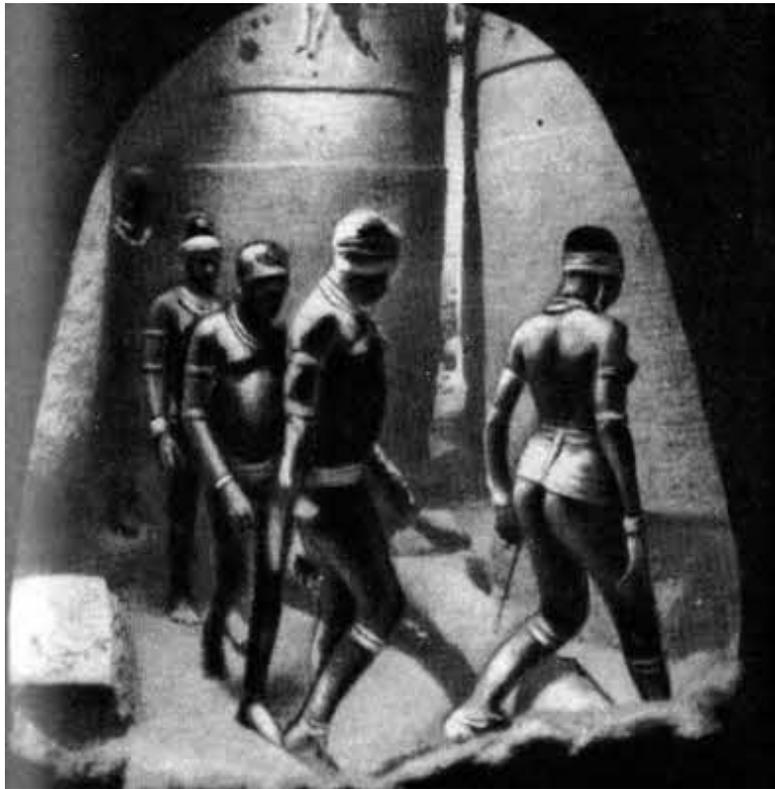

Участник ша-рота должен всегда сохранять хладнокровие

*Северный Камерун. Конная стража ламидо Нгаундере возле шатра
своего повелителя*

Селение кирди. Глава племени осматривает башни-силосы, в которых живут его многочисленные жены

Султан Зиндера

«Голубые христиане» отправляются на молитву

Нижняя Дагомея. На рыбной ловле в лагуне

Нижняя Дагомея. Селение на воде

Туземец-лесоруб

Выход королевского министра на центральную площадь

Посвящение мальчиков в мужчины

Лимонад для обезьяны (Пото-Пото, Браззавиль)

Король с всевидящим глазом

Возвращение рыбаков-эве (Нигерия)

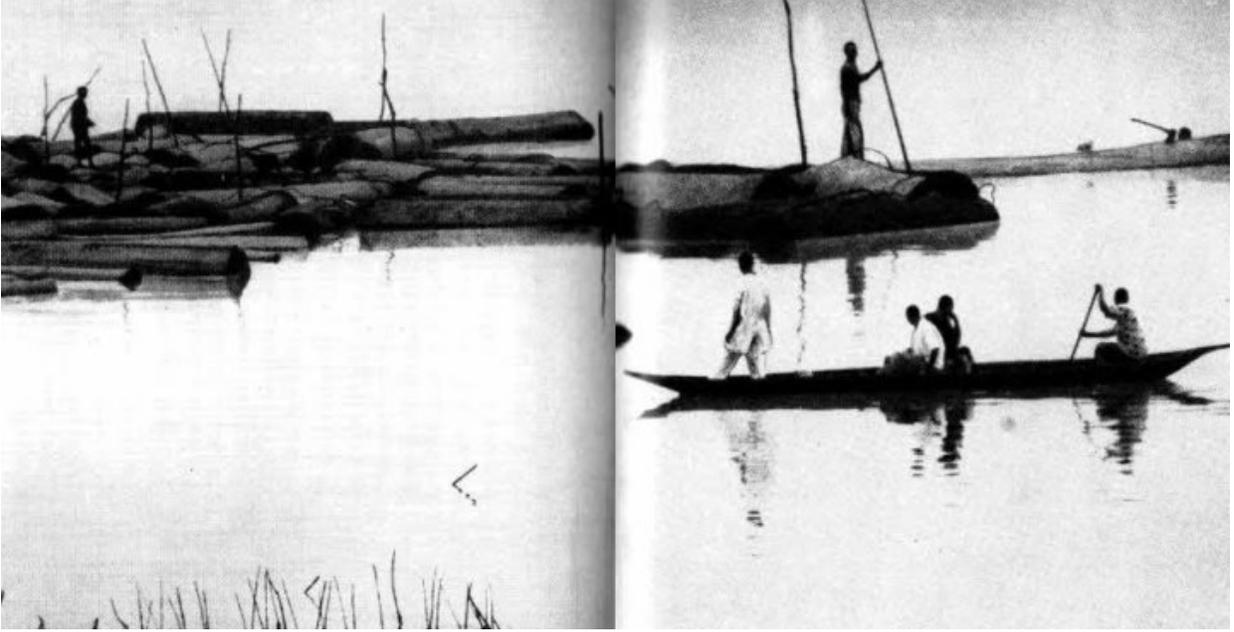
Встреча с питоном в тропическом лесу

От сырости даже могучие стволы гниют

Воины-негры переходят вброд Ньянгу

Слав леса по верхнему течению реки Конго

Воин-банзаби

Головной убор колдуньи

Разделка слоновой туши

Колдунья из селения Фоари и ее «священные парики»

Экваториальная Африка. Больные «Сонной болезнью»

Танец плодородия

Тамтамы зовут на церемонию посвящения в мужчины

Мнимое убийство мальчика колдуном

Колдун оживляет мальчика

Теперь они посвящены в мужчин и могут даже сами ловить рыбу на стремнинах реки Конго

Неистовый танец колдуна

INFO

Куиличи Ф.
К 89 Тысяча огней. Пер. с итал. Послесл. и прим.
Куббеля Л. Е. М., «Мысль», 1969.
343 с. с карт., 24 л. илл.

2-8-1/213-69
91 (И6)

Куиличи, Фолько
ТЫСЯЧА ОГНЕЙ

Редактор *С. Я. Проходцева*
Оформление художника *В. Г. Прохорова*
Художественный редактор *Г. М. Чеховский*
Технический редактор *Л. К. Уланова*
Корректор *Л. М. Чигина*

Сдано в набор 17 мая 1968 г. Подписано в печать 26 декабря 1968 г. Формат бумаги 84×108 1/32. № 2. Усл. печатных листов 18,06 + 2,52 вкл. Учетно-издательских листов 17,984+2,18 вкл. Тираж 125 000 экз.

Заказ № 1883. Цена 1 р. 31 к.

Издательство «Мысль», Москва, В-71, Ленинский проспект, 15»

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ленинград, Гатчинская ул., 26.

1 p. 31 n.

Mediamerica Museum

notes

Примечания

Аппиа Романа — старинная римская дорога. — *Прим. ред.*

Каид (фр). — вождь, военачальник. — *Прим. ред.*

Кахина (*ар.*) не собственное имя, а жрица, колдунья. — *Прим. ред.*

Абдаллах ибн Саад — арабский наместник Египта (40-е годы VII века). — *Прим. ред.*

Джара — глиняный сосуд с двумя ручками. — *Прим. ред.*

«Улед» (*ар.*) означает «дитя», «потомок», отсюда оно и в названиях племен. — *Прим. ред.*

Патио — внутренний дворик (*испан.*). — *Прим. ред.*

Таклид (*ар.*) — традиция вообще, а не только в применении к семейным обычаям. — *Прим. ред.*

Гибли — южный ветер в пустыне. — *Прим. род.*

Сахель — букв, «берег» (ар.). Так называются прилегающие к пустыне районы сухой степи. — *Прим. ред.*

Рулотт (франц.) — дома-вагончики. — *Прим. ред.*

Коммендаторе (Commendatore, *итал.*) — командор. — *Прим. ред.*

Здесь имеется в виду не столько цвет кожи, сколько традиционное разделение туарегских племен на благородных (белых) и неблагородных (черных), хотя последние действительно имеют заметную примесь негрской крови. — *Прим. ред.*

Аменокал — это не король, а родовой вождь. Именно этим и объясняется отсутствие «рабских форм подчинения»: они немыслимы в отношениях свободного кочевника — члена рода — с главой последнего. — *Прим. ред.*

Здесь речь идет о пережитках материнского рода, обеспечивающих женщине относительную свободу. У туарегов, так же как и у многих других народов Африки, эти пережитки довольно сильны. — *Прим. ред.*

Слово «негр» мы оставляем в тексте потому, что им пользуется автор, кроме того, употребление слова «негр» позволит читателю делать различие между населением Тропической Африки и Африки арабской. Вообще же слово «негр» все более вытесняется словом «африканец». — *Прим. ред.*

Первое объяснение гораздо правильнее: в жизни кочевого племени набег был довольно обычной формой хозяйственной деятельности. —
Прим. ред.

Двойственное отношение к касте кузнецов распространено по всей Тропической Африке, а не у одних только туарегов. С одной стороны, занятие ремеслом позорно для свободного члена племени и он никогда себя не поставит рядом с кузнецом, а с другой — «власть над огнем и металлом» кажется чем-то магическим. Возможно, здесь мы имеем дело с пережитками древних верований, ныне вытесненных исламом. — *Прим. ред.*

Среди негритянского населения Бразилии потомки выходцев с гвинейского побережья находятся в меньшинстве, так как португальцы ввозили рабов преимущественно из Конго и Анголы. — *Прим. ред.*

Нынешняя Нигерия значительно больше державы Йоруба в пору ее расцвета. — *Прим. ред.*

Расстояние от Бамако до Томбукту равно семистам километрам. —
Прим. ред.

Малийское правительство по сравнению с правительствами других африканских стран ведет более успешную борьбу с пережитками рабства в стране. — *Прим. ред.*

Бороро не племя, а несколько родовых групп, ведущих чисто кочевой образ жизни и заметно отставших от остальных фульбе в хозяйственном и культурном развитии. — *Прим. ред.*

Шарот, видимо, связан прежде всего с обычаем инициации, когда юноша, чтобы доказать свою зрелость, должен был пройти тяжелые испытания. Связь с работорговлей уже вторичная: здесь мы имеем дело с наложением явлений классового общества на обычаи общества родового. — *Прим. ред.*

Приходите ко мне во дворец! (фр.) — Прим. ред.

Тихо! (фр.) — Прим. ред.

Кирди — это общее обозначение нескольких этнических групп очень разного происхождения. Ф. Куиличи посетил народ капсики — одну из групп народа бата, говорящего на языке группы хауса. Что касается капсики, то утверждение автора об отношении их к ношению одежды слишком категорично: капсики ею пользуются шире, чем их соседи. — *Прим. ред.*

Ислам за последние десятилетия сделал в Африке известные успехи. И не потому, что он не «импортирован», а потому, что ислам во многих случаях использовался в антиколониальной борьбе. Христианство же всегда оставалось для массы африканского населения религией колонизатора. — *Прим. ред.*

Нахуда — капитан, шкипер (*перс. — ар.*). — *Прим. ред.*

Квиринал— президентский дворец в Риме. — *Прим. ред.*

Умбрия — область в средней Италии. Площадь — восемь тысяч четыреста девяносто семь квадратных километров. — *Прим. ред.*

Данакил — народ, говорящий на языке кушитской группы; живет на территории северо-восточной Эфиопии и бывшего Французского Сомали. — *Прим. ред.*

Marigot — небольшой проток, старица, заболоченное русло или лужа дождевой воды (*фраки*). — *Прим. ред.*

Фьяска (*итал.*) — большая плетеная бутыль. — *Прим. ред.*

Кьянти — сорт итальянского вина. — *Прим. ред.*

Колдун! Вот колдун! (франц.)

«Из Нигерии» (англ.). — Прим. ред.

Это не вполне точно: основной этнический массив эве находится в Дагомее, Того, Гане. В Нигерии же эве незначительное меньшинство. И совсем немного эве живет в Габоне и Конго. — *Прим. ред.*

«Религия Матсуа. Вход запрещен» (франц.). — *Прим. ред.*

Такое сопоставление независимо от воли автора дает не совсем верные представления о значении и размахе национально-освободительного движения в Кении в 1952–1956 годах. Несомненно, что в этом движении, принявшем форму вооруженного восстания, какую-то роль сыграли и приверженцы афрохристианских сект, распространенных среди народности кикуйю (акикуйю). Собственно, к ним и прилагала буржуазная пресса название «мау-мау» (впрочем, до настоящего времени нет достаточно убедительных подтверждений существования какой-то единой организации под таким названием). Однако в восстании участвовали гораздо более широкие слои африканского населения, и вооруженная борьба носила характер всенародного антиколониального и националистического движения. — *Прим. ред.*

«Молодая Африка» (франц.), — Прим. ред.

Пограничный спор между Кенией и Сомали был мирно урегулирован в 1967 году. — *Прим. ред.*

Автор верно отметил многие из причин отсталости современной Африки. Однако главная причина — зависимость африканских стран от мировой системы капиталистического хозяйства и корыстное использование этой зависимости империалистами Западной Европы и США. Надо иметь в виду, что колониализм ни в своей, так сказать, «классической» форме, ни в нынешнем неоколониалистском варианте никогда и не пытался «всерьез» ликвидировать отсталость континента. Все попытки «модернизации» сводились к определенному комплексу мер, направленных на максимальное приспособление той или иной страны к потребностям колониальной эксплуатации. Этим же целям, кстати, служил и университет, созданный в бывшем Бельгийском Конго. — *Прим. ред.*

Леопольдвиль с 1966 года называется Киншаса. — *Прим. ред.*

Правильнее говорить не о западной, а о буржуазной цивилизации. К тому же «приобщение» к ней африканского населения в колониальный период носило очень однобокий и специфический характер. Администрация вынуждена была создавать небольшую прослойку образованных «туземцев»: без этого не смогла бы эффективно функционировать вся система колониальной эксплуатации. Но эта прослойка была, во первых, крайне немногочисленна. Во вторых, ее составляли преимущественно чиновники низших разрядов, а не жизненно необходимые специалисты, такие, как врачи, инженеры или педагоги. А в-третьих, при ее создании особое внимание уделяли тому, чтобы по возможности изолировать ее от широких масс африканского населения, образовать как бы «европейцев с черной кожей», которые бы верой и правдой служили колониальной метрополии. — *Прим. ред.*

«Африканская действительность» (франц.). — Прим. ред.

Нужно говорить о «губительном влиянии» не культур вообще, а буржуазной культуры, точнее, буржуазных элементов любой национальной культуры капиталистических стран. — *Прим. ред.*

Власть короля передавалась по материнской линии, причем правителя выбирала из числа наследников высшая знать государства. — *Прим. ред.*

Здесь и дальше Ф. Куиличи, мы бы сказали, идеализирует как уровень развития средневекового Конго, так и особенно характер португальско-конголезских отношений. Так, например, не может быть и речи о типографии в Мбанзе в 1452 году — португальцы (Диогу Кан) только в 1484 году появились в устье Конго. — *Прим. ред.*

Португальцы с самого начала выступали как колонизаторы, хотя реальное соотношение сил не сразу дало им возможность вмешательства в дела Конго. Не надо забывать, что Конго и Ангола были одним из главных районов португальской работорговли. — *Прим. ред.*

Многие специалисты и сейчас еще продолжают считать Шарля Ле Фуко французским разведчиком (см. стр. 84–85). Если же говорить об искренних друзьях африканских народов, то в этом случае нельзя никак обойти имя такого честного путешественника и верного друга Африки, как Давид Ливингстон. — *Прим. ред.*

Альвизе Ка'да Мосто плавал к западному побережью Африки не в 1400 году, а между 1455 и 1457 годами. — *Прим. ред.*

Здесь мы сталкиваемся с тем, что в какой-то мере идеализируется не только ди Бразза, но и Франция. Настоящий Саворньян ди Бразза не был ни таким идеалистом, ни таким бескорыстным другом африканцев. Чего стоит хотя бы описанное только что установление «протектората» над Маккоко. Вместе с тем нельзя не согласиться с автором, что ди Бразза не похож на большинство «героев» колониального раздела Африки, сознательно бывших на службе у колониальных держав. — *Прим. ред.*

Черт побери (*итал.*). — *Прим. ред.*

Ни в коем случае *(франц.)*. — *Прим. ред.*

«Этнографический обзор Африки» (англ.). — Прим. ред.

Пигмеи не особая народность, а особая антропологическая раса. Кроме того, под общим названием «пигмеи» объединяют несколько разных народов. — *Прим. ред.*

Кабан, кабан (*франц.*). — *Прим. ред.*

Рассуждения автора относительно нового обретения «утраченной самобытности и духовной чистоты» нам не совсем ясны. Невозможно создать новую культуру путем одного лишь обращения к прошлому, каким бы славным оно ни было. Несомненно, новая культура в странах Африки будет складываться с использованием традиций, но эти традиции, как и у других народов, будут творчески переработаны и войдут составным элементом в нечто более широкое и качественно иное, чем традиционные африканские культуры. — *Прим. ред.*